Майя Филатова

Сбитый ритм

Арканы Мерран

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Безнадежных ситуаций не бывает. Но иногда вслед за спасением приходят более крупные неприятности… Кетания — потомок людей, «выведенных» для работы с неоднородностями пространства. Найдя портал, попадает в Мерран, такой же осколок государства-между-мирами, как и её собственный мир. Но здесь нет рас, кроме людей. Нет магии, кроме древних биотехнологий. Давно нет войн, потому что есть Инквизиция. Здесь такие, как Кети — либо элита, либо расходный материал. Здесь всё решают деньги. И кровь.16 +

- Майя Филатова
  - Вместо пролога
  - Книга 1
  - Аркан 0. Шут
  - Аркан 0/XXII. ШУТ
  - Аркан 0/XXII. ШУТ
  - Интерлюдиия I
  - Аркан I. МАГ
  - Аркан I. МАГ
  - Аркан I. МАГ
  - Аркан I. МАГ
  - Интерлюдиия II
  - Аркан II. Жрица
  - Аркан II. Жрица
  - Аркан II. Жрица
  - Интерлюдиия III
  - Аркан III. Хозяйка
  - Аркан III. Хозяйка
  - Аркан III. Хозяйка
  - Аркан III. Хозяйка
  - Интерлюдия IV
  - Аркан IV. Хозяин
  - Аркан IV. Хозяин
  - Аркан IV. Хозяин
  - Аркан IV. Хозяин
  - Аркан IV. Хозяин
  - Интерлюдия V
  - Аркан V. Иерофант
  - Аркан V. Иерофант
  - Аркан V. Иерофант
  - Аркан V. Иерофант

- Интерлюдия VI
- Аркан VI. Влюбленные
- Аркан VI. Влюбленные
- Аркан VI. Влюбленные
- Аркан VI. Влюбленные
- Интерлюдия VII
- Аркан VII. Колесница
- Аркан VII. Колесница
- Аркан VII. Колесница
- Аркан VII. Колесница
- Аркан VII. Колесница
- Аркан VII. Колесница
- Вместо эпилога

Майя Филатова
Арканы Мерран
Сбитый ритм

И ты, житель града, отдай охотнику то, что его.

«Физиолог»

Вместо пролога

Над гладью ледяных пустынь планеты Мерран носимся мы, бесплотные духи-защитники.

Наш океан давным-давно застыл под белой корой. Человеческая Империя поглощена потоком времени и циклов Вселенной. Но звезда Апри всё ещё светит, отдавая тепло во тьму космоса, где уже некого согревать. Планеты Мерран и Атум по-прежнему кружатся в танце затмений, отмеряя года, которые некому считать. Ушли в небытие люди, что сотворили нас. Лишь память о них не дает упокоиться и выпасть кружевными кристаллами на немногие свободные островки. Мы бредим снами о человеческих жизнях, трепетных и странных.

Песни разносятся далеко над белыми просторами. Тщетно ищем мы старые храмы под толщей ледников… Но тише! Что это за звук?

Неужели планета снова ворочается во сне и вспарывает холодный панцирь? Не развалины ли это огромной башни, что тысячи лет назад поглотил океан и лед? Мы бесплотны, мы можем нырнуть туда, в темные глубины, увидеть давно забытое и прожитое. Что же поведает нам она, Праматерь духов, вечная беглянка от собственной сущности и судьбы?…

Книга 1
Сбитый ритм

Когда алые звезды Колесницы зашли за силуэт гелиевого рудника, на подоконник залез почтовый варан. Глубоко вздохнув, он замер. Остатки пальцев вцепились в трещины и каверны, сердечные поршни работали так громко, что работу механизма смог бы услышать даже простой человек.

Песок завернулся кулёчком, зашелестел. Не глядя, я перевернула часы, изо всех сил стукнув каменным основанием по столу. Третий час, боги. Третий час! Что могло так задержать письмо?! Теперь опять: пришло, да не прочесть — и руки сожжешь, и послание.

Варан смотрел на меня, а я на него. Дрожал раскалённый воздух. Сквозь марево мир виделся чуть искаженно, словно через потёкшее от времени стекло.

Время… и правда, сколько же прошло зим? Пять? Шесть? Десять? Как давно дрожал воздух над усадьбами знати? Над деревнями и городами Сетера, по которым катался бунт? Кажется, что только вчера. Только вчера повстанцы дорвались до огненных установок и равняли с землёй всё, до чего могли дотянуться. Только вчера я выбрасывала в огонь тряпки, пропитанные тем, что могло стать выродком от полутора десятка отцов. Только вчера мне едва минуло двадцать, и я, сама того не ведая, навела убийц на наше с отцом очередное убежище…

Я тряхнула головой, отгоняя воспоминания. Усилием воли вернула себя в нынешний момент. Сетер давно под новой властью. Мне двадцать три зимы и два сезона. Сейчас я в княжестве Варсум, живу у дружественной семьи. Маскировка «под гувернантку» — чтобы не нашли, не арестовали, не раскрыли заговор…

Заговор. Боги. Я присмотрелась внимательнее к почтовому варану. Бока, обтянутые тёмной чешуйчатой кожей, вздымались и с присвистом опускались: один быстрее, другой медленнее. Между задними лапами подрагивал остаток хвоста. Сердце ухнуло, по спине прошел холодок. Неужели нашли? Но варан добрался, значит, письмо тоже. Хотя, что письмо? Главное, адресат.

Наконец, запахло маслом — перегретый механизм начал охлаждаться. На теле варана тут же появились тонкие светящиеся трещины. О нет, только не самоуничтожение! От этой мысли бросило в жар. Окружающее пространство мгновенно повело.

Шарик огня в ночнике затрещал. Спокойно, спокойно. Только взрыва ещё не хватало.

Отодвинув лампу подальше, я перегнулась через стол, за которым сидела. Шипя и ругаясь, одной рукой цапнула варана поперёк спины, другой взяла со стола нож. Подвывая сквозь сжатые зубы, извлекла из брюха почтальона закопченную капсулу с посланием. Вовремя: переплетение стеклянных волокон уже размягчилось, ещё немного — и письмо бы сгорело.

«По несравненным замкам ночи змеи уползли в храм великой истины. Ниспосланный облаками дар догорает в горшке. Пепел и снег. Аспид», гласили чёрные клинышки. Буквы абсолютно ровные, выведенные по трафарету, и только последнее слово — от руки. Наискосок, Сетерской вязью, зачеркнуто жирной чертой.

Распотрошенный варан взорвался и начал гореть, рассыпая искры — опасные, зеленые искры. Ну уж нет. Я подвернула пальцами пространство, превратила огонь в оранжевый. Потом вернулась к письму.

Так. Вроде, всё по плану. Осталась малость — привезти гостинец из Варсума. И время не ждет: до Аспида уже добрались. Хотя, может, просто несчастный случай — с этого обалдуя станется, даром что бастард покойного князя. Характер унаследовал по полной.

Я провела ладонью по пергаменту. Тонкий, мягкий. Не верблюжий, не воловий, не свиной. Даже на ящерицу или змею не похоже, из животного такой не сделать, только…

Из горла вырвался смех — нервный, на грани истерики. Долго же до меня доходило! Вон, в углу — пятно, похожее на скрещенные копья. Я обвела его указательным пальцем. Аспид терпеть не мог, когда я так делала…

Пламя, пожиравшее останки варана, затрещало. С трудом сглотнув комок, я вынула из нашейного медальона колечко черных волос. Брачный контракт, опечатанный Верховным жрецом Небесного храма, это не любовные клятвы простолюдинов на весеннем празднике. У Высоких все по протоколу. Всегда. Поэтому супруги обязаны проводить друг друга в последний путь. Любым способом. В любом виде: мумия, палец… пергамент.

Завернув волосы в письмо, я бросила всё в огонь. Вспышка. Комок рассыпался пеплом, оставив после себя запах погребального костра.

Отведя взгляд от пламени, несколько раз вздохнула, и поглядела в потолок. Интересно, у стариканов хватило ума не разглашать? Додумались ли достать из канавы похожего на Аспида крестьянина? Конечно, проблемы с такой «куклой» будут, но потом, когда отвоюем столицу… а пока нужен народный лидер

— речи толкать, перед строем гарцевать. Я на эту роль точно не гожусь: кровь хоть и очень высокая, но всё равно не княжеская, да и «с душком». Но главное — управляться с войсками в разы трудней, чем с оружием. Особенно, если ты, внезапно, женщина.

Останки почтового варана прогорели. Чтобы не дать огню зародиться вновь, я аккуратно смела их специальной метёлкой в ящичек для «животного» пепла; плотно закрыв крышку, убрала прочь. Затем погасила лампу и направилась к двери. Час неурочный, конечно, но у Старейшины Балия вечно бессонница, и…

Я остановилась, прислушиваясь. За дверью кто-то был.

Здесь, в одном из самых древних строений на планете, двери старые — тяжелые, деревянные, сильно глушили звук. Но тот, кто прибежал к моей комнате, пыхтел так громко, словно находился рядом. Хм. Вряд ли убийца. И всё равно надо быть начеку.

В дверь постучали: три длинных удара, пауза. Три коротких.

Заведя одну руку за спину, я взялась за кинжал, что всегда носила в складках одежды. Стук повторился. Подождав три удара сердца, резко открыла дверь.

— Госпожа Ваяаааа! — лишившись опоры, посыльный упал на пол.

Лампа с лязгом погасла. Мальчишка вскочил, и продолжил громким шепотом:

— Хозяин зовёт! Срочно! Проклятые в храме Истины! Вас ждут в алой гостиной!

Не смотря на богатство семьи, свет в коридорах здесь не горел. Никогда. Тусклой ручной лампы не хватало, и мой провожатый то и дело спотыкался, глотая ругательства. В другой ситуации я бы отдала светильник ему, но после полученного только что письма от широких жестов решила воздержаться. А теперь ещё и гонец посреди ночи.

«Проклятые в храме Истины». Придумают же пароль!

Преодолев пятнадцать лестниц, шесть залов, и пять колоннад, мы вошли в Алую гостиную. Название не имело никакого отношения к обивке низких кресел, циновкам, коврам на полу — всё обычное, черно-бежевое, хоть и из дорогих материалов. Огонь в светильниках и ароматницах тоже зажигали простой комнатный, то-есть, Желтый. А вот стекло ламп сделали красным, да ещё и рельефным, поэтому казалось, будто ты находишься внутри огромного бокала вина.

Однако сейчас гостиная напоминала улей: собрались все старшие мужчины и женщины рода Бассар. Именно эти люди руководили княжеством Варсум — тихо, исподволь, склоняя местный Совет к нужному им решению.

Прошлой зимой, когда я прибыла в этот дом под видом новой гувернантки, они долго не верили, что остатки знати разорённого Сетера всё-таки собрались отвоёвывать свою землю обратно. И не просто собрались, а уже начали активно действовать, да ещё и умудрились сохранить свою активность в тайне. С прошлой зимы многое изменилось. Например, то, что большая часть войск уже подтянулись на берега Песковорота — огромного подземного озера в самом центре солончаковой пустыни на юге Сетера.

— Ночь добрая, — поприветствовал меня Намбий.

Красный, потный, в халате на голое тело, он сейчас совершенно не походил на степенного богатея, каким обычно выглядел. Да и все остальные стояли сонные и нервные, даже старейшина Балий, глава рода. Старик сидел у стола. Глядя в пламя свечи, Балий перебирал узловатыми пальцами чётки из черепов ядовитой ящерки *пхи*, символа бога Молчания. По левую руку от старика стояла его старшая дочь, которая по возрасту годилась мне в бабки, по правую руку — младший внук, молодой мужчина примерно моих лет. Ещё несколько Бассаров стояли поодаль, и тихо беседовали о домашних делах — то ли о пелёнках очередного правнука, то ли о порке нерадивого раба.

В стороне ото всех, на небольшом диване сидела молодая девушка в пыльной одежде и дорожных сандалиях. Короткие волосы прилизаны волосок к волоску и залиты воском, как печать сургучом. Сущий шлем, а не прическа. Ни расчесать такое, ни растрепать. Хорошее решение для посланников, особенно, если едут очень долго и без отдыха. Только вот спину девушка держала слишком уж прямо для человека после длительного путешествия в седле…

По бокам от посыльной подпирали стенку крепкие ребята, тоже все в пыли. Складки их длинных, до колен, туник, падали свободно — никаких ремней, тог, перевязей. Зато по нескольким разрезам и характерным «оттопыркам» в районе подмышек, угадывалась более плотная амуниция. Охранники? Хм. Важное послание, значит.

— Ну, все в сборе, можем начинать, — сказал Намбий.

— Прошу вас, озвучьте ещё раз. Полностью, — обратился он к девушке.

Та встала. Стол, за которым сидел старейшина Балий, находился от неё в двух шагах, но девушка обошла его и встала со стороны основного пространства комнаты, так, чтобы все могли её видеть, но никто не мог обойти. Двигалась посланница несколько сковано, не отнимая левую руку от живота. В правой руке — зажаты такие же чётки, что и у старейшины Балия.

— О мудрейший из старейшин Варсума, — посланница

склонилась, — боги этого мира и следующего вещают…

Вдруг я почувствовала рябь пространства — тонкую, едва заметную, какой покрывается вода в умывальной чаше, если мимо дома марширует конница. Или… грохочет установка переносного огня.

Посланница сделала круговое движение пальцами, будто дергая невидимые нити. Охранники у стены закрылись пространственными щитами. Свет замигал, из светильника под потолком посыпались искры.

Я отскочила подальше. Рухнула ничком, закрыв голову руками.

Грохнуло.

Аркан 0. Шут
Глава 1. Между прошлым и будущим

Волна жара скатилась прочь. Я тихонечко приподнялась на одном локте. Второй рукой прочистила ухо — звон в голове стоял страшный. Комната «покачивалась». Сквозь оседающую пыль я разглядела, что мебель разметало, стены покрылись выщерблинами и брызгами: «Алая гостиная» стала по-настоящему алой. Посреди хаоса невредимыми остались только я и охранники посланницы.

Боги. Нанять смертницу! Вот что значит, крупная игра.

В голове по-прежнему звенело, но даже через заложенные уши, я слышала стоны выживших. И не только я: сбросив туники, под которыми скрывались короткие мечи, бугаи принялись добивать уцелевших.

Сердце колотилось, как бешеное. Стоп. Не паниковать. Ползком, ползком… Заметили: один из убийц пошёл ко мне.

Я вскочила. Натыкаясь на стены, кинулась бежать.

Обычно усадьбы не строят выше двух этажей, нагромождение глиняных закутков — это для простолюдинов. Но дом Бассеров строили ещё до Катастрофы, поэтому этажей в нём целых пять. И без счёта лестниц. И окон. И галерей.

Голова гудела, перед глазами прыгали мошки. Колотящаяся в висках усталость притупила страх. Ну, догонят, ну, убьют. Хотя я от погони сдохну раньше…

Я неслась по дому-лабиринту, стараясь не слушать, не слышать, не думать про то, что происходило в других частях здания. Я слишком хорошо знала: когда ставки высоки, род выкорчёвывают полностью, вплоть до самого маленького корешка.

Далеко-далеко, на пределе слышимости, закричал младенец. И тут же смолк. Резко и, скорее всего, навсегда.

Я сжала зубы. Глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Всё. Отставить. Нельзя мне сдохнуть. Теперь — точно нельзя. Слишком многое на меня завязано, слишком многих подведу, если сгину. И все сегодняшние смерти тоже будут напрасны.

Коридор разветвился, я завернула в короткий аппендикс. За окошком в торце тупичка светало. Стекло отсутствовало, поэтому холодный воздух приятно пробежал по волосам. Откинув выбившиеся пряди волос с глаз, я одёрнула тунику, насквозь мокрую от пота. Проверила кинжал на поясе, потом на ноге. На месте, оба. Хоть какая-то стабильность в этой жизни.

Движение справа — не слышимое ухом, мягкое. Я резко развернулась. Кошка Пиу, одна из священных красавиц дома, гордо спрыгнула с подоконника и прошествовала мимо. Да боги тебя во все дыры!

И кошаря твоего тоже. Пыхтя, в окно влез мальчишка, приставленный наблюдать за баснословно дорогим питомцем — всегда и везде, куда бы эта сволота усатая ни учапала. Я нервно усмехнулась. Повезло пацанёнку. Других-то слуг уже порезали, как и хозяев. А этого вон, священная кошка хранит.

— Дбрйутр, гспжа Взия, — деловито буркнул он, и закричал, — Богиня Пиу! Богиня Пиу! Ваше молочко! Богиня Пиу!

И дунул в кошачий свисток.

Пространство в основном коридоре шевельнулось. На выходе из тупичка, где я пряталась, появился один из наёмников, что наводнили сейчас усадьбу. На сей раз — мужеподобная баба со скорострелом в руках.

Болт оцарапал ухо, второй — руку. Но я уже неслась к двери на чёрную лестницу, что расположилась рядом с окном.

— Пиу! Как же Пиу? — взвизгнул мальчуган, которого я тоже утянула с собой.

З атем, лихорадочно вытащив огонь из ближайшей лампы, начала ставить растяжку.

— Дуй отсюда! — рявкнула я.

Мальчишка ринулся вниз. Его неслабо заносило, и он только чудом не упал в открытую шахту лифта, вокруг которой обвивалась лестница. Я тоже побежала, перепрыгивая через две-три ступеньки. Боги! Слава тому, кто приказал повесить на чёрной лестнице лампы!

За спиной грохнуло. Из стены справа брызнула песчаная крошка. Впереди кошарь оступился и скатился кубарем на площадку, под двери грузового лифта. Удачно: лифт прикрыл пацаненка от рикошета, а меня — от следующего болта. А вот железная дверь с площадки на этаж оказалась заперта. Наглухо.

Я развернулась к шахте. Лифт невозмутимо парил на изношенных колёсах Коричневого огня. Снова болт, снова осколки. Кошарь уже тянул за толстую ручку, пытаясь попасть в укрытие. Хорошее и подвижное. Только вот размер… Стараясь не думать про саркофаг и похороны заживо, я заскочила в лифт и начала микросвёртку пространства.

Кабина застонала и тронулась — медленно, слишком медленно. Разболтанные диски прокручивались, мешали управлять. Хоть скорость набрали, и то ладно. Теперь бы знать, куда ехать! Семейство древнее и богатое, большая часть усадьбы под землёй. Как потом выбираться?

— На скальном! Третий! — заголосил кошарь, — там бабка! Там никто не найдёт! Только быстрее! Быстрее!

— Хватит орать! — цыкнула я, но курс поменяла.

В конце концов, я тут всего-ничего, а этот пострел из потомственных слуг семейства. Закоулки уж точно знает.

Закоулки, и правда, оказались ещё те. Когда кабина остановилась в нужном месте, в нос ударил запах квашеного молока, солёного мяса, подкисшего хлеба. Светильник один, но всё равно видно, что пол и стены — из грубо тесаного камня. Скального камня! Ничего себе! Я слышала, конечно, что дом стоит на *корнях*, но одно дело слова, и другое — гулкое эхо в каменном коридоре. Даже в моей родовой усадьбе такого не было…

Мальчишка уже опрометью кинулся прочь. Прежде, чем бежать за ним, я снова раскрутила огненные кольца под полом и на потолке лифта, и услала пустую кабину обратно в пыльную шахту.

Единственный и неприятно узкий, проход привёл к череде дверей. Первая слева оказалась приоткрыта. Из широкой щели сочился свет, доносились голоса: взволнованный детский и надтреснутый старческий. Я вошла и осмотрелась.

Комната небольшая, вытесана в той же скальной породе, что и коридор. Напротив входа — несколько шкафов с толстыми растрёпанными книгами и грубо сколоченный стол. На отполированной локтями поверхности тихо тлела горелка, Пламя жевало почерневшую солому и всё никак не решалось перейти из оранжевого в голубое. Ох уж эти привычки простолюдинов — кормить цветной Огонь чем ни попадя! Руки бы поотрывала!

Хозяйка горелки сидела ровно по центру помещения, в скрипучем кресле-качалке. Её окружали клубки цветной шерсти, похожие на зимних птиц северных княжеств. С острых колен свешивался пестрый коврик наподобие того, что висел за спиной старухи. Или вон того спра…

Мысль споткнулась. Нет, это не коврик. И даже не панно. Это… это…

На дальней стене, раскинувшись от угла до угла и от потолка до пола, висело прямоугольное облако тумана, похожее на запотевшее зеркало. Только с отражениями у… у… у предмета, явно не ладилось. Бело-серый туман медленно клубился внутри самого себя, в его глубинах танцевали тени.

Великая Катастрофа стёрла многое. Память о мгновенных перемещениях в пространстве и Тимирии, государстве нескольких миров, давно обросла легендами, некоторые считались ересью чуть ли не для всех богов. Одну такую, про Зеркала-без-

отражений, очень любили в моей семье. Мол, остались ещё двери, которые прорубали Древние с помощью немыслимых для нас технологий — масштабного перекраивания пространства, например. Кое-кто из моих родственников даже регулярно рыпался на поиски «переходов»… пока особо фанатичные жрецы шальную голову не оттяпали.

— Ты видишь его? — протрещал голос.

— С-странное у вас тут… з-зеркальце, — только и выговорила я, с трудом отрывая взгляд от мутных глубин, — помыть не пробовали?

Старуха громко, с переливами, захохотала.

— Зеркало! Помыть! Это Зеркало-то! — повторяла она, трясясь всем телом, — о мудрый Тоду! Сколько слышала-видала, но чтоб помыть!

Сжав зубы, я несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула. Нервный сегодня день, совсем нервный.

— Тут выход есть, кроме лифта? — обратилась я к кошарю, стараясь не смотреть в сторону странного стекла.

— Д-да… в конце коридора, — мальчишка шмыгнул носом и придвинулся ближе к бабке, — в самом-самом конце… слева… за пятой морозилкой…

— Тю! Морозилка, придумал тоже! — фыркнула старуха, — на тебе, и хватит глупости болтать! И не перебивай, когда взрослые разговаривают!

Сказав так, она вынула откуда-то засаленный мешочек и протянула его мальчишке. Тот моментально набил рот сушеными плодами, чавкая и облизывая пальцы. Пффф!

— Так что, где выход-то? — переспросила я.

— Вон он, твой выход, — старуха кивнула в сторону мутной стенки, — Чего глазки свои черные таращищь-то? Ты лучше в Зеркало смотри, дорогу выглядывай. Раз уж уродилась такая… кучерявая, хахахаха!

И она опять залилась грудным икающим смехом. Мальчишка разгрыз очередную косточку. Боги, что за день-то такой, а! Ближний светильник заискрил, горелка на столе фыркнула. Я завела выбившуюся прядь за ухо и сжала зубы, сдерживая пространство. Ладно. Что взять с убогих? Сама выберусь.

Но, стоило начать разворот, как на шее старухи и плече мальчишки расцвели алые перья. Я нырнула в сторону. Дротик просвистел мимо уха. Другой попал в икру. Нога мгновенно подкосилась. Каменный пол ударил в бок.

Держа скорострел на взводе, охотница за головами вошла в комнату. Я попятилась, опираясь на локти. Нашарила оружие. Только чего стоит кинжал против перьевой кольчуги? Ничего. Но

если подумать…

Фыркнув, охотница легко отбила брошенный в неё клинок. Кинжал со звоном откатился к стене, под светильник. Крохотные шарики Огня, спрятанные в кожаной обмотке рукояти, поползли вверх по выщерблинам в камне.

— Ерепенишься, дрянь?

Кованая подошва пнула по раненой ноге. Я взвыла. Усмехнувшись, охотница перехватила скорострел. Присев на корточки, она забрала у меня второй кинжал — узорную побрякушку с прекрасной инкрустацией и отвратительным балансом.

— Пффф! Это что за лопатка? В жопе ковырять?

— Лучше в *** попробуй, не прогадаешь.

Скривившись, охотница сплюнула и встала. Почти прямая линия со светильником, отлично. Миг — и Пламя начало подниматься к потолку. Медленно, очень медленно. Так же медленно, как летящее в меня треугольное остриё.

Воздух заклубился разноцветными искрами. Мир поплыл.

* * *

Обучая обращаться с цветным Пламенем, родители и учителя твердили о хрупкости и нестабильности пространства нашего мира. За счёт этой самой нестабильности и существуют цепи разноцветного Огня, что приносит когда свет, когда тепло, а когда и смерть. Именно управление мелкими вихрями позволяет зажигать следующее Пламя из пепла от предыдущего. Считается, что ещё для этого нужен непосредственный контакт катализатора с углями, и это так. Для простых людей. Но не для тех, кто поколениями хранит кое-какой секрет.

Когда я приподнялась, вся мебель в комнате превратилась в горки зеленоватых шариков. На полу чернели три бесформенные кучи. Стены стали полосатыми от брызг Оранжевого пламени. Куски взорвавшейся горелки крутились в воздухе, скользя по остаткам завихрений. Ещё немного — и упадут на зелень. О боги! Раскалённый металл и зелёные угли! От такого даже в подвихрь не спрятаться! Хотя дверь из комнаты пока свободна. Пока. Добраться, может, и успею, а вот выйти…

Вдруг, ближняя куча зашевелилась. Словно в дурном сне, из обгорелых кусков чужого мяса полез кто-то целый и невредимый.

— Ах ты, маленькая дрянь… — шипела фигура, — личину мне попортила… Пуф! Вот тварь, а…

Внутри всё сжалось. Да это же феникс! Феникс!

Это конец…

Тут на полу что-то сверкнуло. Присмотрелась: кинжал. Тот, узорный. Весело посверкивает богатым перекрестьем и вензелями на клинке. С трудом перевалившись вперёд, я схватила витую рукоять.

— Тварь! Он тебе не поможет! — завизжала охотница, — Мой! Я выиграла! Отдай сюда, сучье ты племя!

Ого! Это что же, сплетни про то, что профессиональные живодеры фениксы жадны до блескучек — правда? Вот уж не думала…

Вихрь под кусками горелки замедлился ещё больше. Щелк! Ярко-алый осколок стукнулся о камень рядом с кучкой пепла. Там, где они почти — только почти — соприкоснулись, появился язычок Зелёного пламени. Небольшой и слабый, он с энтузиазмом накинулся на пепел, и начал расти на глазах.

— Кетания Селия Кадмор! А ну иди сюда, тварь!

Охотница поднялась на ноги, но я уже выщепила второй — черный — кинжал из-под стены. Подскочила к Зеркалу: угроза смерти — действенное лекарство от недоверчивости. Думали ли Древние, что в их великие Двери будут лихорадочно вползать на карачках?…

…Сумерки. Ряды тонких колонн уходят вверх, теряясь в мутной мгле. В нос бьёт прелостью, ладони колет холодом и влагой. Боги! Да это же не колонны, а лес! Не случайный оазис, не искусственный парк, а именно лес, из тех, что я видела только на страницах старых книг! Откуда? Как?…

Разглядеть чудо не удалось. Мощный пинок взрыва — и я буквально полетела вперёд. Лес исчез. Мелькнул свет, что-то твёрдое больно ударило по коленям. Над головой просвистело перо-болт, какие метают фениксы. Неужели Зеркало пропускает оружие?! Хотя, это же феникс…

Перекатиться, приподняться за горкой мусора. С этой стороны Зеркало похоже на выцветший гобелен, на котором словно пытались выткать сразу два рисунка: высокие деревья и выжженные солнцем степи. Внутри обоих — человекоподобная фигура. Изображение мерцало вместе с рисунками. Лицо моей давешней противницы исказила ярость. Одна рука — в бессильном порыве тянется вперёд, вторая — рвёт перья на груди.

Подождав ещё немного, я села. Охотница-феникс всё также висела внутри «гобелена», словно пойманное смолой насекомое. Ого. И здесь легенды оказались правдивы: те, в ком не течет кровь Проклятых, не могут проходить в другие миры.

После Катастрофы, мир раздробился. Остатки ресурсов, осколки знаний и технологий, разошлись по рукам, раскатились

по закоулкам новых княжеств. Однако во всем превеликом множестве государств, осталась легенда о Проклятых. Считалось, что Древние искусственно породили этот народ, и наделили свои создания способностью тонко и точно работать с пространством. Но Проклятые поссорились со своими создателями, и создали Чёрное пламя, которое и погубило прежний мир, превратив планету Нор в выжженную пустыню.

Из-за этой легенды войны развязывались на ура — хороший ведь предлог, чтобы вторгнуться в государство, где «угнездилась зараза», и очистить мир от очага великой угрозы. Да что война! Как обвинение, чтобы сжить со свету разжиревшего соседа, тоже вполне покатит. Только вот незадача: простейшей сверткой пространства у нас не владеет только ленивый, цветное Пламя используют даже в трущобах, ну а всякие там изыски крови на роже не написаны. А слухи — ну что слухи? Чем знатнее и богаче род, тем больше про него слухов. Только при государственных переворотах про них и вспоминают…

Ну что же. Хоть разок моё «проблемное» происхождение обернулось благом.

Я огляделась. Пыль, плесень. По ясно: строение мертво давно и безнадёжно. Мышино-серый, неживой свет. С потолка, точно змеиная кожа при линьке, свешивались шуршащие куски штукатурки. В облупленной стене напротив — три грязных окна, в прилегающих углах — дверные проёмы. Никакой мебели, если не считать *Зеркало*. Я хотела встать, но раненая нога предательски заныла. Пришлось устроиться удобнее и, отодрав подол туники, наложить тугую повязку. Ну вот, теперь можно кое-как подняться, цепляясь за стену.

С этого ракурса за окнами показалось что-то, похожее на город. Так. Надо бы дохромать и посмотреть…

Вдруг из глубин здания раздался крик. То высокий, то низкий, он походил одновременно на львиный рёв, стрекотание ядовитого насекомого, предсмертный вой человека, и что-то ещё страшное. По спине пробежали мурашки. Боги! Только хищника не хватает! Особенно, когда одна нога плохо двигается и пахнет свежей кровью! А оружия вообще, считай, нет!

Я перевесила кинжалы поудобнее. Рык повторился, уже ближе. В нем появились новые ноты — злобные, алчные. Я заозиралась. Бежать по незнакомому и пустому зданию? Сигануть обратно в Зеркало в объятия убийц? Встретить хищника лицом к лицу и красиво погибнуть?

Тут я заметила небольшую дверь в углу, рядом с Зеркалом. Дверь не имела ни косяков, ни ручки, оттого я и не заметила её сразу. Пощупала стену, нашла вытянутую скважину замка.

Поворошила мусор на полу. Нет ключа. Послышались шаги — крадущиеся, но твёрдые шаги зверя, который идёт нападать, и уверен в победе. Из проёма около окна поползла тень не то насекомого, не то человека.

Да ***!

Я со всей силы стукнула дверь. Она не подалась ни на ноготь. Как её открыть? Как?!

Не придумав ничегно лучше, я достала черный кинжал, и начала ковыряться им в замке. Дело продвигалось медленно — гораздо медленнее, чем неизвестный зверь. Каждый раз, как клинок беспомощно клацал по механизму, раздавался рык. Все ближе. Ближе. Бли…

Рука дрогнула. Повернувшись боком, кинжал идеально вошел во всю высоту скважины. Затем провалился по самую рукоять и… застрял. Вой повторился, уже рядом. Я достала второй кинжал, и обернулась.

О боги, вот это тварь!

Раскачиваясь на вывернутых лапах, на меня двигалось существо с телом полуящера, полульва, и головой уродливого человека. Нет, не головой — лицом, прилепленным на голый череп. Бледно-желтые кости все в наростах и вонючей зелёной жиже. От гнилостного, сладкого запаха защипало глаза. Желудок противно сжался.

Монстр прыгнул.

Раненая нога слушалась плохо. Точнее, совсем не слушалась. Вместо нормального поворота с выпадом, я упала. Интинктивно сваяла пространственный щит. Цепанув по нему когтями, чудище пролетело на Зеркало. Оттолкнулось от него, как от твёрдой стенки, вернулось на пол. Принюхалось, колотя по бокам чешуйчатым хвостом с меховой кисточкой. Фыркнуло, пошло на меня — медленно, даже вальяжно. Утробное рычание, вкрадчивые движения, отвратительный скрежет когтей по каменному полу. Ну конечно, дрянь! Чует, что добыча ранена и не может защищаться!

Я вжалась спиной в стену, попыталась подняться. Зацепться бы… Подняла руку, нащупала кинжал, торчащий из замка. Дернула. Никакой реакции. Подобрала ноги. Шипя от боли, начала вставать.

Вдруг из дверного проёма у окна выпрыгнуло второе чудище. Первый монстр резко развернулся, зарычал. Второй тоже. Сглотнув, я вжалась в стену. Вернее, в дверь. Навалилась на неё всем весом, пытаясь провернуть замок.

Обменявшись рычанием, монстры разошлись: второй зверь ретировался, первый повернулся ко мне. Я лихорадочно задергала

кинжал. Ну давай, давай же, ну!

Что-то тихо щёлкнуло. Дверь подалась вперёд. Я тут же захлопнула её с другой стороны и, скользя спиной по косяку, съехала на пол.

Когда потухли круги перед глазами и стих звон в ушах, я разглядела комнату, как две капли воды похожую на первую. Только свет из окон сочился так, будто бы помещение находилось на другой стороне дома, а не по соседству. Но кто их разберёт, этих Древних, что они понастроили!

Прислушалась. Ни из проёмов у окна, ни из-за двери за спиной, не доносилось никаких звуков. Да хоть бы и доносились, главное — чтобы монстр сюда не причапал. Драться одним кинжалом, да на раненой ноге? Без шансов. Ну, разве что в рай для воинов попасть потом.

Нога нещадно ныла. Я перетянула повязку. Собравшись с силами, встала. Взглянула на дверь. Она слилась со стеной, замочная скважина затянулась. Эй, а кинжал?! Но клинка и след простыл. Приехали. Последняя память об отце… Эх.

Вздохнув, повернулась к Зеркалу. В конце концов, разные двери — разные места, а выбираться-то обратно надо. Может, не в подвал в Варсуме, а… Куда?

В отличие от первого Перехода, здесь нити «гобелена» переплелись в очертания синих барханов. Выглядели, как вода. Выше, над покатыми гребнями парили облака, которые постоянно меняли форму: то крепость, то ящерица с крыльями, то вообще не пойми что. Вглядевшись, я увидела, что по раме *Зеркала* вьются знаки Высокого языка. Более острые, менее разборчивые, они казались пародией на привычную вязь из старых книг и священных текстов. Часто повторялось слово «Мерран», а единственная осмысленная вещь, которую я смогла разобрать, это что-то вроде «Слияние живого с неживым».

Живое и неживое. В ушах снова зазвенели крики — сегодняшние и не только. В носу засвербело. Почему всё так, боги?! Сколько сил и времени потрачено, сколько жизней сгинуло… и за что? За то, чтобы я, вместо восстановления княжества, попала хрен знает куда, гобелены разглядывать?! С другой стороны, если я сейчас каким-то образом вернусь в подвал, надо будет как-то выбираться. Пока это слишком опасно: поместье-то, может, и «зачистили», но они пытались инсценировать нападение диких племен. Значит, сразу не уйдут, а мародёрить будут ещё пару дней. Потом их будут выбивать. Потом выбьют. Потом прискачут власти, разбираться. Но всё это ничего, в суете, может, и легче улизнуть… будучи здоровым. А я ковыляю едва-едва. Так что отсидеться надо, хотя бы чуточку.

Изображение на гобелене задвигалось, облака над водяными барханами разошлись. Пахнуло солёным ветром — таким влажным, что казалось, его можно пить. Я глубоко-глубоко вдохнула. Как сладко… И сам запах такой родной, будто в детстве, когда матери в коленки утыкаешься…

Да. Пожалуй, попробую отсидеться. Но недолго. Нога подзаживёт — и сразу домой.

Выдохнув, как перед стаканом крепкой настойки, я шагнула в неизведанные глубины Мерран.

* * *

Новый мир встретил темнотой и слабым потоком холодного воздуха. Пахло запустением и тленом. Я вынула палочку огненного кактуса и встряхнула её. Голубоватое сияние осветило лестницу на несколько ступеней вниз, к мозаичному полу, покрытому пылью и катышками помёта. Слева и справа угадывались два ряда колонн. Всё.

Я оглянулась. С этой стороны *Зеркало* выглядело как бурое облако с расплывчатыми контурами стёртого рисунка. А жаль, интересно бы посмотреть…

Опираясь о стену, одолела несколько ступеней. Подняла осветительную палочку выше. Увидела фрески. Многие из них разъела плесень, однако даже сейчас угадывалось обилие гербов, протянутых рук, и ларцов с дарами и свитками. Похоже, в этом зале когда-то вели официальные переговоры.

Вдруг кусок фрески открыл два бледно-розовых глаза и начал отделяться от стены. А потом ещё один. И ещё…

Что за ***!

К счастью, цветные лепёшки двигались крайне медленно. Всё же желание приобщаться к искусству незнакомого мира куда-то улетучилось. Вместе с ним погасла и огненная палочка. Неприятно, но весьма кстати: в наступившей темноте частично проявилась арка, а за ней — темно-синее небо с тусклыми всполохами.

Чего мне стоило перелезть через невысокий, но рыхлый завал, известно только богам и их детородным органам. Хорошо хоть, сам лаз специально расширять не пришлось. Впрочем, я и не в таких щелях ползала, благо рост позволяет. Но когда, наконец, вылезла на каменный карниз, тут же об этом пожалела. Порыв ветра обдал леденящим холодом, воздух застыл в носу. Да уж. Туника и сандалии — одежда явно не для этого мира.

Стараясь не слишком сильно стучать зубами, я несколько раз

вдохнула и выдохнула — сначала медленно и глубоко, потом быстро, подтягивая живот, стараясь разогнать кровь. Так-то лучше. Теперь хоть сколько-то продержусь среди бесконечных белых барханов. Ну, и? Что-то же тут должно быть кроме пещеры с Переходом и живыми фресками? Где мне раны-то зализывать?

Действительно, от левого края площадки отходила широкая, но крутая лестница. Вглядевшись в ночь, я увидела, что она ведёт к островерхим зданиям. Тёмный контур крепости едва выделялся на фоне горы, словно кто-то вырезал стену и башни из цветной бумаги, а потом приложил кусок на лист такого же оттенка. Ни одного огонька, даже слабого. Заброшена, что-ли? Судя по состоянию «парадного зала» с Переходом, так и есть. Что ж, тем лучше. Я ведь тут, чтобы зарыться в песок, а не нарваться на новые проблемы.

Попасть к крепости можно либо по вот этой лестнице от Перехода, либо по узкому карнизу дороги, что вилась по горе с другой стороны от укреплений. На холоде раненая нога слушалась чуть лучше, но спускаться все равно мешала. Едва видимые под снегом, ступени оказались ещё и скользкими. Потеряв равновесие, я проехалась на спине, и зарылась в обжигающе-холодную белую кашу. Да уж! У нас только горсти снежной крупы на окаменевшей от холода земле. А здесь, а здесь!.. Но все мысли о снеге вылетели из головы, когда я посмотрела на небо.

Высоко, в черно-синей ледяной пустоте, извивались на невидимом ветру разноцветные ленты. Безмолвно, беспорядочно, беспрерывно. То сжимались, как взведенная катапульта, то трепетали, как спущенная тетива. За лентами серебрилась полоса звёзд. Самые яркие висели низко, над остро вычерченными контурами гор. Ни звука, на движения, будто мир боялся потревожить покой спящего солнца. Немудрено: ослепительные лучи растрёпанными прядями выбивались из-под темно-серой шапки затмения. Угрожающе расчерчивая колючий воздух лезвиями света, они говорили: я грозный бог, я близкий бог, и горе тем, кто ослушается моей воли.

Я решила дождаться, когда луна сдвинется с солнца, но затмение продолжилось, как ни в чем не бывало. Потом холод пересилил удивление. Ругаясь и кряхтя, я встала, оставив в снежном ложе морщинистый след. Неужели это страна вечной ночи? Ладно, подумаю потом.

Дальнейший спуск больше походил на кошмар. Я скользила, падала, поднималась, падала, растирала ногу, вставала, и так по кругу. Слава богам, последние ступени оказались расчищены, площадка между ними и воротами — тоже. Боковая калитка

ворот распахнута. Значит, крепость не заброшена. Однако на стенах никого. То ли не от кого охранять, то ли некому…

Я прошла за стены. Заснеженный двор и опять никого. И всё же тропка от ворот вела к двухэтажному корпусу, вернее, его правому краю — туда, где сливалась со скалой большая круглая башня. Та её часть, что выходила во двор, имела две треугольных пристройки, а также круглую крышу-купол. Рядом с башней виднелись высеченные в скале двери. Одна из самых больших стояла настежь, к ней подходила утоптанная дорожка с широкими следами, будто что-то тяжелое тащили волоком. Кое-где на снегу проглядывали бурые пятна. Однако запаха на таком холоде я не почувствовала. Смотреть внимательней не стала: раненая нога подгибалась, тело бесконтрольно тряслось, мозг превращался в ледышку. Не то, что идти — думать становилось сложно. Зачем я сюда сунулась? Лучше бы в пещерке посидела. Вдруг эти твари на стенах съедобные?

Из последних сил я добралась до башни. Вскарабкаться по ступенькам, потянуть за огромное кольцо. Узорная створка на удивление легко открылась. Вторые, уже прозрачные, двери, вели в полутемный зал. В его центре возвышался постамент с чем-то круглым, накрытым черной тканью, и лежали продолговатые свертки в человеческий рост. По периметру зала во все стороны отходили треугольные ниши. В них горели свечи с самыми обычными, рыже-желтыми огоньками. Пахло сеном, воском, и… трупами.

Аркан 0/XXII. ШУТ
Глава 2. Первые шаги

Новый мир встретил темнотой и слабым потоком холодного воздуха. Пахло запустением и тленом. Я вынула палочку огненного кактуса и встряхнула её. Голубоватое сияние осветило лестницу на несколько ступеней вниз, к мозаичному полу, покрытому пылью и катышками помёта. Слева и справа угадывались два ряда колонн. Всё.

Я оглянулась. С этой стороны *Зеркало* выглядело как бурое облако с расплывчатыми контурами стёртого рисунка. А жаль, интересно бы посмотреть…

Опираясь о стену, одолела несколько ступеней. Подняла осветительную палочку выше. Увидела фрески. Многие из них разъела плесень, однако даже сейчас угадывалось обилие гербов, протянутых рук, и ларцов с дарами и свитками. Похоже, в этом зале когда-то вели официальные переговоры.

Вдруг кусок фрески открыл два бледно-розовых глаза и начал отделяться от стены. А потом ещё один. И ещё…

Что за ***!

К счастью, цветные лепёшки двигались крайне медленно. Всё же желание приобщаться к искусству незнакомого мира куда-то улетучилось. Вместе с ним погасла и огненная палочка. Неприятно, но весьма кстати: в наступившей темноте частично проявилась арка, а за ней — темно-синее небо с тусклыми всполохами.

Чего мне стоило перелезть через невысокий, но рыхлый завал, известно только богам и их детородным органам. Хорошо хоть, сам лаз специально расширять не пришлось. Впрочем, я и не в таких щелях ползала, благо рост позволяет. Но когда, наконец, вылезла на каменный карниз, тут же об этом пожалела. Порыв ветра обдал леденящим холодом, воздух застыл в носу. Да уж. Туника и сандалии — одежда явно не для этого мира.

Стараясь не слишком сильно стучать зубами, я несколько раз вдохнула и выдохнула — сначала медленно и глубоко, потом быстро, подтягивая живот, стараясь разогнать кровь. Так-то лучше. Теперь хоть сколько-то продержусь среди бесконечных белых барханов. Ну, и? Что-то же тут должно быть кроме пещеры с Переходом и живыми фресками? Где мне раны-то зализывать?

Действительно, от левого края площадки отходила широкая, но крутая лестница. Вглядевшись в ночь, я увидела, что она ведёт к островерхим зданиям. Тёмный контур крепости едва выделялся

на фоне горы, словно кто-то вырезал стену и башни из цветной бумаги, а потом приложил кусок на лист такого же оттенка. Ни одного огонька, даже слабого. Заброшена, что-ли? Судя по состоянию «парадного зала» с Переходом, так и есть. Что ж, тем лучше. Я ведь тут, чтобы зарыться в песок, а не нарваться на новые проблемы.

Попасть к крепости можно либо по вот этой лестнице от Перехода, либо по узкому карнизу дороги, что вилась по горе с другой стороны от укреплений. На холоде раненая нога слушалась чуть лучше, но спускаться все равно мешала. Едва видимые под снегом, ступени оказались ещё и скользкими. Потеряв равновесие, я проехалась на спине, и зарылась в обжигающе-холодную белую кашу. Да уж! У нас только горсти снежной крупы на окаменевшей от холода земле. А здесь, а здесь!.. Но все мысли о снеге вылетели из головы, когда я посмотрела на небо.

Высоко, в черно-синей ледяной пустоте, извивались на невидимом ветру разноцветные ленты. Безмолвно, беспорядочно, беспрерывно. То сжимались, как взведенная катапульта, то трепетали, как спущенная тетива. За лентами серебрилась полоса звёзд. Самые яркие висели низко, над остро вычерченными контурами гор. Ни звука, на движения, будто мир боялся потревожить покой спящего солнца. Немудрено: ослепительные лучи растрёпанными прядями выбивались из-под темно-серой шапки затмения. Угрожающе расчерчивая колючий воздух лезвиями света, они говорили: я грозный бог, я близкий бог, и горе тем, кто ослушается моей воли.

Я решила дождаться, когда луна сдвинется с солнца, но затмение продолжилось, как ни в чем не бывало. Потом холод пересилил удивление. Ругаясь и кряхтя, я встала, оставив в снежном ложе морщинистый след. Неужели это страна вечной ночи? Ладно, подумаю потом.

Дальнейший спуск больше походил на кошмар. Я скользила, падала, поднималась, падала, растирала ногу, вставала, и так по кругу. Слава богам, последние ступени оказались расчищены, площадка между ними и воротами — тоже. Боковая калитка ворот распахнута. Значит, крепость не заброшена. Однако на стенах никого. То ли не от кого охранять, то ли некому…

Я прошла за стены. Заснеженный двор и опять никого. И всё же тропка от ворот вела к двухэтажному корпусу, вернее, его правому краю — туда, где сливалась со скалой большая круглая башня. Та её часть, что выходила во двор, имела две треугольных пристройки, а также круглую крышу-купол. Рядом с башней виднелись высеченные в скале двери. Одна из самых больших

стояла настежь, к ней подходила утоптанная дорожка с широкими следами, будто что-то тяжелое тащили волоком. Кое-где на снегу проглядывали бурые пятна. Однако запаха на таком холоде я не почувствовала. Смотреть внимательней не стала: раненая нога подгибалась, тело бесконтрольно тряслось, мозг превращался в ледышку. Не то, что идти — думать становилось сложно. Зачем я сюда сунулась? Лучше бы в пещерке посидела. Вдруг эти твари на стенах съедобные?

Из последних сил я добралась до башни. Вскарабкаться по ступенькам, потянуть за огромное кольцо. Узорная створка на удивление легко открылась. Вторые, уже прозрачные, двери, вели в полутемный зал. В его центре возвышался постамент с чем-то круглым, накрытым черной тканью, и лежали продолговатые свертки в человеческий рост. По периметру зала во все стороны отходили треугольные ниши. В них горели свечи с самыми обычными, рыже-желтыми огоньками. Пахло сеном, воском, и… трупами.

От внезапного тепла ногу заломило так, что я чуть не взвыла. Слава богам, в простенках между нишами стояли скамьи. Стоило рухнуть на полированное дерево, как у постамента в центре храма что-то зашевелилось. Промёрзший мозг не успел ни удивиться, ни испугаться. Ко мне подошел старик, похожий на обросшего щетиной сверчка.

— Приветствую в обители Тмирран, — с поклоном проговорил он, — снова великая честь, великая честь… Но Апри привел вас в недоброе время… простите, не смог встретить у ворот. Братья исповедовались… Я брат Феррик, теперь я — Хранитель. Старый Доррик растворился в лучах Апри…

Старик говорил на Высоком языке, но резко, с раскатистыми «р». В горле у него булькало и стрекотало, из-за чего голос расслаивался, и казалось, что говорят одновременно несколько людей.

— Холодддно! — стуча зубами, сказала я.

Губы ещё не оттаяли, скулы свело, пальцы ног не чувствовались вовсе. Да уж, что твоя змея в зимней пустыне — только тронь, разлечусь на кусочки. Монах, или кто там, с поклоном взял меня за руку. В следующий миг пространство свернулось мощной воронкой. Голова закружилась, а вместе с нею — зал, огоньки свечей, дверь, коридор, лестница…

Так за несколько секунд мы «перенеслись» из зала в скромно обставленную комнату: койка, стол, пара шкафов с книгами, кресло перед большим очагом, всё — простые вещи простых очертаний. То, что я в другом мире, выдавал только огонь: и в светильниках, и в камине — самый обыкновенный, которым горит

любое вещество, если его сильно нагреть. Дикари, честное слово!

Пока Феррик возился с моей раной, я согревалась горячим отваром и изучала пространство. Стабильное, оно не давало ни мелкой дрожи, ни мимолётных завихрений, как у нас. Зато в этом мире оно гнулось, растягивалось, и моментально восстанавливало форму. Да уж, работать с ним будет нелегко. Зато интересно: похоже, даже резать можно! Только вот чем?

— Эта зима сурова… Грейтесь. Желаете чего-нибудь?

Я вздрогнула от неожиданности. Старик уже закончил с моей ногой, и кормил огонь в камине кусками дерева. Это ж надо! Ветки толщиной с моё плечо!

— Эээ… — я протянула опустевшую кружку, — а ужин когда?

— Будет на закате, — Феррик снова наполнил посуду отваром, — но обед едва прошёл. Я, правда, милостию Апри пощусь по братьям… но надо сказать Двойке… да…

Он взял с каминной полки небольшой колокольчик и позвонил — негромко, но пронзительно.

— А есть ли… не сочтите за дерзость… Есть ли новости от… от Великих правителей Тми? — благоговейным шепотом спросил старик.

В отблесках пламени он окончательно стал похож на сверчка, который зачем-то нацепил балахон из шкур. Вот это звери! Всего три выделки на человека! У нас и на ребёнка по тридцать три уходит.

— Неа, никаких. Прави-ители Тми все ум-ме-ерли, — зевнула я и укуталась поплотнее в покрывало из пушистой шерсти, — мир Тми в запустении. Только монстры скачут.

— Значит, всё зря… — старик погрустнел, — но и у нас многое изменилось… Красная Смерть по всей стране… Империя теряет саму себя. Недоброе время, недоброе… Но слава Апри, вы живы и… а, Двойка!

Глядя мне за спину, Феррик перешел на другое наречие. Я обернулась — и закашлялась. Отвар расплескался, обжигая пальцы. Рука потянулась за кинжалом. Боги, ну что за день!

В дверях стол высокий че… нет, не человек. Человеческий торс. Кисти рук тоже человеческие. Остальное — нет. На вытянутом коровьем черепе с широким лбом сидело две пары глаз, человеческие смотрели вперёд, пара бычьих — вбок. Отполированные рога закручивались, подобно странной причёске. Светлая кожа — или шкура? — лоснилась в отблесках камина. Из-под подола полотняной рубахи виднелась пара копыт.

Существо заговорило хриплым низким голосом, рублеными и наверняка неправильными фразами. Впрочем, диалог между страшилищем и Ферриком длился недолго. Кивнув и

поклонившись, служанка удалилась.

— Да, трое их всего осталось, — старик вздохнул, — старая Двойка вот, да пара телят… а взрослых и сильных воспитанники с собой в горы увели… да… да хотя правильно, да. Без кадаргов в горах слишком тяжело, слишком… Хотя на всё воля Апри… и Красная смерть… на всё, на всё…

Бормотание стало неразборчивым. Внезапно, Феррик встал и пошёл в дальний угол, где висел золотой диск с восемью острыми лучами, и лампада перед ним. Опустившись на колени, старик начал вертеть в воздухе руками, словно рисуя круги. Потом он начал что-то подвывать и бить поклоны, раскачиваясь всем телом.

Вот манеры! Хотя… он же мог и сбрендить, с трупами-то общаться. Других людей ведь не видно, всей компании — слуга-уродец, даже три. Немудрено с катушек съехать.

— Брат Феррик? — громко позвала я, кутаясь обратно в покрывало.

Молчание. Пришлось отогреваться дальше, слушая потрескивание ароматных дров и бурчание в желудке.

Скоро служанка принесла еду: хлеб из грубой муки, что-то похожее на мягкий сыр, и сушеные плоды, пахнущие пыльными камнями. Конечно, мне больше хотелось мяса, но просить не стала — всё равно местного наречия не знаю, а знаками не объяснить.

Постепенно усталость взяла своё. Сладкая полудрёма закрыла веки, перепутала мысли, расслабила тело. Перед тем, как погрузиться в сон, я с грустью подумала, что месть снова откладывается. Но ничего. Место вроде ничего, да и надежное — никто не найдёт. Пересижу здесь, и домой, а за это время как раз посылка от дядюшки домарширует на место сбора. Ну а то, что пропала со связи — ничего, не впервой, все привыкли уже. Главное, проявиться вовремя. И в Сетер. Почва подготовлена, новый режим шатается… Пора восстанавливать династию.

И убивать.

* * *

Задыхаясь, взбегаю по лестнице. Осколки, кровь, тела, простыни. Руки трясутся. Боги. Почему без меня? О боги, почему? Прости, папа… Лишь чёрный клинок воткнут в пол.

Вокруг пляшет пламя. Так просто вызывать его пальцами. Раз! Из ладони рвётся разрушение. Огонь сжирает всё, всё, всё на своём пути. Измученную маленькую Ками, ошмётки матери, исковерканное тело отца. «Смерть Проклятым», несётся из глубин

пламени. «Смерть палачам», отзываются тени. «Моя очередь», кричат со всех сторон. И смеются, смеются, смеются…

Я вскочила с кровати с колотящимся сердцем, вся в холодном поту. Обрывки видений и воспоминаний никак не хотели отпускать. Но вот я распахнула окно, и в комнату ворвался ледяной ветер. Вздрогнуть, глубоко вдохнуть колючий воздух, опереться на подоконник. Уффф… Только… где же степь? Оазис? Хотя у Бассеров же парк… Тогда откуда тут снег и горы?!

А, это ж другой мир. Точно.

Немного придя в себя, я начала рассматривать пейзаж. До чего же красиво! В который раз уже смотрю, и каждый раз — как первый.

За окном чернели острые контуры гор. Небо за ними синело, подсвеченное короной затменного солнца. Затмение длилось до сих пор: оказалось, что солнце здесь застилает не спутник, а соседняя планета, и в эти периоды в Мерран наступает зима — холодный сезон, полный небесного сияния и снежных гроз.

Вот и сейчас из-за ледника, шла бугристая туча. Всполох на краю зрения. Зарокотало. В лицо полетели мельчайшие снежинки. Они кололи кожу и таяли в волосах, которые мгновенно обвисли и опять начали лезть в глаза — необычное для меня ощущение, ведь я всегда стриглась очень коротко. Но, пока сидела у Бассеров, уши успели потонуть в густых, истинно Сетерских кудрях. Как теперь оказалось, к лучшему: здесь, в холодном Мерран, обросшему черепу в разы теплее.

Во дворе что-то зашевелилось, и камень отразил эхо размеренных ударов. Что же, очередное утро началось. Двое младших кадаргов, Три-пять и Три-восемь, заскребли двор широкими лопатами. Тут же по галерее засеменила Двойка, согнувшись под тяжестью какой-то корзины. Заметив дымок над крышей кухонь, я принюхалась. Нет, пока только дым. Ну да, ещё же как следует очаг разжечь надо, и только потом готовить. Как всё-таки неудобно в стабильном пространстве! Чтобы начать любую из цепей цветного Пламени, здесь нужно знатное усилие. При этом результат зачастую непредсказуем: попробовала вот Голубое получить, так чуть пожар не устроила. То ли дело у нас — проведи рукой над горелкой, и всё.

Вздохнув, я закрыла окно и начала собираться. Штаны и рубаха грубого полотна, потом шерстяные, потом меховая тога в пол, и сверху — монастырский балахон с системой верёвок, чтоб не спадал. Размерчики, понимаешь! Обувь вообще пришлось тряпками набивать. Только широкий кожаный ремень удалось подогнать впору. На него я и навесила клинок, смарадёренный в каком-то опустевшем корпусе. Но один кинжал носить — себя не

уважать. Так что на другом боку притулился расфуфыренный ножик. Называть его оружием язык не поворачивался — богатая инкрустация, фигурные гравировки и прочие изыски сожрали и баланс, и боевые качества. Зато… ввергли Феррика в уважительный трепет.

Как-то я использовала этот клинок по прямому назначению — не то порезать, не то отрезать. Когда старый монах рассмотрел, что у меня в руках, то рухнул на колени и начал стучать любом об пол, как гремучая змея хвостом. Сначала думала, на месте концы отдаст. Потом очень захотелось и самой прирезать беднягу, чтобы не мучился. Но всё оказалось проще.

В моём мире подобные кинжалы, как и любые изделия Древних, имели дурную славу. А вот в Мерран наоборот, они оказались знаком высшего сословия. К нему принадлежали, в основном, те, кого у нас называли Проклятыми — потомки проводников из погибшего мира Тми. Здесь их, то-есть нас, называли Зрячие. Красиво. И ближе к нашей главной особенности — ощущать, порою даже видеть, неоднородности пространства. Здесь это умение объявили божественной благодатью, которой должно подчиняться всё и вся, и быстренько заняли вкусное место под солнцем.

Хмыкнув, я пнула дверь и вышла в промозглый коридор. Да что за фигня! Опять плесень цветок выпустила! Пахнет, как ни странно, хорошо, но на вид — словно гнойник срезали. Бррр. Как можно годами жить в таком месте? Нет уж, точно не останусь в этом мире дольше необходимого. Дела ждут, нога почти восстановилась, а тут холодно, темно, непривычная пища, слуги эти страшенные… Да ещё из разговоров с Ферриком поняла, что меня могут поймать и заставить размножаться. Потому что Зрячая. А священную кровь, видите ли, необходимо сохранять в чистоте. Идея не нова, но в Мерран это ещё и принудительно: даже бастардов-полукровок помещают в монастыри, чтоб кровь не разбазаривали, а скрещивались строго между собой, и давали «правильное» потомство. Нашли племенных ящериц!

Выйдя из корпуса, я побрела между сугробами, пиная кусок спрессованного снега. Холодный многогранник с шелестом пролетел вперёд и воткнулся в кучку на развилке расчищенных тропинок. Идти недалеко — всего-навсего в храм. Рассветная служба, завтрак — и можно заняться своими делами. Дальше тоже всё четко: полуденная служба, обед, ужин, закатное песнопение, сон. Тихо, спокойно, никто не убивает. Песнопения красивые, даже подпевать стала иногда. Вот только проповеди о том, как светило «отдает свою горящую плоть во тьму космоса, даруя тепло и свет нам, недостойным слугам его, и

всепронизывающие лучи его испепеляют врагов его, а всесогревающий диск его оберегает и оплодотворяет мир его…» порядком действовали на нервы. Чтобы всем многообразием мира управлял один-единственный бог? В голове не укладывается!

Как и многое другое, впрочем. Когда я поняла, что вологоловые слуги — не странный вид животных, а *переделанныелюди*, хотела тут же бежать обратно в Переход, и пусть меня монторпы разорвут! В смысле, те самые монстры с человеческой головой и телом львоящерицы. Феррик утверждал, они суть воплощение искалеченных душ, застрявших в Переходах, но я склонялась к мысли, что на самом деле монторпы сбежали из Мерранских лабораторий. Тех самых лабораторий, в которых из преступников и инвалидов делали кадаргов, или попросту — Перерожденцев. Сумасшедший мир! А всё потому, что пить не положено. Вон, даже намёка на винный погреб нет. И это в такую холодрыгу! Странный у них этот господь по имени Апри, честное слово.

Службы единственному богу тоже странные. Феррик ходил вокруг алтаря, завывая что-то скрипучим голосом, сжигал еду (обычным пламенем! Обычным! Боги, ну и вонь…), поправлял складки покрывала на золотом шаре. Потом обращался ко мне за разрешением прочитать проповедь и, получив его, начинал что-то бубнить в тёмноту пустого зала. Поначалу я из любопытства пыталась слушать, но потом поняла, что бесполезно: старик то и дело сбивался с Высокого языка на Простой, и очень быстро забывал о моём присутствии. Так что, отдав долг приютившему меня богу — мало ли, лучше не гневить лишний раз — можно тихо выскользнуть прочь, туда, где меня ждал другой храм и единственное развлечение в этой горной дыре.

Что делать в ожидании? Не имея возможности ни промочить горло, ни потренироваться с оружием, я читала. Читала, читала, и читала: огромная библиотека монастыря оказалась в моём единоличном распоряжении. Удивительно, но многое тут сохранились со времён до Катастрофы. Кое-где, правда, поперёк страниц стоял штамп «Ересь» — но так у нас «неудобные» книги вообще жгут. Как и карты: пляска войн между многими княжествами это вам не стабильная Империя, единое и единственное государство на планете.

Время шло, но возвращаться было рано: тех, кто сумел найти меня даже в глуши Варсума, а потом позволил себе вырезать богатейшую и влиятельнейшую семью, стоит опасаться. Да и нога время от времени давала о себе знать — фениксы мажут дротики какой-то дрянью. Хорошо хоть, не настоящим ядом…

Религиозный экстаз бил старого монаха довольно часто. В

порыве религиозности, Феррик то лупил себя плетьми, то замыкался в трансе перед алтарём, то уходил в склеп, где разговаривал с мертвыми братьями, читал им проповеди, даже выслушивал исповеди. Помешал только страх остаться одной среди жутких Перерожденцев.

Однако, большую часть времени монах оставался более-менее нормален. Мы сидели у камина, ведя неспешные разговоры о Переходах, кинжалах и мирах. Перерожденцы вообще делали хозяйственные дела бесшумно и споро, и старались лишний раз не попадаться на глаза.

И всё же, дверь в келью я запирала накрепко.

Аркан 0/XXII. ШУТ
Глава 3. Беглое пламя

Привычные декады — отрезки по десять дней — в Мерран именовали Гариями. Со дня моего прибытия прошла дюжина этих отрезков. Стало теплее, чёрный диск солнца превратился в ослепительно-белый серп. Дни стали светлее, снег темнее, в небе появились облака. От тепла зацвёл сарфум, местный мох. На каждой его колонии-нашлёпке, вылезло по нескольку коробочек иссиня-красного цвета, которые лопались при приближении человека. Когда я в очередной раз получила в нос облако вонючих спор, и одолела лестницу, перескакивая через три ступени, то окончательно поняла: нога восстановилась. Пора сваливать.

Феррик новость не одобрил, но поделать, конечно, ничего не мог. Вещей у меня особо не было, так что сборы получились короткими. Имей я мозги, ушла бы сразу. Однако я обещала помочь привести храм в порядок после зимы — кадаргам заходить туда не разрешалось, а дряхлому монаху, конечно, в одиночку тяжело. Решив отблагодарить старика за заботу, осталась ещё на пару дней.

Мы с Ферриком стояли с северной стороны круглого алтаря, и складывали тончайшее покрывало. По местной традиции, эта непроницаемо-чёрная ткань всю зиму прятала огромный позолоченный шар — символ Великого Апри, единственного бога. Шар этот висел в центре храма на колонне свернутого пространства — уму не постижимо, но факт. Феррик, конечно, про технологию сказать ничего не мог, всё объяснял чудом. И сейчас, когда зимнее затмение приблизилось к концу, священное покрывало полагалось снимать и прятать под алтарь до осени, когда небесный монторп, а точнее, соседняя планета Атум, начнёт «пожирать» бога-солнце вновь.

Улыбаясь, я представляла, как вернусь домой. Хотя сначала до нужного Зеркала, точнее, гобелена, добраться надо. Плутать ещё по этим заброшенным комнатам, пока выход не найду. Но я найду, не будь я Кадмор. Ну а там… Всех в крови утоплю. На собственных кишках повешу. Отвратительная казнь, согласна. Но тут по делу. С нами-то никто не церемонился…

Под размышления работалось споро, даже тусклые светильники и шепелявое бормотание Феррика нисколечко не раздражали. Прохладный воздух храма приятно щекотал кожу головы: я коротко постриглась перед дорогой, с удовольствием избавившись от надоевших волос.

Но, как говорится, много думаешь — мало получишь.

Мы уже почти свернули полотно, как входная дверь резко распахнулась. В храм заскочили несколько человекоподобных фигур, все в одинаковых серо-зелёных штанах и куртках, лица закрывали полупрозрачные маски. В руках — что-то, похожее на арбалеты.

— Духи! — взвизгнул монах и замахал костлявыми руками.

Упасть на пол, перекатиться за алтарь. Глухой удар возвестил о падении Феррика. Вот старый идиот!

Свист дротиков, или чего там, замолк. Несколько повелительных выкриков на Простом мерранском языке. Пауза. Менее требовательно, на Высоком наречии, и с жутким акцентом:

— Встать и выйти!

Взвесив шансы на побег по пустому залу, я медленно поднялась.

Мы сблизились на нижних ступенях приалтарного возвышения. Один из людей вышел вперёд.

— Оружие, — кивнул он на кинжалы у пояса.

Стиснув зубы, я отдала клинки. Двое, что держали меня на прицеле, отвели арбалетные скорострелы.

— Имя?

— Ээ… Элора.

— Статус? Быстро!

— Послушница.

— Выжившие?

— Я и он… Был.

— Перерожденцы?

— Трое.

Говоривший махнул рукой. Один из бойцов присел рядом с Ферриком и воткнул в локтевой сгиб монаха что-то, похожее на толстую колбу с иглой на конце. Полилась кровь. Старик вздохнул, всхрапнул, и я с облегчением поняла, что тонкие полосатые дротики смазаны чем-то усыпляющим, а не ядом.

Другой солдат с такой же колбой направился ко мне. О Небесный Воитель, это же не колба, а муха! Наполовину стеклянная.

— Где мертвые?

— Т-т-ам…

Я махнула в неопределенном направлении, не отрывая взгляда от приближающегося жала. К горлу подступила тошнота. Муха. Трупная. Величиной с ладонь. Я попробовала отстраниться, но тщетно. Впрочем, процедура закончилась быстро и почти безболезненно.

— Веди!

Поскольку сила всегда компенсирует вежливость, я спустилась с алтарных ступеней и пошла к выходу из храма.

* * *

Воздух полуденного полумрака пропитал острый запах растоптанного снега. То тут, то там, горели закреплённые в настенных держалках факелы. Люди в серо-зелёной форме и масках сновали по проталинам. За плечами у каждого — металлический заплечный мешок, в руках — длинная металлическая труба, соединенная с мешком толстым ребристым канатом. Незнакомые устройства угрожающе бряцали при каждом шаге. На прихрамовом дворе испуганно мычали вологоловые кадарги, которых согнали в кучку и куда-то вели.

Тычок в спину. Я шла, хлюпая осколками ледка на лужах. Вот почему вчера не ушла, а? Старика пожалела с этим его полотном. И что теперь? Попала по полной программе. Чужой мир, чужие законы. Мухи ещё эти, бррр…

Тяжёлые резные двери монастырской усыпальницы оказались заперты.

— Тела там?

— Да. А ключ у Феррика, наверно.

Несколько гортанных звуков, взмах рукой. К нам подбежали двое бойцов с серебристыми заплечниками. Чёрные раструбы наперевес, столб ослепительно-зелёного огня, клубы смрадного дыма. В резной створке появилась дыра. Ничего себе стабилизация Пламени!

Меня толкнули в обратном направлении.

— А ну пошла.

Сопротивляться смысле нет: пространство открытое, их много, все вооружены. Хм. По всем признакам похоже на зачистку. Должно быть, санация после эпидемии. Только заражённых здесь нет, скоро в этом убедятся. А дальше что? Мародёрство? Глазки-то характерно блестят. Храм вряд ли разорят, тут с этим, вроде, строго, но по кельям и хозяйству порыскать могут. И допрос устроят наверняка: за спасённых и здоровых полукровок, скорее всего, вознаграждение дают. Жаль, не знаю имён сбежавших бастардов, прикинулась бы «ценным материалом». А так просто какая-то послушница получаюсь… А кстати, какая?

Не успела я на всякий случай придумать себе легенду, как мы обогнули храм и приблизились к его главному крыльцу. На нём теперь стояло несколько раскладных стульев и стол, за которым

сидели двое без масок и рюкзаков. Судя по золотым нашивкам в виде солнышек и тому, как подтянулись бойцы по бокам от меня, офицеры. Они листали какие-то книги с разлинованными страницами.

— Итак, ещё раз. Имя, статус крови, положение?

А также срок пребывания в монастыре, когда и как пришла болезнь, почему старик спятил, как умирала братия, где полукровки, и прочая лубудень. Отвечала я вяло, повторяла по два раза, и периодически имитировала транс, в какой любил впадать Феррик.

Наконец, офицер что-то пробормотал на Простом наречии, сплюнул и махнул солдатам. Ни слова не говоря, те снова взяли меня под конвой. Мы опять обогнули храм. По дороге я несколько раз споткнулась, заглядевшись на развороченные двери склепа. В глубине полыхало пламя. Ветер донёс смрад сжигаемых трупов. Да уж. Зачистка образцовая, по всем правилам.

Вскоре меня втолкнули в одну из келий, вырубленных во внешней стене обители. Сразу за дверью, Феррик стоял на коленях перед солнечным диском, подрагивая костлявыми плечами. Чуть дальше, трое кадаргов забились в угол у кровати, бычьи головы на человеческих плечах казались нелепыми, как никогда. Существа прядали ушами, дёргали копытами, и тихо мычали от страха.

— Монстры сии есть отражение мощи разума человеческого, — любил говаривать Феррик, — милостию Великого Апри вся планета подчиняется нам.

Сейчас, однако, этот кусок планеты подчинялся огню.

* * *

Толстая и крепкая решетка не поддавалась ни на ноготь. Устав искать пути побега, я лежала на жесткой койке, и со злостью слушала перекличку — окна нашей «тюрьмы» выходили как раз на прихрамовый двор. Не надо знать язык, чтобы понимать происходящее. Общий сбор… проверка… деление на группы… разошлись… приступили…

Когда из окон келейного корпуса начали поочерёдно вырываться языки племени, в солнечном сплетении заныло. Я в сотый раз простучала стены, надавила на выступающие кирпичи, подёргала решетку на окне, снова заставила кадаргов попытаться расшатать петли и замок на двери. Ничего. Даже вентиляции или канализации нет!

Где-то в коридоре послышались шаги. Шипение. Свист. Снова

шаги.

Далеко высунуться из узкого окна я не могла, но по резкому запаху и отблескам яркого света в лужах стало ясно: этот корпус тоже выжигают. Весь.

— Селия!

Я буквально подскочила от неожиданности, приняв боевую стойку. Но это оказался всего лишь Феррик. Сбрендил совсем, бедняга. Только я разве говорила ему своё полное имя?

— О, Селия! — снова заголосил старик, — о Чёрное Солнце! Пора! Пора бежать, как тогда! Я снова провожу тебя в путь…

Он продолжал нести что-то, но я не слушала. Кетания или Селия, какая разница. Самым главным звуком на свете стало высокое «шшшзззззз», перемежаемое грохотом сапог. В сознании начали расцветать планы побега, один безумнее другого.

— О, королевна! Простите недостойного! Я сразу узнал вас, но испугался! — Феррик прополз между нервно мычащими кадаргами и обхватил мои лодыжки, пытаясь целовать ноги, — Великий Апри послал милость снова… Но враги людей не дремлют! Я не прошёл испытание, я виноват! А сейчас бегите! Бегите! Это Духи!

Я вырвалась, занесла руку для удара по точкам расслабления, но передумала. Свист уже в соседней келье, а нас никто и не пытается вывести. Где же моя Нарна? Где?

— Клинок крови всегда с вами! — воскликнул Феррик, и я поняла, что подумала про кинжал вслух, — просто *позовите* его!

Позвать… Хм. Опять он про это дурацкое поверье, что Зрячие могут призывать свои «родовые» вещи из ниоткуда. Глупость конечно, но вдруг?…

Сосредоточиться. Закрыть глаза. Не слушать громкие шаги в коридоре. Вспомнить. Завитки гравировки. Холод металла. Свет камня. Тонкую вибрацию. Форму. Ощущение.

Воздух передо мной заколыхался, и…

Ничего.

И опять ничего.

И снова.

Дверь резко хлопнула по стене. На пороге стояло двое солдат с огнеметами. Даже по маскам ясно, что на выход никто не позовёт. Да и кого звать? Спятивший монах, девчонка-послушница из простолюдинов, три страхолюдины. Ни награды за таких, ни выкупа, только лишняя обуза в дороге. С заразой контактировали, к тому же.

Да. Я бы тоже не церемонилась.

Дальше всё произошло мгновенно. Феррик больно схватил меня за плечи, с силой пихнул на кровать. Перед глазами

пронеслась струя пламени. Костлявое лицо монаха стало медленно, слой за слоем, таять: кожа, мясо, череп, пока пепел не растворился в жарком свете.

Хватка разжалась. Моё тело, целое и невредимое, продолжило падение в пустоту.

* * *

Полосы сменились тенями, тени — полосами. Сердце гулко отдавалось в сером Нигде. Раз…два. Раз…два. Бесконечная вечность, вечная бесконечность. Всё тот же воздух в лёгких. Раз — от сердца к голове. Два — от головы к сердцу. Нельзя пошевелиться. Нельзя выдохнуть. Нельзя вдохнуть.

Наконец, дымка начала спадать. Руки и ноги откликнулись на зов сознания. С огромным трудом выбившись из свёрнутого пространства в обычный мир, я рухнула на пол, задыхаясь и жадно глотая воздух. Потом долго тошнилась в углу от резкой смены давления.

Когда голова перестала кружиться, я, наконец, поднялась на ноги. Из окна сочился тусклый свет нового дня. Келья в пепле почти до щиколотки. В уже остывшем порошке виднелись отдельные кости и шарики переплавленного металла. На почерневших стенах — выщерблины, от двери ничего не осталось.

Я присела у человеческих костей. Феррик. Да благословят его боги… и Великий Апри, разумеется. Свернуть пространство усилием воли и ценой собственной жизни, чтобы спасти полузнакомого человека — действительно безумие. Хотя старик удачно спятил, конечно… Но, всё-таки, зачем он так сделал? Ладно. На результат жаловаться глупо.

Лёгкий порыв ветра пошевелил пепел. Под обугленным черепом что-то сверкнуло. Аккуратно отодвинув челюсть, я нащупала в мягкой массе что-то твёрдое, похожее на металл. Подцепить, потянуть. На свет появилась слегка оплавленная, но целая цепочка, а затем и диск размером с половину ладони. Потерев диск о шерстяную робу, я увидела, что гарь отходит довольно легко. О, да это же тот самый *меррил*— местный универсальный металл, расплавить который может только самое чистое Пламя. Желательно, конечно, Белое. Да только где его возьмёшь? Теоретическая легенда, не боле.

Надев медальон, я спрятала его под одеждой и вышла из кельи. Повсюду дверные и оконные проёмы зияли, словно ножевые раны. Сквозняк уже начал заносить коридор белёсой сукровицей пепла. Смерть и запустение, совсем как в Тми…

Воистину, самый страшный враг человека — он сам.

Ступая как можно тише, дошла до главного входа и выглянула в прихрамовый двор. Там стояла небольшая группа солдат. Уже без масок и металлических мешков, они живо обсуждали что-то, делая жесты влево. Кто-то громко смеялся, раздувая щёки, кто-то качал головой. Вывернувшись, как только возможно, я посмотрела, на что они показывали.

Почерневший, скособоченный корпус библиотеки выглядел уныло: крыша обвалилась, вокруг валялись какие-то головешки. Кулак непроизвольно сжался, под ногтями заскрипело дерево косяка. Да как они могли?! Теперь сотни, нет, тысячи древних фолиантов превратились в свитки тончайшего угля и рассыпались в прах! Столько труда, столько знаний — и из-за каких-то ублюдков всё погибло! Случайно или специально — теперь не важно. Дело сделано. О боги. Или как там тебя? Великий Апри? Неужели я уважаю Империю Мерран больше, чем её собственные сыны?

Эти самые отпрыски тем временем двинулись к арке келейного корпуса. За время, проведённое в монастыре, я успела более-менее изучить внутренние переходы между зданиями, так что прокрасться следом не составило труда.

Между главными воротами монастыря и храмом, находился хозяйственный флигель с небольшой галереей. Из узкого окна кладовой мне хорошо просматривались офицеры, которые снова сидели за столами, ведя перепись и, наверное, делёжку намародерствованного добра.

Дорогая посуда, какие-то ящики, немного оружия. Офицеры сидели ко мне спиной, несколько солдат стояло вполоборота. Ещё двое постоянно крутились, сортируя вещи, и складывая их между пластин голубоватого металла. Приплюснутые с краёв диски висели в воздухе, пространство между ними заглатывало всё, не оставляя никаких следов.

Я уже хотела уйти и схорониться подальше, как увидела свой кинжал: он лежал на ящике чуть сбоку от офицеров. О боги, ну конечно! Вот дура! Как я без кинжала-то через Зеркало пройду? Феррик убеждённо рассказывал, что даже самый чистокровный Зрячий не сможет воспользоваться Дверью, если не будет иметь ключа, то-есть Нарны, то-есть вот такой вот фигуристый клинок. Тогда это звучало бредовенько, но теперь, после того когда старик умудрился в мгновение ока засунуть меня в подпространственный мешок… всё-таки Феррик знал про работу с пространством гораздо больше, чем я думала. Поэтому глупо пренебрегать рассказами про ключ-кинжал. Возвращаться домой надо немедля, и попытка будет только одна.

Я выскользнула из дверного проёма, сворачивая пространство. В моём родном мире такой щит по-настоящему эффективен только в статике, а здесь его можно нести, словно боевой. Только одновременно идти и сохранять «невидимость» с непривычки оказалось нелегко. Пожалуй, самые долгие шаги в моей жизни. Наконец, пальцы сомкнулись на рукояти. Я бросилась обратно, но зацепилась за ящик, и грохнулась на пол, больно задев запястьем острый деревянный угол. Рука разжалась, кинжал со звоном отлетел далеко прочь.

Маскировка давно спала. Шаркнуло дерево, поднялись офицеры. Затих гомон голосов. Я уже вскочила. Отступать некуда. Цокая языком, один из солдат подобрал мой кинжал. На лицах читалось удивление охотников, чья изжаренная добыча внезапно подала признаки жизни. Я подобралась, готовясь обороняться. Вот сейчас кинжал мне *действительно* нужен.

Повинуясь безмолвному крику, в ладонь легла витая рукоять.

* * *

Отец всегда говорил: дай только волю, и Кетания мгновенно отыщет приключения на любую часть тела. Видел бы он меня сейчас! Опять ранена, опять бегу, опять ничего не понимаю.

Всё. Хоть немного отдохнуть. Нога ныла, дыхание сбилось, сердце выскакивало из груди. Сжимая в горсть мелкие острые камни, я лежала на спине и пыталась забыть, что стены вот-вот рухнут. Рухнут… ухнут…. Ух…

Откуда-то издалека эхо донесло крики страха и боли. Чудненько. Какое-то время выиграла, но огонь всё равно не вечен, да и ходов тут всего два. Ещё бы! Прорубать путь в скалах — это не соляные пещеры использовать. Там своды хотя бы нормальные. А тут? Ооо… Зачем решила бежать в подземелья? И вообще бежать? Монастырь большой, потайных мест полно! Да и день здешний от предрассветных сумерек мало отличается, спрятаться вдвойне легче. Да хоть за тем же пространством. А я что?!

Постепенно дыхание стало спокойней, но в ушах всё ещё шумело. Я приподнялась и тряхнула несколько раз головой. Так, а ведь дело вовсе не в усталости! Надо же, взяла правильный поворот на развилке. Так. Теперь надо собраться с силами, и идти на звук.

Ориентируясь по настойчивому «гуууууу» и струям ледяного воздуха, я смогла дохромать до нужного места. Склизкая решетка жалобно скрипнула. Тусклый свет от гусеницы каменного шелкопряда, очертил небольшую пещеру, стену падающей воды, и

разбился о резкий навязчивый запах, что пропитал даже камень. Однажды Феррик привел меня сюда — показать, откуда берётся баснословно дорогая для моего мира пища, которую в Мерран считали повседневной едой. Процедура называлась «рыбалка» и была проста до невозможности. Старая кадарга Двойка дергала кривой рычаг на стене. Вода окрашивалась слепящим всполохом между двумя металлическими шарами. Двое кадаргов-телят ждали внизу, растянув сеть поперёк маленького озерца. Когда сбитые рукотворной молнией белые туши падали вниз, оставалось только собрать невод в узел и блоком втянуть его наверх, под водопад.

Неожиданно стало грустно. Какой жутко тесной казалась тогда тёмная пещера, и какой пустой стала она сейчас! Чешуйчатые полумесяцы рыб не бились о камни в предсмертной агонии, кадарги не задевали рогатыми головами потолок, старый монах не бранился высоким голосом, а я…

В коридоре за спиной что-то мелькнуло. Отблески факелов! Всё. Времени нет.

Несколько пролётов узкой лестницы — и вот уже берег озера. На краю площадки по-прежнему лежали кверху дном две лодки, совершенно не похожие на наши тяжелые плоскодонки для песка. Я спустила первую попавшуюся посудину в воду, и принялась судорожно грести. Получалось плохо. Но вот скрытый под поверхностью поток вспенился, и понёс судёнышко к выходу из искусственной заводи.

Над головой просвистело несколько болтов. Промелькнул низкий каменный свод. Лодчонка вынырнула на середину реки и ринулась к краю: к одному, к другому, вверх, через порог, вниз, прямо. Мир превратился в разноцветную муть.

Посудина стала неуправляемой. Одно весло вырвало течением, другое расщепило о торчавшие из воды камни. Оставалось только вцепиться в скамью, перенося центр тяжести на нужную сторону, и молиться. Через какое-то время горы стали ниже, а река шире. Я попыталась подобраться к берегу, но тут справа подошёл бурный приток. Лодка не выдержала и перевернулась.

От холода перехватило дыхание. В открытый рот хлынула вода. Одежда тянула вниз. Что-то схватило за ноги, ударило по рёбрам, хлестнуло по глазам колючей пылью. Спас рефлекс: онемевшие пальцы вцепились в крупный осколок лодки. Сколько я выдержу? Пальцы предательски заскользили по дереву, разжимаясь один за другим. Боги! В моём роду тысячу лет все погибали от клинка на поле битвы, а я что, просто утону? Да, дома захлебнуться водой — почти то же, что расплавленным

золотом… Но тут-то! Тут!

Толчок, скрип, волна захлестывает голову. Еле вынырнув, поняла: осколок застрял между камнями. Струи толкали и дергали тело, выбивая последние силы. Сквозь жгучую пелену в глазах, я разглядела пологий склон, а потом кусты недалеко, буквально руку протянуть. Только бы выдержали! Но ничего, я лёгкая.

Царапая ладони, срывая ногти, я выползла на берег и отключилась, едва коснувшись щекой обжигающе холодных камней.

Интерлюдиия I
Архив Инквизиции. Центр

Адресату по табелю «413»

Лично/вне очереди

Регистрированный канал связи «4516»

Получено 61 дня Первого луча 257 цикла от Воссияния

приношу извинения за задержку с отчетом. Настоящим в срочном порядке докладываю, что 57 дня Первого луча 257 цикла от воссияния Апри, на отмели реки Ледяная в 19 кликах от поселения Макран (уничтожено болезнью) и в 7 кликах от заставы Редан (уничтожено болезнью), обнаружен находящийся в обморочном состоянии субъект женского пола в облачении послушницы, со знаками различия обители Тмирран. Осмотр дежурным лекарем показал наличие легких насильственных повреждений (поверхностное ножевое ранение в бедро), и незалеченной пневмонии с осложнением водоросолью *сайн*. Проверка по имеющейся базе, соответствий с жившими в местности не выявила. При медобработке объект издавал отдельные фразы, смысл отсутствует, наличествует нетипичный акцент. При субъекте обнаружены:

— Нательный диск Великого Апри, модель с дешифратором, сплав стали с *меррилом*, частично оплавлен, кровной связи с субъектом не имеет;

— Нарна, живая, подтверждена кровная связь (1 степени) с субъектом;

— Нашейный гербовый медальон, принадлежность изображения не установлена, обладает заметным информационным фоном, предположительно Цветной огонь без примесей, подтверждена кровная связь (1 степени) с субъектом;

Субъект помещен в лагерный госпиталь до прихода в себя и выяснения. Объекты изъяты по инициированному приказу, и взяты под наблюдение, их слепки сняты и будут высланы сразу при прибытии в живые территории. Установить связь с обителью Тмирран не удалось.

До поступления распоряжений, намереваюсь действовать согласно текущей легенде и ранее полученным сообщениям. Отчет по истекшему периоду

будет направлен по корректировке и дополнению.

Да не омрачится лик Великого Апри.

Полевой сотрудник N724

Полевому сотруднику N724

Лично/вне очереди

Регистрированный канал связи «1645»

Направлено 65 дня Первого луча 257 цикла от Воссияния

Сообщение от 61 дня Первого луча 257 цикла от Воссияния получено и принято к сведению. Рекомендую взять субъект под особое наблюдение согласно Инструкции N483а/б. В отношении изъятого действовать по обстановке. Результаты исследования слепков будут высланы по получению. Жду отчет за истекший период.

Да не омрачится лик Великого Апри.

Адресат по табелю «413»

Аркан I. МАГ
Глава 4. Слово за слово

Во тьме извивались золотые нити. Во тьме горел Чёрный огонь. Во тьме не было меня. Только тьма. Потом появилась точка голубого света и сеть золотой паутины. Паутина ширилась, росла, внедрялась под кожу, в мясо, в нервы, в спинной мозг…

Я резко открыла глаза, задыхаясь от боли. Каждую косточку ломило, но особенно сильно болело основание позвоночника. Вдруг, дыхание пропало. Следующий глоток воздуха пришёл со страшным кашлем, будто лёгкие решили выскочить наружу.

— Тише, тише, вот, — кто-то помог приподняться и начал поить чем-то горячим и невкусным, — тшшшшшш…

Едва чашка опустела, мир рухнул вбок. Глаза залепил сон — тяжёлый, долгий, с тошнотворными видениями. В ледяной воде плавали золотые глаза без зрачков, водоросли хватали за ноги, а острые клинки резали тело до тех пор, пока его снова не начал бить кашель. Потом всё повторилось — кровь на ладони, лекарство, сон, видения, кашель, лекарство — и далее по бесконечному кругу.

* * *

Потревоженная тонким звоном, дремота свернулась в клубок и засела под макушкой, дёргая мозг за тонкие нити. Я разлепила глаза. Свет. Полосы. Светильник пролетел. Опять эти бабочки. Ай, что ж так чешется!

— Хватит! — раздался строгий голос, — сколько говорила не чесать! А то будут проблемы с ногами!

Я начала поворачивать голову. В позвоночнике шевельнулось что-то чужеродное, по всему телу пробежали мурашки. Да что же такое-то а? При каждом движении эта фигня теперь…

Звон повторился. Проморгавшись, я увидела Эвелин, одну из лекарок, что выхаживали меня после злосчастной горной реки, которая унесла меня далеко от обители Тмирран и Перехода. На первый взгляд, Эвелин казалась очень милым созданием: чуть младше меня, плавные черты лица, мраморная кожа, тёмные волосы забраны в высокую причёску. Только вот синие глаза всегда смотрели остро, да и в голосе то и дело проскальзывал металл.

Сейчас лекарка сидела на складном стульчике рядом с моей

койкой, и размешивала что-то в глиняном стакане прозрачной палочкой. Один локоть лекарки нависал над койкой, а второй касался «стены». Лазарет располагался не в доме, а в шатре, и делился на закутки занавесями из плотной ткани.

Почему в шатре и что за поселение, я до сих пор не слишком хорошо поняла. Вставать начала совсем недавно, на улицу меня не выпускали, лекарки особо не болтали, от их лекарств мысли путались, и постоянно хотелось спать. В моменты ясного сознания внимательно ко всему приглядывалась, но расспрашивать опасалась — реалии мира знаю плохо, мало ли чего ляпну, а мне уматывать надо. Увы, но план незадался: между собой лекарки разговаривали на местном языке, других пациентов я не видела и почти не слышала — матерчатые стены на удивление хорошо гасили звук, и только со мной Эвелин разговаривала на Высоком. Разговаривала, кстати, очень свободно и плавно, вторая лекарка изъяснялась гораздо хуже.

Размешав лекарство, Эвелин заставила меня его выпить. Затем проверила раненое бедро и послушала грудь, приложив к уху длинную трубку.

— Так, ну все… Сейчас спи. Вечером переедешь туда, где будешь жить, и… да не чеши ты Орры! И так плохо приживаются!

На последней фразе она слегка шлепнула меня по рукам, как шкодливого ребенка. Я тут же перехватила её собственное запястье. На белой коже, поверх восьми круглых шрамов вился золотой узор. Точно такой же с недавнего времени вился и по моим рукам. Откуда и как он там появился, я не знала. Зато узнала теперь, как называется.

— А у тебя почему Орры? У вас что, все носят?

— Нет, только избранные, можешь гордиться, — фыркнула лекарка, — пусти!

Я разжала руку. Эвелин резким движением одернула рукав платья так, чтобы край манжеты прикрыл как можно больше узора. Хм. Не украшение точно.

— Избранные? И что эти избранные делают?

— Выполняют приказы. Молча! — лекарка встала, — Дарн вспыльчив, так что перечить не рекомендую. Про побег тоже забудь: механизм тебя на клочки разорвёт. Прогулки — можно, но эта модель дальше пяти кликов не пускает.

— А… а что ещё эта модель может? — холодея, спросила я.

— В смысле «что»? Что обычно. Полностью подчиняешься, заразу не подцепишь, не залетишь. Третий мозг в подарочек, вобщем. Ладно… Отсыпайся, пока можешь.

— Эээ…

Пока я пыталась сформулировать вопрос, лекарка

стремительно ушла, лишь немного колыхнув занавесь. Потупив немного, я посмотрела на свои запястья и золотой узор, обвивавший их. Он частично терялся на моей смуглой коже, однако у суставов завитушки просматривались чётко. В целом же почти все линии уходили на спину — логично, ведь если это оковы, вживлённые в тело, они должны быть связаны с позвоночником. Вот, значит, что я чувствую при каждом движении!

Застонав, я откинулась на койку, и закрыла глаза ладонями. Боги. Это ж надо так попасть! С одной стороны, от болезни и раны я уже оправилась — неожиданно быстро, надо сказать. Лекарки явно профессионалы, да и лекарства не чета баланде, которой меня пичкал Феррик в монастыре. Но что дальше? Найти одежду легко, да и с деньгами, оружием, припасами тоже сообразить можно. Отыскать монастырь и Переход, в конечном счете, тоже понятно, как — река наверняка рядом, и надо просто идти вверх по течению. Только — вот сюрприз! — теперь на мне оковы, которые отпускают всего на… сколько там? Пять? Пусть пять, чего-то там. Не знаю, какое это расстояние, но Переход наверняка дальше: очень уж быстрая река, да и плыла я по ней довольно долго. Но возвращаться-то надо! Иначе все старания, все усилия, все жертвы, всё насмарку.

Я отвела руки от лица. Провела пальцем по узору Орр. Он напоминал дорогу, волнистую, ветвистую, с кучей развилок. Лабиринт. Бесконечный лабиринт, из которого нет выхода. Нет? Ха. Так не бывает. Из любой ловушки есть выход. Всегда. Как говорится, не бывает непреодолимых стен, бывает мало взрывного пламени. Значит, будем доставать. Для начала отыскать бы этот… как его… отнятый медальон…

Мысли начали путаться: недавно выпитое лекарство начало действовать, и я заснула крепким и целительным сном.

Проснулась поздно. Тут же угодила в цепкие лапы Коры, второй лекарки.

— Ну что, сестренка солнечная, переезжаем, переезжаем, а? Давай-давай, у Хелии удобненько и тепленько всегда, и харчи любые, даром что ейные братья суть один директор наш благолепный, да второй Хозяин неизменный, — Высокий язык в Кориной интерпретации звучал настолько странно, что мог бы смело называться отдельным наречием, — а вот от Тренчика подалее держися, это лысик такой, клубок порока, туды его в качель! Душенька твоя монастырская лакомый кусман для такого! А ежели восславить Великого Апри захочешь, енто к Куртику, честь ему и хвала, несет свет в души наши!

Не прекращая болтать, Кора помогла мне переодеться в

полностью закрытое длинное платье, как у них с Эвелин. Ткань довольно плотная, но тонкая, поэтому предложенный шерстяной жилет я приняла с благодарностью. Мою монастырскую одежду Кора отдела в виде стопочки выстиранных и выглаженных вещей. Удивительно, но поверх сложенного балахона лежал нательный медальон Великого Апри — тот самый, что я вытащила из пепла Феррика, помилуй его боги. Интересно. Либо я ошиблась, и это не слишком ценный металл, либо сбежать, и правда, невозможно. По крайней мере, они так думают.

Выведя из лазарета, Кора повела меня по палаточному городку, похожему на военный лагерь. Пока скрипучий старческий голос вливал в уши малопонятный поток сплетен, я глядела по сторонам.

Все своё пребывание в лазарете, я пыталась понять, куда попала: что это за шатёр прямоугольной формы, без многочисленных циновок и ковров, зато с мебелью? Самой настоящей мебелью — кровати, и стулья, и столы, и даже шкафчики. Теперь, когда увидела «городок» одинаковых четырёхугольных шатров, любопытство превратилось в изумление. Для кочевников слишком упорядоченно и чисто, для военных слишком сумбурно — домашние животные, вон, шляются. При этом поселение хоть и палаточное, но надо всеми крышами — короткие отростки. Значит, вот как со стороны выглядит дерево-лиана над очагом — странное растение, которое питается дымом, а лишнюю влагу выводит на улицу. Влагу! Просто так, в никуда! Бездарная трата ресурса, как по мне. Хотя с водой в Мерран всё в порядке, даже слишком: вон, сплошные лужи. Ни переступить, ни перепрыгнуть, особенно когда платье под ногами путается.

Наконец, мы доковыляли до нужного шатра. Хозяйка по имени Хелия встретила вкусным ужином и ласковой улыбкой. Казалось, эта женщина вся, от медно-золотых волос до расшитого подола, состоит из комочков мягкой шерсти. Светло-карие глаза смотрели с доверием и теплотой. Жилище теплое: три толстых полога над входом, ворсистые ковры на полу и стенах, расшитые лентами подушки на низких креслах, витиеватые узоры на крутобоких горшках. Даже внутренние «перегородки», что отделяли друг от друга спальные места, и те с декоративной вышивкой. Одно плохо: потолок низкий. Сразу вспоминаются похороны заживо. Не люблю всё-таки замкнутое пространство, ох не люблю.

Поскольку Хелия знала Высокий язык лучше, чем Кора, мы сумели более-менее внятно поговорить. И вот тут-то, наконец, выяснилось: подобрал меня кочевой театр. Когда по осени

началась Эпидемия, они решили схорониться в предгорьях, теперь же ждут, пока просохнут весенние дороги.

— У нас-то, слава Апри, никто не болел, — сказала Хелия, — и перезимовали хорошо. Меня больше беспокоит охота на монторпов… Задерживаются сильно…

— Чего?! — поперхнулась я, — охота на монторпов?!

— Ну… Дарн, мой брат, очень оригинальный человек… впрочем, как и любой гениальный творец. Надеюсь, ты с ним подружишься… как и с Халом. Потому что если нет… — быстрый взгляд на мои руки, — тяжело придётся. Кстати, ты правда *монайра*?

Последнее слово я не знала, но что-то похожее говорил Феррик, когда рассказывал о воспитанних-бастардах, поэтому кивнула. Слава богам, дальше расспрашивать Хелия не стала, только предупредила, чтобы я старалась не слишком сильно удивляться «мирской суете». Ещё она с гордостью добавила, что у них есть священник, причем «дипломированный». Что это значит, я не поняла, но постаралась изобразить радость как можно натуральнее.

Постепенно разговор сошел на нет. Хелия и Кора принялись обсуждать что-то на Простом языке, я же впала в задумчивость. Какого финика сиганула от монторпа в другое Зеркало?! Всё равно убийца-феникс застряла между мирами. Эх, перевязала бы ногу потуже, да прорвалась обратно. Хотя монторп… Ну тогда хотя бы из монастыря пораньше уйти. А теперь? Театр со священником, вживлённые оковы, некий безумный гений, гоняющий монторпов — монторпов! — по горам…

Похоже, выбираться придётся долго.

* * *

Сетчатый шар под самым потолком отбрасывал тонкие полосы света. Они сливались, потом делились натрое, потом сливались снова, и медленно перемещались вместе с заострёнными крыльями железных бабочек-светильников. Принимая игру в догонялки, сумрак весеннего дня медленно крался вдоль узорных ковров, на которых висело оружие ближнего боя вперемешку с музыкальными инструментами.

— Да ну? С чего это?

Мужчины по обе стороны от меня перевели взгляд на третьего, и от этого движения по выскобленным макушкам проскочили блики.

Я продолжала:

— Обсуждать и договариваться надо было раньше. Я, вообще-то, очень сговорчивая. Очень. Но разговора не было. Теперь не надо делать вид, что я вам что-то должна!

— О как. Мы тебе жизнь спасли, между прочим, — усмехнулся человек напротив, и присел на заваленный записями и рисунками стол.

Ореол чёрных волос резко выделился на фоне узорного ковра из бежевой шерсти. Кряжистый силуэт напомнил контур гор, в которых угадывается непреодолимая сила природы, созидающая и разрушающая одновременно. Именно такое впечатление и производил Дариан Хайдек, директор циркового театра, что подобрал меня, и «хозяин» механизма, который вживили в мой позвоночник.

— Забыла, так напомню: для таких, как ты, место вполне известно. Кстати, его можно упростить до ближайшего дерева. Так что не пытайся диктовать условия!

Интересно, за кого они меня принимают… Полукровка-Зрячая, понятно, но тут явно ещё какая-то закавыка.

— Кто диктует? Никто не диктует. Я просто говорю, что я вам не товар. Я вообще пострадавшая. Можно сказать, погорелица.

— Погорелица? В обители произошел пожар?! — нахмурился собеседник слева.

В отличие от Дарна, говорившего на чистом Высоком, этот человек говорил с таким же акцентом, что и Феррик. В остальном же, мужчина выглядел полной противоположностью покойного монаха: молодой, широкоплечий, с ясными глазами и зычным голосом. Если я правильно всё поняла, это тот самый священник, про которого говорила Хелия.

— Ну, в некотором роде да, пожар, — криво улыбнулась я, — ребята в форме побаловались. Шашлычков захотелось из мертвячины, аж склеп разорили. Ещё котлетки из книг сделали. А на десерт сготовили свеженькое, из здоровых людей.

— О Великий Апри! Сохрани души их… — широкая лапа описала в воздухе круг Великого Апри.

Похоже, и правда, священник.

— Что ты несёшь! Санитарные отряды жгут только незахороненые трупы, а выживших доставляют в ближайший город! — зашепелявил коротышка справа, миниатюрная копия религиозного бугая.

Лысый коротышка, способный облапать одним взглядом. Как там сказала Кора? «Клубок порока»? Очень меткое определение.

— Может, кто и доставляет, но конкретно эти ребята работали на полное уничтожение, — холодно ответила я, — видимо, не хотели возиться.

— Хм. А вот я бы на их месте повозился… — неожиданно подмигнул коротышка.

— Да ты у нас вообще не брезглив, — хохотнул Дарн и перевел взгляд на меня, — так, ладно. Ты сбежала от них, но не сбежишь от нас. Теперь ты здесь, прими это. Уверяю, театральная жизнь гораздо интереснее монастырской. Итак…

— Кто хоть зачищал? Цвет формы какой? Или, может, знаки различия заметила?

Спросивший стоял вполоборота, перебирая что-то на столе. Этот человек на «встречу» опоздал, вопросов никаких не задавал, и до сего момента я видела лишь его острый профиль и забранные в небольшой хвост пепельные волосы.

— В серо-зелёном. Знаки не разглядывала. Эй, аккуратнее!

Человек развернулся, держа в руках мой кинжал. Кристалл на нем нервно мигнул. В висках закололо.

— Отцовский?

— Да какая разница!

— Такая, что по крови или краденый?

— Сам ты краденый!

— Монторп тебя дери, Хал! — вспылил Дарн, — ну чего ты опять лезешь! Сейчас надо номер придумать, и поскорее! Итак. Как там тебя… Кетла… Кена…

— Кет, — мрачно подсказала я.

Как и с Ферриком в монастыре, смысла скрывать своё настоящее имя нет. Вряд ли они побегут искать Переходы, чтобы выдать новому режиму княжества Сетер некую Кетанию Селию Кадмор, единственную наследницу знатнейшего военного рода. Здесь я просто поолукровка-бастардка, сбежавшая из монастыря. То-есть, никто.

— Ах да, Кет. Итак. Отдавая должное твоей крови, я предлагал говорить по-хорошему. Похоже, ты так и не поняла. Сейчас покажу, что такое по-плохому.

Дарн достал из кармана небольшой золотистый шарик и показательно сжал его двумя пальцами. Тысячи тонких кусочков металла в позвоночнике превратились в лезвия. Всё тело пронзила боль. Я с трудом удержалась, чтобы не вскрикнуть.

— Ннууу?

— Так я что, я ничего. Я ж и не возражаю. И, кстати, никогда не возражала. Просто поймите, я совершенно не представляю, что могу сделать зрелищного! Разве что… обманки какие… вроде там исчезать, появляться, через стены проходить…

— Да! Тот наш танцевальный номер, если всё отразить в воздухе? — воскликнул коротышка, не сводя с меня глаз, — и добавить какие-нибудь там финтифлюшки, чтобы исчезали. И

одежда тоже… Да! Артисты почти без одежды… Такой павильон для взрослых!

— Трен, хорош уже, а! Задолбал мне артисток из строя выводить! — фыркнул Дарн, что-то записывая в блокнот, — хотя… отдельный шатер…

Он начал что-то рисовать. Хм. Как там Хелия сказала? Творческая личность? Ну-ну. Фигурно стриженная бородка, блестящие волосы, кружевная рубашка на крепких плечах. Пижон, явно. Но важнее, что ключ от оков у него. Как достать? Кража? Убийство? Соблазнение? Всё вместе?

— Замена монторпов, — внезапно прогудел священник, — раз уж охота не задалась, почему бы не иллюзии? В конце концов, это безопасней и для нас и для зрителей.

Дарн прератил рисовать и одобрительно хмыкнул.

— Ай да Курт! Ты как всегда прав. Кстати, я тоже думал об иллюзиях. Что у нас с кристаллами, Хал?

— Достаточно, — ответил молчаливый человек, который интересовался моим кинжалом, — даже на главный купол хватит.

— Отлично! После прокатившейся Красной Смерти люди скорее всего захотят чего-то волшебного… Да! Именно! — Дарн бросил блокнот на стол, — воздушные иллюзии! Итак, друзья мои, представьте: тёмный зал. Негромкая музыка. В воздухе открывается дверь…

Поток образов хлынул, как горная река. На каком-то особенно изящном повороте мысли, до меня дошло: если в ближайшее время не сбегу, то придётся на них работать. Играть. Развлекать со сцены. Боги! Сама мысль, что кто-то будет таращиться на меня, ухмыляясь и потягивая пивко, вызывала ярость и стыд. Всегда ненавидела быть центром внимания. На парадах обычно держалась в тени отца, на балах — терялась в пляшущей толпе.

Вдруг я поняла, что все молчат и смотрят. Вопросительно.

— Эээ… кхм… все варианты возможны. Но, в любом случае, мне понадобятся мои вещи. Это которые кинжал и медальон, — оскалилась я.

Памятуя тот странный эпизод с кинжалом, когда он появился из ниоткуда по моему желанию, я уже пыталась «звать» оружие… и получила страшные вспышки боли в Оррах. Вдруг разговорами получится?

Раскатала губу. Дарн нахмурился, в зелёных глазах зажегся гнев.

— Ты, похоже, не поняла…

— Дарн, у неё *живая* Нарна, — прервал директора «молчун» Хал, снова щёлкая по моему кинжалу так, что я аж

подпрыгнула, — ты именно поэтому девчонку и подобрал, помнишь? Она сможет делать выверты с пространством похлеще того бреда, что мы видели на отмели. И вообще, умерь пыл со своими идеями. Одни монторпы чего стоили! Полтруппы чуть не…

— Чегооо?! Эти тарволы перепились на охоте, и поделом получили! И ещё получат, от меня лично! Будут знать, как нарушать дисциплину! — вспылил директор, сминая блокнот, — на Тарпе перевешаю! А на счёт пространства — раз ты такой умный, то и занимайся с ней! Реквизит на тебе. Сейчас два дня на черновой вариант, потом начнём прорабатывать. Всё! Свободны!

От повелительного жеста «анубыстронавыходясказал» захотелось влепить Дарну с ноги, но благоразумие пересилило. Проблем и так по горло. Боги, почему директор не занялся мною лично? Нервный он конечно, да и пижон, но всё ж к ключу поближе. Кто знает, что на родине происходит, пока я в этой мокрой дыре, во всех смыслах, торчу! Не появлюсь дома в ближайшее время — всё пойдёт прахом. Так что доставать кинжал-ключ надо. Да хоть бы через клоуна этого озабоченного, Трена. На крайний случай, религиозный Курт покатит. Что с одним, что с другим, явно можно найти общий язык и повернуть дело себе на пользу. А с этим, четвёртым, как общаться?

Стараясь контролировать выражение лица, я повернулась к своему новому начальнику. Тот кивнул, и указал на выход из шатра.

По дороге выяснилось, что моего начальника зовут Халнер, он родной брат Хелии и сводный брат Дарна. В театре занимается в основном бумажными делами и немного реквизитом, особенно тем, что связан со всякого рода фокусами. Когда-то выступал и сам, но, как говорится, давно и неправда.

Шатер у Халнера был поменьше, чем у директора, но внутри устроен также: плотная занавесь по центру разделяла жилую и рабочую половины, так что вход с улицы вёл в своеобразный кабинет. Однако, в отличие от обиталища Дарна, здесь царил порядок: всё разложено по полкам, никаких пёстрых ковров или украшений, разве что несколько самоцветных друз перед ровными рядами книг. Книг! Уже лучше. А это ещё что?

Около правой «стены» стоял небольшой столик, а на нём что-то многоярусное, накрытое чёрной тканью. Ровные складки свешивалась до самого пола, и оттого сооружение напоминало алтарь. Сходство усиливалось золоченой клеткой, висевшей прямо над горкой. За тонкими прутьями порхало несколько птиц с огнём вместо перьев. Лепестки красно-коричневого Пламени облекали маленькие тушки, топорщились между угольных глаз, и

устилали дно клетки вместе с оранжевым пухом.

— О бо-кх-боже Апри, что это?

— Таусы. Что, не видела таких?

— Н-нет…

— Льенская порода. Лорд один подарил театру в благодарность.

— М… здорово… можно посмотреть, да?

Стоило подойти ближе, как птицы повернули головы, раскрыли клювы, и издали клокочущий писк. От неожиданности я подпрыгнула, и выругалась сквозь зубы.

— Да, голосок вот у них… немелодичный. Зато летают здорово, даже жаль иногда отправлять. Гоняют их почём зря, — Халнер вздохнул и с шелестом провёл по кипе конвертов на краю стола, — особенно некоторые… кстати, передай Хелии, чтобы зашла, ладно? Хорошо. Ну, к делу. Про монастырь расскажи ещё разок? А то я прослушал…

Я повторила свою историю. На этот раз рассказ занял уйму времени, потому что Халнер постоянно что-то спрашивал и уточнял. Вот бывают же такие зануды, а! Когда он, наконец, перешел к театральным делам, я была на взводе, словно пережатая пружина.

— …ну ёёё! Ну откуда у меня-то идеи?! Я вообще ничего не смыслю в театре!

— Хорошо-хорошо. Я уже понял, что Дарна ты не слушала. Но это неважно. Всё равно его идеи слишком сложно воплотить на практике, тем более, новичку. Однако появляться вообще ни с чем тоже не стоит. Думаю, не надо объяснять причину.

— Конечно не надо, — фыркнула я, демонстративно помахав тыльной стороной ладони, где пестрели узоры Орр, — но я уже сказала: не знаю, что смогу сделать зрелищного. У меня нет к этому ни склонностей, ни способностей!

Халнер поджал губы и вздохнул. Потом сделал странное: снял с ближайшей полки толстый фолиант, протянул мне разворот и сказал читать. Но книга оказалось пустой! Я попыталась возмутиться — безрезультатно. Пришлось выкручиваться.

— Свйства прозрачных кристаллов зачастую бывают весьма парадоксальны, и от оператора может потребоваться умение сосредоточиться на транслируемом образе, — припомнила я особо занудные фолианты, которые читала в монастыре Тмирран, чтобы уснуть, — в то же время, для установления лучшей связи и достижения… кхм… пятно какое-то… достижения трансцендентального эффекта восприятия действительности, необходимо частично расщеплять сознание реципиента…

— Всё, всё. Достаточно. Теперь смотри сюда.

С этими словами Халнер забрал у меня книгу, вынул из-под стола шкатулку, а из неё — прозрачный куб.

— Теперь сосредоточься. Поймай разумом пространство кристалла. Сделай-ка стирального быка. Можно мелкого.

— Ст-тирального быка? — опешила я, — зачем?

Знать бы ещё, что это…

— Ай, хватит, сейчас действительно серьёзный разговор. И в благополучном исходе заинтересована лично ты.

— Лично я?

— Да.

— Заинтересована?

— Орры — неприятная штуковина.

— Орры? Ах, Орры!.. Да монторп вас всех дери! Хватит! Хватит мне угрожать! Я разгромлю весь этот балаган по косточкам! Вы меня не знаете! Хотите действий, так дайте ресурс! Чёткий план! Не надо мне какую-то дрянь подсовывать! И хватит так смотреть! Хватит, я сказала! Ненавижу, когда меня разглядывают!

Голос сорвался на визг. Вдруг я поняла, что стою в полном боевом облачении, кругом полыхает пламя, а до самого горизонта простирается разгромленный лагерь. Потом видение растаяло.

— Вот видишь. Взрывная иллюзия на ура, и говоришь без подготовки складно. А то склонностей нет, способностей нет… Что? Пустая, пустая тетрадь, успокойся.

Усмехнувшись, Халнер поднялся, и поманил меня маленькому столу. Под чёрной тканью оказалась большая и подробная модель амфитеатра из переплетения железных и деревянных рам.

— Смотри внимательно, на модели покажу, что надо будет делать. Конечно, для нормального номера нужен качественный реквизит, тут ты права. Но основной инструмент — твои мысли и камни-проекторы. Ну? Иди сюда, иди, не покусаю.

Пришлось встать и, проклиная всех богов, начать первую тренировку.

Аркан I. МАГ
Глава 5. Работать нельзя отказаться

Мои родители брали домой исключительно потомственных рабов — дорогих, умелых, безвольных, преданных. Только сейчас я поняла, почему.

Строго говоря, моё положение мало походило на рабство. Я спала в кровати, ела за общим столом, имела право смотреть в глаза, спорить, мыться чистой водой, а не использованной, и так далее. Не так уж и плохо — если забыть, что уйти дальше некоего расстояния невозможно, и совсем забыть, что надо возвращаться в свой мир. Хорошо хоть, театр пока не снимался с места. Однако репетиции уже начались.

Предполагалось, что я буду ваять иллюзии, неотличимые от реальности — монторпа и сказочную легенду-калейдоскоп. «Укрощение» получилось буквально с первого раза, ведь я видела монстров вживую; но вот о легендах мира Мерран оставалось только догадываться. Мой непосредственный начальник, Халнер, показал несколько полезных приёмов, даром что сам когда-то выступал иллюзионистом. Это помогло, но только поначалу. Взбешённый моей «тупизной и бесталанностью», директор театра Дарн периодически напоминал Тарсумского рабовладельца, живущего по принципу «хороший раб — битый раб». Только плети и палки — не для Мерран: здесь действовали тоньше. Достаточно сжать ключ, и вживленные в позвоночник Орры раскалялись, вращались, дергались. Я корчилась от невероятной боли. В итоге, меньше, чем через десять дней, первоначальный план «тихо наблюдать, выкрасть, свалить», превратился в «убить эту суку, ограбить, и сдристнуть».

Убить. Но как? О местных ядах я не знала ничего. Задушить или перерезать глотку во сне — не вариант: на шатре Дарна стояла тонкая свертка, провести через которую мог только хозяин. Нападать среди белого (пускай и сумеречного) дня в лагере — форменное самоубийство. Оставалось застрелить, да где-нибудь подальше. Только из чего?

Если в театре и имелись боевые скорострелы, то немного, и все хранились далеко и под замком. На моё счастье, с охотничьими обращались проще — держали в простых деревянных ящиках без замков. При таком раскладе достать более-менее годный скорострел и болты проблемы не составило. Подкараулить Дарна в подходящем месте оказалось сложнее.

Палаточный лагерь располагался неподалёку от городка,

который выкосила Красная Смерть. Хелия сказала, что Дарн выбрал именно такое соседство потому, что подобные места дают вдохновение… но, увидев состоятельные дома за высокими заборами, я поняла: вдохновение ни при чем. Мародёрка. Всё дело в ней. А чего? У Дарна достаточно высокая кровь, зараза не прилипнет, а ценности есть ценности.

Дорога до городка пролегала по лесу — густому переплетению коварных кустарников и разномастных деревьев. В итоге я сильно отстала, и потом долго блуждала по мертвому поселению. Наконец, увидела. Директор шел медленно, едва переставляя ноги. Одна кисть у левого уха, вторая стучит по бедру. Ноги то на мысках, то на пятке. Это ещё что за припадок?

Нарезав круга три по улочке, Дарн прекратил свою сонную «пляску». Встряхнулся, твердым шагом направился к ближайшему дому. Он более всего походил на таверну, причем с «открытой» частью — с трёх сторон проходила огромная галерея, заставленная столами и стульями. Вся мебель сохранилась, будто не существовало зимы, ветров, и снега: полированные доски в два-три пальца толщиной стояли нерушимо.

Пока Дарн искал место, где бы присесть, я приметила что-то вроде стойла. Повезло: выходило это безобразие ровно к той стороне, где пристроился «клиент». Вдвойне повезло, что на эту часть галереи светило солнце, точнее, его тонкий серп, иначе пришлось бы стрелять в зимнее-весенней полутьме. Благодаря богов за хорошую цель, я прислонилась к одному из столбов стойла, и вскинула скорострел.

Стоило опустить палец на спусковой крючок, как Дарн подпрыгнул. Посмотрел вниз, начал что-то яростно топтать. Потом так же резко перестал. Достал из личного подпространства местный вариант кифары, начал наигрывать весёлую мелодию. Нашел место! Я сплюнула и переместилась, ища новую позицию. Под каблуком что-то хрустнуло. Тьфу ты! Мокриц ещё не хватало! Грёбаный мир! Шестилапых зверей им мало, насекомые эти ещё!

Дарн перестал наигрывать и начал что-то мудрить со струнами. Прекрасно! Я тоже остановилась и даже оперлась на небольшие перила. Потому что в себе-то не сомневаюсь, а вот скорострел — дрянь. Ну да ничего, башка директорская как на ладони. Главное не двигайся, не дви…

Что-то ледяное побежало по затылку. Чтоб тебя! Не отрывая взгляда от прицела, я сняла с себя нечто скользкое и отбросила прочь. Боги. Нет, даже смотреть не буду! Сейчас главное — Дарн.

Поздно. Тех нескольких мгновений, что я отвлеклась, хватило, чтобы директор дотянул струну и сел так, что голова оказалась за одной из стоек, что поддерживали крышу галереи.

Моторпы раздери! Я сделала два шага в сторону. Снова навелась. Замереть. Задержать дыхание. Надави…

Иииииии!!

По сравнению с моим родным миром, в Мерран насекомые совсем небольшие: большинство помещалось в ладонь. Но нет правил без исключений. Сейчас с другой стороны скорострела, ухватив жвалами болт, смотрела мокрица. Чёрная мокрица размером в полторы меня. Пластинчатый панцирь местами порос то ли мхом, то ли плесенью, а из-под него торчало множество маленьких ног, которые терлись друг об друга, и издавали свистящий шелест.

Я лихорадочно спустила скорострел — раз! Другой! Третий! Тщетно. Потянула оружие на себя, но мокрица оказалась сильнее. Вторая пара черных жвал вцепилась в дуло, сминая металл, словно яичную скорлупу. Боги! Сожрёт и не подавится!

Резко выпустить приклад. Отпрыгнуть назад, наткнуться на стену, прыгнуть вбок. Лишившись противодействия, мокрица сильно качнулась, но не упала. Заглотнув исковерканный скорострел, метнулась ко мне.

*****!!

Мерран есть Мерран. Дома я бы оттолкнулась от подвернутого пространства, вскочила на крышу, с неё на забор, и скакала бы дальше, покуда хватило бы сил на свертку. Но здесь всё произошло наоборот. Невидимая пружина пнула под зад. Я с воплем полетела ногами вперёд, прямиком на Дарна.

Перила, стропила, изумлённое лицо директора. Пнув Дарна в грудь, я «взлетела» уже к потолку и уцепилась за небольшую люстру. Тут же что-то щёлкнуло, подалось вниз. Туда, где противно шелестя ногами, через парапет галереи лезла мокрица.

— Господь всесолнечный всемогущий, ****! — послышалось бормотание Дарна, — знавал я много женщин, но чтоб так…

Директор встал, кряхтя и потирая грудь. Увидел мокрицу, присвистнул. Замер. Люстра подо мной подалась на пол-ладони.

— Бей эту тварь! У тебя оружие! Бей! — заорала я.

— Чего? Чего ты там бурчишь? Говори нормально!

Извиваясь, мокрица поползла вперёд. Потом остановилась под люстрой. Потянулась ко мне, оставив на полу крохотную часть тела.

— Слушай, а ты ей нравишься, — прокомментировал Дарн, — это хорошо. Содержать их только трудно. Но я разрешаю. Животное редкое, в тот номер к Отто впи…

Со страшным скрежетом и брызгами штукатурки, люстра рухнула вниз. Часть её вертикальных труб воткнулась в деревянный пол, часть погнулась о панцирь мокрицы, часть

придавила несколько ног насекомого. Спружинив о пространство, я приземлилась дальше по галерее.

— Ба-аа… да ты *камойра*… — задумчиво сказал Дарн, меряя меня взглядом, — хотя да. Что-то такое в тебе есть… Ну, тем лучше. Свою *моружу* поведёшь сама. На что приманивала-то? На рыбу или птичек?

— А… это… а… ээээ… каких пти… — вдруг я поняла, что говорю на родном сетерском, и замолкла.

Тем временем оглушённая мокрица привстала, заметалась. Выплюнула что-то под ноги директору. Потом свернулась и начала освобождать придавленные конечности.

— Та-ак… — Дарн пошевелил носком сапога остатки скорострела, — та-аааак… птички, значит…

Всю дорогу до лагеря мы не разговаривали. Дарн что-то насвистывал, пугая лесных обитателей, а я мысленно ругала себя, богов, судьбу, и долбанных насекомых. Почти половину пути пришлось провести на деревьях: мокрица увязалась следом, и то и дело пыталась подползти ко мне поближе.

На подходе к лагерю, мы наткнулись на Халнера. Он вышагивал по поляне и рыскал в траве, вытягивая и приторачивая к поясу тушки мелких животных, похожих не то на крыс, не то на белок.

— О, ещё один любитель питательных добавок, а? — фыркнул Дарн.

Потом, схватив меня за локоть, толкнул вперёд так, что я чуть не упала.

— Она не монайра, а камойра, ясно? Да ещё с Севера, походу! Шарила на тарабарщине своей! Чтоб следил за ней, понял? Глаз не спускать! Слышишь меня?

— Слышу, не глухой, — поморщился Халнер, — а я тебе сразу сказал, между прочим, что дело не чисто. Ладно. Трагедии тут нет, главное, на посту помалкивать.

— Еще бы! Да, и вот ещё что…

— А-ааа! — вскрикнула я, пытаясь прыгнуть на дерево: отставшая было мокрица опять тут как тут, и начала тереться о мои ноги.

Захохотав в унисон с Дарном, Халнер поймал меня в прыжке и переставил по другую от себя руку.

— Не визжи, они не кусаются, — проговорил он, ловко отпинав мокрицу прочь, — это не северная *перужа*, хоть и похожа. Чем умудрилась прикормить-то? Угрями?

— Железом, — ответил вместо меня Дарн, — скрострелом Тойбера, насколько понял по отрыжке. В попытке изощренного самоубийства.

— Ого-ооо, — протянул Халнер, и смерил меня тем же взглядом, как давеча Дарн, — а я-то всё думал…

— Вот думать надо лучше! — огрызнулся Дарн, — ладно, пошли. Жрать охота.

— Вообще-то ужин давно…

Директор не слушал, просто развернулся и потопал по едва заметной тропке между деревьями. Халнер вздохнул, почесал висок. Посмотрел на меня. Почесал щетинистый подбородок.

— Ну что, деятельница? Вперед!

Стоило пошевелиться, как из травы высунулась мокрица. Поползла ко мне. Я взвизгнула. Халнер закатил глаза. Сдернув тушку белкокрысы с пояса, бросил её на землю. Мокрица исчезла, из травы донеслось хрумканье. Бочком-бочком, я ушла на тропинку.

Сначала мы двигались молча. Потом я всё-таки спросила:

— Так что, ужин уже прошел? Это мы и вправду так долго?

— Да. Но это ничего, Хелия опять пирожков напекла, словно последний день живёт. Так что предлагаю чай. Заодно расскажешь, за что тебя закрыли.

— Сп-пасибо, а… в смысле закрыли?

— Осудили за что? Потому что если ересь, сдадим тебя на посту без разговоров.

— А… это… — до меня потихоньку начал доходить смысл слова «камойра», — убийство. Да. Вот. Убийство. Только это… причем тут суицид? Да, не знаю. Правда, не знаю! Так причем?

— Пффф… Да при том, что если хозяин Орр внезапно умрёт, особенно от руки своего… ну, назовем это. подопечного, то-есть, например, получит болт между глаз, этот подопечный тоже умрёт. Совсем умёт. Тут же. Орры сработают — и все. Даже Высокая кровь не поможет.

— Как умрёт?! Не может быть! — я резко остановилась, — так не бывает! Оно не может так работать!

— Может, Кети, может, — устало ответил Халнер, тоже останавливаясь.

И добавил, глядя в глаза:

— Проверять не советую.

— Очень надо! — фыркнула я, отворачиваясь и сглатывая комок в горле, — даже мысли такой не было. Бред.

* * *

Чтобы вытерпеть боль и унижение и не сойти с ума, нужно смириться и принять, что происходит. Увы, я не понаслышке

знала, что это верно. Но сейчас отрешиться от происходящего категорически не получалось. Я почти физически чувствовала, как утекает время. Каждый день, каждый час отдаляли меня от всего того, что я оставила дома: многоходовка, месть, войска, кровь тех, кто решился мне помогать, отчаяние тех, кому теперь ничем не поможешь…

Мне бы самой кто помог. После неудачного покушения, Дарн не давал спуску, наказывал за малейший промах. Теперь позвоночник ныл, словно невидимые песчаные точильщики жрали его изнутри. Отдохнуть и восстановиться тоже никак: Дарн приказал не спускать с меня глаз. Однако Халнер сослался на кучу бумажной работы, и отказался заниматься со мной больше обычного. Замещать его вызвался Трен — второй помощник Дарна и тот самый «клубок порока», про которого мне говорили лекарки ещё в лазарете. Их рассказ оказался одновременно правдив и ложен. На первом же «занятии» старый клоун предложил вкусную настойку, хорошую закуску, и культурный обмен — взаимное удовольствие и свободы от Орр.

— Двойной выигрыш, девонька, как ни крути, — ухмыльнулся он, глядя на меня через пузатый бокал с голубоватым вином.

Сделал глоток, и продолжил, потупив взгляд:

— Впрочем, я тебя не тороплю. Понимаю, ты в замешательстве… монастырь не располагает к познанию тонкостей любви, всё такое. Но помни, — он взял мою руку и начал целовать пальцы один за другим, — всему можно научиться…

Отказаться от такого предложения неразумно. Нелепо. Глупо. В конце концов, такой путь на свободу ничем не хуже того же убийства. Разновидность брака по расчёту, можно сказать. Так что я согласилась… сначала. Но едва чужая потная ладонь оказалась под одеждой, как меня начала бить дрожь. Показалось, я снова в той комнатушке с голыми стенами, а со всех сторон — твари, твари, твари, и бесконечный круговорот тычков, смешков, плевков, хлюпающей боли. В итоге Трен получил по лицу, а я выскочила из шатра, и помчалась, куда глаза глядят.

Когда лес сомкнулся со всех сторон, я остановилась. И без того тусклый, день здесь померк почти полностью. В густом полумраке шуршали, скреблись, и пиликали невидимые жители другого мира. Мира, который держит меня в плену. Мира, который никогда не станет своим. Мира, их которого я не могу вырваться… из-за собственной глупости и щепетильности. Сколько бы ни выжидал Трен, переступить через себя я не сумею. Дура!

Я развернулась. И изо всех сил саданула ногой по ближайшему дереву. С него тут же упало несколько продолговатых плодов размером с ладонь. Раскололись, брызнули соком во все стороны. Тьфу, гниль! Брезгливо вытерев лицо, я развернулась, и саданула другое дерево, низкое, с широким трухлявым стволом — от удара он раскололся. Ещё пара ударов — уже руками. Полетели щепки. Снова ногами, но в прыжке — и дерево превратилось в бесформенную груду мусора. Глаза застилали пот и слёзы. Тяжело дыша, я оперлась ладонями о колени и несколько раз глубоко вдохнула.

— Вот это да!

— Ого! Ты где так училась?

Я вытерла лицо и обернулась. На краю крохотной прогалины стояли двое ребят — широкоплечий детина с бритым черепом, и симпатичный парень с темными кудрями по плечи.

— Вам какое дело? — зло ответила я.

— Да никакого, ващет. Так, интересненько, — улыбнулся темноволосый, — ты с кем выступаешь? У Курта с гладиаторами?

— Иллюзионистка она! — пробасил бритоголовый, — помнишь, я те говорил, у реки…

— Да помню, помню. Ну что, приятно познакомиться, я Маро, обычно акробатом выступаю. А этот вот, — кивок на детину, — Отто. Гладиатор. Ну, по нему заметно.

Говорили ребята на Высоком, и довольно бегло. Выговор у детины Отто похуже, у симпатяги Маро — получше. Не смотря на небольшие размеры «театрального посёлка», раньше я их не видела. Зато слышала разговоры про нескольких самых сильных и ловких артистов-охотников, которых Дарн послал в горы добывать живого монторпа, что из четверых вернулось двое, и сильно покоцаные. Судя по перебинтованной голове Отто и сложным металлическим конструкциям на предплечьях Маро, я имела удовольствие видеть именно их.

— Приятно. Я Кетания. Зовите Кет. Иллю… аййй, да что ж такое…

Я яростно потёрла глаза — сок от тех плодов попал на роговицу, и теперь она зверски чесалась.

— Что это? — вдруг вскрикнул Отто, подозрительно принюхиваясь, — что-то *аори* пахнет перезрелой…

— Да, тут упало чего-то… — махнула я в сторону давешних плодов.

Ребята переглянулись, сделали несколько шагов ко мне. Вгляделись в траву.

— Слышь, ты чего ваще?! Жить надоело? Она же брызнуть может! Что?! В глаз?! А ну давай в лазарет, быстро! Да не туда!

Сюда! За нами!

Возбуждено переговариваясь на Простом языке, ребята «конвоировали» меня до обиталища лекарок. Едва войдя, заголосили резче и быстрее. Эвелин и дремавшая в уголке Кора подпыгнули, закричали что-то в ответ, и тут же всучили мне какой-то гадостный отвар. А потом ещё. И ещё. И ещё. Закапали в глаза чем-то жутко вонючим и жгучим, наложили повязку. Затем раздели, намазали мазью, завернули в простыню. Я пыталась возмущаться, но в ответ получала лишь шипение.

А потом началось.

Уже после, когда кучки мелких червей выделились со слюной, мочой, и потом, мне наконец-то пояснили, что к чему. Оказалось, что деревья *аори* с каменными зернами — пришельцы, привнесённые Катастрофой. Безвредные сами по себе, деревья быстро стали излюбленным местом мельчайших личинок-спор насекомого-гриба *сейши*. Скормив мыши кусочек ткани, в которую я усиленно потела, Отто и Маро наглядно показали последствия. Весьма неаппетитные: сейши не просто наводняет тело хозяина, а постепенно прорастает в нём, разрывая носителя изнутри. А Эвелин добавила, что избавиться от личинок можно только на самой ранней стадии, пока они не укоренились в теле. Так что опоздай мы буквально чуть-чуть, последствия бы настигли неизбежно.

Впрочем, они настигли и так. Узнав о происшествии, Дарн не преминул наказать меня за невнимательность и наплевательское отношение к здоровью. Ценная собственность, как же. Только непонятно, что для директора всё-таки важнее, «ценность» или «собственность». Когда я додумалась спросить об этом, то чуть не потеряла сознание от боли: Дарн ненавидел неудобные вопросы. И если бы прозвучал следующий, покоиться бы мне на дне реки в тканом саване. Или на костре, не знаю, как они тут хоронят. Но не срослось: в самый ответственный момент появился Халнер, и увёл Дарна «решать более важные вещи».

Глядя на удаляющиеся высокие фигуры, я почесала Орры и вдруг подумала, что не знаю, которого из братьев ненавижу больше. И за что.

* * *

В лазарете я валялась три дня. Кроме зуда и жжения в глазах, паразиты «наградили» ещё и приступами головокружения. Эвелин объяснила это тем, что некоторые из личинок начали укореняться, но от лечения погибли, и теперь медленно

разлагались моим телом на составляющие. На вопрос, почему же я не подыхаю от заражения крови, хотя внутри что-то гниёт, лекарка посмотрела *так*, что язык сам собой засунулся в известное место. Действительно, каждый должен заниматься тем, в чем лучше всего понимает.

Я же не понимала ничего. Точнее, не хотела понимать. Ни понимать, ни верить. Когда на третий день зуд в глазах почти прекратился, и я вышла прогуляться, то не узнала местность: лагерь сворачивался. Только и оставалось, что беспомощно наблюдать, как разбирают шатры, домашних животных загоняют в клетки, громоздкие вещи складывают в подпространственные «кладовки». Хитро придумано — выкроить огромный «карман» между дисками серебристого металла! Главное, стабильное пространство позволяет так выпендриться. Диски находились друг от друга на расстоянии полтора человеческих корпуса, некоторые пары могли «отстегиваться», чтобы погрузить, например, шкаф. Или стол. Или сундук. Или… Да какая разница, монторп их раздери! У меня-то вещей никаких нету — ни кинжал, ни медальон так и не вернули.

Раздался крик — тонкий, жалобный. Раздался и угас, словно уголек на мокром песке. Зитика, местная птица, по здешним поверьям, считающая время жизни. Чьей жизни? Как? Отчего?…

Я укусила тыльную сторону ладони — там, где просвечивали завитки Орр. Выгрызть, выгрызть, выгрызть эту дрянь! Мне нельзя здесь оставаться, нельзя! Дома мне поверили. На меня надеялись. Из-за меня, а порой и за меня, умирали. Даже невинные дети — каждый птичий крик теперь напоминает крики со второго этажа усадьбы Бассеров. А я? Взяла и пропала. И не только я: солидная часть «казны», из которой планировалось заплатить войскам, лежит в тайнике, про который знаю только я. И теперь что? Кто я теперь получаюсь?…

Крепче сжать зубы, крепче. Вот, уже поскрипывает металл…

— Не сработает.

Я буквально подпрыгнула. Обернулась. Встретилась взглядом с пронзительно-синими глазами.

— Невозможно выгрызть. Невозможно вырезать. И выжечь. И отравить. Только снять. И только с ключом.

Эвелин говорила тихо, но отчетливо. Даже шум сборов не мог заглушить ее голос, в котором сквозило сочувствие.

— Я пыталась, — лекарка взяла мою руку, достала из кармана платья коробочку, и начала мазать прокушенное место, — всё перепробовала. Их ничего не берет. Абсолютно.

— И что же мне делать? Мне нельзя здесь! Я не хочу! Я… я же, в конце концов, ничего не умею!

Эвелин вздохнула. Убрала мазь. Взяла меня под локоть.

— Пойдем. Я как раз на днях собрала первоцвет пяйца. Хорошо помогает.

— От чего? От Орр? — фыркнула я.

— Нет, — Эвелин снова вздохнула, — помогает… терпеть не могу это слово, но…

Она замолчала, снова вздохнула. И тихо произнесла, словно через силу:

— Смириться…

Аркан I. МАГ
Глава 6. Игра в жмурки

Шестиногие тягловые животные, похожие на волов, тянули повозки вдоль реки Ледяной, той самой, в которой мне чуть не довелось утонуть. В наземные глубины Мерран вела единственная проезжая дорога — широченный тракт с гладким пружинящим камнем. Вела, вела, и уводила прочь ото всего, что я знала, умела, желала. Да, нечто подобное уже приходилось пережить, но тогда я хотя бы понимала, чего ждать от мира во всех смыслах этого слова. Сейчас же дорога вела в буквальном смысле слова в никуда.

Единственное, что помогало не свихнуться, это посиделки с Эвелин в лазарете. В отличие от большинства артистов, лекарка замечательно знала Высокий язык, но главное — тоже носила Орры, а общая беда сближает. Мы перекладывали и растирали травы, болтали, молчали, обменивались ощущениями, как у кого ноют «незримые оковы» на перемену погоды. И всё же история, как и почему молодая лекарка оказалась пленницей, так и осталась тайной.

Кроме самой Эвелин, я начала регулярно общаться с её «постоянными клиентами» Маро и Отто. Эти ребята, что спасли меня от паразитного плода, и правда оказались теми самыми выжившими после охоты на монторпа. Не смотря на довольно неприятные раны, я ни разу не видела, чтобы юноши грустили. Наоборот, они постоянно подбадривали меня, рассказывая театральные байки — мол, не так все плохо, а даже интересно. Я смеялась, восхищалась, верила… Но видела всё равно другое. Ведь Дарн не отменял репетиций.

Вернее, отменял. Но только не для меня.

Со стороны это, наверное, выглядело забавно. Практически на каждом привале, Дарн заставлял меня ужинать вместе с ним и его помощниками, но не давал нормально поесть, пока выбранная часть номера не выходила без огрех. Я нервничала. Живот подводило от запахов еды. Я сбивалась. Директор хмурился, священник Курт вздыхал, клоун Трен качал головой… а брат директора Халнер, он же — мой наставник по работе с пространством — незаметно откладывал в сторону вкусные куски, которые скармливал мне после того, как Дарн заканчивал измываться. Семейка извергов, монторп их подери!

Потом от дороги стали отходить посыпанные мелким щебнем проселочные дороги. Все они вели в никуда, точнее, к вымершим

городкам и деревням. Поначалу Дарн пытался мародерить, но быстро плюнул. Решив не размениваться по мелочам, он двинул караван в ближайший крупный город.

Речной стоял на широком изгибе Ледяной реки, и носил гордое звание столицы Предгорного округа. Судя по картам, округ этот занимал главным образом лесистые предгорья Великого хребта, некоторую часть гор до Полуденного ледника, и немного болот на востоке… Не самый большой округ в Мерран. Но три средних княжества моего мира будет.

Театральный караван подошел к Речному со стороны предгорий. Дорога вилась между высоченными холмами, и заканчивалась в лощине, перегороженной заставой: каменные деревья в четыре человеческих роста, хищный плющ по краям и крыше, толстенные решетки ворот. Ну и украшение в виде троих относительно свежих висельников — двое молодых ребят и девушка. Полуголые. На груди, лбу, спине — клейма диска Апри, да такие глубокие, что видно кости.

— Храни Великий Апри! Еретики! — ужаснулась Хелия, хозяйка повозки, в которой я ехала.

— Эээ… их ведь сжигают, вроде? — аккуратно спросила я.

— Конечно! Но эти, видимо, не осквернители, — качнула головой Хелия, — слышала, политических частенько вздергивают. Позорище! Глупости свои толкать! Даже Эпидемия не помешала! Как такие только ходят под солнцем!

Она поёжилась, и хлестнула тягловых шестиногов. Я снова поглядела на висельников, и вдруг заметила на спине одного из них кровавые линии, похожие на узор Орр. Хм. Политические еретики, значит. Интересненько…

Тем временем, повозка заехала на площадку, где собирался караван для тщательного досмотра. Он продлился почти три дня. Досматривали всё: повозки, вещи, подпространственные «шкафы». И, конечно, переписывали людей.

Оказывается, в Мерран издревле велась огромная База Крови, в которой хранились сведения о гражданах Империи. Туда писали всё — происхождение, болезни, перемещения, так что вместо подорожных грамот и именных пластин, здесь просто прокалывали палец. Всего одна алая капля — и на задней стороне громоздкого ящика постовой мог прочесть имя и любые другие сведения, включая перенесённые болезни.

Нервный момент. Весьма нервный — меня не могло быть в этой базе по определению. Однако Дарн проявил чудеса не только говорливости, но и щедрости. Не по доброте душевной, конечно. Просто неприятностей не хотел. Афишировать, что подобрал преступницу из Высоких, то-есть, *камойру*, значило попортить

репутацию. Так что я заняла место погибшей на охоте акробатки Аделаиды Адони. Убирая в стол тяжелый кошель, солдаты вдруг осознали, что вовсе не обязательно рвать задницу, тщательно проверяя каждый сбой записи, тем более в неразберихе после Эпидемии. Мои Орры тоже никого не заинтересовали: у Дарна оказался некий мутный социальный статус, который позволял использовать полноценных людей в качестве слуг, хотя такое бывало не часто: рабства в Мерран давно упразднили. Некоторых преступников-простолюдинов, конечно, заставляли работать, но только на рудниках некоего *меррила*, который требовал исключительно человеческих рук. Для всех тяжёлых и грязных работ существовали перерожденцы — бывшие «тяжелые» преступники, и инвалиды, которым возвращали любые конечности, зато отнимали человеческое сознание.

Наконец, все театральные телеги и повозки выстроили в ряд перед боковыми воротами, и дали отмашку. Ожидая своей очереди, мы с Эвелин сидели на козлах медицинской повозки, привычно болтая о том — о сём..

Вдруг у главных ворот началась шумиха: хлопки, звон металла, улюлюканье, свист.

— Держи! Держи! — раздались крики на Простом языке, — держи скотоложцев!

Привстав, я увидела, как из здания заставы выскочили двое. Тёмные волосы по плечи, большие черные глаза, смуглая, по меркам Мерран, кожа. Беглецы ринулись напролом через очередь. Юноша расталкивал всех встречных широченными плечами, массивная девушка жалась к своему другу и колотила увесистой сумкой любого, кто пытался приблизиться.

— Глянь, преступники что-ли? — ткнула я локтем Эвелин.

Просвистел болт, кто-то подставил подножку. Две фигуры упали на камни дороги. Лекарка молчала, и неотрывно глядела туда, где упали беглецы.

— Ну-ка, чего там? Ай, монторп тебя! — выругалась я, буквально падая обратно на сиденье, — слышь, обзор не загораживай! Не прозрачный!

— А ты подпрыгни повыше! — огрызнулся залезший к нам Маро, — когда ещё полушек посмотреть! Они ж почти не выживают, а тут аж двое и совсем взрослые! Нет, ты тока глянь!

Толпа расступилась. Солдаты скрутили и подняли на ноги обоих нарушителей спокойствия. Я с удивлением увидела, что под широкополыми шляпами молодые почти-люди прятали небольшие рожки и пару крохотных коровьих ушей, что росли чуть выше обычных человеческих. Если бы не это, отличить существ от обычных людей было бы невозможно.

— О Великий Апри, помоги им! — раздался всхлип.

Я повернулась и увидела, что Эвелин щиплет себя за круглые шрамы на запястьях, и ревёт. Вот тебе на!

Тем временем пару разлучили и повели к клеткам для будущих Перерожденцев. Юношу едва удерживали уже четверо солдат, а девушку — трое. Существа вырывались и что-то отчаянно кричали, или скорее, мычали, друг другу. Наконец, всё стихло. Очередь снова потянулась на проверку.

— А это кто? Полушки? Это такие кадарги?

— Да ты чего, Кет! Ну, совсем глушь у вас в этом монастыре! — Маро посмотрел на меня, как на идиотку, — полушки от двух перерожденцев рождаются! Такое вообще редко происходит, да и мрут они обычно в детском возрасте. Но если вырастают, так это почти люди, даже соображают нормально, только вот тело с небольшими изъянами и…

— Изъяны! У тебя самого везде изъяны! В голове особенно! — вскричала Эвелин, сжимая кулаки и вскакивая в полный рост, — они люди! Люди! Все! Даже Перерожденцы больше люди, чем эти скотские власти! Чем вы все! Ненавижу! Ненавижу!

Топнув ногой, она чуть не скинула меня с козел и рванулась в повозку. Из темноты донеслись приглушённые рыдания.

— Эв? Ты чего, Эв? Вот ведь…

Я поправила почти сорванный полог и повернулась к Маро.

— Чего это с ней?

— Да, так, бред всякий… — поморщился он и застегнул вход.

В этот момент очередь продвинулась. Волы зафыркали, прошли с десяток шагов вперёд, и снова встали. Маро что-то буркнул и попытался спрыгнуть на землю.

— А ну сидеть! — я дёрнула парня за рубаху и усадила обратно на скамейку, — давай, по Эвелин колись. Ты, хитрец, все про всех знаешь!

— Эвелин? А что Эвелин? Я не знаю ниче-ааааай! Ну чё ты дерёшься вечно! Монторп тебя! Эх… ладно, — Маро поморщился и понизил голос до шепота, — ты тока не болтай, ясно? Видишь ли… пару лет назад у неё роман с полушкой был. Как раз в Речном прибился тогда к нам пацан разнорабочим, за кадаргами приглядывать. Ну да, да, Дарн тогда ещё кадаргов в театре держал. Ну вот. То да сё, Эви с пацаном закрутила, чуть что не венчаться надумали. Вообще хороший он был, честно… но иголку в заднице не спрячешь, Дарн просёк, что полупер этот парень. Тут, конечно, они с Халнером сдали пацана куда надо, а всем сказали, что просто сбежал. Ну, чтоб скандала не было. А на Эви надели Орры, чтоб сбежать не могла. Ну и руки на себя не наложила, ага, есть у них такое свойство… Так что вот так.

Только траурные метки на руках и выжгла. С тех пор перерожденцы для Эви больной вопрос. Ну и с дядей не того… не в тёплых отношениях.

— Да уж наверно…

Я почесала за ухом и подавила желание нырнуть в повозку. Помочь я не могу, посоветовать тем паче… Лучше пирожков ей притащу, как на месте распакуемся.

До этого самого места, где власти города разрешили поставить шапито, добирались ещё долго. Сразу после заставы началось огромное пепелище с единственной расчищенной дорогой — ухабистой, мокрой, грязной. В этой самой грязи по обочинам сидели улыбающиеся оборванцы, от мала до велика, обоих полов, и пытались торговать — кто опалёнными предметами, кто скудным урожаем, кто собой. Оплату при этом брали не золотом или серебром, а чем-либо таким же «натуральным»: шел праздник Правого месяца, и обмен дарами Великого Апри приравнивался к молитве. И, поскольку в театре нашлось немало, «истово верующих», особенно среди молодых мужчин, караван плёлся довольно вяло.

Пошел дождь. Дорогу размыло окончательно, некоторые повозки пришлось вытаскивать металлическими волами. Затем начался порт — огромное пепелище, на котором в беспорядке строились временные бараки и склады. Потом караван подошел к реке. Когда примерно половина повозок укатила по мосту вперёд, раздался протяжный свист. Мост перегородили, оставив половину театра торчать у самой кромки воды. Пришлось ждать, пялиться на поднятые в воздух части переправы, и проплывающее между ними огромное нечто, похожее не то на рыбину, не то на доску с хвостом. За рекой дело пошло веселее — дождь закончился, да и город стал, собственно, городом, в котором росли двух-трех этажные усадьбы. Именно росли: их деревянные стены вились по каркасам, выплетая окна и двери, а толстые листья сливались в фигурные крыши.

Главное шапито поставили на огромной Новой площади, а по сути — пустыре, который возник там, куда зимой перекинулся бушевавший в порту пожар. Место пустовало, поэтому жилые шатры разместили неподалёку от шапито, и… обнесли забором. Так захотел Дарн, потому что «нечего кому попало рыться в отходах театральной кухни, да и вообще». Жаль, потому что лесные белкокрысы вполне съедобны, и не я одна ими баловалась для разнообразия. Вдруг и городские ничего?

Едва караван расквартировался, зарядил беспросветный мглистый дождь. Его тут же назвали благословением Апри, несущим урожай. Артисты повыбегали с радостными воплями,

утянули следом меня. Победив искушение собрать как можно больше влаги про запас, я присоединилась к веселью, и… тут же простыла. Опять. Потому что это дома болезни меня не брали, а здесь постоянно липла какая-нибудь зараза. Слава богам, мелкая.

— У тебя же представление послезавтра! — пыхтела Эвелин, исступлённо размалывая в ступке волосатые плоды с кислым запахом, — ну как так можно, а! Расчихаешься на сцене, и чего будет? Все иллюзии прахом, Дарн в ярости, а мне тебя откачивай опять!

— Да, да. Ужасно… а, может, отменим моё участие? — с надеждой прогундосила я.

Эвелин перервала стук. Сжав губы, она посмотрела исподлобья и помахала в воздухе тонким запястьем, на котором виднелись золотистые завитки Орр.

— Чегой-то делаем? Здрава будь, Кети. Ну-ка ну-ка… — в шатер припыхтела вторая лекарка, Кора, с корзиной свежего белья, — чегой-то ты там толчёшь, деточка? *Макорван*? Неее, до завтра не поможет. Тут, сдаётся мне, надобно у городских врачей купить. Да не морщься ты! Тут же быстро надо, сама понимаешь. Завалит она иначе представление-то!

Тяжело вздохнув, Эвелин отставила ступку.

Базарная площадь находилась совсем недалеко. В домах, что обступили её, оказалась и небольшая лекарская лавка. Там кислая Эвелин приобрела для меня какой-то спрессованный порошок и жидкость, которая воняла тухлой рыбой даже через стекло. Слава богам, лекарка не заставила меня потреблять эту дрянь на месте, и даже согласилась на предложение немного пройтись по ярмарке.

Вместо ковров, расстеленных на земле, в Мерран торговали с высоких прилавков под навесами. Многие из них сейчас пустовали, и не удивительно: первый урожай этого года пропал почти полностью, ведь после Эпидемии убирать его стало некому. И всё же, торговля шла, причём довольно бойко; продавали, в основном, одежду и всякий хлам.

— Ооо, глянь какая штука! Давай купим для Хели? Деньги верну! — не сдержалась я.

Хотя будет ли Дарн мне платить? А, не важно. Если нет, реквизит какой-нибудь продам. Потому что клетка-гнездо из ореха каменного дерева нужна, как воздух! Ведь хозяйка, у которой меня разместили, оказалась театральным Ткачом. По привычке, она держала нескольких швейных пауков и гусениц — просто так, словно полезных домашних питомцев.

— Ох, ты бы знала, как меня задолбало этих её насекомых из койки выковыривать! Буквально вот сегодня просыпаюсь, а на

ногах пригре… Эв! Эв. Э-ээв? Ку-ку!

Лекарка будто окаменела. Потирая запястья, она смотрела поверх прилавков. Проследив за её взглядом, я увидела широком деревянный настил и толпу перед ним. На «сцене» стоял хорошо одетый господин, или, как говорили в Мерран, мастер, а за ним в рядок стояли Перерожденцы и несколько солдат. По самому центру этого ряда виднелись клетки с полуперерожденцами, которых мы видели на заставе. И которые, если верить Маро, пробудили в Эвелин тяжелые воспоминания.

— Ммм, ладно, неважно. Пошли домой, жрать охота очень. Слышь меня, Эв? — я потянула её за запястье, — Э-ээв! Да Эвелин же! Пошли, говорю!

— Нет. Я хочу посмотреть, — выговорила лекарка, — посмотреть на того, кто их купит.

И, вывернувшись, быстро пошла к аукциону. Делать нечего, пришлось идти следом, попутно разглядывая живой товар.

Большинство… эээ… существ, стояло нагими. Они почти не двигались. Тупо смотрели перед собой, мигая огромными влажными глазами. Из разговоров в толпе я узнала: это «новородки», только-только с фабрики, и их надо обучать вообще всему, даже писать в стойле. Перерожденцы постарше, так сказать, с опытом, уже имели полотняные рубахи, и вертели головой по сторонам. А вот полуперерожденцы прикрыли наготу соломой, и смотрели друг на друга поверх своих колодок. В остальном точно так же, как на любом невольничьем рынке у меня дома: ведущий выводил раба, расхваливал, показывал заинтересованным, устраивал аукцион.

— Лот один три, самец, пять лет на кузне, ни одной травмы, всеяден! Шесть виремов золотом! Шесть и два! Шесть и три! Семь? Семь и один! Продано мастеру с типсом!

— Лот один семь, самка-подросток, новородок, производство Дельты, первичное обучение для дома, проворная, три вирема золотом! Четыре? Четыре и… подойдите, подойдите! Да, все свои! Сколько? Четыре и восемь! Четыре и восемь раз… Ого! Пять! Пять виремов золотом, продано даме в красном!

Говорил ведущий быстро. Но клиенты оказались все, как один, вдумчивые, и очередь шла ни шатко, ни валко. Я скучала, разглядывала толпу, и кашляла-чихала всё громче и яростнее, пока Эвелин не всунула мне в руки пакетик с лекарствами и не сказала идти домой. Ругаясь и фыркая, я выпила отраву, но в лагерь не пошла — мало ли, что эта сострадалица учудит, останусь ещё без врачебной помощи и толковой кампании!

Как чувствовала. Очередь до полуперерожденцев дошла буквально через два лота. Первой объявили «девушку». Карточку

тут же вскинула дама в фиолетовом платье, стоявшая неподалёку от нас.

— И вымя, вымя её смотри! Чтоб не тельная! А то знаю я эту молодежь, всегда одинаково, хоть человек, хоть кто! — просипела женщина слуге.

В мгновение ока мужчина очутился на помосте и начал деловито щупать полуперерожденку за грудь с четырьмя сосками, в то время как ещё двое потенциальных хозяев проверяли зубы и шерсть. Видя всё это, полуперерожденец бешено замычал и начала бросаться на прутья своей клетки. Раздались смешки, кто-то что-то выкрикнул, а кто-то вообще начал подвывать и улюлюкать, словно гиена.

— Ах, чего он возится? Дурак… Ну, ну, Мупсик, тише, тише, скоро пойдём, — раздался уже знакомый сиплый голос.

Обернувшись, я увидела, что давешня «фиолетовая» дама прячет в длинном меховом шарфе странное существо, похожее на крылатого львёнка с длинными и тонкими, как у газели, ножками. И шестью фиолетовыми глазами. Без зрачков.

— Ой! Чё за хрень? — вырвалось у меня.

— Сука старая, не видишь, что ли! — огрызнулась Эвелин.

Дамочка услышала и возмущённо повернулась к нам.

— Это ты кого сукой назвала, шантропа безродная? — проговорила женщина на кривоватом Высоком, — ты чьих будешь-то вообще?

— Уж не твоих точно!

— Вот хамло! Ну, сейчас дождёшься у меня!

Эвелин что-то начала отвечать, дама махнула рукой. Стоявший рядом мужик внушительных габаритов повернулся к нам. Вот только этого не хватало! Я схватила Эвелин, на всякий случай проверила ножи в подпространстве. Но тут с помоста раздались крики. Толпа подалась назад, отделяя нас от телохранителя.

Оказалось, «юноша» таки разбил колодки, разогнул прутья клетки, и вырвался на помост. Ведущий благоразумно отскочил подальше, а вот покупатели — не успели. Отбросив прочь двух подскочивших солдат, полуперерожденец в одно движение свернул шею покупателю своей возлюбленной, бросил тело в толпу. Люди заорали, опять подались прочь. Началась давка.

Забыв про Орры, я начала сворачивать пространство. Ноги тут же свело от нестерпимой боли. Что-то шипя, Эвелин схватила меня за плечи, поволокла прочь. В следующий момент мы уже стояли на краю широкой телеги, вместе с несколькими другими счастливчиками. Тут раздался оглушительный свист, из переулка посыпались солдаты. Но всё уже кончилось: юноша-

полуперерожденец падал на тело своей подруги, а вокруг растекалась кровь.

— Эээ… а чё произошло-то? — спросила я на Простом языке, потирая поясницу.

— Он спас её от позора. И себя.

Эвелин говорила низким голосом, словно в груди у неё замуровали пустой кувшин.

— Позора! Тоже мне, развели трагедь! — фыркнул один из соседей по телеге.

— Чай не люди, — поддержали его.

Лекарка возмущённо набрала воздуху, но только ойкнула: я сильно ущипнула её, чтоб молчала. Если в государстве есть что-то, напоминающее работорговлю, открытое сострадание к рабам не только не ценится, но может ой как навредить.

— Что конкретно произошло-то? Вы разглядели? — спросила я.

— Так чего, да ничего. Взбесился этот полупер, троих удушегубил, полуперку тоже задушил, у солдатика нож отнял и себе кишки выпустил, — ответил кто-то за спиной.

— Колодки надо лучше делать! — сказали справа.

— Инквизиции на них нет! — подытожили слева.

Тем временем давка внизу прекратилась. На помост взобрался потрёпанный ведущий, сказал, что торговля продолжится завтра. К нему подскочила «наша» дама в фиолетовом, и начала возмущённо жестикулировать — наверное, хотела вернуть деньги за испорченную собственность и придушенного слугу. Остальной народ начал разбредаться, кто куда.

— Ну, нам пора, всего хорошего, — сказала я и потянула Эвелин с телеги.

— Позвольте вам помочь!

Человек в слегка потертом камзоле и помятой шляпе, спрыгнул на землю. По очереди ссадил нас вниз… попутно запихнув какую-то бумажку в ладонь. И тут же растворился в расходящейся толпе.

— Чё за… — начала я, но Эвелин схватила меня за руку и потащила в сторону лагеря.

— Слушай, мне тут этот крендель…

— Ш! — шикнула лекарка и остановилась в безлюдном проулке.

А потом развернула наши бумажки.

«Перерожденцы тоже люди» гласили крупные буквы Простого языка, «Солнце одно для всех».

— Неужели они не понимают, что этого мало? — снова

зашипела Эвелин и начала рвать листочки на мелкие клочки, — мало, мало мало! Надо действовать, надо давить, надо… Кет, что с тобой?

— Н-ничего… уф… — я оперлась на стену, стараясь пережить пульсирующую в позвоночнике боль, — по-моему, Дарн чем-то недоволен…

И тут я вспомнила, чем.

Театр — это не только роли и номера. Театр — это ещё и наряды. Желая, чтобы я «прилично выглядела», Дарн назначил свою пассию Изабель ответственной за мой вид. Вкуса у неё не было, желания украшать «конкрентку» тем более, зато была харизма. В итоге Ткачи слушали странные советы, я отказывалась этот ужас надевать, дни шли, результат отодвигался. Спас ситуацию Халнер, мой непосредственный начальник. Как-то он пришел полюбопытствовать, почему костюм до сих пор не готов, и услышал обычное препирательство. Подняв брови, молча отколол тканевые валики, которые по совету фифы прилепили мне на задницу и под лиф, заколол разрезы поперёк груди, сделал несколько небольших складок, повесил мне на плечи ткань другого цвета, и также молча ушёл. Работа резко ускорилась. На днях костюм, наконец-то, дошили, сегодня примерка. А я тут по рынкам рассекаю…

— Кети! Наконец-то! О Апри! Мы уже обыскались тебя! — вскричала Изабель, по-ученически тщательно проговаривая звуки Высокого языка, — что значит «забыла»? Какая безответственность! У тебя же представление! Эвелин! Ты же ответственный человек, хоть ты-то повлияла бы! Так что… Кети! Хватит кашлять, фу! Лечиться надо! Нет, стой! Сначала примерка!

Тяжело вздыхая, я позволила обрядить себя в длиннющее кремово-золотое сооружение с полупрозрачными рукавами и витиеватой шнуровкой. Хм. Довольно симпатично, надо сказать. Изабель кисло прокомментировала, что платье ещё ничего, а вот над причёской надо поработать, и нахлобучила мне на голову парик. Я резко возмутилась. Фифа возмутилась в ответ. Поднялся гвалт. Но тут Дарн сказал, что мой вид его устраивает и без парика, поцеловал свою умничку Изабель, а мне выдал весьма увесистый подзатыльник — для профилактики простуд. На том всё и закончилось.

Следующие полутора суток я провалялась в полусне, хлобыща ту гадость, что мы купили с Эвелин, и усиленно потея под тремя одеялами. Ведь Дарн очень доступно, Оррами, объяснил, что если я допущу малейшую оплошность на арене, умирать буду долго и мучительно. Не верить себе дороже. Однако лекарство оказалось действительно мощным, и утро перед

первым представлением я уже встретила на ногах.

Вернее, на заднице.

За два квартала от площади, где стояло главное шапито, находился небольшой храм. Вскоре по прибытию я сходила туда, чтобы поддержать свою «монастырскую» легенду, но теперь… теперь пошла намерено. Хотелось скрыться от суеты, от разговоров, от навязанных обязательств, от дурацкой идеи стянуть у Эвелин скальпель и вырезать из себя Орры, либо пристрелить-таки Дарна, и будь что будет… Короче, ото всего.

В храме действительно получшело. Слушая мелодичное пение полуденной службы, я с интересом разглядывала храм. Черно-белая строгость единой церкви Великого Апри поражала своим порядком и однозначностью. Вот диск открыт, а вот закрыт. Вот белый, цвет лета и плодородия. Вот черный, цвет зимы и защиты. Треугольные пределы храма, числом строго восемь, в каждом — та или иная фаза солнца и Атума, что затмевает его. Вся жизнь — маятник. Маятник года, маятник жизни, маятник веков.

После службы храм не закрывали, так что я посидела ещё немного, вертя в пальцах оплавленный медальон Феррика. Если бы не старик, летала бы я пеплом над горами, и не было бы никаких Орр, представлений, беспокойств… и жизни тоже. Даже такой. А если есть жизнь, то всегда есть шанс её улучшить.

Где-то высоко часы начали отбивать закатный час. Стараясь не расплескать малую толику спокойствия, что удалось выпросить у здешнего бога, я пошла на выход, и… напоролась на Дарна, стоящего в дверях.

— Ну что, прохлаждаемся? А реквизит кто готовить будет? — сказал директор, хватая меня за шкирку, — давай-давай, двигай, послушница недоделанная! Молится она тут, понимаешь!

Странное дело, но эта злобная тирада прошла мимо. Запах пыльных камней и благовоний, которым пропиталась одежда, успокаивал даже лучше, чем крепкая настойка… «Солнце внешнее да станет солнцем внутренним», пронесся в голове кусок недавних гимнов «если закат затмил рассвет, после рассветёт снова».

Правда ведь, рассветёт?

Все номера до своего я просидела в гримёрке, глядя на небольшой солнечный диск в углу и следя за дыханием. Гнать мысли — прочь, прочь, прочь, так, чтобы в голове оставалась только блаженная пустота. Пустота, в которой тонет всё — злость, волнение, неуверенность. И память. Особенно — память. Потому что оглядываться, двигаясь по гребню зыбучих песков, нельзя. Погибнешь.

Отточенная на репетициях, иллюзия монторпа вышла превосходно. Правда, монстр оказался немного красивее, чем на самом деле, но вряд ли кто — то из зрителей мог понять разницу. Наваждение вышло настолько полным, что, когда «укротитель» ранил тварь, и зловонная жижа растеклась по арене, кому-то в зале стало дурно.

— Рассчитывай силы, тебе ещё самой выступать! — зашипел Халнер.

— Нет, всё правильно! Ещё давай! Отлично! — влез Дарн.

— Да ***** вас всех! Хватит под руку говорить!

Я отпихнула обоих советчиков, стол с кристаллами зашатался. Иллюзия едва заметно мигнула. Начальники замерли. В каморке над ареной наступила тишина. Но народ в зале ничего не заметил: распиханные по шапито вспомогательные камни и возведённая вокруг арены клетка хорошо усиливали мыслеобраз. Однако сердце колотилось просто немилосердно, голова гудела, как после обстоятельной пьянки с очень плохим вином. О боги, и правда не стоило сейчас так выкладываться. Ладно, время на передых ещё есть, а там уж разберёмся.

Шаткая лесенка, узкий коридор между полотняных стен. Гримёрка, травяной чай от Эвелин, подбадривающие тычки от Маро. Милая ругань Хелии, которая зашнуровывает мне платье, глупые наставления Дарна, который выдул почти весь успокоительный чай, пристальный взгляд Халнера, который крутит в руках пару запасных кристаллов.

Да что же это такое? Зачем они все тут?! И без них так тесно, тесно, тесно!..

Меня накрыло.

Кажется, я попыталась свернуть пространство и сбежать, и чуть не покалечилась об Орры.

Кажется, меня долго уговаривали, просили, угрожали, и дело снова едва не дошло до Орр.

Кажется, кто-то едва ли не силком выпихнул меня на арену и объявил номер, стоя рядом.

Кажется, я показала даже больше, чем надо, так что публика раз за разом просила бис.

Кажется, когда я наконец-то отставила «магический жезл», что полагался по роли, и рухнула на тюки за кулисами, выпила бутылку вина в несколько глотков.

Кажется, Дарн чуть ли не плясал от радости.

Кажется, до меня не сразу дошло, что всё получилось.

Кажется, я выпила не одну бутылку.

Кажется, я пыталась сбежать ото всех, чтобы привести в порядок мысли.

Кажется, там тоже кто-то был.

Кажется, он был невероятно привлекателен, и я вдруг поняла, что, впервые за долгие годы, хочу не просто поразвлечься, а чтобы мною кто-то *обладал*.

Кажется, весь мир превратился в дрожащее марево миража над раскалённой пустыней, когда любой глоток для обезвоженного странника — лекарство и яд одновременно.

Кажется, я очень давно так не набиралась.

А потом мне стало холодно. С одного бока. Повертелась. Холод укусил с другого. Тфу. Шея затекла. Нос зачесался. Веки слиплись. Ох, ой, голову бы повернуть…

По телу разливалась терпкая истома прошедшей ночи. Мммм… весьма, весьма… Но всё-таки кабаки это зло. Не помню ничего почти. Или опять бал? Задолбали уже эти приёмы… Боги! Князю же на доклад! Как теперь объясняться?! Да где ж одеяло-то!

— Кети, ты меня сейчас с кровати скинешь.

Я резко открыла глаза.

Это не Сетер. Отца давно нет. Я тоже в другом мире, только не в лучшем, как он. В этом мире всё то же самое, только защитные амулеты другие и произношение слишком…

О нет. О боги. Не может быть. Не может быть. Только не это. Нет.

Я отстранилась от чьего-то теплого тела, и подняла взгляд.

— Доброе утро, — улыбнулся Халнер, — ну как самочувствие?

— Эээ… доброе утро, — я отстранилась дальше и зевнула, с трудом подавляя желание провалиться сквозь землю, — з-замечательно. Только… Вода есть?

— Есть, — усмехнулся начальник, и протянул руку куда-то за мою спину, — держи.

Я села и залпом опустошила стакан.

— Спасибо.

Халнер забрал стакан, скользнув ладонью по моим пальцам. Потом он тоже сел и наполнил емкость вновь — просто так, из ничего. Как?! Сейчас для фокусов даже одежды нет! Я подтянула одеяло повыше. Да уж. Учудила так учудила…

Вдруг я осознала: впервые после того ужаса, что случился со мной при перевороте, мне было по-настоящему хорошо с мужчиной. Призрак убитого удовольствия, за которым я столько времени гонялась, порою вовсе не разбирая пути, наконец-то пойман. Или… наоборот…

Так. Надо сваливать.

— Ээмм… Ну, скоро завтракать пора, — забормотала я, двигаясь к краю.

— Скорее уж обедать, — усмехнулся Халнер.

Он допил воду и теперь смотрел с полуулыбкой, наклонив голову.

— Что, привыкла к еде по расписанию?

— Угу. А что?

— Да ничего. Просто очень интересно стало, чему в монастырях теперь учат, — Халнер многозначительно повёл рукой.

— Ничему новому, — фыркнула я и, сладко потянувшись, передвинулась ещё ближе к краю, — это я так… вдохновение словила. А кстати, что было? С выступлением, в смысле?

— Не помнишь?

— Не-а, обрывки какие-то. Там всё успешно прошло?

— Более чем. На сцену, правда, тебя пришлось пинками гнать, но иллюзии ты сделала на ура. Так что буянила ты с радости, я так понимаю.

— Конечно… — я вздохнула и посмотрела на узоры Орр на запястьях, — конечно, с радости. С чего же ещё… Когда, кстати, следующее представление? И где моя оде…

— Представление сегодня вечером, — Халнер передвинулся вслед за мной, — и я очень надеюсь, что ты уже сможешь справиться с волнением. И ночью тоже будет… потише, скажем так.

— Ах, ну извините за беспокойство! — огрызнулась я и начала вставать с кровати.

— Всегда пожалуйста, — засмеялся Халнер, и мягко повалил меня обратно, — просто завтра я хочу выспаться… а вот топать сейчас на дневное собрание не хочу совсем. А ты?

— А я не хочу, чтобы Дарн опять наказал меня Оррами!

Я оттолкнула Халнера и снова села на край кровати. Но вставать не спешила. Идти-то все равно некуда. Тут хотя бы удовольствие получу. Только вот потом…

— Не выкрутит, — тихо сказал Халнер, — я договорился.

Он не завлекал. Не предлагал. Не хвастался. Не удерживал, даже не прикасался ко мне. Просто озвучил факт.

И я осталась.

Аркан I. МАГ
Глава 7. Черные крылья

Атум уже начал обратное движение к давно открытому диску Апри, а театр всё оставался в Речном. Зрители шли и шли, кое-кто так и вообще по четвёртому разу. Так что последние представления становились самыми последними, те — действительно последними, и так далее.

Вторая причина, по которой отъезд откладывался — Дарн решил двигаться только по столицам округов. Но сделать это оказалось не так-то просто. В Империи строго следили за перемещениями своих граждан, поэтому такой большой группе людей, да ещё со всяким скарбом, требовалось специальное разрешение. Сама по себе небыстрая, процедура затягивалась ещё и бесконечными спорами внутри руководства. Но вот на утреннем сборе Дарн объявил, что следующий пункт — Озёрный. Едва директор умолк, как сияющий, словно начищенный доспех, священник Курт, настоятельно пригласил всех на службу «во славу Великого Апри, что восходит в небесах в полном блеске своём», а также посоветовал соблюдать Солнечный пост, «ибо ступить на землю священного города Озёрного должно, только подготовившись духовно и телесно». На этой фразе Халнер тяжело вздохнул и закатил глаза, а Трен усмехнулся в кулак.

Распростившись, наконец, с Речным, театр двинулся дальше, теперь уже по реке Озёрной, что впадала в Ледяную чуть ниже по течению. Она брала начало в Туманном озере, которое лежало дальше к востоку, на Полуденном плато, и пробивала себе путь по рифлёным скалам. Тащиться караваном по каменным «бутербродам» — безумие, так что пришлось нанять два рыбопарома.

Путь занял несколько дней. Мощный угольно-чёрный хвост ударял по воде, подбрасывая упругую тушу вперёд, и окатывая холодными брызгами выращенный в рыбьей спине деревянный настил. Полупрозрачный купол-плавник на длинных хрящах гасил ветер и отметал воду, но всё равно, находиться наверху отваживались немногие. Я, например. Потому что мысль спускаться в тесный рыбий… желудок? Лёгкое? Задницу? Мне категорически не нравилась.

Глядеть на отвесные стены бесконечных порогов и шлюзов — не слишком интересно. Почти всё время я сидела в закутке между хрящиками, уткнувшись в книгу — двести с чем-то страниц мелким шрифтом про войны с еретиками-Духопоклонниками.

Правда, про сами сражения — только половина глав, в остальных же подробно описывалась участь оппонентов культа Великого Апри. Например, как людей жарили под огромной линзой, будто насекомых, или вялили на солнце, подвесив на крючьях за гениталии. Отец бы оценил, да… И Халнер, похоже, тоже. Хотя с него станется. Тот ещё суслик.

Например, после той первой нашей ночи меня внезапно одолела стыдливость, и я усиленно избегала оставаться с ним наедине. Потом внезапно обнаружила, что стою на коленях в кладовке, зажимая зубами какой-то реквизит, а Халнер ритмично пыхтит мне в ухо что-то про расстановку кристаллов-проекторов. После этого происшествия я быстро смекнула, что лучше не отвергать приглашения поподробней обсудить номер. Впрочем, «разговоры» эти мне нравились. Как и возможность почитать хоть что-то, кроме Книги Великого Апри и Всеимперской газеты: законы Мерран запрещали держать книги для частного пользования, а официальная библиотека театра ездила именно с Халнером.

Но вот дорога подошла к концу. Преодолев последний перекат, рыбопаром вальяжно вплыл в искусственный залив и стал в очередь на заставу. Плавник опустился, открывая взгляду отвесные скалы. Ничего себе природная защита! Идиотов штурмовать не отыщется. Подкоп не сделать — слишком крепкая порода. Перелететь — только в паре мест, а ветра тут наверняка не слабенькие. Никаких стен не надо!

Их и не было. Зато была дотошная и внимательная проверка личности и здоровья, да не на громоздких ящиках, а на компактных стеклянных «комарах». Параллельно с проверкой крови снова проверяли реквизит. Приземистые животные, похожие на степных шакалов, внимательно обнюхивали театральный скарб и личные вещи артистов. Один раз они начали громко и жалобно скулить, подзывая хозяев. Но подзаработать проверяющим не удалось: это оказались всего лишь лазаретные травы. Эвелин ещё долго бурчала под нос, сортируя раскуроченные мешочки по правильным местам.

После всех проверок, вещи перегрузили на несколько самых больших повозок, и выпустили в туннель под скалами. Длинный-длинный такой туннель, в котором не видно ни входа, ни выхода. Только матовый белый свет от стен. И тишина: ни скрипа повозок, ни храпа животных, ни человеческого бубнёжа.

Масса камня давила на психику сильнее и сильнее. О боги, о Великий Апри, да когда же закончится этот переход!

— Кет, ты чего там бормочешь? — ткнул меня в бок Маро.

— Слышь, полегче, а то обед продемонстрирую!

— Ты чего? Опять стены падают? Вот вечно нанюхаешься с Эвелин трав, потом… ааайййй! Монторп тебя! Больно же!

— Эй! Перерыв-перерыв! Всё! Давай-ка лучше пешком пойдём, — предложил Отто, спрыгивая с козел, — давай-давай, Кет, слазь. Отвлечёшься немного.

Я с недоверием покосилась на странный пол, но с повозки слезла, пока не сняли. Отто гнул металл в красивые загогулины, помогал Дарну укрощать животных и с недавних пор «убивал» моего иллюзорного монторпа. И всегда знал, что, кому, и как следует делать.

— Интересно, как нас тут примут, — сказала я, лишь бы нарушить отвратительную тишину.

— Хм. Думаю, гораздо холоднее, чем в Речном. Мор ведь сюда не докатился, отсиделись в своём священном застенке. Только паломников и пускали, да всё из Зрячих. А им-то вообще по барабану, зараза не липнет. Да и сейчас, сама же видишь, сплошь паломники прутся. Кровь-то, может, и пожиже, да в кошелях погуще. Зато правоверного гонору — ууу…

— Ну… паломники ладно… а народу-то интересно на театр посмотреть!

— Кому? Местным-то? Да щас прям! Вообще не понимаю, почему Дарн сюда двинул. Здесь же зануды все. Апри, Апри, Цитадель, Цитадель… Уж лет сто как город в крови утопили, фрески древние раздолбали, а всё сидят, святош из себя строят, грехи Империи отмаливают. Только такое не отмолишь, будь ты хоть святой, хоть Видящий…

— Великий Апри видит всё. Сейчас дни Открытого Солнца, и он смотрит особенно внимательно, — раздался над ухом голос Курта, театрального священника.

Отто вздрогнул от неожиданности и, судя по гримасе, прикусил язык. Курт — единственный, кого Отто не мог одолеть физически. И, соответственно, с кем Отто не спорил. Никогда.

— О, привет! Да, хорошо, что Полносолнцее уже скоро! — улыбнулась я, судорожно припоминая местные религиозные праздники, — Отто, будь другом, принеси-ка попить, а?

— А? Да! Дадада! Ща! — парень моментально испарился, причём в какую-то из дальних повозок, хотя мог взять и в нашей.

— Вот пострелёныш, порку бы ему хорошую… — пробасил Курт, и вдруг расплылся в улыбке, — а знаешь, Кет, нам может быть оказана честь быть на Полносолнцее в самой Цитадели! Я буду лично… Лично просить. Да… Лично… И побывать в Цитадели непременно надо! Потому что ты, конечно, воспитанница Тмирран, но Туманный храм должен увидеть каждый истинно верующий. Он ведь самый древний в Империи!

— Ух ты! — на всякий случай изумилась я, — какие там наверное… эээ… барельефы…

— Это что! Главное — есть Рассветные Пляски, — хихикнул позади нас Маро, — вот туда бы и правда попасть здорово! Девчонки, говорят, симпатиииичные тут…

Курт протянул руку и взял Маро за шкирку.

— Пляски. Есть. Посвящение. Апри, — сказал преподобный, встряхивая пацана на каждом слове, — Великому Апри, слыхал о таком? Так вот это Ему посвящение! Ему, а не таким разнузданным юнцам, как ты! Я лично прослежу, чтобы ты не покидал театр в эти дни! Напортачишь чего в Цитадели — пожалеешь, что тот монторп тебя не сожрал! Понял?

— Да понял, понял! Пошутить нельзя уже!

— С Плясками! Не! Шутят! Никогда!

— Нет, нет, конечно нет, никто и не думал шутить.

— Курт, остынь! Не все понимают смысл и… эээ… важность древних традиций, — примирительно сказала я, — напомни-ка лучше порядок праздничной службы?

Пока священник распинался про песнопения, алтарные ступени и свёртывание покрывал, я внутренне удивлялась, во что трансформировался древний праздник плодородия. Если верить книгам — всё тем же историческим книгам из библиотечки Халнера — ночь Белого солнца, когда Атум находится ровно за Апри, в культе Духов считалась ночью плотской любви. Вроде как это символизировало мать-землю, что нежится под лучами отца-солнца. Теперь же, для заточённых в монастыри полукровок, ежегодные Пляски превратились в обязанность. Дети от этой ночи, в отличии от других селекционных отпрысков, считались осененными Великим Апри. Их сразу воспитывали, как полноценных граждан, и многие даже становились весьма влиятельными людьми.

Но спорю на что угодно, у бегавших по предрассветному лесу девчонок совсем другое в голове.

— … принять нас. А вот и Озёрный!

— А? Что? — едва не оступилась я.

Пока Маро, пыхтя, скатывал повозку по специальному пандусу, мы с Куртом спустились на площадку, с которой открылся вид на город.

Монторп меня раздери!

Тот, кто придумал брать въездную пошлину сразу после выхода из тоннеля, был тысячу раз прав. Несколько часов пешкодралом под искусственным мёртвым светом — и человек переставал думать о деньгах. Особенно, когда видел перед собой *такое*.

Заполненное водой, жерло давно умершего вулкана казалось дверью в недра планеты. Дверью, которую занавешивал туман. Его белые полосы извивались и ползли вверх по склону, огромными щупальцами проникая в плоть города, но город явно не чувствовал ни трепета, ни опасности. Зато он чувствовал жизнь. Черно-желтые мостовые облекали ступенчатый клубок домов и скал. Все грани и изгибы покрывал состав, похожий на разводы соли и крови на кожанке после хорошей драки. Вырубленные в скалах дома и лестницы казались чем-то разнородным и единым, как несущееся в атаку войско. Но атака эта захлёбывалась в самой себе, разбиваясь о зелёнь вьющихся растений, что цеплялись за малейшие выступы. Тонкие корни и гирлянды цветов перебирались с балкона на балкон, с крыши на крышу, заточая в изящные кандалы строгие грани камня.

В отличие от Речного, с его безродными беженцами из разорённых мором городков и сёл, в Озёрный допускали только тех, кто сохранил достоинство и деньги. С площадки хорошо просматривалось, как паломники в плащах из тонко выделанной кожи толпятся у многочисленных храмов. Поют, молясь, чтобы Красная смерть покинула Империю навсегда. И всё же чувствовалось, что Великий Апри если кого и слушает, то вовсе не их, а Цитадель.

Белоснежная крепость на другой стороне кратера казалась монументальной даже на таком расстоянии. Туман, более плотный над серединой и дальней частью озера, вдребезги разбивался о стены древнего монастыря. Но по форме бастионов ясно: крепость строили давно, надолго, и вовсе не с мирными целями.

— Да, есть на что посмотреть! — на мою талию легла плотная ладонь.

Не отрываясь от созерцания, я перехватила чужое запястье и нажала на болевую точку, попутно оттоптав приставальщику пальцы ног.

— Ох-ох-хо! — взвыл Трен, — ну Кети, ну ласточка, что же ты всё недотрогу из себя строишь! Открытое солнце на дворе, можно и повеселиться.

— Куртизанку себе найди, с ней и веселись! — я отодвинулась подальше и снова облокотилась на широкие перила, — или в театре кого посговорчивей. Так, руки убрал, сказала! Вот. А теперь просвети-ка меня лучше, как повозки по этим лестницам тягать-то?

— Так птицеящеров наймём. Дорого конечно, но и быстрее в разы. Хотя всё равно покорячиться придётся, это да. Несколько часов на площадке точно обеспечено. А всё Курт, святоша хренов!

Полносолнцее, Полносолнцее… Тфу. Хотя красота здесь невероятная, конечно. Так что наслаждайся пока видом, ласточка. Кстати, ты тут была когда-нибудь?

— Нет. Интересно, какой высоты этот шпиль, ну, на центральном донжоне?

— Донжоне? Ого, слова-то какие! — захохотал Трен.

Потом он снова попытался обнять меня, но заметил занесённый локоть и передумал.

— Если ты про главный храм Цитадели, то не знаю. И, кстати, там именно храм, а не пограничная застава, как в твоём Тмирран. Хотя от кого там защищаться в горах? Ума не приложу… Ну вот, а тут-то только еретиков покоцали, да и всё. Хотя в чём-то ты права, цветочек. Войны, они ведь в сердцах и головах начинаются… а уж про грехи и говорить не приходится, священные книги, чай, лучше меня знаешь. Так что Цитадель у нас оплот морали и нравственности, понимаешь. Причём такой оплот — оплотище прям! Но бывать внутрях не приходилось, в паломники никогда не записывался. Если так интересно, Курта разговори, ну или Халнера. Они-то точно знают церковные байки, послушнички тарвольские…

— Послушники? Как, оба?! — изумилась я.

— Что, не верится? А вот так. Курт у нас всегда религиозный был, а Халнер — гы! — Хал тогда разочаровался в жизни. Крепко разочаровался, аж из-под венца сбежал…

— Венца?! Какого венца?

— Как какого? Обычного, Солнечного. Почему? Ну как тебе сказать… Не понял, так сказать, устремлений невесты к, так сказать, сценической славе. Она-то ещё девчонкой ухватила, что к чему, а у этого вдруг принципы какие-то обнаружились. Великий Апри, преданность, заветы, бла-бла-бла… Потому, наверно, и с Куртом сдружился. Короче, свалили они в семинарию посреди сезона. А на них номер большой держался, иллюзия силы, как-то так. Дирек, тогдашний директор, просто в бешенстве был.

— Ммм… Н-надо думать… а… а почему священником только Курт стал?

— Так вскоре на севере неспокойно стало, Хал снова бросил всё, в войска нанялся. Ну и правильно, по мне так тоже лучше с Апри напрямую договариваться, как помрёшь. А вот Курт, он да, он полный сан принял, как и хотел. Теперь осеняет нас, грешных, благодатью по лбу.

— Ого… а когда всё это было?

— Хм… солнц шестнадцать назад… Или больше? Да больше, больше. Хм… Восемнадцать они вернулись примерно…. А ушли… Сколько же…

Трен смотрел вдаль, шевеля губами и загибая пальцы. Я попыталась пересчитать в уме долгие мерранские солнца на наши короткие сезоны, и вдруг нашла себя по местным меркам весьма юной. Ох, вот это да. Неужели у нас с Халнером такая разница? На вид и не скажешь. Хотя тут с возрастом вообще странно — Хелия вот, оказывается, мать Маро, а выглядит, как его старшая сестра.

— Ладно, дело давнее, это я поняла. А чего они вернулись-то? Знаешь?

— Ну как чего! Дела мирские. Курт решил, что лицедеям прочищать мозги нужнее, чем крестьянам, вот и попросился освещать родной коллектив словом Великого Апри. Всё меня поначалу доставал, помнится, пока я ему не втолковал, что молитвой сыт не будешь. Потом Дарн всё унаследовал, да и позвал брата помогать. Ну, Халнер и приехал. У него контракт заканчивался как раз. А сам он очень уж трепетно к родовым делам относился всегда. Вот такая история… Да… Так что про Цитадель это не ко мне, — Трен подмигнул, слегка дернул меня за волосы и заскользил пальцами по шее, — у меня истории гораздо интересней, да для такой-то ласточки…

Ну сколько ж можно! Я двинулась прочь, оставив шипящего от боли Трена распрямляться самостоятельно.

За ближайшей повозкой обнаружилась Лилиан, девчушка из клоунов. В светло-карих глазах светились желтоватые искорки счастья, а полные щёчки горели румянцем.

— Ой, Кети, откуда ты взялась, ты видела, что за красота внизу, там на птицеящерах летают и ветер разноцветный, а какие цветы, какие храмы, а какой туман! — залопотала Лили, всплескивая руками и откидывая золотистую челку, — ой скорей бы мы встали лагерем, хочу пойти по городу, говорят, Дарн отпустит всех, а я с Отто пойду, а он такой хороший, а город такой красивый! Надо гулять! Надо обязательно гулять! На такую красоту грех не поглядеть!

Кивая и хмыкая, я поискала глазами Эвелин. Тщетно. Не мудрено: мешанина людей и повозок занимала почти всю площадку. Толстопузые купцы мерились размером кошелей, паломники трясли свитками, несколько дородных матрон увлечённо работали локтями. Промелькнул Дарн с красным злым лицом и Халнер, который с подчёркнуто-безразличным видом что-то говорил одному из погонщиков, а вокруг скакал купчик, потрясая кулаками. Предмет спора, птицеящер с рыжевато-красным оперением на голове и спине, и тёмно-серой чешуёй на лапах и хвосте, щёлкал плоским клювом и вперился куда-то в толпу. Проследив за взглядом круглых зрачков, я увидела

Изабель. Фифа задумчиво перебирала складки пурпурного платья, а в глубоком и узком декольте посверкивало ожерелье тёмного, в тон волос, камня. Сами волосы забраны в высокую причёску, подчёркивая длинную белоснежную шею. И правда, клюнул бы кто её, что-ли! Но ни шея, ни сама фифа, никого не интересовали: кто-то из акробатов забрался ближнему к Изабель птицеящеру на голову и старательно удерживал равновесие на одной руке. Обалдевшее от такого обращения, животное прядало крыльями и фыркало, призывая своего погонщика. Но погонщик таращился на фокусы шпагоглотателей, открыв рот и позабыв всё на свете.

Я вздохнула и повернулась к городу. Болтовня Лилиан окончательно превратилась в поток бессмысленных междометий, и теперь только роскошный вид спасал её уши от какой-нибудь грубости.

А потом появились они.

Плавно взмахивая крыльями, мимо площадки пролетело три непроницаемо-чёрных птицеящера. В отличии от транспортных, эти выглядели небольшими, под одного человека, и имели на голове костяные наросты, похожие на рога. Ещё на животных мерцала броня — маски, и нечто вроде чешуйчатой кольчуги. Или это просто металлическая чешуя?…

Всадники тоже выглядели странно. Он походили одновременно на священников и солдат. Поверх армейской формы Мерран, накинуты короткие черные котты с изображением меча на фоне солнечного диска. На плечах, поверх поднятых капюшонов, епитрахили, заправленные под широкие ремни с длинными кинжалами, у седел — скорострелы и ещё какое-то незнакомое оружие. Вот это да! Вот это я понимаю — патруль!

— Ой, Инквизиция… — воскликнула Лилиан и замолчала, вцепившись мне в рукав.

Ну хоть что-то способно заткнуть этот радужный фонтан!

— Ааа, полетели, опора и защита наша! Чтоб им пусто было, — раздался голос Отто.

— Тссс! — испуганно прошипела Лилиан, — Отточко, пойдём гулять?

— Конечно, Лили. И ничего не бойся, когда я рядом!

— Сам не нарывайся, и бояться не надо будет, — пробурчала я.

Молодые люди растворились в толпе. Я с одобрением посмотрела в ту сторону, куда улетели инквизиторы. Ну хоть где-то умеют остужать дурные головы просто видом власти, а не только топором по шеям!

* * *

Места в Озерном не хватало даже обитателям. Под главное шапито выделили отдельную площадь-уступ, а вот жить пришлось внутри скалы. То-есть, в пещерах, где пространство поделили на отсеки тентами. Боги! Пребывание под каменными сводами (гора рухнет и раздавит! раздавит и рухнет!) — пытка, а уж эти клетушки и вовсе выводили из себя. Пришлось подналечь на лазаретный запас успокоительных настоек и вообще часто ночевать там же, в самом близком к выходу «помещении».

Впрочем, в пещерах красиво. Стены и потолок посверкивали тонкими жилами какого-то мягкого минерала, а из особо тёмных мест свешивались *зизконы* — склизские твари с глазами на длинных ножках. Эти существа умели менять цвет по собственному желанию, маскируясь под любую вещь — от куска стены до полоски ткани. Ещё они любили свисать на хвосте, прислушиваясь к дыханию спящих внизу людей. Так вот просыпаешься ночью, а на тебя чьи-то круглые глаза сверху смотрят. Очень впечатляет.

Представления проходили хорошо — я уже попривыкла к публике, да и люди здесь оказались сдержаннее, чем на равнине, и никогда не набиралось на полный зал. Но среди скал изменять реальность оказалось труднее. Образы вырывались из-под контроля, словно обретая собственный разум, и цветной калейдоскоп иллюзий вытягивал силы пуще прежнего.

Впрочем, сложности испытывала только я. Почти все уставали сильнее, и труппа в буквальном смысле считала часы до праздничного перерыва. Скоро наступало Полносолнцее, а по традиции в эти дни запрещалась абсолютно любая деятельность, даже торговля. Полагалось лишь поститься и восславлять Великого Апри. В преддверии шестнадцати дней полного безделья, только Дарн носился как заведённый, подстёгивая всех и напоминая о «важности нашей миссии в столь тяжёлые для Империи времена». Но, когда до Полносолнция осталось всего ничего, артисты начали дружно халтурить и уговаривать Дарна закончить полусезон на пару дней раньше. Немного поломавшись, директор почти согласился — народу уже приходило не слишком много, билеты заранее никто не брал.

И тут случилось неожиданное.

На великий праздник, в Озёрный приехал с паломничеством лорд-наместник соседнего округа. Да ещё с семьёй до каких-то страшных колен. И вот вся эта толпа народу, плюс пять или шесть юных недомерков, внезапно захотела сходить в театр, посмотреть на «знаменитое представление с живым монторпом».

Обязательно. Вот прям завтра. Ну хорошо, послезавтра.

Если бы эти люди заглянули за кулисы, то увидели бы монторпа в человеческом обличье. Два дня Дарн метался раненым зверем, раздавал тычки, напоминал правила этикета, и даже подогнал пару номеров под вкусы скорых гостей. Одна радость: это последнее представление перед праздниками.

И вот столь важный (по мнению директора) день настал. Зазвучали фанфары, артисты побежали на сцену в своих лучших костюмах — театральным Ткачам пришлось изрядно постараться, восстанавливая все блёстки и камешки, рассыпанные за полусезон. Вопреки обыкновению, я отиралась за кулисами, подглядывая за представлением. На душе гадостно, в голове — шумно. Казалось, эта чехарда закончится чем-то крайне нехорошим. Но ребята блестяще отрабатывали номер за номером — жонглёры, акробаты, клоуны, дрессировщики (особенно блистала «моя» *моружа*) и с чувством выполненного долга убегали прочь. Те, кто не задействован в других номерах, уже начали накрывать на стол. Но даже перспектива застолья не могла развеять странное предч… ой!

— Чего бродишь? Снова нервы? — прошептал Халнер в ухо.

— Тфу на тебя! Напугал! Нет, какие нервы… просто неспокойно что-то… Ладно, — я ответила на поцелуй и вывернулась из объятий, — ну всё, всё. Вон уже животных повели. Пора идти, пожалуй.

— Да, пора. Только… Хм. Знаешь, я сегодня, пожалуй, с тобой посижу. Что-то ты устало выглядишь.

— Угу. Твоими стараниями, — съязвила я, поднимаясь по приставной лесенке на площадку, с которой обычно делала иллюзию монторпа, — нет, вот сюда сядь лучше, там обзору мешаешь, а мне и так сосредоточиться трудно…

— Кто мешает? Я мешаю? — удивился Халнер, — да я вообще так, мимо проходил. Кстати, вот тебе два камня на замену, в краевых уже трещина пошла. И в зале седьмой и третий оказались сбиты с оси. Может, поэтому иллюзии барахлили… Я поправил, теперь должно быть легче. Только поворот на пять-двенадцать не забывай, как вчера. Самой же проще будет.

— Да? А, ну да. Спасибо…

Делать иллюзию на этот раз, и правда, стало легче. Однако эта лёгкость обернулась неожиданной стороной. Если последние дни казалось, что наваждение пытается вырваться из-под контроля, то сейчас его действия опережали мои мысли. А потом сотканный из света и направленных фантазий, монторп сделал несколько движений в зал. Резкий прыжок, замах лапой, рык…

В рёбра словно вбили копьё. В глазах потемнело. Я изо всех

сил вцепилась в камни. Только бы удержать иллюзию, только бы не…

Немыслимо — наблюдать за собой сверху. Видеть одновременно и своими глазами, и чьими-то ещё. Парить, пожирая пульсирующий поток страха. Слышать крики зрителей и шепот теней, наполнивших воздух. Чувствовать Халнера, что склонился ко мне в тесном закутке над ареной.

— Кети, ну Кети же… Дай! Дай быстро сюда!

Кристаллы выскользнули из пальцев. Поблекнувший монторп вновь обрёл «плоть», взревев от боли. Потом «укротитель» хорошенько покоцал монстра и загнал его в клеть, как полагалось по сценарию. С последним аккордом музыки Халнер подхватил меня на руки и свернул пространство. Боль прошла.

— Сиди, не двигайся, — строго сказал он, опуская меня на какие-то тюки, — Отто, ты как? Да, видел, франтоватый пацан в третьем ряду. Курт, ну-ка покажи, чем… ах ты, ****!

Остаток фразы прозвучал на Простом языке и в весьма крепких выражениях. Что там такое, интересно?

— Так, куд-да встала? А ну сидеть, сказал!

— Бпффффрр-рттгбрррр-пффффя! Пррррффя!

Горло село. Ладно. Потом всё ему выскажу.

Я прислонилась затылком к матерчатой стене. Ломота во всём теле усилилась. Пока Халнер отгонял любопытствующих, осматривал Отто, что-то говорил лекаркам, вокруг него плясала тень, похожая на птицеящера. Огромного, черно-серебряного, в броне с гербом: в солнечном круге летит ящер и плывёт по воде меч. А вот и ещё одна тень, с той же эмблемой. Вот только не черная, а… Ой!

— Странный способ отлынивать, — сухо сказал Дарн, загораживая обзор и глядя на меня сверху вниз, — в Отто какой-то придурок болт засветил, а ты чего расселась?

— Ннрр-йййнрррто-усст…

— Чего-чего бормочешь? Никаких отговорок! Твой номер по расписанию!

Я лишь посмотрела в зелёные глаза с белыми горизонтальными зрачками. Дарн схватил меня за грудки и рывком поднял на ноги.

— Всё! Хватит симулировать! А ну быстро переодеваться!

— Пффф… ррррр!

Я попробовала сопротивляться. Тело слушалось плохо. Сознание снова разделилось. Перед глазами промелькнуло закулисье, будто часть меня засела под потолком. Я одновременно видела искаженное злобой лицо Дарна, как Отто накладывают повязки, Курт судорожно что-то пишет, директор

встряхивает меня как тряпичную куклу, Халнер оборачивается к нам…

— А ну прекратить! Прекратить, сказал!

Не удержавшись на ногах, я рухнула обратно на тюки. Дарн отлетел на несколько шагов, едва не потеряв равновесие.

— Ты что, спятил?! — он отступил ещё, обалдело глядя на брата.

— Это ты спятил! Она никуда не пойдёт! Это Чёрный дротик, она серьёзно ранена!

— Что?! Серьёзно? Что серьёзно-то? — Дарн пришёл в себя и шагнул вперёд, сжимая кулаки, — у нас семья лорда на представлении, и вот ЭТО серьёзно! Дротик в Отто воткнулся, а не в Кет! Кет дышит? Дышит. Разговаривает? Разговаривает. Руки двигаются? Да! И всё! Последнее представление перед праздниками! Лечи её потом чем хочешь, хоть в Цитадели, хоть в посте-ааа!

Договорить он не успел: смачная затрещина чуть не сбила его с ног. Халнер шагнул вперёд. Каблуки директорских ботинок защелкали по полу.

— Даже. Не. Вздумай. Её. Трогать. Ясно?

На каждом слове рубашка на груди Дарна жалобно трещала. Нелепые застёжки сценического костюма жалобно звякали, как готовая лопнуть струна.

Наступила тишина, будто в воздухе выжгли абсолютно все звуки. Ни вздоха, ни движения. Лишь черно-серебристый птицеящер в углу разминал крылья.

Ещё пара секунд. Кто-то что-то уронил. Халнер вздрогнул, моргнул, и медленно отпустил Дарна.

— Точно свихнулся… — пробормотал тот и попятился, поправляя камзол.

— Успокойся ты уже! Я сам этот номер сделаю! Всё!

Пара мгновений тишины, и:

— Так, а вы чего пялитесь? Работы нет?

Замершие артисты вмиг судорожно заспешили по срочным делам. Дарн вытер кровь с рассечённой губы и ретировался, бормоча ругательства. Халнер ещё раз тряхнул головой, и продолжил уже более ровным голосом:

— Курт, связь с Цитаделью, Селестина мне должна. Элви, парализатор! Но не позволяй спать, и ни в коем слу…

Кажется, он сказал что-то ещё, но я не слушала. По углам сплелась склизкая паутина и поползла по стенам в комнату. О боги. Нет, не хочу это видеть. Зажмурюсь и спрячусь. И усну. И всё пройдёт…

— Кети! Кети, посмотри на меня! Кети!

— Мммм?

Я с трудом разлепила веки. Надо же, зелёные глаза. Вообще зеленые. Ни зрачков. Ни белков. Такое бывает?

Что-то тёплое легло на щеку. Вид «из-под купола» скукожился. Паутина по углам начала таять.

— Кети, сейчас пойдёшь в лазарет, молись, ни на что не обращай внимания, слышишь? Ни на что! И ничего не бойся! Главное — не бойся. Всё хорошо. Всё будет хорошо. Я скоро.

Сказав это на одном дыхании, Халнер буквально испарился в направлении гримёрок. Ну вот, и птицеящер за ним ускользнул…

Тут с потолка упал огромный паук и откусил Эвелин голову.

Интерлюдиия II
Архив Инквизиции. Озёрный

Магистру Инквизиции
по Озерному округу,
Брату Лайонелу
Всесолнечный брат,

Не ставя под сомнение искренность ваших побуждений относительно безопасности граждан от ужасов равно реальных и мнимых, вынуждена настойчиво донести до Вас, что присутствие Ваших сотрудников является нежелательным на ВСЕЙ территории вверенного мне монастыря, включая приход в городе Озёрный. Особенно настаиваю на этом сейчас, ибо священные дни Полносолнция необходимо посвящать посту и молитве, а не выявлению и вычищению посторонних.

Да восславится Великий Апри,

Пресветлая Селестина,

Мать-настоятельница храма Цитадель

Пресветлой Селестине,
Матери-настоятельнице храма Цитадель
Всесолнечная сестра,

Всем сердцем разделяя Ваше желание предаваться посту и молитве, особенно в священное время великого праздника Полносолнция, произвожу замену сотрудников, дабы не смущать Вас и Ваших сестёр.

Кроме того, к письму прилагаю счет за услуги лекарей, к которым были вынуждены обратиться уже известные вам мои сотрудники.

Да не омрачится лик Великого Апри,
Магистр Инквизиции
по Озерному округу,

Брат Лайонель

Аркан II. Жрица
Глава 8. Белые перья

Коридоры, галереи, колоннады, внутренние дворики чем-то напоминали родной Сетер. Хотя на наши особняки с неба лилось тёплое, тёплое солнце, а не хмарь. Цитадель, конечно, принадлежала своему миру: своды древней обители стремились к иссиня-серым облакам. Великолепно. Монументально. Холодно.

Отвратительно холодно. Я шла по отполированным до блеска плитам, кутаясь в одеяло. Точнее, тонкую шерстяную простыню. Где бы достать ещё парочку? Раньше озаботиться не могла: сначала валялась в беспамятстве, потом отходняк. Теперь вот замерзла, как варан, хоть светильник со стены снимай и грейся. Нет, не спорю, в остальном условия роскошные: большая келья с довольно широкой — и мягкой! — кроватью, столом, и даже умывальником, в котором вода течет сама по себе. Нужник, правда, один на несколько келий, но это ладно. Одеяла, одеяла-то могли нормальные выдать?! Про еду вообще молчу.

Вчера я ещё не пришла в себя и могла лишь пить гадостный отвар из сушеных корнеплодов. Сегодня есть хотелось зверски, но в трапезной подали лишь те же варёные корнеплоды и горсточку крупы, ну и лично мне, как болящей, ломтик хлеба. Солнечный пост у них, видите ли. Да я даже трёклятую рыбу съела бы сейчас! Но нет. Ходи-голодай, потому что нельзя есть после заката. Эх…

Полупустой желудок жалобно буркнул. Галерея закончилась, я вышла во двор. Остановилась. В попытке отвлечься от мыслей о еде, стала разглядывать постройки.

Покатые крыши, острые углы, резные карнизы. Барельефы в виде солнечных дисков. Всё — белоснежное. Но если приглядеться, видны трещинки, сколы, пыль…. Удивительно, кстати: обычно в Мерран ночь наступала почти мгновенно, и в городе на другой стороне озера, тоже. А здесь сумерки. Камни светятся, что-ли? Пригляделась: похоже, да. Интересно, это минерал такой? Или покрытие? Потому что если минерал, то понятно, почему здесь шли долгие бои, когда Империя заново собиралась после Катастрофы. Тут же всё, как на ладони! Было…

На стенах, правда, и сейчас вооруженные сёстры в черно-белых одеяниях, да и у ворот не пусто. Серьёзная стража, да. С лицами, одухотворёнными постом и молитвой. Над воротами — каменная скрижаль: «Неуважение к Церкви есть неуважение Великого Апри». О как. Только кто из этих высокодуховных дам смог бы убить, не задумываясь? А главное — пережить смерть

своих соратниц, не прокляв при этом весь мир с Великим Апри во главе? Ведь на войне оно как: либо принимаешь смерть, как данность, либо отправляешься в задницу горного козла, где никакая физическая форма и выучка не помогут.

Вдруг раздалось звонкое хихиканье. Из неказистой одноэтажной постройки, судя по запаху, мыловарни, выбежали три маленькие девчушки. Воспитанницы, ещё не успевшие принять послушание. Путаясь в не по возрасту длинных платьях, помчались в одну из колоннад.

— Дай брусок!

— Догони!

— Не догонишь!..

Самая мелкая залилась смехом, вырвалась вперёд. Боги, совсем как мои младшие сестры когда-то. Тоже бегали, смеялись… сгинули в вихре переворота. Тем, кто умер сразу — повезло. Если же нет… Не дай боги никому такой судьбы.

Стражниц на стене стало больше. Осенив себя кругом Апри, они стукнули древками алебардами о камень. Сменились. Свежий караул почапал дальше, прежний — начал спускаться по пологой лестнице со внутренней стороны стены. Нет, всё-таки рассуждать о войне на плодородных и спокойных землях Мерран — святотатство. Мелкие напряжённости у них есть, не без того — вон, говорят, листовки какие-то штампуют, да и после Эпидемии вспышки беспорядков будут наверняка. Но всё это меркнет по сравнению с переворотами и междоусобицами моего родного мира. Так что ну их, этих черно-белых постниц. Пусть себе стоят, местность украшают со своими алебардами. И никогда не пускают их в ход.

Обойдя привратный двор с хозяйственными постройками, я прошла через колоннады келейного корпуса в собственно монастырский двор. Далее проследовала к саду, что рос на выделанных террасах. Внизу — травы. Розоватые и сизые, на пушистых стеблях и на колючих, с листьями и метёлками, тянули они к закатному небу свои соцветия с удушливым запахом. На следующем уступе, за небольшой сетчатой перегородкой, располагался цветник. Разноцветные головки с бесконечными спиралями лепестков прижималась друг к другу, слегка подрагивая в ожидании холодной ночи. Из цветника обшарпанные ступени вели в основной сад, где начинался лабиринт тропинок.

Вокруг главной аллеи росли деревья, все — высоченные, в три человеческих роста. Саму аллею устилали шуршащие камушки с острыми уголками. Иногда в сторону отходили узкие протоптанные дорожки, теряясь в тенистой глубине, из которой

верещали птицы. О, птицы! Интересно, как тут на счёт гнёзд?

Я начала исследовать сад в поисках яиц. Тщетно: кустарники оказались либо колючие, либо их тонкие ветви не выдерживали моего веса. Монторп раздери этих птах! Но я тоже хороша. Привыкла, понимаешь ли, к перекусам! А плоды и ягоды собирать боюсь — вдруг опять окажутся с паразитами. В Мерран никогда не угадаешь, кто где живет.

Пока я петляла, сумерки сгустились. Вдоль аллей зажглись небольшие фонари-клетки с бабочками, что накапливали солнечный свет в течение дня. И, чем ярче и теплей они разгорались, тем пристальней из каждой расщелины, трещины или тёмной полосы, глядело *нечто*. Без формы, без глаз, *оно* внимательно следило за каждым шагом, словно голодный лев. Так, пожалуй, пора возвращаться.

Ха! Проще сказать, чем сделать. Хоть я и чувствовала уклон террасы, вскоре он начал плясать, а почва под ногами — опускаться и подниматься, будто при огненных боях. Проклиная всё на свете, я быстро шла, высматривая «знакомые» деревья и составляя в уме план сада. Мозг метался, пытаясь разглядеть блики на краю зрения. Стоило чуть расслабиться или отвлечься, как начинали мелькать человекоподобные фигуры. Я твёрдо решила не реагировать, однако крепкую палку всё-таки подняла. Мало ли, кто здесь ша…

Из кустов вылетело нечто, похожее на птицу. Неестественно вывернутые крылья вспороли воздух перед носом. Вот ты дрянь!

Крик, перья. Тварь отлетела прочь. Поворот, разгон, новая атака. Я крепче сжала палку. Существо увернулось. Взвизг, разворот, пике, атака…

…хрустнул песок полупустыни Тирсума, потные ладони сжали рукоять меча. Моя ящерица бьётся в агонии слева, далеко справа рубится с кем-то отец, впереди — вскакивает смуглый человек с приплюснутым носом и тёмно-бронзовой кожей. Удар — и он падает обратно. Череп раскроен, остатки лица перекошены яростью и болью. Но что это? Грудная клетка трупа разрывается изнутри. К небу взмывает птица с человечьей головой и неестественно вывернутыми крыльями…

И рухнула обратно — туда, где с вывернутыми руками лежала я. А вокруг — ужас. И внутри тоже. И снаружи. И внутри. И боль. И что-то мокрое и липкое. И многоголосый смех. И заново… И сызнова… И по кругу…

Я отступила, споткнулась, и упала на острые камни. Видение растаяло.

От земли тянуло холодом. Я с трудом села. Заломило позвоночник, потом все суставы. Орры, конечно. Привычно, вроде

бы. Но нет. К насилию нельзя привыкнуть. Его можно только забыть. Попытаться забыть, точнее. Потому что не получится. Даже если обидчики получают своё, пережитое всё равно с тобой. Всегда. А уж если не получают, да при том, что осталось сделать лишь шаг…

Миг — и тьма снова сгустилась. Повеяло холодом. На меня со всех сторон пошли тени. Цепкие, липкие тени, тени, обещающие справедливость, мир, порядок, и всего-то за кусочек души…

Так, стоп. Я глубоко, до боли, вдохнула. Задержала дыхание. Выдохнула. Потом. Суд, плен, месть — все потом. Сейчас — выбираться. Срочно, срочно выбираться из этого сада, пока с ума не сбрендила. Сейчас думать нельзя. Нельзя думать. Нельзя. Тссс…

Тени рассеялись. Вместо них появился едва слышный шепот — противный, свистящий, словно кто-то выжимал яд из очень злой змеи. Я подняла палку, которую выронила при падении. Тени тенями, а от природы Мерран всего можно ждать.

Уклон дорожки становился ощутимей, странный звук нарастал. Когда я уже начала опасаться, что сейчас напорюсь на какой-нибудь серпентарий, аллея вывела к небольшой лестнице. Отлично! Значит, направление выбрано верно.

Стала аккуратно спускаться. На последней ступеньке что-то резко толкнуло под колени. Упасть, перекатиться… Встать не успела. Так и замерла на полусогнутых.

Близко, буквально в шаге, стояло существо, похожее на маленького ребёнка. Одежда обгорела, часть плоти обуглилась, другую часть покрывали страшные ожоги. Сквозь ошметки мяса белело несколько мелких зубов. Пряди курчавых чёрных волос торчали, как придётся. На груди — ярко начищенный медальон с гербом моего рода.

— Почему ты ушла? — раздался надтреснутый шёпот в голове.

Я замерла, не в силах даже дышать. Существо шагнуло вперёд. Сознание наполнил тошнотворный поток картинок и шелеста мёртвых голосов.

Прохладное утро, возвращение после долгой и сладкой ночи в кабаке.

— Почему ты оставила меня там?

В моей постели лежит истерзанная мёртвая служанка, так похожая на меня лицом.

— Почему ты не пришла раньше?

Тело отца на полу в гостиной.

— Почему ты не проверила?

Комок окровавленных простыней в спальне мачехи и в

кроватке маленького брата.

— А я ведь я был ещё жив…

Сжечь документы из нетронутого тайника, облить тела маслом, поджечь дом…

— Это ты, ты убила всех нас… Всех нас… Всех…

— Ннн… нне… ннет! Нет! Нет!

Задыхаясь в крике, я начала бить существо куда и чем придётся. Я проверила Проверила! Я даже пыталась его откачать! Но нет. Нет! Нет. Дыхания не было. Сердцебиения не было. Ничего этого не было. Вообще ничего. Это всё не со мной. Я не убегала никуда. Я умерла вместе с ними. С ними, с ними, с ними…

Кисти свело, по глазам резанул свет.

Где я?

Высокие деревья, густая трава, расколотый фонарь на краю дорожки. Мерран. Монастырь. Прогулка. О боги…

Я села на бордюр, стараясь восстановить дыхание. Поймала себя на том, что крепко сжимаю медальон Апри — тот, оплавленный, что остался от Феррика ещё зимой. Ну дожили! За чужого бога цепляюсь!

Собралась с силами. Встала. Бегом припустила вниз. Быстрее, ещё быстрее. Кто его знает, что будет в следующем видении. В том, что оно придёт, сомнений нет: теней не видно только потому, что они стали частью тьмы, заполнившей сад.

Лихорадка разгоралась, бежать становилось труднее. Я перешла на шаг, стараясь унять резь в боку. Как в детстве, честное слово! Но в детстве никто и ничто не заставило бы меня сунуться в низкий тоннель из вьющегося растения. А теперь вот иду, жизнь спасаю. И нисколечко меня не подташнивает. И потолок на голову не падает, нет. Нет. Вовсе нет.

Шелестящий свод скоро уткнулся в край большого дерева. Стоило завернуть за него, как воздух стал значительно теплее: я вышла на большую аллею. Всё те же камешки, всё те же фонари. По краям — небольшие ручейки в белых рукотворных руслах.

Перешагнув ближнюю канавку, я облегчённо выдохнула. Всё тёмное, что неприятно шевелилось внутри и стремилось завладеть сознанием, ретировалось. Так-то лучше! Выход, наверное, неподалёку. О, да я тут, похоже, не одна.

Справа в десятке шагов виднелась островерхая крыша беседки, освещённая снизу. Вместе с запахом ладана доносились голоса, на сей раз явно человеческие. Слава богам! Пошла туда — узнать дорогу и убедиться, что ещё не окончательно спятила.

Потом замерла, прислушиваясь.

— …себе подцепил, охальник! — звенел мелодичный

женский альт.

— Ну хватит уже, проехали. Ты за своим хозяйством следи лучше, — отвечал приятный мужской баритон.

— Погасни моя лампада, да он злится! Нет, правда! Ты только глянь! — продолжала смеяться женщина, — я чувствую злость и… Курти, как по-твоему?

— Тебе видней, Селти. По этому чурбану разве поймёшь чего! — вступил ещё один мужской голос, — хотя он у нас третьего дня разговелся на чувства, да… Знаешь, этот выдающийся эпизод я занёс бы в летопись.

— Да-да! Точно! Ну, что скажешь, друг неразговорчивый? Заносим в летопись, как ты благородно спас прекрасную деву?

— Да заносите на здоровье, — фыркнул баритон, — но только пометку «для служебного» не забудьте. И копию в магистрат. Можно с представлением.

— Ой-ой-ой, какие мы деловые! А кстати… — тут женский голос стал резким, как удар шпорами, — Кетания, ну что ты по кустам шаришься, мы не кусаемся!

Сердце ухнуло. Чуть отдышавшись, я пошла вперёд и поравнялась со входом в беседку.

Три широких ступени вели на площадку между витыми столбами. Под расписным потолком висели гирлянды цветов — именно они испускали мягкий лиловатый свет. В тёплых лучах окружающие кусты казались коричневыми, одежда людей отливала красным.

Халнер в таком же, как у меня, одеянии гостя, скрестил руки на груди и небрежно прислонился спиной к крайнему слева столбу. На другой стороне беседки в плетёном кресле сидел Курт. На нём поверх всё той же простой серой рубахи, болталась белая накидка священника, а в массивных пальцах вилась нить чёток. Между мужчинами стоял низкий столик, за которым сидела красивая женщина, кажется, средних лет. Складки белой ткани облекали подтянутую фигуру, прямая осанка выдавала человека, привыкшего повелевать. На голове женщины свернулся причудливый головной убор, похожий на спираль. Полупрозрачная ткань обрамляла лицо, свешивалась на плечи и грудь. Тонкая полоса такой же ткани лежала поперёк высоких скул, одновременно защищая и подчёркивая глаза.

Именно глаза спасали женщину от отвратительной безупречности. Сквозь пелену лёгкой вуали проглядывали неподвижно застывшие прозрачно-серые роговицы, которые почти сливались с белком. Странное дело: под этим невидящим взглядом захотелось разреветься, гулко и громко, навзрыд.

— Ну здравствуй, Кетания, — улыбнулась женщина, —

пришла в себя?

— З-зд-драссьте… — сглотнула я.

Повисла тишина.

— Кетания! Где твои манеры! Перед тобой Пресветлая Селестина, мать-настоятельница Цитадели! — прошипел Курт, подтянувшись и перехватив чётки, как кастет.

— Очень п-приятно…

Снова тишина. Глаза Курта начали наливаться кровью. Халнер сдавленно закашлял в кулак. Так, наверно надо сделать что-то очень почтительное. Только вот что? Пока я пыталась понять, Курт стал пунцовым. Костяшки кулака побелели, дыхание сбилось. Однако мать Селестина оказалась проще.

— Ну, ну, Курти, не кипятись. Нас даже не представили как следует. И вообще, девочка не признаёт авторитетов и терпеть не может официоз. От наставника своего понабралась, да, Хал?

— Экхм… Да она с этим, вроде, и сама вполне справляется, — ответил Халнер, справившись со своим «кашлем», — привет, Кет. Как самочувствие?

— П-привет… да нормально, спасибо….

— Тааак… — протянула Селестина.

Сердце опять ухнуло, на сей раз — от навалившегося *взгляда.*

— Ладно, мальчики, давайте-ка по кельям, мы тут посекретничаем немного.

— Да, мать-настоятельница, — Курт мгновенно очутился в почтительной позе на одном колене, целуя тонкую руку.

— Нет, ну сколько можно, а! — Селестина вздохнула, как вздыхают на милую детскую шалость, — не на Синоде всё же. Иди давай уже.

Курт поднялся, поклонился, и строго зыркнул в мою сторону взглядом из серии «смотри и учись». Получив в ответ оскал, вышел из беседки, всем видом выражая неодобрение. Халнер отклеился от столба и поравнялся со мной.

— До завтра, Села, — кивнул он настоятельнице, — давай, Кет, поправляйся.

Он похлопал меня по плечу и пошёл вслед за Куртом.

— Да, спасибо… слушай, а…

Я повернулась спросить, где они живут, и почему их не видно в трапезной, но не успела: мужчины уже нырнули на боковую аллею.

— Не в последний раз видитесь, — сказала Селестина, — а сейчас сюда внимание обрати, пожалуйста.

Я повернулась и увидела дротик. Он лежал, отражаясь в полированной поверхности столика, и словно впитывал свет. Непроницаемо-чёрный, матовый металл древка весь в узорах.

Оперение из тонких прозрачных пластин почти не отбрасывало тени, отчего казалось, что дротик висит в воздухе. Какая красота! Рука непроизвольно потянулась вперёд.

— Не стоит, — отрезала Селестина, — лучше давай-ка присаживайся. Поговорим.

— Эээ… да, конечно…

Я села в указанное кресло и для верности подложила руки под себя — очень уж соблазнительно посверкивал полированный бок болта.

— Мать Селестина, скажите, это тот самый? Ну, которым ранили Отто?

— Не Отто, а тебя. Этот ваш парень отделался физической царапиной, потому что дротик метнули в сделанную тобой иллюзию. Храмовый дротик, заешь ли, бьет в корень, а не в листья. Так что лихорадкой теней заболела ты. Руки бы повыдёргивать тем, кто языческие артефакты у себя держит! Чем только Инквизиция занимается…

— Инквизиция?

— Ну не войска же! Гвардии и кражу скотины-то доверять страшно, а тут Высоких потрошить надо, чтобы добро еретическое сдавали… Ладно. Давай лучше расскажи, какие тени к тебе приходили сегодня.

— Эээ… Нууу… Тени? Вы о чем?

Селестина поджала губы. Я вдруг поняла, что лучше не выпендриваться.

— А, тени. Да… да так. Люди какие-то… непонятно даже, кто…

— Да ну?

Селестина наклонилась ко мне. Неуловимым движением взяла за руку. В голове замелькали весьма неприятные образы и воспоминания.

— Да простит тебя Великий Апри, — резко отстранилась настоятельница, — такая молодая, а душа уже мается в стране вечной осени… Впрочем, в канун Полносолнция прощается и не такое. Так что пойдём-ка к источникам, не будем терять время.

На этих словах Селестина встала. Она оказалась всего на треть головы выше меня, и примерно такого же телосложения. Ну хоть кто-то в этом Мерран не похож на ожившую скалу!

Мы спустились на аллею, но быстро свернули с неё в неосвещённую часть сада. Настоятельница бесшумно скользила впереди. В густой тьме только её белые одежды оставались ориентиром. Но ориентир не фонарь, кочки не показывает. Селестина резко остановилась — так резко, что я чуть не налетела на неё.

— Хватить пыхтеть! Дай руку. Теперь закрой глаза. Сосредоточься. И просто ощущай пространство.

Стоило нашим ладоням соприкоснуться, как в голове снова замелькали образы, на сей раз — наполненные светом. Между деревьев будто пролегла золотистая дорожка. С каждым вздохом картинка становилась всё объёмнее, будто окружающий сад пустил корни через мою грудь. Внезапно я поняла: любое движение теперь будет осознанным. Все повороты известны, все ступени сочтены.

— Спасибо… не знала, что так можно.

— Получилось? Хм. Воистину, Великий Апри открывает многое, — задумчиво сказала Селестина, отпуская мою руку, — но и… скрывает… хм… немало…

В груди снова разлилось жжение *взгляда*.

— А обычный источник-то не про тебя, Селия. Ну что же. Тогда на ближайшей развилке направо. Движемся в тишине!

Приказные нотки в голосе настоятельницы затолкали вопрос обратно в глотку. И всё же… Снова монастырь, и снова родовое имя моей матери в чужих устах, как будто так и надо…

— Мать Селестина? — не удержалась я, — а почему вы назвали меня Селией?

— Потому что это твоё имя по праву рождения. А теперь помолчи, пожалуйста!

И тебя туда же. Да уж, похоже, местные жрецы читают книги душ получше наших. Да и монторп бы с ними, только как бы теперь неприятности не начались. Даже если вспомнить, что мой мир и мир Мерран — осколки Тимирии, и Высокий язык остался в обеих культурах, всё равно давать незаконнорожденной полукровке имя «истинное солнце» при местной религиозной озабоченности граничит с ересью. Версия «простая акробатка Аделаида» меня больше устраивает. Уж точно не сожг… ай!

Дверной косяк буквально выскочил из темноты. Вот что значит слишком много думать! Шишка теперь будет наверняка. За тяжёлой дверью оказался крохотный павильон, едва освещенный тусклой лампадой. Строго по центру помещения в полу зияла дыра, а в ней — вырубленные ступени. Из узкого хода тянуло сыростью. Узкого и низкого хода…

— Селия? — настоятельница обернулась с середины лестницы.

— Эээ… я л-лучше тут пос-стою…

Селестина фыркнула, поднялась обратно и крепко взяла меня под локоток.

— Пойдём, дитятко. Никто тебя не съест, кроме самой себя.

Так мы сошли в промозглый коридор, невероятно тёмный и

узкий. Щупая второй рукой гладкие и холодные стены, я безудержно потела каждый раз, как касалась макушкой потолка. И это при моём-то росте! И вообще! Какие источники в скалах?! Это же каменный мешок. Саркофаг. Саркофаг под горой. Эта слепая стерва решила похоронить меня заживо!

Когда я уже была готова заорать от паники и сдаться на растерзание любым теням, лишь бы убраться обратно в сад, настоятельница толкнула дверь. Глаза резанул свет. Ну наконец-то открытое пространство! Ой…

Стены и потолок небольшой комнаты были усыпаны звёздами. Настоящими, а не отсветами от зеркал. Слева всходила планета Варрван, спереди и справа висело созвездие Жнецов, а над головой колыхался Путь Апри — звёздный туман, как у нас называли такую же полосу. Красота. И ни намёка на облака или контуры гор, построек, деревьев…

С трудом отведя взгляд от одного рукотворного чуда, я пригляделась ко второму. По центру помещения — купель, уходит вниз словно амфитеатр. Вода подсвечивалась снизу, бело-желтым. Временами проскакивали голубые вспышки, отчего пар над гладкой поверхностью напоминал запертые в колбе грозовые облака.

Селестина велела раздеться и устроиться в «ванне» поудобней. Когда большие и мелкие пузыри окутали тело с ног до подмышек, настоятельница села на пол рядом с купальней, и нажала на скрытые рычаги в бортике. «Ступень» за моей спиной превратилась в наклонную поверхность.

— Теперь закрой глаза и расслабься. Позволь теням плясать, как им вздумается. Источник Апри смоет тьму, но сначала ты должна признать и почувствовать её существование в самой себе. Да, Селия, да, это сложно, иначе эта купальня и гроша ломаного не стоила бы!

— Разумеется. Только отку…

— Все. Вопросы. Пот-том, — с усилием ответила Селестина, надавив на мою макушку.

— Чтпфррргррхх!

Я попыталась извернуться, схватиться за край, но тягучая вода уже проникла в желудок и лёгкие. Увлекая моё сознание в агонию памяти, растопленное солнце сомкнулось над головой.

Аркан II. Жрица
Глава 9. Девочки на шаре

Пятно света медленно ползло по белёной стене, неумолимо приближаясь к металлическому диску. Доползло. Зайчик резанул глаза. Я зажмурилась. О боги. И так голова тяжелая, а тут ещё это.

Солнечное пятнышко катилось дальше. Я усиленно пыталась вспомнить, где нахожусь. Тьма, крики, туман. Ещё туман. Дверь, которая не дверь. Проход в другой мир. Какой? Всплыло имя — Мерран. Да, точно. «Слияние живого с неживым», так гласила надпись на Зеркале. Что ещё? Горы, театр, Орры, дротик… Тени. Ночной сад, глюки, разговоры… Источник. А, да, звёзды на стенах ещё. И тягучие кошмары, из тех, когда знаешь, что сон, а сбежать не можешь. Колючий воздух. Сырой коридор… Солнце на стене. Колокольный звон. Переливчатый, простой, как дверь в новый мир. Очередной новый мир. Туда, где свежесть, обновление… еда. Еда? Боги, а жрать-то хочется, как змее после спячки!

Я рывком поднялась в койки. Воспоминания мельтешили, спешно рассаживаясь по местам. И всё же, чувство голода оказалось сильней любопытства. В спешке натянув бельё и тёплую котту, побежала в трапезную. Пусть хоть что-то в желудке будет.

Кормили, конечно же, овощами. И, конечно, безвкусными — ни соли, ни масла, не говоря уже о мясе. Оно и так-то редко появлялось у мерранцев на столе — здесь потребляли главным образом водных тварей. Как иначе? Волы — почти люди, козы, как и добрая половина лесной дичи, несъедобны, мелкую птицу и домашних пушных зверей надо есть сразу же после забоя, и уж точно не в пост. В пост — только корнеплоды, крупы, и молитвы. Трудностей в жизни не хватает, называется. Искусственно придумывать надо.

После трапезы я тут же ретировалась к себе, пока не припахали к какому-нибудь благочестивому делу. Позёвывая, вынула из тумбочки вездесущую Книгу Великого Апри — единственное и неизбежное чтиво. Естественно, что ещё можно читать в монастыре, кроме сакральных текстов? Зимой в Тмирран я пролистывала Книгу, но вскользь — Феррик сам был ходячим сборником священных стихов. Потом, в театре, я помогала Курту в ритуалах, но до вдумчивого изучения чужой религии руки не доходили. Сейчас же пришлось полюбопытствовать.

Ничего особенного — описание звезды Апри и годового цикла

затмений, перечисление огромного количества колен богоизбранных Отцов Империи, основные ритуалы, перечень правил. Особенно понравился последний раздел, про благопристойное поведение и святотатство. Да уж. Если следовать букве «Солнечного закона», то каждого нормального человека можно в еретики записать, и под линзу на сожжение отправить. Вот интересно, зачем создавать такие правила, которые не нарушит разве что мертвец? Размышляя над прочитанным, я уснула — быстро, крепко, без сновидений, и продрыхла аж до самого завтрака.

Огромный зал с широкими столами, отполированными поколениями тарелок и локтей, четыре раза в день принимал организованную толпу обитательниц монастыря. Места строго закреплялись по старшинству, за каждым столом размещалось по восемь сестёр. Болтать за едой запрещалось. И всё же, столы для младших постоянно оказывались сдвинуты вместе. Не знаю, боролись ли с такими нарушениями в другие дни, но сейчас, перед Полносолнцием, на это смотрели сквозь пальцы. Оно и понятно: толпа девушек с трепетом обсуждала предстоящий праздничный ритуал.

Сегодня обсуждение проходило особенно бурно: именно на сегодняшнем полуночном богослужении должны огласить имена тех восьмерых бастардок-Зрячих, которые пойдут в Священную рощу. По переиначенной древней традиции, им предстояло уединиться в павильонах с такими же полукровками, а после — стать матерями уже законнорожденных Зрячих.

Поскольку девушки провели всю жизнь в монастырских стенах, а участницы предыдущих Ночей соблюдали обет молчания, предположения строились самые разные. Кого изберут? Куда поведут? Что потом делать? Лежать? Сидеть? Стоять? Что значит «на четвереньках»?! А как лучше раздеваться, и вообще, надо ли? Ко всем ли снисходит Знамение Апри? Говорят, надо громко молиться, а насколько громко? А если забудешь? А что? А где? А куда?…

Вот так воображение! Стараясь не хохотать в голос, я едва заметила, как проглотила горьковатую кашу-размазню. Как обычно, порцию выдали настолько малую, что в желудок заурчал уже на выходе из трапезной. Проклиная всё на свете, я собралась навестить монастырский сад — объем плодовые деревья, и будь что будет!

Стоило так подумать, как появилась накаченная сестра в чёрно-белой караульной рясе, и с видимым неудовольствием сказала идти с ней. Не отвечая на вопросы, стражница отвела меня к главному входу в обитель, и махнула рукой на подъездную

площадь.

— Гости. Время до заката, — выплюнула сестра и пошла обратно в монастырь.

Я уже успела узнать, что для рядовых паломников, болящих, скорбящих и прочих страждущих, существуют подворья. Например, в Озёрном уменьшенная копия Цитадели. Так что, если бы не странноватое, но явно хорошее знакомство Халнера и Курта с матерью Селестиной, валялась бы в клоповнике на скрипучей койке да в общей палате, с какими-нибудь делающими под себя психами. А так — комфорт и благолепие… кроме кормёжки, конечно. Однако про возможность принимать гостей как-то не слышала.

Я вышла их ворот, осмотрелась. Посреди площади высился ступенчатый постамент размерами с хорошее мерранское дерево. Его нижняя часть была похожа на широкий цилиндр, по краю которого золотилась надпись «Во имя Апри», а ниже шли колонки с именами погибших. На верхнем основании цилиндра — сеть декоративных трещин, из них взмывали к небу полупрозрачные лепестки. Солнце играло на тонких гранях, светотень плясала, и от этого стилизованное пламя казалось настоящим. В центре огромного «костра» чувствовалась незримая колонна свернутого пространства, на которой висел золотой диск с восемью лучами. Хм. Это гражданской войне Объединения, наверно. Бессмысленной и беспощадной, как, впрочем, и любая война… Так, а где же мои гости?

Обогнув шедевр религиозно-скульптурной мысли, я заметила группу людей на дальнем краю площади. Похоже, что у сильно гружёной телеги подломилась ось. Теперь несколько молодых монашек перекладывали мешки на новый транспорт. Между ним и памятником болтались две хорошо знакомые фигуры. Вот так поворот!

Ребята стояли ко мне практически спиной. У Маро на плече висела объёмная кожаная сумка, которая, впрочем, ничуть не мешала пацану мяться на месте и чуть что не подпрыгивать, пытаясь обратить на себя внимание монашек. Оно и понятно: с озера дул ветерок, от него, и от резких движений, подолы ряс взлетали чуть ли не до колена. Широкие рукава открывали руки до локтей, белая кожа буквально светилась на солнце. Да уж, есть от чего возбудиться, особенно такому… весеннему тарволу, как здесь говорят.

Неуместную прыть юноши одёргивала Эвелин. Нет, всё-таки хорошо, что они с Маро родственники! Иначе бы греха не избежать: даже в скромном и закрытом платье по щиколотку, лекарка выглядела великолепно. Всегда. Правильные пропорции,

плавные изгибы, ничего лишнего, ничего плоского… Подзатыльники, правда, эта красавица тяжёлые отвешивает. Почти как я. Но даже без заботы своей высокоморальной кузины, Маро вряд ли бы приблизился к обозу: за разгрузкой наблюдала монахиня-стражница. Одной рукой она держала алебарду, постукивая кончиками пальцев то тяжёлому древку, а другой поглаживала рукоять длинного кинжала, висевшего на поясе. Взгляд исподлобья не обещал ничего хорошего ни прыткому юноше, ни сестричкам, если вдруг обратят на него внимание.

— Привет, калеки! — ткнула я под лопатки зазевавшихся друзей.

— Ооооо, Кет! Жива-здороваааа! — Маро мигом обернулся и крепко обнял меня, закружив над землёй, — а то я уж собирался идти штурмовать этот сахарный домик! Забрали, понимаешь, главного дегустатора, и как теперь бухать-то?

— Каком кверху! — засмеялась я в ответ, — поболеть уже нельзя!

— Нельзя! Нам вот сказали, ты тяжёлая, может, и не выйдешь. А ты лёгкая как пёрышко, уххаха!

— Да опусти ты её уже! Неприлично ведь! — зафырчала Эвелин.

Однако едва я коснулась земли, она сама обняла меня и поцеловала в щёку.

— Ну как ты, Кети? Отто уже почти оправился, а ты-то как?

— Да нормально вроде уже… Слушай! А чем дело-то закончилось тогда? С представлением, в смысле?

— Нормально прошло, — отрезала Эвелин, — ты лучше скажи, ты Полносолнцее в обители встретишь? У нас все обзави…

— Нормально? Ты это называешь нормально?! — воскликнул Маро, — да Халнер такую иллюзию закатал, у меня до сих пор челюсть в озере валяется! Кет, прикинь! Иллюзия тебя, делающей иллюзию! Не отличить вообще! Во-об-ще! Я и не знал, что он так может! Никогда бы не поверил, что это не ты на сцене, если б не знал!

Я почувствовала, что губы сами расплываются в улыбке.

— Ого! Значит, всё удалось в итоге? А Дарн чего?

— Чего-чего, запил, чего, гыгыгы. От счастья, что тот лорд, как там его… а, неважно, лорд, короче, нас к себе в Дельту пригласил. Так что теперь туда едем. Ну это, конечно, если Халнер снова Дарна на место не поставит, гыгыгы.

— Так в итоге, Кети, тебя уже скоро отпустят, или ты Полносолнцее здесь встречать будешь? — гнула своё Эвелин.

— Да тут, к сожалению… Не смотри так! Какое богохульство? Просто жрать нечего в этой благодати. А ты чего лыбишься

стоишь? Небось, на мамашкиных харчах не худеешь! — я шутливо ткнула Маро в не по годам круглый живот.

— Так на вот, поправляйся, скелетина, — не остался в накладе парень, и вынул из сумки изрядно помятый сверток, — кстати, как закусь вот эти круглые самое то. Так что давай-ка вон к деревьям, отметим твоё выздо…

— Чтооо?! Ты что, настойку принёс?! — снова окрысилась Эвелин, — только попробуй достань! На воротах висеть будешь, усёк?

— Тю! Давно усёк, что ты зануда! — заржал Маро, — и подпространство кроить не умеешь ни фига. Пойдём, Кет, от этой неумехи, не понимает она нас.

— Неумехи? А задницу тебе кто штопал?! — ни на шутку распалилась лекарка, — Великий Апри! Почему тот монторп тебя не разодрал! Тарвол ты, и больше ничего!

— Ну вы, ребят, даёте! Представление устроили! — засмеялась я, — давайте, что-ли, плату брать!

Брат с сестрой моментально замолчали и оглянулись вокруг. Разгрузка обоза закончилась, монашки с интересом наблюдали за перепалкой гостей.

— Позоришь всех! Хоть мать бы пожалел! — прошипела покрасневшая до корней волос Эвелин.

— Ей не до этого сейчас, — фыркнул Маро.

Он тут же подбоченился, красуясь перед монашками: по мнению парня, широкая белозубая улыбка могла свести с ума любую девчонку.

— А что, Хели тоже здесь? — удивилась я, стараясь заодно перевести разговор.

— Да вон они общаются, — кивнул куда-то Маро, и тихо добавил, скосив уголок губ — слушай, а ходы в монастырь-то есть боковые? Не в курсе? А как часто эти обозы…

Но я уже не слушала. Не так давно я узнала, что театр — дело семейное в прямом смысле. Так, хозяйка, у которой я жила, оказалась не только матерью моего приятеля и собутыльника Маро, но и родной сестрой моего наставника Халнера, и соответственно сводной сестрой директора. Добрая женщина относилась ко мне тепло, и тоже приехала навестить. Однако сейчас она общалась со своим братом. Я приветственно помахала им обоим, впрочем, не надеясь на успех: собеседники выглядели полностью сосредоточенными на разговоре. Однако Хелия заметила, и тут же замахала в ответ, широко улыбаясь и беззвучно выговаривая что-то вроде «сейчас-сейчас». Потом она сдвинула брови и толкнула Халнера. Тот обернулся, коротко кивнул и снова отвернулся, продолжая что-то говорить сестре.

— …глюки. Эээй? — Маро ткнул меня под рёбра.

— Сам ты глюк! — огрызнулась я, переводя взгляд на приятеля, — и даже не думай попасть на Пляски!

— Так я и не думаю. Ты о чём вообще?

— Угу, ты не думаешь, ты планируешь, — мрачно сказала Эвелин, — слушать противно! Лучше бы об источниках поговорили. Кстати, Кет, в них какая вода?

— Откуда я знаю! Кажется, раствор какой-то…

Посыпались вопросы о лечении. Я отвечала как можно подробнее, но о многом, конечно, могла лишь гадать. Мы проговорили долго — о лечении, о театре, просто о всякой ерунде. Со временем к нам присоединилась Хелия, а вот Халнер даже не подошел — помахал рукой и удалился в обитель.

Когда солнце коснулось гор на противоположной стороне озера, стражницы погнали посетителей прочь. С нынешнего вечера обитель закрывалась на три дня и ночи Полносолнция, чтобы ничто мирское не отвлекало сестёр от поста и молитвы.

После закатной службы я собиралась шмыгнуть к себе, но меня буквально за шкирку поймала сестра Нилия, старшая по купальням. Эту высохшую старую деву боялись практически все обитательницы монастыря. Поговаривали, что благочестие её столь сурово, что некоторые молодые монашки после беседы начинали отмаливать не только свои грехи, но и своих предков, и их друзей, и предков их друзей, и вообще всех на свете, причём грехи самые невообразимые, вроде мытья посуды в неподобающее время суток. Но лично меня острый взгляд из-под вечно насупленных бровей совсем не впечатлял, разве что хотелось двинуть карге с ноги.

Сейчас Нилия поджала и без того тонкие губы и буквально прошипела:

— Пресветлая Селестина ждёт. Нас.

Потом монашка крутанулась на месте, и двинулась через двор к небольшому корпусу, что примыкал к саду. Вздохнув, я пошла следом.

Белые стены двухэтажного строения смыкались под тупыми углами — судя по всему, здание имело форму многоугольника. На одной из сторон имелось высокое крыльцо с выточенными ступенями, которые вели сразу на второй этаж. Далее начинался коридор со косыми поворотами — видать, строители терпеть не могли прямые углы. По полу, потолку и примерно на уроне талии по стене вились барельефы, явно еретические: их подмазали штукатуркой так, чтобы разобрать изначальные изображения стало невозможно.

Наконец, мы дошли до тяжелой двери и вошли в небольшой

кабинет. Напротив входа находилось окно в видом на сад, и массивный стол, спиной к которому сидела сейчас Селестина. Задумчиво перебирая в тонких пальцах чётки красноватого камня, настоятельница сказала, что, поскольку в этом году избранных на Пляски семеро, а источников — восемь, «почётной гостье, воспитаннице монастыря Тмирран» будет дозволено вступить в священные воды в саму ночь Полносолнция. Ну ничего себе! От неожиданности я безмерно и категорически удивилась. Сестра Нилия поёжилась.

— М-мать С-селестина, — звенящим голосом сказала Старшая по купальням, — м-может, всё-таки не надо… Благодать источников…

— Благодать источников исцелит её истерзанную душу, Нилия, — жестко ответила Селестина, — к тому же в священнодействии она не участвует. Проследи, чтобы после омовения девушка прошла в келью. Свою. А сейчас пусть готовится, постом и молитвой. Тоже проследишь лично.

— Да, мать-настоятельница. Обязательно, — пообещала старая монахиня столь хищным тоном, что мне даже стало неуютно.

Ладно, посмотрим, как пойдёт. Укокошить каргу всегда успеется. А теперь надо поблагодарить Селестину. Как там у них по этикету? На колене? А правом или левом? Или просто поклон?…

— Нилия, подожди пожалуйста, в коридоре.

Сестра поклонилась всем корпусом, не сгибая спины, и вышла, аккуратно прикрыв дверь.

Я молчала, Селестина тоже. Этикет не вспоминался, сумерки сгущались. Потрескивала лампада перед золотым диском на стене. За распахнутым окном начинают стрекотать ночные насекомые. Полумрак боязливо жался по углам, словно прячась от взгляда, взгляда тяжёлого и немигающего, который бывает только у слепых, и от которого в груди разливается расплавленный свинец. Ну сколько можно уже!

Пламя лампады замигало, фыркнуло искрами.

— Подожжешь монастырь — спалю заживо, как еретичку, — доверительно проворковала настоятельница, — будь добра, возьми себя в руки, Селия. Нервы у тебя, конечно, ещё те… Кстати, именно поэтому я и хочу, чтобы ты искупалась в Полносолнцее. Это ночь великих откровений и хороший шанс победить тьму в своей душе.

— Да, мать Селестина. Благодарю вас… И… эээ… Надеюсь… надеюсь, Великий Апри укажет мне путь.

— Апри? Апри не в источнике пузыри пускает, а в нашем

сердце светит, деточка. Вот его и слушай. Может, даже поймёшь чего нужное… Ладно, иди. И постарайся не свести в могилу сестру Нилию. Она мне ещё нужна. Для поддержания дисциплины.

* * *

Высокий сводчатый зал был полон. Не знаю, на сколько человек его рассчитывали изначально, но для полутора сотен нынешних обитательниц Цитадели места явно не хватало. Зато в любом уголке прекрасно слышно каждое слово молив, которые читала настоятельница, и хвалебные гимны, которые хором пели монахини, и молоденькие, в задних рядах, и старшие, на ступенях алтаря.

Вместо того, чтобы предаваться религиозному экстазу, я прохаживалась по круговому балкону под основанием купола. Такую выгодную позицию «подарила» лично Селестина, мотивируя это моей непросвещённостью. Даже сестра Нилия не возражала, поскольку пребывала в уверенности, что подкладывать новые благовония в лампады — единственная доступная благодать для «тронутых гнилью мирской греховности». Я не обращала внимания — монторп с ними, с грехами, а вот вовремя отследить момент, когда избранные на Пляски пойдут к источникам, и правда важно. Не то чтобы я горела желанием снова топиться в лужицах, просто перечить настоятельнице тоже неправильно. Она действительно сделала величайшее одолжение, приняв меня в самом закрытом монастыре Империи, да ещё позволила лечить хворь в священных водах — недешевое удовольствие. Кстати об удовольствиях: купались ли в источниках мужчины, которых сейчас в обители целых две штуки? Или им разрешается только в «мужское» время года?

Мужское время, женское время… В Мерран верили: как любой уголок планеты получает живительные лучи солнца, так и жизнь людей подчинена общему ритму, из которого невозможно вычеркнуть ни одну из двух основ Вселенной. Открытый диск согревающего Апри и закрытый диск испепеляющего, плодородие и защита, лето и зима, белый цвет и чёрный цвет, женское начало и мужское. Половинки года, половинки природного цикла, половинки бытия, половинки крови — а значит — попеременное право всходить на алтарь и совершать службы.

Весь годовой цикл расписан до мельчайших подробностей — когда, кто и на что имеет право. Так, лето и Полносолнцее считалось женским временем плодородия и отмечалось в белых

одеждах, а зима и Нарождение — мужским, временем защиты, и отмечалось в черном, символизируя долгое затмение Апри. Однако, облечённые высшим монашеским саном, принимали обет безбрачия, а значит, находились вне категорий пола. Эти люди могли проводить службы всегда, как Феррик в Тмирран и вот сейчас Селестина.

Складки белой с зеленоватым отливом ткани, струились по ступеням алтаря. Всё это великолепие одинаково хорошо видно из любой точки, причём только «с лица». На первый взгляд, такая впечатляющая иллюзия держалась за счёт искривлённого пространства под сферой Великого Апри, но опыт театра подсказывал, что в зале наверняка понапиханы несколько усиливающих кристаллов.

Красивые песнопения и сладкие ароматы уносили далеко-далеко — так далеко, что в голове осталась лишь щемящая пустота. Мир превратился в ослепительный блик, слепящий блик белоснежного… пламени?!

— Дар Великого Апри! — вскричала Селестина, поднимая над головой букет бело-золотых лепестков.

Я мгновенно скинула оцепенение и подалась вперёд, рискуя упасть через перила. Зал взвыл гимн. Боги, что это? Огонь? Иллюзия? Растение? Нет, это не может быть Универсальное Пламя, просто не может. Конечно, здесь не Нор с его тонкими пространственными вихрями, здесь всё стабильно, но… Вот именно что слишком стабильно: работать даже с низшими цветами неимоверно тяжело. Не представляю, чтобы кто-то смог добиться такого очищения, да ещё и в голых руках держать можно!

С появлением «пламени» начался главный ритуал ночи. Едва Селестина подняла над головой белые лепестки, семеро девушек вступили на нижнюю ступень алтаря. Опустились на колени, склонили головы. Что-то пропев, настоятельница сошла со своего места на вершине, и начала раздавать по кусочку «пламени» всем, идущим на Пляски. Так. Сейчас девушек накроют ритуальными плащами и поведут прочь из храма. Пора, пожалуй. Бегом на западную лестницу и…

Чейшучатое крыло распороло воздух перед носом. Что, опять?!

Вынырнув из-за моей спины, полупрозрачное существо, похожее на непропорционально длинную ящерицу с крыльями, беззвучно облетело зал. Сделав петлю под куполом, оно замерло в воздухе. Дыхнуло огнём на золотую сферу, та ответила всполохом. При этом люди внизу продолжили молиться, словно не замечая происходящего над головами. Пффф, ну и приви…

Не успев родиться, мысль канула в Небытие: ящер развернулся, ринулся на меня. Отскочила вовремя. Стремглав пролетев там, где только что стояла я, существо врезалось в стену и растеклось алыми пятнами. Несколько стуков сердца — и пятна сложились сначала в причудливый узор, потом и в целую фреску.

Рисунок изображал крылатого ящера, повёрнутого к зрителю лицом, вернее, светлым брюхом. Красно-коричневая чешуя на боках складывалась в едва заметный орнамент. Существо имело пару грязно-желтых крыльев и две пары коротких лап с закруглёнными когтями.

Изображение, конечно, ещё то: конечности ящера раскинуты в стороны, над бугристыми «ладонями» пляшут лепестки белого пламени, голова опущена в угрожающем жесте. Костяные наросты у лба вздыблены, зубы оскалены, «воротник» кожи натянут между тонкими костями. Но защищало существо оно не себя: на фоне бледно-золотого брюха красовался прозрачный кокон, внутри которого спал человеческий младенец в венце из лепестков разноцветного пламени.

Вдруг дитя открыло глаза. Боги! Хорошо, что я крепко держалась за перила, иначе сиганула бы вниз. Золотые глаза без зрачков — ну это ж надо!

— Мракобесие! — проскрежетало над ухом.

Монторп тебя! Я буквально подпрыгнула о неожиданности. Но то оказалась всего лишь старая монахиня, неведомо как и зачем забравшаяся на балкон.

— Опять проклятая фреска проявилась! Ложные боги, ложные! Проклятые духи! И каждый раз в новом месте! Никак не упокоить их!

Духи? Хм. Значит, вот они, прежние боги, борьбе с которыми пролили столько крови. Ну, что сказать… Великий Апри действительно посимпатичнее будет — всего лишь диск с острыми треугольными лучами. А у этих тут, понимаешь ли, *глаза*. Бррр!

— Чёй-то я тебя не помню, — проскрипела старуха, — как твоё имя?

— К-… кхм.

На ум пришли монастырские байки про невероятно старую сестру, что живёт под куполом главного храма и знает такие тайны, что неведомы даже Селестине с её даром провидения. С крышей, правда, у старухи давно неладно. В общем, что-то вроде местного Феррика. Так-так, проверим.

— Селия, — ответила я на вопрос, и, на всякий случай, повторила громче, — моё имя Селия.

— Ааа, опять ты… снова батюшку прогневала? Ишь загорела,

будто холопка!

— Эээ…

— Ничего! Очистишься у нас, слава Великому Апри… эээх… да… ничего!

Пока я искала, что сказать, монахиня покачала головой и зашаркала дальше по балкончику, бормоча под нос. Расспросить её надо как следует! Ладно, утром сюда наведаюсь. Девки уже из храма гуськом выходят, не пропустить бы.

Перед тем, как уйти, я ещё раз взглянула на фреску. Младенец с жуткими глазами спал. Ящер не двигался, но на его поднятом «капюшоне» начал проявляться рисунок, похожий на герб. Причём герб кого-то из Мерранской знати, взятый по здешней традиции в кольцо с треугольными лучами.

Тряхнув головой, я пошла прочь, не оглядываясь. Снова глюки начались или правда какая-то древняя борьба идёт — разбираться не буду. Не хватало ещё в конфликты здешних богов вмешиваться. И вообще, наш Небесный Воитель поконкретнее будет, вот.

* * *

Вода сама вытолкнула наверх. Глоток воздуха, другой. Пальцы нащупали скользкий бортик. Подтянуться, вывалиться из ванны, отдышаться на каменном полу. Наблюдая за тусклыми звёздами на светло-синем потолке, я вдруг поняла, что чувствует клинок, с которого сняли патину. Тот же самый мир, тот же самый ты, а всё равно всё другое, свежее и обновлённое. Уф…

Шевелиться не хотелось вообще, но я всё-таки повернулась на бок. Восемь прямоугольников ванн отражали блёклое небо, с которого ночь стекала под темнеющий пол. Холодный пол, между прочим.

Поёжилась. Поднялась на ноги. Пошлёпала к скамейке, где оставила одежду и солнечный медальон. Ночью Нилия отвела мне самую крайнюю ванну, и придирчиво следила, чтобы я не заговаривала с монахинями. Опасалась, кстати, зря: что праздные разговоры по сравнению с лепестками загадочного пламени, розданными Селестиной? Вблизи они и правда больше смахивали на листья растений, но вот огонь на них настоящий, как на перьях почтовых таусов. Девушки опускали «дары Апри» на поверхность источников, и молочно-белое пламя медленно проваливалось вниз, будто светящиеся капли воска, а потом… потом Нилия отвесила мне знатного пинка, я потеряла равновесие, грохнулась в ванну, и отключилась.

Но всё это происходило ночью, а сейчас большой зал пуст. Странно. Перед моим омовением Нилия приняла такой вид, будто чуть что не в ванну вместе со мной полезет, лишь бы не допустить осквернения чего-нибудь. А теперь я чистая, что-ли? Что ж, отлично. Только куда идти-то теперь? И… это ещё что такое?

Над источником, откуда я только что вылезла, появился шарик. Диаметром в полторы ладони, чистого белого цвета, он висел над поверхностью воды и… наблюдал за моими действиями. Именно наблюдал, с ненавязчивым вниманием того, кто оценивает ситуацию, но до поры до времени предпочитает не вмешиваться.

Я вгляделась в блуждающий огонёк внимательнее. Да-да, вчера утром в трапезной хихикавшие монашки вдруг посерьёзнели при упоминании об Априонах. По здешним поверьям, это душа Апри приходит в виде шаров света, и ведёт человека навстречу судьбе. Хм. Ну, допустим… Веди, что-ли?

В ответ на мысли, шарик поднялся выше. Затем полетел в дальний конец помещения, к небольшой дверце, и, не колеблясь, прошёл через крепкую древесину.

Замка на двери не было. За проходом оказался промозглый коридор. Как ни странно, нависший потолок не вызвал обычного страха — похоже, источники сумели подлечить даже это. Осознать радость не успела: Априон стартанул прочь.

Несколько коридоров, крутая лестница, обитая металлом дверь… туманный лес. Так вот она какая, Рассветная Роща…

Некоторое время я стояла, вдыхая колючий, наполненный свежестью воздух и наслаждаясь одной только возможностью дышать. Созерцание опять прервал Априон, нетерпеливо подмигнув пару раз. Сожалея, что не прихватила с вечера тёплого плаща, я последовала за огоньком.

Едва заметная тропка вилась между деревьями. Стройные стволы стояли в беспорядке, их золотая кора, влажная от росы внизу, с высотой светлела, и там, где начинались ветви, сливалась с туманом.

Потом Роща поредела. Показалась опушка, а затем и берег озера. Не останавливаясь, Априон полетел вдоль обрыва направо, и завис над каменистым руслом небольшого ручья. Завис не просто так, а рядом с таким же шариком света, только поменьше и зеленоватого оттенка. Откуда он тут взялся, интересно?

И тут я заметила Халнера.

Он стоял на другом берегу ручья. Несколько крохотных брызг от быстрого течения попало на одежду, раскрасив серую тогу крохотными тёмными пятнышками. Пара пепельных прядей

выбилась из-за уха, и теперь оттеняла чуть небритую щёку. Вот вечно не довязывает хвост с той стороны…

— Утро доброе, Кети.

— Угмкх… Д-доброе. А… а ты чего здесь? Тоже купался?

— Купался? Кхм, нет. А надо было?

— Ну, не знаю… мало ли…

Вдруг раздался негромкий свист. Априоны улетели вниз по течению ручья.

— А я вот заблудилась. Ну, то-есть, сначала купалась, а потом все ушли куда-то, вот и заблудилась. Слушай, а Роща большая вообще?

— Да уж не маленькая. Она ведь…

Вдруг откуда-то из тумана донеслись голоса и торопливые шаги.

— Тааак… пойдём-ка отсюда, — нахмурился Халнер, — нам тут лучше не светиться лишний раз. Рассвет уже скоро, переждём внизу.

— Да, пожалуй.

Внимательно изучая камни под ногами, я шагнула вперёд, но всё-таки споткнулась и чуть не влетела в воду.

— Аккуратней. Тут скользко.

Он взял меня за руку и перетянул на свою сторону ручья.

— Угу, спасибо.

Боги, да что это со мной? Кувыркалась с ним уже раз сто, а веду себя, словно девица неопытная! Ладно. Может, холод у озера мозги прочистит. А пока надо одолеть этот долбанный спуск.

Легко сказать. Камни выскальзывали, сандалии пытались соскочить с ноги, лодыжки немилосердно подгибались. Наконец, мы вышли к устью ручья и небольшой беседке. Очевидно, строение уже давно использовалось только в хозяйственных целях, да и то редко: краска на опорах облупилась, витая крыша залатана в нескольких местах, по углам разместились нехитрые копательные инструменты.

Халнер помог подняться по полуразбитым ступеням. Пройдя по жутко скрипучим доскам, мы остановились у самого края настила. Впереди расстилалась шелковая водная гладь, над ней кружили два Априона. Тот, что поменьше, выписывал в воздухе сложные па, в то время как большой неторопливо двигался в такт, одновременно наблюдая и участвуя в игре. Танец их становился всё быстрее, быстрее, быстрее, и вот уже не разобрать, какой где, не отделить один от другого… Бац! — полетели искры взрыва. В тот же миг из-за наших спин брызнуло солнце и перезвон колоколов.

Не звук как таковой, скорее вибрация где-то внутри, в костях,

словно самое счастливое и самое последнее воспоминание в жизни. Но в верхних нотах звона слышалась затаённая грусть или боль, отчего радость имела привкус печали.

Я хотела поделиться впечатлениями, но не смогла выговорить ни слова. Горло сжалось. Глубоко внутри шевельнулась не знакомая доселе радость быть, просто быть рядом. Ближе, ещё ближе. Проскочила и унеслась в Небытие мысль, что влечение плоти — всего лишь способ выразить что-то другое, что больше даже самой яркой страсти. Горячее дыхание защекотало губы, и…

— Брат Халнер, вас ждёт мать Селестина.

Да чтоб тебя! Я буквально подскочила от неожиданности, только сильные руки на плечах не позволили дать дёру.

На ступенях беседки стояли две стражницы. Даже отсюда видно, как побелели костяшки их пальцев на древках алебард.

— Благословение Великого Апри в это утро, — совершенно спокойно ответил Халнер, по-прежнему не давая мне отстраниться, — что случилось?

— В обители произошло святотатство. Извольте поторопиться.

Аркан II. Жрица
Глава 10. Узоры

Кристалл крутанулся пару раз, сел в приготовленную ямку. Контур замкнут, можно начинать. Я поднялась, махнула рукой людям на другой стороне прогалины. Ишь, делегация набралась: и старшие сёстры во главе с настоятельницей, и несколько сестёр помладше, и зачем-то целых шесть стражниц… Вот так вот. Монастырь, устав, правила… а любопытство человеческое тут как тут. Но понять можно: святотатство в Цитадели не каждый день происходит. Потому и любопытство, и нервы. Причем у всех: даже Селестина шипела на нас, гостей, как раненая кобра. А уж её глаза без повязки — вообще страх. И как только Халнер мог так спокойно в них смотреть и даже спорить?

— Седьмой на полоборота! Седьмой, сказал!

И чего орёт? Будто сам не знает, что камни иллюзий здесь паршивые, старые, рассчитаны на помещение, службы транслировать. Куда им до считывания информационных следов!

Наконец, камень удалось довернуть как надо. Тут же на дорогу между Рощей и обрывистым берегом опустилась дымка, из неё выступили две молоденькие сестры в ритуальных одеждах. Полупрозрачные фигуры едва касались земли, при каждом движении конечности слегка расплывались, но тут уже ничего не сделаешь. Разве вот на пятом подкрутить…

Пока я в очередной раз бегала настраивать резкость, на иилюзорную дорожку перед девушками выскочило двое парней, оба белобрысые и высокого роста. Красные лица, пунцовые носы, помятая одежда в пятнах и крошках — казалось, считываемый образ сейчас начнёт испускать перегар.

Раздалось неизбежное:

— Уттти! Кто т-тут у нас таааааакие лаааап-почки?

Театральные попойки не прошли даром — даже шелестящее эхо не помешало мне понять фразы, сказанные на Простом языке. А может, просто опыт…

Монашки шарахнулись в сторону, парни продолжили наступление. Из кустов неуверенно вылез третий собутыльник — темноволосый, гибкий, с ножом, к которому я самолично клепала ножны, пока его хозяин прохлаждался с очередной девчонкой. О боги, ну как можно быть таким идиотом!

— Пццны, вы к-куда? Вы чё? Нам уж'валить п-пора!

— Валить? Дев-ввок и завалим! — гоготнул один из белобрысых, — ать с-сюды! Помгай держать! Ухххх, какая цаца!

В следующий миг он бросился на ближнюю девушку, едва не сбив ту с ног. Несчастная заверещала. Её тут же заткнули чётким ударом по лицу: кровь залила расшитую ритуальную коту. Вторая девушка вырывалась уже молча.

— Эээй! Вы ****?! Хватит, ****!

Маро кое-как запихал нож за пазуху и ринулся вперёд. Ну, ринулся — громко сказано: выпил он изрядно, ноги заплетались, зато ругательства выкрикивал уже вполне трезвым голосом. Отвечали ему тем же.

— Ващще ****! Куд-да **** первым лезешь? И на тебя хватит!

— Да! Хватит!

С этим криком Маро попытался вклиниться между своими собутыльниками и оттолкнуть их от девушек. Поймав момент, монашка с разбитым носом извернулась, и укусила державшего её пацана. Тот взвыл, разразился виртуозной бранью. Девушка лягнулась, вырвалась, что есть силы припустила к обители.

- ****, ты ч-ччё наделал, ****?! — второй пацан схватил Маро за шкирку и попытался бить его, не выпуская при том монашку.

- ****!

- ****!

- ****!!

Началась толкотня. К «драке» быстро присоединился укушеный, вопя угрозы и проклятия. Вокруг в усмерть перепуганной монашки образовался хоровод из пьяных парней. Пацаны пытались повалить друг друга неуклюжими толчками в плечи и колени, но больш всех доставалось несчастной девушке. Однако довольно скоро она вырвалась из круга, согнувшись и закрываясь ладонями. Отчаянно всхлипывая, метнулась в сторону обрыва. Забыв о Маро, один из пацанов кинулся за беглянкой.

— К-куда п-пошла?

Догнал, вцепился в ритуальную котту. Девушка что есть силы рванулась прочь, оскальзываясь на камнях. Парень дёрнул воротник на себя. Ткань треснула. Юная монашка наконец-то стала свободной.

Навсегда и ото всего.

— Во подстава… — протянул пацан, нагнувшись над краем обрыва.

— Птичка перелётная, чтоб её! — ругнулся второй.

Маро не сказал ничего, только попятился. Это его спасло: один из пацанов развернулся. Схватив «подставщика» за грудки, с дикими ругательствами начал толкать того к краю.

— Да брось его, ****! Смываемся, ****! — заорал более сообразительный сообщник, и драпанул в сторону выхода, прочь от замелькавших среди деревьев чёрно-белых одежд.

Но полосатый дротик летел быстрей.

Силуэты замерли и растворились в воздухе. На другой стороне прогалины Халнер устало опустил руки, что-то сказал стоящей рядом Селестине. Та мотнула головой и, осенив себя кругом Апри, подозвала одну из стражниц. Дав ей какие-то инструкции, настоятельница резко развернулась к обители и возглавила колонну мрачных сестёр. Следом за ними потрусил насупившийся Курт. Халнер подал мне знак собирать инвентарь, и тоже зашагал по усыпанной иглами дорожке.

Я только вздохнула и тихо выругалась, глядя в след. Ну да, я всего лишь техник, а суд — дело многомудрых. Причём суд явно не светский: ни одного известия властям не направляли. Получается, монастырский конклав имеет право выносить любые приговоры… И что же светит Маро?

Самое страшное наказание, вроде бы, Перерождение. Но для Маро, по-моему, это слишком. Если бы не он, всё кончилось бы гораздо хуже: «отпользовали» бы этих девочек, вовек бы в себя не пришли, даже с источниками. Ещё слышала выражение «вздёрнуть на Тарпе», но это просто повешение. Хотя это тоже слишком. Да и Халнер наверняка будет племянника выгораживать, как сможет…

Хотя действительно, как? И вообще, почему именно его позвали «расследовать» это всё? Потому, что иллюзии умеет строить? Или потому, что получил какое-то прицерковное образование, про которое Трен говорил? Хм, а похоже. Вряд ли бы совсем уж «гражданского» или чужого на монастырский конклав пустили. Только почему тогда Курт, который полноценный священник, просто стоит, как мебель? Ничего не понимаю в этой Империи. Ведь, если святотатство есть вмешательство в ритуал, то, по логике, нас с тем же Халнером тоже должны бы наказать, за то, что в Роще шлялись в ритуальную ночь… Но он сказал «нас привела сюда воля Апри», и Селестина отстала.

Хотя стоп. А что, если…

— Гостья Аделаида!

Я вздрогнула и перевела взгляд на двух стражниц. Пфрр… За свою не слишком длинную, но весьма насыщенную жизнь, я сменила множество личин, но почему-то именно это имя каждый раз заставало врасплох.

— Гостья Аделаида, извольте поторопиться со сбором камней. Сейчас начнётся ритуал очищения.

Очищение, ага. Это что, со швабрами будут травинки мыть? Или дорожку подметать особым веником? А ещё опять это «извольте», монторп их раздери! Вежливые какие, сгореть можно. Ладно. Камни и правда пора собирать, а то окончательно

подохнут, а мне отчитывайся потом, почему некондицию вернула, компенсацию еще потребуют. Да ещё разбирать расстановку надо ровно в обратном порядке, как собирали, иначе тонкая настройка кристаллов друг на друга просто их разорвёт и превратит либо в пыль, либо в бесполезный кусок породы.

Пока я кумекала правильный порядок и шарилась по кустам, над душой нависали две стражницы. Тем временем, по прогалине начали маршировать монашки с расшитыми знамёнами и золотыми дисками на палках, и завывали гимны. Наконец, последний кристалл серо-жёлтого минерала Кади улёгся в мешок. Всё! Теперь в кладовую и свободна! Потом… Потом сразу на кухню. Всю ночь на ногах, и без завтрака!

Внутренний двор обители встретил запахом нагретого песка. Это в роще деревья рассеивали жаркие лучи, а здесь, на открытом пространстве, Великий Апри сиял во всю мощь. Прогретый воздух уже начинал колыхаться. Томно стрекотали какие-то насекомые, из сада пахло подвядшей травой. Короткие тени норовили забраться под предметы, узоры на изгороди выгорали на глазах.

Зазвонили к солцеслужению. Я вопросительно поглядела на свою «охрану», но те продолжили шагать в направлении кладовых. Хм. Не хотят своему же богу молиться — их дело, но поесть-то мы пойдём потом, или как?

Однако сегодня все боги Вселенной решили, что телесная пища это вовсе не то, что нужно моей душе. Когда формальности с камнями завершились, и я собралась наконец-то смыться от стражниц, в кладовой появилась молодая монашка: глаза блестят, на щеках — алые пятна, маленькие ручки сжаты в кулачки.

— Казнь святотатцев через полчала на площади у главных ворот! — звонко объявила она.

Стражницы переглянулись, едва сдерживая улыбки. Хранительница кладовой физически подпрыгнула. Отложила регистрационный журнал и перо, судорожно начала вынимать ключи из ящика.

— Казнь? К-как казнь? Какая? — услышала я свой голос.

— Еретики предстанут пред оком Великого Апри! — воскликнула монашка, — поторопитесь, сёстры!

Поторопитесь. Да я тебя в порошок сотру! И охрану эту черно-белую тоже! В два счёта! И как Маро поведут — всех перебью, и мы побежим, и…

А что — и?

Я глубоко вдохнула и посмотрела на коробки с кристаллами, стоящие ровными рядами на пахнущих бумагой и деревом стеллажах. Кулаки сжались сильнее, ногти впились в ладони. Медленный выдох. Взгляд в окно, на белоснежные стены древнего

монастыря. Что толку в этих неприступных склонах, если священную Рощу огораживает решётка, которая не только ловкому циркачу, но и паре городских отморозков не преграда? Эх, Маро-Маро…

Подавив тяжёлый вздох, я молча пошла вместе со всеми к месту казни. В голове роились планы побега и спасения, но я понимала: любое вмешательство обречено на провал. Провал такой же горький, как настойка, которую придётся теперь пить за упокой этого идиота.

* * *

На подъездной площади собрался весь монастырь. Сестры выстроилась ровными рядами перед памятником Воинам Апри так, чтобы остался широкий проход к монастырским воротам. Меня быстренько приткнули к заднему ряду левой группы. Спины и затылки порядком закрыли обзор, однако я успела заметить, что между «толпой» и памятником тоже осталось свободное место, на котором разместилось три кучи чего-то, похожего на ветки. Или тонкие дрова. Дрова?! О боги. Как там сказала эта вестница? Предстанут пред Оком Апри? Так это же…

Не додумала: раскатился колокол. Низкий звук проник в нутро, дробя зубы и кости, заставляя чувствовать себя ничтожеством по сравнению с великой силой, что гораздо могущественнее любых человеческих начал. Едва затих последний удар, опустилась вязкая тишина. Затем поплыл звон металла о камень. Все монахини склонили головы, а я обернулась на звук.

Из ворот величественно выходила мать Селестина. Слепые глаза как будто светились однородным белым светом. Белоснежные одежды — оторочены тончайшей золотой каймой, отчего напоминали остро наточенные лезвия. В руках настоятельница держала посох-копьё, опираясь на него при каждом шаге. На вид штуковина была легкой, но бряцала, словно боевая булава Небесного Воителя.

Потом настоятельница дошла до постамента. Стоило ей начать подъем по ступеням, как из ворот потянулись старшие сёстры, среди которых затесался Курт. Солнце сверкало на бритом черепе, но священник ссутулился, а широкие плечи подрагивали, будто от холода. Как и большая часть конклава, он встал куда-то в первый ряд «построения» монахинь.

Удивительно, но замыкал процессию Халнер, нацепивший на плечи что-то вроде епитахили, причём черного цвета. Шёл

неторопливо, с тем же безразлично-спокойным видом, с каким всё утро спорил с Селестиной. Что ещё более удивительно, он не завернул в один из первых рядов, а пошёл к ступеням монумента вслед за двумя самыми старшими сёстрами в белых епитрахилях. Стоило всем троим разместиться на ступеньку ниже Селестины и развернуться лицом к площади, как настоятельница ударила посохом по чему-то гулкому и звонкому. Рядовые монахини разом подняли головы и затянули гимн. Из ворот обители повели осуждённых.

Основательно побитые и скрученные, пацаны чуть что не пахали носом землю — так им вывернули руки. Заметив Маро, я ломанулась вперёд, но наткнулась на древко алебарды. Пришлось отступить. И ещё. И ещё, пожалуй — туда, где камни площади плавно поднимались к Цитадели, *растущей* из древней скалы. Да, так обзор гораздо лучше.

Едва преступников поставили на колени между постаментом и «эшафотами», Селестина начала говорить что-то витиеватое, не то речь, не то проповедь. Сложные формулировки, отсылы к незнакомым мне законам, религиозные выкладки… Суть сводилась к одному: ослушники заслуживают смерти.

Едва настоятельница договорила, одного из пацанов подняли, и повели к правому «эшафоту». Кажется, тот парень, что бросился убегать, и получил в спину полосатый дротик — очевидно, с сонным зельем, которое вырубает на несколько часов.

Лучше бы парень не просыпался вовсе. Сейчас его привязали за руки и за ноги к раме из крепких досок и накрыли до подбородка подобием савана с письменами. Пацан почти не сопротивлялся, только с недоумением крутил головой и жмурился, словно пытался отогнать кошмар.

Но кошмар его только начался.

Озвучив приговор, Селестина ударила посохом по постаменту и воздела руки к скульптуре. В ту же секунду золотой диск треснул. Сегменты беззвучно отъехали в стороны, обнажив спрятанную внутри огромную линзу. Второй удар — и линза бесшумно двинулась, собирая в конус лучи великого светила, что дарует не только жизнь, но и смерть.

— Во имя Великого Апри! — хором взвыли монахини.

Пятно света сконцентрировалось на груди осуждённого, в районе сердца, а стройный хор монахинь грянул «очистительный» гимн. Потянула жареным мясом.

Когда солнечный луч сделал своё дело, Селестина снова ударила по постаменту. Линза изменила кривизну так, что дерево «эшафота» воспламенилось. Тело казнённого превратилось в черную субстанцию на алых головешках.

Следующий парень начал вырываться сразу, путаясь в промокших и отяжелевших штанах. На пути к эшафоту он бухнулся в пыль, рыдая и моля помиловать его, пускай даже Перерождением. Тщетно: святотатца волоком потащили дальше.

Всё повторилось. Этот парень умирал дольше — то ли его организм оказался более крепок, то ли для первого преступника утренний яд оказался благом. Тошнотворный запах плыл в раскалённом воздухе, и ни малейшего ветерка, чтобы прогнать его прочь.

Второй «эшафот» обратился в головешки. На ноги подняли Маро. К чести парня, штаны его оставались сухими (а, возможно, просто успели высохнуть). В остальном же вид имел самый что ни наесть жалкий. Я сжала кулаки. Неужели просто наблюдать, будто беспомощная цаца?! Хотя что ещё остаётся… Из всего оружия — лишь пара крохотных ножей, которые всегда в личном подпространстве. А, ну и ладно. Главное верёвки перережу, а потом…

— Успокойся и слушай приговор, — раздалось над ухом.

Я вздрогнула, но обернуться не смогла: появившийся неведомо как, Халнер встал вплотную ко мне. Крепко взял за локти, не давая пошевелиться. На мгновение показалось, что он влез даже в моё личное подпространство.

— Успокойся, жизнь Маро в руках Великого Апри.

Ну да, чьих же ещё. Государство фанатиков, ****!

Однако Хал был прав: приговор оказался другим. Солнечный суд принял во внимание, что «Марион Тавер в смертоубийстве участия не принимал, а, наоборот, предотвратил надругательство; в осквернении же священной Рощи чистосердечно повинился и раскаялся, посему смертную казнь заменить на молитвенное клеймо».

Едва Маро привязали к раме и накрыли саваном, как парень сразу обмяк и перестал глубоко дышать. И всё же, пока перефокусированный солнечный луч плясал, выжигая на теле письмена через ткань «савана», глаза оставались широко раскрытыми, а губы — скривленными в беззвучном крике.

Захотелось уйти, убежать подальше. Да, мне приходилось терять друзей и соратников, да, кто-то умер у меня на руках… но даже самый страшный бой это бой, и раны это раны. Размеренная, просчитанная заранее казнь — совсем другое. Для других нервов. О боги…

На начале второй строки я отвернулась к озеру. В глазах щипало. Зачем так долго и сложно, можно же просто приложить раскалённый металл! Монторп раздери эту Империю с её законами! Сколько можно издеваться над человеком? У нас бы

уже полкентурии проштамповали за это время!

…а как же он теперь матери на глаза покажется-то… а эти его девки вечные…

— Кети, всё уже закончилось, — произнёс Халнер в самое ухо.

— Д-да, конечно… — вдруг я поняла, что держусь за его руку, впиваясь ногтями даже через рукав, — из-звини…

С трудом и неохотой разжав пальцы, я тряхнула головой, приходя в себя.

Толпа монахинь расходилась. К «эшафоту» подогнали телегу, куда положили стонущего Маро и небольшой мешок с «гражданскими» вещами. Но переодеться не дали, сказав вернуть гостевые котты на Подворье в Озёрном.

Прощались недолго. Селестина что-то сказала поклонившемуся ей по всей форме Курту, от чего тот побледнел и начал часто моргать. Затем настоятельница обменялась холодными кивками с Халнером, и ушла, даже не повернув головы в мою сторону.

Но что мне её кивки! Залезть в телегу, уложить Маро поудобнее, надавить на точки обезболивания, заживления, расслабления, снова обезболивания, заживления, расслабления, и ещё, и ещё… Воды бы сюда!

С водой пришлось терпеть, зато у Халнера оказалась заживляющая мазь. Потом он сказал Курту садиться на козлы, а сам залез в телегу рядом со мной и начал мазать ожоги племянника остро пахнущей травяной смесью. Когда мы сделали всё, что могли, то накрыли Маро найденным в вещах плащом. Юноша уже не стонал, а ровно дышал во сне; сама же телега давно катилась к городу по большим каменным плитам.

Дорога вилась по берегу озера между шелковистой на вид водой, отливавшей пурпуром, и сине-красными скалами с редкими корявыми деревцами. Далеко впереди желтели уступы грешного города, позади — сверкала белым священная Цитадель. Халнер устроился, оперевшись спиной о козлы и свесив один локоть через край, я втиснулась рядом. Потом Маро пошевелился и слегка застонал, пытаясь почесать грудь. Ничего, ничего. Главное, живой. А то вообще бы урночку Хелии везли…

Поправляя повязки, я вдруг вспомнила свою догадку на поляне, где считывали мыслеобразы, и повернулась к Халнеру. Он словно бы ждал этого момента: поймал взгляд и покачал головой, предостерегающе подняв ладонь. Я кивнула, втиснулась обратно под тёплый бок. В самом деле, здесь не место для такого разговора. Да и устала я слишком сильно, вряд ли всё пойму правильно. И вообще, какая разница? Главное, что все живы.

Живы. Живы…

Сладко зевнув, я провалилась в сон.

Интерлюдиия III
Архив Инквизиции. Дельта

Великому Инквизитору
Империи Мерран
Брату Гахнару
Великосолнечный брат,

настоятельно рекомендую ускорить рассмотрение и доведение до Его Высокосветости ранее направленное сообщение о чрезмерной активности лорда-наместника Ириана, как при выполнении высочайше возложенных на него обязанностей, так и в не обремененное основной деятельностью время. При этом обращает на себя внимание факт, что в окружении лорда-наместника в дополнении к лицам, указанным в прошлом сообщении, появился клерик Гуран Варкоч, удаленный ранее Предстоятелем Ахаром из епархии в Песчаном за радикализм. Также, в прошедший период по обвинению в ереси (совокупно бытовой, религиозной и политической), были проведены:

— 38 казней через сожжение (из них обоснованны 10, подтверждены доказательствами 5);

— 52 приговора к рудникам (из них обоснованы 20, подтверждены доказательствами 8);

— 148 приговоров к повешению на Тарпе (из них обоснованы 17, подтверждены доказательствами 2);

— более 200 случаев высекновения плетьми, в том числе официально не задокументированных; выявить обоснование не представляется возможным.

Среди населения округа Дельты отмечается рост протестных настроений, в том числе резко повышена опасность локальных спаек обывателей и политических еретиков. По расчетам нашей сборной группы, дальнейшее развитие событий трудно предсказуемо. Настоятельно прошу уделить внимание складывающейся обстановке.

Да не омрачится лик Великого Апри.

Магистр Инквизиции
по округу Дельта,

Брат Нард

Магистру Инквизиции
по округу Дельта,
Брату Нарду
Всесолнечный брат,

Ваши сообщения и отчёты приняты к сведению, будут представлены Его Высокосветости в ходе ежецикленнного совещания первыми.

Между тем настоятельно советую сбавить риторику сообщений, как неконструктивную.

Да не омрачится лик Великого Апри,

Великий Инквизитор,

Брат Гахнар

Аркан III. Хозяйка
Глава 11. Трясина

Больше всего в мире Мерран меня поражало две вещи: вода и расстояния. К первому я уже более-менее привыкла, а вот ко второму — нет. Целых три дня — три! — потребовалось железной змее, чтобы с нехилой такой скоростью и почти без остановок довезти нас от пыльной площадки на нижнем ярусе Озёрного, до стоящей на сваях Дельты. Да и то, не до города самого, а до прилежащих деревень, которые потом плавно сгустились до степени «городская застройка кучи мелких островков». Кожисто-железное тело долго ещё тащилось к своей норе, или, как тут говорили, вокзалу.

Когда земляную колею сменил каменный желоб на колоннах, по телу «змеи» начала то и дело пробегать дрожь, будто мозолистые лапы наступали во что-то неприятное. Да, вопреки логике и здравому смыслу, у змеи были лапы. Очередное чудо технологий Мерран имело длинное тело, поделенное на сегменты железными рёбрами, что крепились к двум рядам позвонков — верхнему и нижнему. Двигалось это не то существо, не то устройство, со скоростью самой лучшей скаковой ящерицы на полном галопе, и могло нести внутри себя несколько сотен людей, плюс их груз.

Театр со всем скарбом занял целых четыре сегмента. В два грузовых с трудом запихали реквизит, в двух жилых разместились люди. Труппу расселили в отсеках по двое человек, руководство — по одному. С одной стороны, похоже на гостиницу, с другой — комнатушки мелкие, потолки низкие. Неприятно, хоть после купания в источниках, замкнутые пространства стали пугать меня гораздо меньше. Да и мысль, сколько всё это дело стоит, тоже бодрила. Хорошо, что деньги не мои! Когда мы вернулись из Цитадели и Халнер увидел счета, то все три дня до отправки разговаривал только бранью. Дарн же имел две причины расточительства: личное приглашение лорда-наместника провинции Дельта, и собственный титул, пускай и «пепельный» (социальное изобретение мерранцев для законных полукровок, или как-то так).

Разнос от брата ничуть не задел Дарна — он теперь всё воспринимал исключительно в свете возможного «повышения» театра до стационарного и, паче чаяния, Общеимперского. Так, узнав, что племянника чуть не сожгли за святотатство, Дарн лишь приказал тому не болтать и носить на сцене закрытую одежду.

Труппа тоже старательно делала вид, что ничего не произошло; старая лекарка Кора вообще отказалась разговаривать с «клеймённым еретиком», и даже Эвелин не проявила к кузену сочувствия. Хелия, конечно, приходила к сыну менять повязки на фигурном ожоге, но оставалась молчаливой и мрачной. Поддерживали незадачливого еретика Маро только его старый дружбан Отто, с которым они ехали в одном в отсеке, да я. Впрочем, много бывать у Маро всё равно не получалось: меня поселили в отсеке вместе с Эвелин, которая начала *разговаривать*.

Если бы статуя на древнем храме сошла с постамента и начала рассказывать всё, что повидала на своём веку, я бы меньше удивилась. Мы с Эвелин и раньше общались довольно плотно, поскольку обе носили Орры, плюс в театре мало кто знал Высокий язык на хорошем уровне. Однако лекарка говорить о себе не любила, при этом мастерски умела скрывать эмоции. Сейчас же её стало не узнать — я даже подумала, что Эви что-то пьёт втихушку. Но от девушки ничем не пахло, да и говорила она в своей обычной манере — остро, чуточку резко, с нотами затаённой печали.

И вот сейчас, среди трёпа о медицинских случаях, веяниях моды, травах, падении морали, театральных сплетнях, всё чаще, всё больше проскальзывала *истинная* Эвелин. Она говорила про рано умершую мать, про Хелию, которая воспитала девочку, как родную дочь, про застенчивого братика Маро, который теперь превратился монторпы разберут во что, про любовь к полуперерожденцу и как родной отец надел на неё Орры — не из-за возможного побега, нет, а для того, чтобы ребенок от «проклятого недомутанта» никогда не родился…

Мне тоже было что рассказать. Но я знала, что Эвелин скорее решит, что я двинулась на почве невозможности снять Орры, чем поверит в существование Перехода. Поэтому я молчала. Молчала и слушала, поддакивая и редко-редко вставляя пару фраз. Однако на третий день «бесед», в кружке у Эвелин внезапно оказалась хитрая комбинация успокоительных трав из её же аптечки. Глоток, другой, третий… После четвёртого лекарка захрапела.

Уложив девушку поудобнее, я смылась. Выскочив из гусеницы на ближайшей остановке, разыскала бабку с сивухой — крепкой такой сивухой. Очень крепкой. И недорогой.

* * *

— Интересно, зачем? — мрачно спросила я, позвякивая

ложкой о стенки стакана.

— Ну, если верить твоим словам, то за тем, что там ветер, простор и звёзды, — усмехнулся Халнер, обмахиваясь веером из бумаг.

— Да, это аргумент.

Глубоко выдохнуть, опрокинуть в себя охлаждённый отвар цветов *пийи*. Пффрррр… Желудок не сразу понял, что это всё-таки отвар, а не вчерашняя дрянь, из-за которой я полезла выбрасываться на улицу. Пока моё нутро осознавало разницу, гусеница сделала поворот. Солнечный луч заиграл на полированных дисках двух медальонов Апри, лежащих горкой на столе. Халнер всегда снимал свой, когда мы спали, постепенно я стала следовать его примеру — лучи-то острые, можно напороться в самый интересный момент. За окном замелькали постройки, зайчик начал мельтешить. Я отвернулась, жмурясь и потирая висок: гул в голове стоял страшный. Уж какую дрянь только не пила, но такое ещё не пробовала. О боги…

— Слушай, может, окно откроем?

Халнер покачал головой. От этого движения крупная капля пота стекла по лоснящемуся виску. Ещё несколько побежало по обнажённой груди, путаясь в волосах.

— Тут очень высокая влажность, Кети, так что будет только хуже. Смотритель сказал, воздуховод починят уже ско…

В дверь отсека постучали, требовательно и остро.

— Вот ведь принесла нелёгкая! Куд-да собралась? Под простыню с головой и не дышать! — шикнул Халнер, натягивая штаны, и надевая солнечный медальон.

Ну ничего себе предъявы вообще! Но спорить не стала, сделала, как он велел.

Прожужжала дверь. Из коридора хлынул поток воздуха, раскалённого и пахнущего знакомыми духами. Хотя да, всё верно, действие снотворного уже давно закончилось…

— Кети у тебя? — раздался ледяной голос Эвелин.

Как всегда, вопрос задали тоном, каким нормальные люди констатируют факты.

— Добро утро, Эви. Думаю, тебе лучше поискать Кети в других сегментах, у ребят.

— Её там нет.

— Везде проверила? Точно? Ну, тогда, может, в грузовых, с животными возится…

— Н-не думаю. Хотя… ладно. Точно не видел её сегодня?

— Эви, я только что проснулся.

— Ну хорошо.

Дверь закрылась, я вынырнула из-под простыни.

— А…

— Не поймёт, — опередил мой вопрос Халнер, — она придаёт слишком буквальное значение заповедям Апри. К тому же, вы дружите, а у неё всегда было так мало друзей…

— Да уж, по части морали она та ещё зануда, не всякий выдержит, — согласилась я.

И вдруг вспомнила, что очень хотела поговорить с Халом про… про… как же сформулировать…

— Слушай, а ты давно знаешь Селе… мать Селестину? Трен говорил, вы вместе с Куртом богословие изучали? Оттуда?

— Да. В теологичке все боялись с ней общаться. Своенравная, резкая на язык, да ещё Видящая. А мы не боялись. Курт так вообще… кхм…. сдружился. Слушай, может, тебе настойки капнуть? Нормальной, не вчерашней?

— Настойки… — желудок обречённо буркнул, — а давай!

Напиток оказался действительно хорош. После крохотной рюмки боль ушла, в голове стало светло, легко, и почти пусто, словно в храме между службами.

— Слушай, а почему именно тебя попросили вести это типа расследование в Цитадели? А не Крута, например?

— Курта? — брови Халнера дрогнули, — причём тут Курт?

— Не, ну как, он же полный сан принял, все дела. А ты разве в армию не свалил?

— Свалил. Ещё будешь?

Я рассеянно кивнула. Боги, что я несу? Хотела же конкретный вопрос задать. Только… какой? Пока я собиралась с мыслями, Халнер разлил по чашкам отвар, аккуратно вернул крутопузый чайник в поддон с почти растаявшими кубиками льда. Капнул в чашки настойку.

— Потом в армии боевой сан и принял, — тихо сказал Хал, причём таким тоном, будто это всё объясняло. Вообще всё.

— Ааа. Понятно, — сблефовала я, окончательно запутавшись, — а то смотрю, что это летом, и черные ленты.

— Чёрные ленты? Ну… да. Убийство же. Траур. Ну, твоё здоровье.

Траур. Точно. И как это я раньше не подумала? Вот что значит, не знать местных традиций! У нас вот траур синий.

Осилив ещё пару рюмок и стакан травяного сбора, я оделась и выскользнула в коридор — пустой, слава богам. До отсека добралась незамеченной. Вдвойне повезло, что Эвелин как раз куда-то вышла. Когда лекарка вернулась, я сидела на собранных вещах и готовилась слушать Обличающую Речь. Ожидания оправдались: по своему обыкновению, Элви уже сделала умозаключение, что происходило ночью. Оставалось только

кивать и соглашаться, что нехорошо отвлекать рулевых от дороги, и что вообще мои понятия о приличиях стремятся к нулю.

Не прошло и часа, как поезд притрусил в нору, то-есть вокзал, и замер у настила. Но кожаные двери так и остались зарощенными. Гнусавый голос из-под потолка призывал сохранять спокойствие и что-то вещал о технических неисправностях. Из окон, обращённых к высокому зданию с вычурными узорами древесины, был хорошо виден белый дым. Затем побежали люди: сначала с чемоданами и в панике, потом со шлангами и в деловой суете.

Наконец, нас выпустили. Влажная жара окатила с головы до пят, в носу защипало от кисловатого запаха. Тут же захотелось вернуться обратно в змею, тем более, что воздуховод уже починили, и по «коридорам» гулял прохладный ветерок. Увы — пришлось вытаскивать пожитки и собираться в кучу. Непростая задача: внутрь здания вокзала никого не пускали, входы и выходы от загонов со «змеями» перекрыли проверочные заставы. Ритм транспорта явно сбился. Люди нервничали, места всем не хватало. Кто-то искал свою змею, которая теперь отправлялась не в то время не из того места, кто-то без очереди лез на выход, кто-то бранился последними словами.

Постепенно мы придвинулись почти вплотную к выходу в город. Застава расположилась в воротах высокого забора, который примыкал к углу вокзала. Я подошла к зданию и упёрлась лбом в огромное окно. Уф, хорошо… Нет, к жаре я, конечно, привыкла, но у нас-то она сухая. А тут духота и влажность. Уф… внутрь вокзала бы попасть, там хоть густая тень. И что-то, похожее на снег…

Под ногами прошуршало. Глянула. Затоптанный листок желтоватой Мерранской бумаги, той, которая хрустела, но не мялась. Печать плохая — краска оставляла следы на руках. Текст на двух языках, простом и Высоком, в две колонки. Заголовок — «все люди, все равны!» Ну да, ну да. Только у кого оружие, тот всё равно равнее. По основному тексту рассыпаны фразы вроде «когда право становится бесправием, сопротивление становится долгом», «свобода совести — одна на всех» и далее в том же духе. Внизу призывно мелькало «Сопротивление преступной власти — твой долг перед Империей!».

— Ого! Что это? — пропыхтел над ухом Отто.

Парень походил на варсумкую ящерицу в период линьки: чуб всклокочен, мышцы просвечивают сквозь тонкий слой кожи, сзади тянется мокрый след. Я молча протянула листовку.

— Во даюют… — протянул силач, старательно подавляя улыбку.

В следующий момент подошла Эвелин, листок перекочевал к ней. Быстро пробежав глазами текст, лекарка заломила одну бровь и выдала:

— Ну хотя бы.

— Прячь! Прячь! — вдруг зашипел Отто.

Листок нырнул в личное подпространство. Я повернула голову и увидела, что в нашу сторону смотрят солдаты с заставы. Эвелин тоже их заметила и приветливо улыбнулась, пожимая плечом. Потом она состроила грустное лицо, кивнув на толпу. При этом тесёмки на вороте лёгкого платья ослабли. Полотно чуть соскользнуло, приоткрывая ключицы. Бойцы на заставе сразу ободрились и сочувственно покивали, тут же забыв, что за несколько секунд до этого сочли наше поведение подозрительным. Ну и дисциплина…

Довольно скоро подошла наша очередь проходить «кордон». Ставшая уже привычной проверка личности по крови, краткий досмотр вещей, несколько нехитрых вопросов. Так же удалось перекинуться парой фраз с бойцами, что тёрлись с внешней стороны ограды и подмигивали Эвелин. Короткий разговор дополнил версию событий, которую мы слышали в толпе: незадолго перед нашим приездом кто-то выпустил в здании вокзала «снежные дымы» — штуку безвредную, но впечатляющую. Сначала все подумали, что пожар. Пока то да се, кто-то успел намалевать на стенах лозунги и раскидать листовки.

— Поймали кого?

— Неа. Ну то-есть пару каких-то мудиков загребли, но монторп их знает, чего они… может вообще шваль привокзальная. Пусть, вон, Инквизиция разбирается, — боец кивнул наверх, где кружил птицеящер с чёрным оперением, — и да, если увидишь листик похабный — неси нам. А то Инквизиция найдёт — сразу срок вломит.

— За что? За то, что прочитали? — удивилась я.

— За хранение дольше чиха! Пять годов трудового, чтоб ты знала. А за распространение — рудники, или вовсе костёр, эт смотря сколько найдут.

— Ого…

— Чего «ого»? Наш лорд, храни его Великий Апри, вообще вон закон планирует, чтобы за всё костер. Ваще за всё.

— Мда… Весомо…

В этот момент офицер, наконец, заметил неуставное поведение, и двинулся к нарушителям недвусмысленно-пружинящей походкой. Ой, влетит теперь бойцам… Мысленно пожелав ребятам удачи, я быстро ретировалась.

* * *

Лорд-наместник Ириан приветил театр весьма радушно. Место под шапито отвели в очень выгодном месте — на окраине Старого города, между зажиточными кварталами и районом кабаков. Под жильё вообще дали целую гостиницу, причём приказали её хозяину уменьшить цену вдвое. Огромные афиши по всему городу, заранее проданные билеты, шумиха в газетах. Дарн повизгивал от восторга, пересчитывая Высоких в зале. Публика валила валом, деньги текли рекой.

Представления шли по накатанной. Я окончательно освоилась с иллюзиями и камнями, работа на сцене превратилась в рутину. Но одно осталось по-прежнему: огромные букеты и подарки в дорогих упаковках отправлялись в мусорку не раскрытыми, а я подолгу сидела, рассматривая узоры Орр. Трёклятая проволка уже срослась с моим телом, и перестала напоминать о себе при каждом движении, и только золотые завитки, похожие на татуировки, выдавали моё положение. Но отчего-то именно сейчас я особенно остро осознала, что целиком и полностью нахожусь в чужой власти, и не то что сбежать, даже прогуляться дальше определённого расстояния не могу. Поэтому все, что оставалось — ходить по ближайшим кабакам.

И медленно спиваться.

— Между пятой шестой промежуток небольшой! — вскричал Маро, тасуя полные чарки, словно игральные кости, — ать, ать, ать! Эви, сестёнка, харэ кукситься, пей давай!

Атмосфера кабака напоминала степные княжества Нор — тяжёлые кружки, весёлая музыка, совершенно развязные танцы — что ещё нужно, чтобы забыться? Только хорошая кампания.

На противоположном торце стола, Маро одной рукой тискал очередную девку, а другой разливал всем вино. По длинной стороне стола, у стены, почти весь диван занимал Отто. Силач сидел с очень серьёзным видом, и старательно слушал болтовню Лилиан. Её маленькие ручки то и дело касались огромных мускулов, заставляя силача краснеть и тушеваться.

На втором торце сидели мы с Эвелин. Лекарка кабаки не любила, но была вынуждена пойти, проиграв мне спор о свойствах цветного Пламени. Откуда ей знать, что есть миры, где дети прижигают Зелёным огнём разодранные коленки?

На второй длиной стороне, спиной к залу, сидело двое ребят из огнеходцев и… Равор. Ну конечно, Равор. Кто же ещё.

Он появился, едва театр устроился в Дельте. Точнее, парень вернулся из долины Хейдар, где залечивал серьёзную травму, и откуда была родом почти вся труппа. Естественно, он привёз

артистам письма от родственников, за что его чуть что не носили на руках, ведь люди давно не получали новостей из дома. Кроме того, он оказался сыном Изабель, примы и нынешней любовницы директора, и теперь каждая кампания считала своим долгом позвать хлыща с собой. Впрочем, он всё равно ходил куда хотел, даже без приглашения.

— Ну что, Кеташка-кудряшка, подкрепиться и ещё танец?

Равор говорил на Высоком бегло, но периодически делал ляпы, и пытался замаскировать их вальяжной самоуверенностью — так и надо, мол, что мне ваши правила.

— О да, непременно. Пожрать передать, пожалуйста, — ответила я на Простом, копируя интонацию.

Равор лукаво улыбнулся и полез за сыром. Эвелин поморщилась — она терпеть не могла, когда кто-то тянется через стол, задевая чужие тарелки рукавом.

— За нон-кн-фор-мизм!! — по слогам проорал Перт, один из огнеходцев, — урррааа!!

Чего это он такое имел в виду, никто не понял, но все дружно осушили чарки. А потом я зачем-то запила настойку элем. И правда, зачем?…

— Угодно ли прекрасной даме принять приглашение к танцу? — спросил Равор, протягивая ладонь.

— Прекрасной даме угодно поср… кхм… проветриться. Вон, Эви пригласи лучше. Я щ-ща вернусь.

Сортир находился на улице. Не очень удобно, зато без запаха. Хотя в Мерран все сортиры без запаха: будь то яма или ящик, травы поглощали любые испарения, а специальные черви перерабатывали фекалии в удобрения для полей. Но многие кабаки всё равно выносили сортиры во двор — то ли традиция, то ли чтобы не смущать посетителей звуками тошноты перебравших клиентов. А клиентов в кабаках Дельты сейчас было много: от чёрно-зелёной формы внутренних войск рябило в глазах. Санитарные отряды, зачищавшие Западне предгорья и равнины, собрались в главном порту этой части Империи, ожидая дальнейших приказов. Командование, однако, молчало, и бойцы расслаблялись, как умели.

Я вышла из резной будки и направилась обратно к «театральной» кампании. На полпути к кабаку дорогу преградил Равор.

— Я тебе шаль принёс, — сказал он, отделяясь от стены, — ты ж такая мерзлячка.

— Так я возвращаюсь уже. А ты тоже в сортир? Давай-ка шаль сюда, нечего хорошей вещью подтираться.

— Нет, я не в сортир, — Равор накинул шаль мне на плечи и

слегка притянул к себе, — как насчёт прогулки? Смотри, какие звёзды…

— Слушай, чёт-то ты, по моему, перебрал.

— Прекрасная дама не в духе?

Я сжала зубы и смерила взглядом складную фигуру в приталенном камзоле, всполохи белоснежной рубашки в разрезах рукавов, копну белобрысых волос, и огромные синие глаза, которые в темноте казались почти чёрными. А как рожей-то на эту фифу Изабель похож, даром что сынок! Словно брат младший. Да уж, как говорят в Мерран, ракушка от ракушки недалеко раскрывается. Ну ничего, ща захлопнем.

В этот момент из кабака вывалилось несколько человек, и принялись с увлечением пинаться. Я вздрогнула. Ничего не имею против армейцев как таковых, но вид серо-зелёной мерранской формы напоминал про обращенную в пепел роскошную библиотеку монастыря Тмирран и горящего заживо Феррика. Инстинктиво хотелось держаться подальше.

— Хм. Знаешь, ты, пожалуй, прав. Пошли-ка, прогуляемся.

И мы пошли. Калитка в воротах открылась почти бесшумно, выпустив на пустынную улицу. Здесь царил полумрак: вместо мотыльков, в Дельте для фонарей использовали червей. Они светились голубовато-зелёным светом, отчего мир казался погружённым на дно зацветшей умывальной чаши. Равор уже давно взял меня за талию, и прижимал всё ближе. Я не сопротивлялась — искала подходящий закуток.

Нашла.

— Эээй, кудряшка, ты чего?

Равор явно не привык, что девушка шмякает его спиной о стенку.

— Достал ты, вот чего!

— Да что на тебя нашло?

— Ничего! Хочу, чтобы ты усёк: танцевать со мной можно, а трахаться нет! А начнёшь распускать руки — хрен на бантик завяжу и за яйца вздёрну на заборе, ясно?

— Х-хорошая шутка…

— Знаешь, пацан, она ведь и правда может.

Я резко обернулась. Выход из небольшого тупичка перегородило четыре фигуры. Один из людей держал фонарь. Свет ударил по глазам, но я всё равно успела разглядеть чёрно-зелёную форму и два арбалетных скорострела.

— Добрый вечер, свет Элора, — произнёсла одна из фигур.

— Эээ, ребят, я тут, похоже, лишний, — Равор воспользовался моим замешательством и моментально выкрутился.

— Тебя тут вообще не было, — усмехнулись из темноты.

Потом люди расступились, пропуская беглеца. Когда один из них поворачивался обратно, фонарь высветил нашивки в виде солнышек, а над ними — несколько лиц. Я видела их всего раз, но запомнила навсегда.

Те, кто разорил и сжёг монастырь Тмирран.

Аркан III. Хозяйка
Глава 12. Вечная игра

Шершавое дерево под ладонями — тёплое, чуть упругое, словно пропитавшая его краска пыталась вытолкнуть впившиеся ногти. Некуда отступать, некуда бежать. Двое с оружием на входе в закоулок, ещё двое пошли на меня.

— Позвольте вас проводить, послушница Элора. Тут недалеко. Вспомним старые деньки, поговорим… Товарищей наших помянем…

Щас, разбежались. Свидетель преступления всегда поперёк глотки. А расхреначить пусть и почти вымерший, но не заброшенный монастырь, для гражданина Империи Мерран — путь на костёр. Без вариантов.

— Эй, да ты чего это, испугалась, что ли? Мы ж по-доброму, по-людски, мы ж не Инквизиторы какие, чуть что, на дыбу да костёр. Ну сбежала и сбежала, ну камойра и камойра, нам-то что?

— Ты, главное, красотульки те, из храма, верни, авось и забудем всё, — сказал ещё один армеец, делая два маленьких шага.

— А ещё у ребят погибших семьи остались, знаешь? Причитается с тебя, девонька…

Я чуть не рассмеялась. Какие, к монторпам, семьи?! Но, даже если правда, то всё равно никакие компенсации до жен и детей не дойдут, а осядут по борделям и кабакам. Так. Ладно. Сейчас главное самой не осесть трупиком.

Обманное движение влево. Увернуться от хватки, нырнуть вперёд. Одному — ногой по колену, второму — головой в корпус. Пока первый пытался удержать равновесие, второй начал падать назад: вес у меня небольшой, зато толчок ногами от стены — штука мощная. А два ножа в подпространстве — полезная.

- *****! — заорал раненый: сталь пропорола ему бедро и бок.

Что-то свистнуло, царапнув по черепу. Миг — я свернула пространство на четыре шага вперёд, к противоположной стене. Метнуть нож, бросить шаль. Один схватился за шею, роняя оружие. Второй развернулся, бранясь и сдергивая с глаз кусок ткани. Скорострел застрекотал, выпуская десятки мелких болтов… в пустоту.

— Куда эта ***** делась, ****?

Не дышать. Слиться со стеной и не дышать. Коротким перемещениям через свёртку научил меня Халнер, чтобы эффектно появляться посреди арены. Ради этого он даже

уговорил Дарна ослабить Орры до крайности. Вот и пригодилось. Ну а скрываться у пустой стенки — это я с детства могу.

Уцелевший арбалетчик поднял оружие товарища, выпустил круговую очередь. Болту всё равно, обо что там спотыкается глаз: правое плечо онемело от укуса стали.

— Кровь! Там! Туда!

Перескочить через ящик. Оставив на нём клок верхней юбки, метнуться на улицу. Бежать. Бежать со всех ног. Пара болтов пронеслась мимо. Убью зануду Эвелин! «Надень платье, надень платье»! Хорошо хоть, я не дала затянуть лиф. Но даже без этого через пару кварталов лёгкие отказались набирать воздух, а ноги — делать хоть шаг.

Я остановилась, тяжело оперлась о стену. Вот, что значит, жрать пирожки и сидеть на месте! Плечо ныло, ладонь липла от крови, в нескольких десятках шагов топали три фигуры. Одна из них упала на колено. Болт воткнулся в стену чуть выше моей головы.

Собрав остатки сил, побежала снова. Недалеко: здесь, у края канала, деревянную мостовую давно не чистили от плесневых цветов *лакусов*, чей скользкий покров проедает даже самую крепкую древесину. Особенно рядом с камышовыми клумбами, которые суть не более, чем дыры в настиле… в одну из которых я и прыгнула вперёд головой. Пушистые стебли защекотали уши, шею, в нос ударило зловоние.

— Держи, держи её, *****!

Что-то схватило за лодыжку. Я задрыгала ногами. Кто-то охнул и отпустил. Разрывая переплетение корней и гнилых листьев, я ухнула вниз, в горькую маслянистую воду.

Далёкие крики, шум пузырей. Бешено молотя руками и ногами, я схватилась за что-то твердое и скользкое. Вынырнула, пытаясь вдохнуть. Стукнулась макушкой, ушла под воду. Почувствовав опору под левой пяткой, толкнулась. Вынырнула, схватилась за ствол мостовой. Глаза щипало, продышаться не получалось. Подборок и нижняя губа остались в воде, потому что снизу меня что-то держало.

Или кто-то? Вспомнились россказни про хозяев «водных подземелий», которые живут под городом, и утягивают под настил припозднившихся прохожих. Звучит бредово, но это Мерран, тут что угодно может быть! Я вцепилась в ствол крепче, начала лягаться, что есть мочи.

Сверху послышалась брань. Удары по камышу. Пара подрубленных стволов свалилась в воду. Кто-то перегнулся через край «клумбы». В глаза ударил свет.

— Ага, вот ты где, мразь! Спрятаться решила!

Что-то шевельнулось под водой. Мою ногу резко отпустило, я снова ткнулась макушкой в настил.

— Ща я те…

Он не договорил. Нечто белёсое обвило мужчину поперёк груди, начало тянуть в воду. Он заорал, молотя фонарём по твари. Тварь не пускала. Фонарь с шипением ухнул вниз.

Забыв, что не умею плавать, я подтянула ноги к груди и изо всех сил оттолкнулась от ствола-сваи. Это движение вынесло меня достаточно далеко, практически в канал. Уцепившись за край настила, я кое-как подтянулась и заглянула «в город». Вопя ругательства, двое моихнедавних преследователей пытались вытянуть третьего из клумбы.

Раненая рука соскользнула, я «повисла» на одной левой. Если бы не рана, я бы выползла на мостовую и попыталась смыться. Но сейчас все силы уйдут на первое, и быстро бежать точно не смогу.

Плеск и крики со стороны клумбы стали громче. Тварь явно одерживала верх. Что же делать? Наверх не подняться, внизу меня сожрут, до другого «берега» не добраться… а кстати, насколько он далеко?

Я обернулась. Вгляделась в темноту. Полную, непроглядную темноту без единого фонаря, окна, искры. К обычному для Дельты запаху воды и ряски, подмешался устойчивый запах тлена и пронзительной безысходности. Когда на фоне неба начали проступать силуэты домов, я поняла: это та самая изнанка Дельты, которую старательно замалчивали, но которая обязана существовать.

Громкий плюх, волна, крики, выстрелы из скорострела. Так, у этих всё кончилось. У твари теперь есть ужин, а у меня — какое-то время, чтобы смыться подальше. Но действовать надо быстро: свежая кровь слишком привлекательная вещь.

Я снова обернулась на заброшенный остров. Умей я плавать, всё было бы просто. Но, хоть ребята во главе с Маро и дали несколько уроков, усвоить эту науку не получалось. Однако сейчас выбора просто нет.

Второй сапог соскочил легко, а вот остатки юбки… снять её в воде и не потонуть оказалось невозможно. Зато во внутреннем кармане я наткнулась на кристалл *кади*. Треснутый, он уже не подходил для работы на представлениях, зато в повседневной жизни вполне годился для локальных фокусов с подсвёрткой. Сверткой. Ага…

Взяв камень в ладони, я легла на спину и начала болтать ногами, как учил Маро. Обычно из этого мало что получалось, но камень Кади помог создать небольшую пространственную «подушку» под плечами и головой, которая не давала уходить в

воду. Эх, под задницу бы ещё… Сжав зубы, я заработала ногами — до боли, до рези, до судорог, пока не уткнулась макушкой во что-то холодное и твёрдое.

В отличие от большей части города, в основании этого острова оказалось не разросшееся дерево, а скала. Может поэтом, а может, из-за раненого плеча, но я взбиралась по склизским, пахнущим фекалиями, моллюскам, гораздо дольше, чем переплывала канал. Потом я бесконечно долго валялась на спине, дрожа от холода и напряжения, и глядя на необычайно яркую Дорогу Апри, сверкавшую сквозь вихрастые облака.

Собравшись с силами, села. Ободрав остатки ненавистной юбки, как могла, обработала рану: лёгкая, но крови пустила изрядно. И дротик какой-то мелкий, засел внутри, не выковорить просто так. Я вздохнула, опять вспомнив Эвелин и её занудное «ну зачем тебе аптечку везде таскать, сегодня вообще я с вами иду!». Сходила, называется.

Кряхтя, встала. Пошатываясь, обогнула ближний дом. Остановилась, высматривая какую-нибудь дверь. Внутри каменного здания, может, и не теплее, зато хоть ветра нет, да и до рассвета будет, где пересидеть…. Но план сорвался, не начавшись: внутренности каменных коробок оказались завалены рухнувшими перекрытиями и занесены пеплом. Ну ладно. Поищем ещё…

И я нашла. Буквально на соседней улице. Но только не строение, а костёр. Хороший такой костёр, в сложенном из камней камине. Вокруг сидело трое босых оборванцев, один из которых нанизывал на длинные прутья не то птицу, не то крысу.

— Вечер добрый, — сказала я, входя в круг света и тщательно выговаривая слова на Простом языке, — не подскажите, как отсюда выбраться?

Не успела я договорить, как троица уже очутилась за добрых полквартала, выкрикивая на бегу молитвы к Великому Апри. Хм. Это я так жутко выгляжу или пространство локально-нестабильное, что простолюдины на раз сворачиваются? Тут порыв ветра начал подвывать в каком-то проломе. Вторя ему, в темноте прошелестела дробь сначала мелких шагов, затем нечто побольше и помассивнее. Мда. Ну понятно. Местечко наверняка с дурной славой, глухая ночь, а тут нечто окровавленное из тьмы вылазит, да ещё с горным акцентом говорит. А с каким ещё, если все «учителя» родом с некоего Хребта? Надо бы местным «каноническим» произношением озаботиться, кстати. Пригодится, если всё-таки сбегу.

Я подошла ближе к огню и села на ещё тёплый после оборванца обломок парапета. Подняв палку с крысой, сунула её в

костёр, и уже скоро наслаждалась сладковатым сочным мясом. Подкинув в огонь знакомые хрустящие листовки про сопротивление преступной власти, я выудила из забытого бродягами мешка ещё пару крысиных тушек, и перекусила. Остальное трогать не стала — в конце концов, людям нужнее.

Нечаянный ужин придал сил. Я решила не искушать судьбу, и попытаться вырваться с острова сейчас. Потому что, если не успею до рассвета, то точно не доберусь до гостиницы к завтраку, а «порка» Оррами — не лучшее начало дня. Поэтому пришлось вернуться к берегу, искать если не лодку, то плот, или хотя бы целое бревно, за которое можно уцепиться и снова переплыть канал. Ведь добрались же эти доходяги сюда как-то?

Не будь я Зрячей и не работай с иллюзиями, вовек бы не выбралась. Но кровь, как говорится, обязывает. Наткнувшись на остатки старого причала, я остановилась, а потом приподняла кустарно сделанный полог иллюзии, из которого торчали не заправленные пространственные «нити». Под ним оказалась небольшая лодка, явно новая, и с «кожаной» обшивкой, что меняла цвет под окружение. Чтоб наши бродяги так жили, а! Кроме иллюзии, завязанной на кристалл Кади, судёнышко ничто и никто не охранял. Весёл, впрочем, тоже не наблюдалось. Пришлось походить ещё, в поисках широкой доски, а потом уже пускаться в путь. Вариант «пообщаться» с самой лодкой — мало ли, вдруг умеет передвигаться сама? — даже рассматривать не стала. Не хватало ещё нарваться на какие-нибудь мерранские извращения.

Греблось с раненым плечом тяжело. Хорошо, что начался отлив — речные воды потекли быстрее, увлекая с собой и лодчонку. Оставалось только выставить доску так, чтобы двигаться по диагонали к нужному берегу. Привязав транспорт к стволу мостовой, я продолжила поиски дороги, во многом — по звёздам, которые уже успела выучить. Так я добралась до обычных кварталов, затем до центра города, и, наконец, до гостиницы.

Ярко освещённый холл виднелся издалека. Прозрачные мембраны передних стен завешивали на ночь лёгкой тканью, отчего огромная стена-окно превратилась в театр теней. Аккуратно, не задевая колокольчик, я проскользнула внутрь. Огляделась.

За низким столиком справа расположились игроки в Бахорские кости — популярная в Мерран игра, где фигуры на клетчатой доске ходят тем способом, чьё условное обозначение выпало на восьмигранном кубике. Слева, на длинных кожаных диванах, сидело несколько человек с курительными трубками.

Комки ароматного дыма висели под самым потолком, окутывая светильники сиреневатом облаком. В глубине холла ночной дежурный дремал, положив голову на стойку с ключами. Тянуло хорошим алкоголем. Приятный запах перебивал даже перегар от кампании молодых ребят рядом с лестницей на второй этаж.

Знакомой такой кампании. Из которой все видели, что мне плохо, но никому даже в голову не пришло пойти следом. А если бы я не умела драться?!

Я сжала кулаки и пошла вперёд.

— …со старыми знакомыми… ой!

Равор поперхнулся остатком фразы и отступил на полшага.

— О, Кети! — вскричали Маро и Отто, заметив меня, — а м-мы тут это… совет держим, ты где… р-решили, ты развлекаешься, только утром появишшься, и… О Апри, что с тобой?!

— Со мной? А сам как думаешь?

Маро поморщился и потупил взгляд. Отто страдальчески заломил брови. Эвелин и Лили хором охнули и прикрыли рты ладошками. Я растолкала ребят, встала в центре круга.

— П-привет! А я… я как раз опять рассказывал, как ты куда-то делась… и я… эээ… не смог тебя догнать, — начал лепетать Равор, заикаясь и завышая голос на ударных слогах, — я это… потом… а что, новый знакомый грубоват оказался?

На миг я обмерла. Потом до меня дошло, что со стороны всё выглядит, как изнасилование. И он ещё ржёт?! Со всей силы пнула по яйцам. Согнулся — схватила за грудки и вмазала лбом в лицо. Раздался хруст. Равор с воем упал на спину, цепляясь за перила лестницы.

— Эйэйэй! Кети! Стоп! — Маро начал оттаскивать меня прочь, за что тоже получил пару ударов.

— Равор, …..! Мразь, ….! На куски порву, …..! Живьём ….!

Я вырвалась от Маро, но меня перехватил Отто. И без того сильный, он и захват взял так, что даже повернуться невозможно. Тем более, с раненым плечом.

— Тварь! — сдавлено крикнул Равор, щупая сломанный нос, — да я тебя….!

Его схватили двое огнеходцев. Поднялся гвалт. Мы с Равором орали друг на друга, другие — на нас, чтобы перестали рыпаться, Эвелин и Лилиан голосили, чтобы все успокоились, где-то на заднем плане надрывался колокольчик дежурного.

— Кет перепилась, на людей кидается! — заголосил Равор, показывая на своё лицо, — делась из кабака не пойми куда, встряла, а теперь на меня всё валит и…

— Это ты в штаны навалил! Бросил меня одну против

четырёх, мразь трусливая! Я её не знаю, я ничё не видел! Ублюдок!

— Шлюха! Сама с ними пош…

— Харэ орать! — снова рявкнул Дарн, — Равор, а ну иди сюда! Эвелин, тоже пошли, осмотришь его. Отто, отведи Кет к Коре. Остальные по койкам. Молча! И быстро!

Огнеходцы отпустили Равора. Тот поплёлся следом за директором, одёргивая залитую кровью рубашку и старательно расставляя ноги при ходьбе. Отто отпустил меня. Кровоток возобновился, вместе с ним усилилась боль.

— Ууу, — Маро аккуратно поддержал меня за талию, — идти сможешь?

— Ффффхх… Конечно. Гррр, не трогай! Выпить есть? Нет? Жалко…

— Тебе и правда лучше к Коре, — вдруг вставила Лилиан, всплёскивая руками, — она живёт на тре… тьем… этже… здрасьте.

Девушка покрылась румянцем и нервно сглотнула. Мы обернулись и увидели Халнера — за нашими спинами, совсем рядом. От него пахло курительными травами и тем самым хорошим алкоголем, что я почуяла с порога гостиницы. откуда он тут?! На диванах-то сидели совсем другие люди!

— Ребят, идите-ка к себе. Кети я сам отведу, а то Кора с недосыпу страшна. Потом вас всем гуртом лечить придётся.

Не дожидаясь ответа, Халнер взял меня за локоть и повёл в дальний угол холла, к запасной лестнице.

— Ты чё сюда-то? Темно же! Пошли по нормальной лестнице?

— Мда? Чтобы ты снова затеяла драку? Иди давай! За перила держись.

Больше мы не произнесли ни слова, пока не вошли в *его* номер. Я не удивилась. Действительно, зачем будить пожилую женщину, когда ранение лёгкое и есть собственная аптеччччч-кааа!

— Тихо, тихо. Всё, — болт звякнул о железную кювету.

Странная штука, никогда не видела таких. Без древка, без дополнительных стабилизаторов, лишь короткое, с палец, трехпёрое лезвие с обратными заточками по внутренним частям и на головке.

Халнер нахмурился и повертел штуковину пинцетом.

— Имена, звания, часть, хоть что-то назвать сможешь?

— Чего?

— О Великий Апри… — он принялся обрабатывать рану, — кто напал? Ты разглядела хоть какие-то знаки различия? Как они называли друг друга? Сколько солнышек на воротниках?

— Эээ…. Никак не называли. Солнышек у одного четыре, у другого, кажется, три, и ещё ааййй! у двоих по паре. А ты откуда знаешь?

— Это болт от ручного скоростела, их выдают только армейцам. Мда… Жаль, здесь выпуск старый, без штампа части. Ладно, монторп с ним. Ты убила кого-нибудь, кстати?

— Нет, к сожалению, не убила, только — пффррр, аккуратней, больно же!

— Да всё уже почти. Ну сиди ты спокойно, а!

На самом деле, Хал действовал аккуратно, но отчего-то хотелось поёрничать.

— Вот сам и сиди! А меня тут, между прочим, убивали! Еретеки хреновы… Как почему? Это же они и сожгли Тмирран. А теперь, видишь ли, свидетель объявился. Хотя какой из меня свидетель? Всё равно никто слушать не будет. Всем всё по барабану…

Халнер хмыкнул, но ничего не сказал. После того, как обработал рану, ещё раз выспросил детали сегодняшнего нападения и зимних событий в Тмирран, а потом категорически отказался отпускать меня куда-либо из гостиницы вообще и из своего номера в частности.

— Всё, хватит болтаться без присмотра. Сейчас поспишь здесь, а утром начнёшь заниматься кристаллами. Как раз инвентаризацию проводить пора.

Аркан III. Хозяйка
Глава 13. Семейные штучки

Сложно сказать, какое наказание за бузу выбрал бы Дарн, но, с легкой руки Халнера, это оказался домашний арест. Гостиница-шапито-гостиница, ни шагу в сторону, прыжок — попытка улететь. Для меня, разумеется, ещё и с выкрученными на короткий поводок Оррами. Равор под присмотром своей мамаши Изабель скорбел по сломанному носу и заправлял огненные шары, а я корпела над учётными тетрадями и ненавидела всех и вся. Мало того, что за рабыню, считай, держат, так теперь ещё и кабаки отняли!

Потом случилось неожиданное: Халнер подкинул несколько очень интересных книг по исследованиям Цветного пламени — должно быть, хотел меня подбодрить. Откуда ему знать, что я уже давно думаю над тем, как приспособиться к стабильному пространству Мерран и вычленить Зелёную, самую разрушительную цепь Пламени? Застукав меня за выковыриванием светляков из коридорных ламп, Хал долго фырчал про пожар, безопасность, и так далее. Сговорились на том, что подобные эксперименты можно проводить только «под присмотром». Сказано-сделано: гостиная двухкомнатного номера Хал тут же превратилась в лабораторию.

Не смотря на нестабильность пространства, в моём мире цветное Пламя создавало чёткие цепочки пламя-пепел-пламя, для которых важнее всего — правильно подобрать катализатор. В стабильном Мерран огонь, напротив, будто оживал, стремясь не просто переработать топливо, а стать его частью — именно так горели, не сгорая, таусы, огненные птицы срочной почты. Экспериментируя, я постепенно поняла, куда и как надо подсворачивать пространство, чтобы лепестки, с одной стороны, оставались стабильными, а с другой, не «прилипали» к чему-либо.

Однако сбои, конечно, случались. После трёх глубоких подпален на стене, подожженной шторы, и разговора на повышенных тонах, Халнер наконец-то вернул мой фамильный медальон — его, как и мой родовой кинжал, «конфисковали», когда я только попала в театр и валялась в лазарете после горной реки. С одной стороны, не драгоценность и не оружие, какого монторпа не отдать раньше? С другой, он и правда оказался гораздо опаснее, чем я считала. Да, Пламя чистое, да, большую часть времени его источник лежит в металлической коробочке, да, у стен всегда стоят емкости с водой, песком, и щепками

триба. И да, я никому не открывала дверь, когда экспериментировала в одиночестве.

Но всего этого оказалось мало.

Вечером шли представления, поэтому работала я днём, плотно занавешивая шторы и включая воздуховод. Его винт работал довольно громко, так что прошляпить звук открывшейся двери оказало очень легко.

— Хални-иии… Ой, привет! А… а где Хални? — прозвенел певучий голос.

От неожиданности я выпустила камень *мирт*. Ударившись об пол, он попрыгал прочь.

— Привет. Вышел. У них же соб-брание, — ответила я, ловя беглеца над решеткой камина. Слава богам, не зажженного, — а ты чего хотела? Я передам.

— О, не стоит, — улыбнулась Избель, и подплыла к «лабораторному» столу, — я так… о своём поговорить, по руководству. А что это ты делаешь?

— Да так… Работаю вот. Эксперимент сложный. Для номера.

Изабель хмыкнула и начала обходить стол. Как и положено приме труппы, эта сногсшибательно красивая женщина спала с директором и обладала редкостно большими… способностями. К выдающимся на добрых два кулака способностям прилагались: каштановая грива, пышные изгибы, кошачья пластика, огромные сапфировые глаза, и густые ресницы. И характер. Сильный характер волевой женщины, знающей себе цену.

— Вы что, тарвола собрались делать? — Изабель постучала ногтём по несущей планке рядом с кюветой, в которую я только-только поместила искру зелёного Пламени, — клюв ему не к месту будет…

— Не трогай! — гаркнула я.

Совладав с собою, добавила:

— Опасно.

В моём родном мире умели делать агрегаты, которые плевались комьями Пламени, стирая за один выстрел целые кварталы. В Мерран до таких машин не додумались — здесь шли по пути «живого» оружия — черви, грызуны, болезни. Я же решила сделать нечто среднее между нашей огненной установкой и здешним Оком Апри, которое видела в Цитадели. По задумке, устройство должно собирать воедино тепло и свет как вместе, так и по отдельности, и менять как их пропорцию. Сейчас я как раз искала равновесное состояние, чтобы не вспыхнуло, где не надо.

Оскорблено пожав плечами, Изабель оставила установку в покое, и начала перебирать кропотливо выстроенную пирамидку запасных камней.

— Так… синий, белый… даже Кади, ого! О, а какой хороший чёрный… и все из наших кладовых? Ну, молодец, молодец, подход нашла. Всё-таки женщина, хоть с виду и не скажешь…

Я крепче сжала зубы. Конечно, не скажешь. Сиськи на нос не лезут, побрякушками не обвешиваюсь, томным голосом не говорю, глазки всем подряд не строю, платья не люблю. Взрослых сыновей, которые настырно клеятся ко всему, что движется, тоже нет. И вообще детей нет, и вряд ли будут. Какая из меня женщина!

— Только ты сильно не обольщайся, вот что тебе скажу. Хални всегда себе на уме, да ещё жуткий собственник. Жут-кий, уж поверь мне. Иву, сестрёнку мою младшую, до могилы довёл заскоками своими. Дарни тоже иногда чудит, конечно, но Орры просто цветочки по сравнению с… о Апри! А это здесь откуда?!

Вскинув брови так, что гладкий белый лоб сморщился, словно печёный фрукт, Изабель вытащила за цепочку мой медальон, коробочку с которым я оставила на небольшом столике поодаль.

— Вообще-то это моё! — зло сказала я.

— Твоё?! Вообще-то моё! Мне его Дарни подарил!

— Что?!

— Это я должна спросить «что»! По номерам уже шаришься? Когда только успела!

— Не тряси, идиотка! На место положь!

— Да как ты разговариваешь! Камойра беглая, да ещё воровка! И такое позволяешь!

— Отойди оттуда, ****! — ринулась вперёд я.

— Да ещё реквизит разбазариваешь на фигню каку-ааааааааа!

Не успела. Изабель подскочила к столу и в сердцах толкнула установку. Провернулся диск, тонкий луч прорезал воздух. Зеркало качнулось. Пятно огня заплясало не на ящике с песком, а рядом с плечом Изабель, расцветило стену в оттенки зелёного. Будь Пламя чище, а фокусировка лучше, гостиница бы вспыхнула. А так «просто» запахло палёным. Бумагой, деревом… шерстью.

Взвизгнув, Изабель отскочила в сторону. В тот же миг дверь в номер открылась, вошел Халнер. Столкнулся с фифой. Поддержав Изабель одной рукой, второй схватил ведро с *триббом*, плеснул на тлеющее пятно на стене.

— Кет, что происходит?

— Она! Она меня чуть не спалила! — взвизгнула Изабель, крепче вцепляясь Халнеру в плечо, — Хал, да ты хоть знаешь, с кем связался?! Она воровка! Мой медальон украла, а теперь решила со свету сжить, как свидетеля!

— Да сама ты ****! — не сдержалась я.

— Ну, вообще-то это её медальон, — спокойно сказал Халнер, — да, Иза, да, её. Он был на Кети, когда мы её нашли.

— Может, и был, ну и что? Мне Дарни рассказал, что она камойра, так что всё равно ворованный! И Дарни мне его пообещал! — Изабель тряхнула волосами и развернулась так, что в вырезах платья промелькнуло голое тело, — хотела вот недавно надеть, а нет его! И куда же, думаю, запропастился? А это, оказывается, ты в благородство поиграть решил! Ладно. Так уж и быть, не буду на тебя доносить, не хочу наши с тобой отношения портить. Но медальон — мой!

И, схватив злосчастную цацку вместе с коробочкой, она ушла, хлопнув дверью.

Я сказала длинную и очень, очень витиеватую фразу.

— Согласен, — кивнул Халнер, и добавил железным голосом, — а установку разбирай. И даже заикаться не смей больше об опытах с Пламенем!

— Чтоооо? И не подумаю!

— Нет, подумаешь! Дал Апри мозги, так используй! И не только для вот этого! — он махнул рукой на установку, — какого **** ты её пустила?! И подстрелила ещё?

— Я дверь забыла закрыть, а она и припёрлась. Но я не подстреливала! Эта идиотка сама влезла, куда не надо! Дура она, понимаешь?!

— Знаю! И именно поэтому ответственна ты! — рявкнул Халнер, — разбирай, сказал! А про медальон забудь! Нет его больше!

— Что значит «нет»?! Это фамильная вещь! Слышишь, фамильная! И я его из-под земли и из любой жопы достану! И мне насрать, пострадает кто при этом или нет! А установку сам разбирай, раз так чешется!

На этом я выскочила из номера, хлопнув дверью.

* * *

Ни один человек не знал наверняка, откуда пошёл род моей матери. Известно только, что когда-то купец средней руки взял в жёны странную девушку из северной пустыни. Не слишком красивую и немую, зато необычайно талантливую в работе с Пламенем и пространством. Благодаря способностям жены, купец очень быстро возвысился и невероятно разбогател, предлагая правителям разных государств самый чистый Огонь любого сорта.

Отжив отведённый им срок, купец и его жена скончались. Всё

состояние унаследовала их единственная дочь. Она развила производство, построив заводы во многих государствах, и даже сумела «вылезти» повыше, выйдя замуж за подияра. Их единственный ребёнок — тоже девочка — охмурила моего отца, который к тому времени возглавил древний род Кадмор, военную опору Сетерских князей. Конечно, деньги сыграли в этом союзе далеко не последнюю роль, но главное условие брачного контракта значилось как «передача секрета изготовления высококачественного Пламени».

Секрет оказался прост, как яйцо кобры. Каждый завод, который строила моя мать, а до неё — бабка и прабабка, при основании получал по зерну чистейшего Пламени трёх Осевых цветов, из которых можно выводить цепи. Брались эти семена из старинного медальона. Фигня, вроде бы — отними да пользуй. Только вот, чтобы раскрыть кабашоны, требовалось капнуть на центральный камешек кровью, причём именно нашей, потомков той пустынной потеряшки Селии. По семейному преданию, заключённые в медальоне лепестки Огня происходили от мифического Белоснежного пламени, в котором соединяются все цвета. Так это или нет, я не знала — когда мать передала мне медальон на тринадцатый Ливень, то сказала, что раскроет секрет позже. Но позже случилось восстание рабов на заводе, и говорить пришлось с погребальным костром.

Я выругалась почти в голос и рывком пересела на стуле. Семья, легенды, смерти… медальон пережил все — бунты, переворот, бегство, скитания. А теперь медальон упёрла какая-то гулящая артистка! Нет, ну это надо же так, а! И, главное, даже если выпустить кишки этой мымре, смыться всё равно не получится — Орры.

Фырча и ругаясь, я продолжила терзать яичницу. Она уже остыла, стала безвкусно-тягучей, словно прогорклая костная мука, и запахла рыбой, которой питаются птицы *заккисы,* из чьих яиц и сделали блюдо. Сделали специально для меня, после скандала — хоть на ком-то сорвала злость за медальон. Тем более, что сегодня выходной, большая часть театра на «народном» балу у лорда, а кто не там, тот в кабаках… И только я, как идиотка, в Оррах в гостинице.

Плюнув на остатки яичницы, я залпом допила чай и пошла на выход. Ничего, в номере настойка ждёт. Единственная радость и лекарство от нервов. Как тут не нервничать! После того, как Изабель стянула медальон, я пошла прямиком к Дарну, качать права. Орры, не Орры, но фамильную вещь я не собиралась сдавать без боя. К счастью, директор пребывал в благодушном настроении. Доводы мои выслушал внимательно, покивал, и даже

сказал, что ситуация скверная, надо исправлять.

Исправил, но в своём стиле: отобрал медальон у Изабель и сдал ювелиру, как раз какой-то приходил в гостиницу, продавать цацки. Узнала я об этом через несколько дней, случайно, и ринулась выкупать. Но Орры оставались выкрученными на полную, так что физически дойти до лавки не смогла. Тогда Эвелин по моей просьбе разузнала, что медальон взяли как лом — сферы с пламенем приняли за искусно выделанное стекло. Однако в корпусе оказалась солидная примесь дорогущего *меррила*, поэтому даже в качестве лома украшение стоит, как несколько наших получек.

Пнув дверь, я вышла из столовой в полутёмный холл. Шторы уже почти все опустили, горничная как раз суетилась, распуская выверенные банты. Через ту часть, что ещё не закрыли, виднелись ездовые ибисы — на бал, небось. Все на бал. Хотя… Подстеречь бы Изабель, потом цацки её от крови отмыть, да и толкнуть перекупщикам. И чем скорее, тем лучше, пока медальон не пустили на переплавку — всё-таки *меррил* слишком ценный металл, чтоб какие-то «стекляшки» держать.

Строя планы, один другого кровавей, я потопала в номер. Но в полутёмном коридоре второго этажа меня ждал сюрприз.

— Кети, ласточка, привет! — массивная тень отделилась от стены и стала Треном.

На представлении накануне, клоун навернулся со своего колеса, и теперь «отлёживался» с кучей ледяных повязок. Но одному, видать, скучно.

— А чего грустненькая такая? Хотя знаю, знаю, Элви рассказала. Ну а я знаю, как тебя развеселить.

Я фыркнула и взялась за ручку двери.

— Рядом с синим кабашоном — скол в виде крестика, рядом с красным — пятно отчего-то желтого, а в зелёном, если на свет посмотреть, человеческая фигура видна.

Трен говорил тихо, но внятно, серьёзным тоном, без малейшего намёка на издёвку или заигрывание. Я крепче сжала ручку двери и повернула голову. Старый клоун стоял, облокотясь одним плечом на стену, и вертел в руках мой медальон.

— От-откуда?…

— Нужен он тебе, да? — спросил Трен, поднимая медальон за цепочку на уровень лица, — красивый. Как ты там сказала, фамильная вещь? Мне Иза жаловалась, да, да. Ну, ничего. Если фамильная, то и правда ценная. Даром что стекло. Хотя зачем стекляшки в такой дорогущий сплав паять? Обманули твою бабку, похоже…

— Сколько? — со вздохом спросила я, предвидя ответ.

Трен перестал качать медальон.

— Нисколько, — холодно сказал он, пряча украшение в ладонь, — мне другое нужно.

Кто бы сомневался. Я глубоко вдохнула и чуть отвела взгляд. Примерилась. Так, нож у меня небольшой, но глотку перерезать хватит. А потом что? Расчленить и в камин? Или инсценировать самоубийство?

— Ке. Ти, — по слогам позвал клоун строгим голосом, — ишь, помрачнела! Да не буду я тебя из чужой постели вынимать, не беспокойся. Тем более, что она-то мне и нужна. Как отмазка. Ну, или смазка. Тут уж как угодно назови.

— Что, третьим хочешь?

— Ооо! Ты не против? Так бы сразу и сказала, что в группе любишь! Только, боюсь, Хал не согласится. Он вообще любит всё сам контролировать… Почту вот, например. И понимаешь ли, как получается… Таусы у театра как бы и есть, но как бы и нет. А я, понимаешь ли, справедливость люблю. Чтоб все, понимаешь ли, всё знали, и ничего ни от кого не прятали. А ещё читать люблю. Списки всякие. Кому, что, сколько, в каком конверте… конверты, кстати, иногда и затеряться могут. Ненадёжное это дело, таусы. Быстрые, но… горят.

— Хм. И… сколько же списков отделяют меня от медальона?

— Ой, ласточка, что значит «отделяют»? Это же фамильная вещь! — Трен взвесил медальон на одной ладони, потом на другой, и перекинул мне, — главное, не упускай его больше. А в остальном… ты, я видел, почитать любишь. Вот и будем письмеца друг другу писать. Сделка?

— Сделка, — вздохнула я, пряча медальон в личное подпространство.

* * *

Не знаю, как по времени, но по ощущениям годовой цикл Мерран оказался гораздо дольше нашего. Он делился на восемь сезонов, по числу фаз солнца, которое затмевала соседняя планета Атум. Крайние положения небесного маятника отмечались особо: в уже знакомое мне Полносолнцее (середина лета) и противоположное ему Нарождение (середина зимы), полагалось только молиться. А вот на Левый и Правый месяц, когда серп Атума далеко уходил от открытого диска Апри, полагалось торговать.

Правый месяц я встретила в Речном, на «невольничьем» рынке, где продавали вологоловых слуг-Перерожденцев, и где

пафосно погибла пара полуперерожденцев, не пожелавших становиться рабами. Сам базар тогда не впечатлил — Эпидемия выкосила две трети населения Речного округа, зимний урожай не собрали, люди только приходили в себя. Сейчас — дело иное: Эпидемия закончилась довольно давно, округ Дельта пострадал от мора меньше, второй урожай уродился замечательно, так что ярмарка гремела во всю ширь.

Все дороги к базарной площади битком забили телеги. Ниже, в протоках и каналах, суетились груженые до бортов лодки, подрагивая рыбьими хвостами в зелёной, остро пахнущей воде. Разодетые в яркие костюмы, владельцы лодок беспрестанно гомонили, выискивая места получше, да грузчиков подешевле: на центральных островах города полагалось перемещаться только пешком, восхваляя Великого Апри при каждом шаге. Люди с тюками, свёртками, сумками, мешками здоровались, вздорили, терялись и находились, обычно рядом с «декоративными» кордонами по краям рыночной площади.

«Заставы» эти ничего и никого не досматривали, просто приглядывали за порядком. Таких патрулей в последнее время в городе стало больше: лорд-наместник Ириан превыше всего ценил безопасность, в том числе политическую. При этом не проходило и пяти дней, чтобы кто-нибудь из труппы не нашёл на улице писульку с лозунгами против «преступной власти». Как только Дарн, наконец, расщедрился, и «скрутил» Орры до самого слабого воздействия, я и сама начала регулярно замечать «еретички». Подбирала, и каждый раз отмечала, что у проповедников «свободы простого народа от тирании Зрячих» и «равенства жертв кровавого режима», логика отсутствует напрочь: согласно листовкам, эти добрые люди призывали истреблять, наказывать, и отнимать. Короче, делать ровно то же самое, против чего они якобы боролись.

То ли дело ярмарка! На высоких деревянных прилавках россыпью лежали пучки зелени, истекающие соком фрукты, упругие связки овощей. И дичь! Сезонная дичь, наваленная вязанками, как хворост, поросший красно-коричневыми перьями! Наконец-то стало можно её есть, не опасаясь паразитов вроде тех, что чуть не разорвали меня по весне. Сейчас невидимые черви и грибы в мясе не представляли опасности для едока. Особенно, если как следует сбагрить блюдо специальными специями. Про эти самые специи, их виды, вкусы, и функции, рассказал Халнер, когда мы отправились в кабак, отмечать примирение.

Удивительно, но за этим самым примирением мы пришли друг к другу одновременно: я — выполняя условия сделки с Треном, Хал… наверно, надоело спать одному. Мне, надо

признаться, тоже. И всё, вроде бы, наладилось. Если не считать нелогичное, неправильное, непривычное чувство вины за мою «почтовую» слежку. Время от времени даже хотелось повиниться перед Халнером. И только мысль, что он тут же отнимет у меня медальон с Пламенем, заставляла сглатывать «покаяние». Но что, если не отнимет? Что, если у Трена не просто любопытство зачесалось, а он делает меня сообщницей чего-то серьёзного, за что светит костёр?…

Пытаясь откинуть беспокойные мысли, я свернула на блошиную часть ярмарки. Здесь опять вместо привычных ковров под тентами, стояли высокие прилавки. Только, в отличие от продуктового рынка, располагались они совершенно хаотично. Ткани, вещи, побрякушки, благовония завораживали глаз, слух, обоняние. Я долго бродила среди пестрого разнообразия, удивляясь и забавляясь, но так и не нашла ничего интересного. Хотя, что ожидать от мира, где оружие продаётся только по лавк…

— Опа, Кети! Привет!

— Отто! Тарвол тебя! — я подскочила от неожиданности, — привет! а ты чего тут? Вы же с Лили собирались…

— Собирались, — вздохнул силач, и сразу как-то сгорбился, — но меня перехватили вот… послали за покупками. Заплатить обещали хорошо. А ты ж знаешь, мы с Лили на свадьбу копим нормальную…

— Да уж помню, — фыркнула я, — ну, не буду задерживать.

— Нет-нет, это очень хорошо, что я тебя встретил! Я за лампой, думал и для Лили что чего прихватить, чтоб не дулась… пойдём со мной? Поможешь выбрать, я в этом вообще ни ногой. А ты ж девушка… И со вкусом…

— Чегооо? Кто со вкусом? Я со вкусом? Я тя ща в канал макну, сразу вкус почувствуешь! — захохотала я, — ладно, пошли, страдалец. Мне тоже поглядеть интересно, может, и себе возьму чего.

Снаружи лавка оказалась неприметной — простая деревянная вывеска «Всё для ароматов» и несколько пыльных светильников за мембраной узкого окна. Но стоило войти, как голова закружилась от мешанины благовоний, а глаза разбежались по разноцветью стекла, камня, кости, дерева. Удивительно, но побрякушки и правда выглядели красиво и достояуно, без излишеств вроде трёх видов резьбы с Вот Такими Каменюками Посередине. Пока я блуждала между полок и придирчиво выбирала лампы, Отто протянул продавцу бумажку, а потом ушел вслед за хозяином во внутренние помещения.

Вышли из лавки мы часа через полтора. Силач тащил пухлый

пакет белой бумаги, перевязанный цветной лентой, а я — пару тканых кульков поменьше. Вдруг, Отто остановился, словно пришпиленный.

— О Великий Апри… — прошептал силач, чуть не уронив пакет на землю, — полчаса… Через полчаса…

Я проследила за его взглядом и увидела башню ратуши с часами.

— Чего ты там бормочешь? Опаздываешь куда?

— Кети! Кети, мне срочно нужна твоя помощь! — затараторил Отто, не отводя взгляда от часов, — пакет надо отнести в другую лавку. По Цветочному мосту на соседний остров, потом прямо, третий переулок налево, и справа пятый дом! Умоляю! Там деньги дадут, возьмёшь половину… Да хоть всё возьми, только сходи! Прошу тебя! Я… я должен… это для… для свадьбы… это…

— …дело жизни и смерти, — мрачно кивнула я, — разумеется. Давай пакет. Адрес-то скажи конкретный?

— А? Эээ… мастерская Юкарли. Ну, увидишь, или спросишь. Её знают. А! чуть не забыл! Скажешь что от нашего директора с наилучшими пожеланиями! Спасибо! Спасибо, Кети! Я… я в долгу! Спасибо!

Выпалив благодарность, силач сорвался с места и побежал через ярмарочную площадь, чуть ли не расшвыривая толпу. Ну да что с него, влюблённого идиота, взять? Вздохнув, я сплюнула, и неспешно пошла в указанном направлении.

Идти оказалось недалеко, да и мастерскую Юкарли действительно знали хорошо. Каково же было моё удивление, когда за прилавком оказался… тот самый дородный человечек, что приходил в гостиницу, и которому, как оказалось впоследствии, Дарн продал мой медальон с Пламенем. Как ни странно, ювелир меня узнал — должно быть, запомнил ещё в гостинице, когда подходила посмотреть, что дают.

— Ооо, кого я вижу! Прелестное дитя сцены! Вы решили посетить мою скромную обитель? Понравилось что-то из каталога, или…

— Простите, но я не за изделиями. Вам пакет. От нашего директора, с наилучшими пожеланиями.

— О! Пакет? Мне? Мастер Хайдек, должно быть, ошибся…

— Не знаю. Мне просто сказали передать.

— Ну что же… передавайте благодарность, и да хранят его лучи великого светила!

Ювелир с поклоном принял свёрток и, быстро спрятав его под прилавок, снова обернулся ко мне.

— Ну что же, вот вознаграждение за беспокойство, — он

протянул небольшой, но увесистый мешочек из расшитого шелка.

— Благодарю. До сви…

— Подождите!

Пухлые пальцы потянулись под стекло витрины.

— Свет мой, к вашей внешности безумно пойдёт вот эта диадема! Вы же истинное Чёрное Солнце! Волосы, как солнечный свет, и глаза, как зимняя ночь! Примерьте, прошу!

— Эээ… да я как-то не того…

Отмахаться от назойливого торговца удалось с превеликим трудом. Всю дорогу до гостиницы я буквально пробежала, не в силах отделаться от дурацкого чувства, что сейчас ювелир выскочит следом, размахивая в воздухе цацками, будто верёвочной петлёй. Так что деньги из мешочка с вознаграждением я всё-таки взяла: немного за услугу, немного за моральный ущерб. Впрочем, основную часть передала вечером Отто, и подтвердила надутой Лилиан, что её жених не по девкам шлялся, а ходил по очень важным театральным делам. Остаток вечера провела в поболтушках с Эвелин. Мы долго сидели в уголке под балюстрадой второго этажа, разглядывая огоньки от свежекупленной лампы и разговаривая ни о чём.

Вскоре после полуночи над нашими головами проскрипели чьи-то шаги. Ровные, мерные, с едва заметной хромотой на левую ногу — а потому что нечего сапоги неразношеные сразу напяливать. Аккуратно свернув беседу, я оставила лекарку размышлять о чём-то своём, а сама отправилась в свою бывшую «лабораторию», на свидание с таусами, огнепёрыми птицами срочной почты.

А наутро в раскрытое окно номера долетел недалёкий взрыв.

Аркан III. Хозяйка
Глава 14. Тень подозрений

Люди любят сплетни. Люди ужас, как любят сплетни. Обожают просто. Особенно, про власть предержащих. И, как всё, придуманное человеком, будь то рассказ, байка или религиозный гимн, суть любой сплетни сводится к двум вещам: любовь и кровь.

С первым кумушкам Дельты не светило: лорд-наместник Ириан оказался примерный семьянин. По-настоящему примерный, по всей строгости человеческого и Солнечного закона, исполнения которых он требовал ото всех. Оставалась кровь. И вот тут слухи уже было не остановить. Лорд, и правда, любил суровую справедливость. Одни законы чего стоили. Но, если верить листовкам, то, кроме требований неукоснительно соблюдать закон, он многие тысячи раз дергал рычаг виселицы, фокусировал линзу, сёк, и так далее. Сам, всё сам. Иначе аж кушать не мог.

Теперь же роли поменялись.

На священные дни Левого месяца лорд Ириан уехал вместе со всей семьёй в летний дом. Там — молитва, отдых, посещение сельской ярмарки, время с женой и детьми. Когда же праздники закончились, ранним утром первого рабочего дня, весь кортеж лорда, вместе с семьёй, гостями, и приближенными, взлетел на воздух в центре города, на Цветочном мосту.

То, что это взрыв, я поняла не только по звуку и сбивчивым рассказам очевидцев — достаточно оказалось одного взгляда на место происшествия. Конечно, к тому времени обгорелые остатки кортежа уже убрали, следы крови замыли, мост закрыли… но даже издалека хорошо просматривались чёрные каверны, выеденные Пламенем. Для понимающего человека вполне достаточно.

«По причине временной недееспособности лорда-наместника», руководство провинцией Дельта перешло к главному помощнику лорда Ириана с труднопроизносимым именем Гуран Варкоч. Желчный, но трусоватый, он настойчиво делал вид, что ничего не произошло. По официальной версии, на одном из ибисов загорелась бочка с вином, лорд получил ожоги и скоро поправится. Про семью не говорили ничего.

Зато много говорили про Апри, его волю, заповеди, праздное шатание и… лицедейские выкрутасы. В результате, по нашей гостинице шарилась кентура церковной гвардии: черно-белые

одеяния, алебарды с лопастями в виде полусолнц, кадила-кистени — ну сущая Цитадель на выезде. Это вместо того, чтобы помогать внутренним войскам прочёсывать город, да. Всё потому, что его солничество Варкоч занимал не только светскую должность, но церковную, а именно — первосвященника Дельты. Фанатик, он ненавидел любые развлечения, и как-то даже поцапался с Дарном на приёме.

Тогда ссору погасил сам лорд, но теперь, в отсутствие высокого покровителя, театр получил порцию ночных обысков, пристрастных допросов, и сокрушительный пинок под зад. Первым «вылетел» Курт — по внутренней иерархии священников, Варкоч имел право немедленно отстранить своего «проштрафившегося» младшего коллегу и направить того на разбирательство. Так театр окончательно лишился «духовной опоры и защиты».

Директор метался по гостинице, то хлопая дверями, то рыдая. Труппа в срочном порядке собиралась. За время, проведённое в Дельте, театр оброс дополнительным скарбом — многие артисты увлеклись мечтами Дарна получить постоянное здание. Хозяин гостиницы поглядывал с нетерпением человека, чьи дорогие гости превратились в досадное обстоятельство. Кормить стали хуже, убирать номера перестали, и даже выписали штраф за слишком быстро перегоревший светильник.

И вот наступил вечер перед отправкой. Почти вся труппа собралась ужинать в гостиной, где обычно накрывали завтрак. Вопреки обыкновению, пили только чай и воду — выезжали на рассвете, проспать никто не хотел.

Мы с ребятами сидели у окна, которое выходило во внутренний дворик. Давно стемнело, так что от тонкой мембраны ощутимо тянуло холодом. Я куталась в длинную шаль, которую связала Эвелин взамен той, что пропала при столкновении с бойцами бывшего санитарного отряда. Сама лекарка сидела рядом, остервенело выковыривала из крапчатых раковин своих любимых слизней, и не реагировала на мои высказывания. Она вообще в последнее время дулась не понятно на что, словно между нами пробежала ядовитая ящерица. Впрочем, поговорить сейчас бы и не вышло: напротив сидела Лилиан и без умолку трещала про свадебные традиции и их с Отто планы. Сам силач молчал, краснел, гмыкал, и допивал уже третий кувшин компота в один клюв.

— Кети, ты чего не ешь? — участливо спросил Маро, поглядывая на мою тарелку.

— Потому что рыба! Мяса не могли заказать… На, бери, если хочешь.

— Да ладно, да что ты! — взмутился Маро, моментально подтягивая нетронутое блюдо к себе, — а вообще знаешь, ты у матери моей попроси, у неё вечно солёная кро…

Бац! Полупрозрачные створки дверей резко распахнулись. Начали болтаться, клацая друг о друга. Чуть растрёпанная Изабель в платье тёмно-синего бархата зашагала между столами. Казалось, каблуки её туфель сейчас раздробят деревянный пол.

Через пару столов от нас устроились несколько артисток, что всегда смотрели фифе в рот и не знаю куда там ещё. К ним она и направилась, чуть не сбив с ног официанта. Обычно Изабель сидела вместе с директором, но сегодня он и Халнер обедали с хозяином гостиницы, сговариваясь о конечной сумме за постой.

Едва выдвинув стул, фифа начала рассказывать товаркам, как она пришла за своим заказом в мастерскую Юкарли, а там…

— Арестован?! О Апри! Моё колье! Оно фальшивое?! — вскричала одна из дам.

— Кольца, три кольца! Обещал переслать в следующий город! Куда только катится этот мир! — заламывала руки другая.

— Он мне сразу показался подозрительным! Пусть гниёт в тюрьме! — распиналась третья.

Потеряв интерес, я повернулась обратно к ребятам.

— Надо же, а на вид такой дядяша приличный… Да, Лили, ты же у него заказывала украшения? Хорошо, что заказ уже пришёл! Слушай, а может проверить его на подлинность?

— Ну… может…

— К-какую подлинность? О Апри… Кети… — Отто закусил дрожащую нижнюю губу и заломил брови, как заправский плачущий клоун, — Кети… ты… ты… это же ты…

— Ты совершенно права, хорошо бы проверить украшение, — вклинилась Эвелин, — всё-таки на свадьбу надо надевать только настоящие драгоценности. Так ведь, Лилиан? И кстати, ты говорила, если свадьба на обратном ходу Левого месяца, храм надо украшать листьями кирта, да?

— Ааа… ээээ… терлии. Д-да, терлии, — едва слышно промямлила невеста Отто.

Тут Маро закашлялся, да так, что стучать ему по спине пришлось всем столом.

— Аккуратней с рыбой! — фыркнула на него Эвелин, — кстати, ты вроде хотел что-то обсудить с Кети? Я сейчас вернусь. У меня там серёжки.

Выдав эту тираду, лекарка встала, быстрым шагом прошла к столику Изабель, и начала вести с клушами светскую беседу про украшения. Говорили они уже не слишком громко, так что до нас долетали только обрывки фраз.

— Слышь, так что ты хотел обсудить-то?

Молчание. Маро наблюдал за Эвелин, наклонив голову, и не обратил ни малейшего внимания на вопрос.

— Ээй! — я щёлкнула пальцами у парня перед глазами.

— А! А? А… да… а почему ты рыбу не ешь?

— Чтоб некоторые спрашивали!

На этом разговор завершился. Маро продолжил вслушиваться в беседу за дальним столиком. Лилиан и Отто пересели поближе, совершенно очевидно, что с той же целью. Тяжело вздохнув, я доела остатки овощного салата, и поднялась из-за стола.

— Спокойной ночи.

Ребята только кивнули. Ну и монторп с ними. Нашлись тут любители цацек, понимаешь.

* * *

На выезде из города караван тщательно досмотрели, и отпустили с миром. Теперь театр снова шел по сельской местности, направляясь в столицу соседнего округа, город Лесной. Ехать на железной змее Дарн счёл слишком затратным, зато при выборе направления вспомнил, что множество городков вдоль Лесного тракта ещё недавно слыли одними из самых зажиточных в Империи.

Недавно, но не сейчас. Театр опять попал в земли, где Красная Смерть свирепствовала во всю силу. Леса походили на огромную усыпальницу. Стоило сделать шаг в сторону от дороги, как сверху обрушивалась тьма. Высокие, разлапистые деревья с длиннющими иголками вместо листьев смыкались над головой, и гибкие ветви хватали за одежду. В придорожных канавах порой виднелись остовы сгоревших повозок, а в одном из едва живых городков Дарну сказали, что вдоль дороги орудует банда. После этого директор, наконец, прислушался к Халнеру, который с самойДельты капал брату на мозги, чтобы тот выставлял по ночам нормальную стражу. Теперь все, кто умел обращаться с оружием, стали недосыпать, сторожа очередную стоянку.

Караван шёл и шёл. Нападать никто не спешил. Леса становились гуще, а дорога хуже. Чем дальше от Дельты, тем меньше оставалось пружинящего покрытия. Трещины сливались в выбоины, выбоины — в ямы, пока тракт не превратился в ухабистую колею с отдельными островками упругого серого камня.

А потом начались дожди.

До Лесного оставалась всего пара дней пути, но они безбожно

растягивались. Повозки застревали, жуки ломали лапы, тягловые животные выбивались из сил. Сидеть на дежурствах становилось всё труднее: сырость залезала даже под тёплый плащ, глаза слипались, в горле всё время першило. Но эти неудобства не шли ни в какое сравнение со снами.

Родной мир снился мне и раньше: жаркий ветер баюкал идеально ровное дно сухого озера с полосами бегающих камней, а ярко-голубое небо подмигивало низким зимним солнцем. Но сейчас стали приходить другие сны. В ярких видениях из бурлящей воды вылезали вологоловые кадарги, и шли на меня ровным строем с копьями наперевес. Я бежала, и попадала в огромное поместье, которое поглощал огненный ковыль. Там, за гибкими стеблями, раздевались истошные вопли и призывы о помощи. Потом с неба падал дождь из фиолетовых ягод, крупных, с косточками, как у фруктов. Стоило такому плоду коснуться земли, как из него вырастала охотница-феникс с огромной булавой в руках. Начиналась гонка по коридорам. И снова кошарь отводил меня к бабке, только вместо Зеркала на стене плескалось огромное кровавое пятно, будто кого-то раскатали по кирпичам. И я знала, что сейчас меня постигнет та же участь, но ничего не могла сделать: колючая проволка стягивала тело, раздирая плоть, не давая дышать. А вдалеке снова слышались чьи-то крики… Крики… крииии…

— Аааааа! На помощь! На помощь!

Я рывком открыла глаза. И правда крики. Рычание. Звон. Свист. Откуда?

— Кети, Кети, что происходит?

Хелия испуганно смотрела с соседней койки. Маро в повозке не было: он как раз сменил меня на дежурстве.

— Кети, что же делать?

Привычка спать в походе, почти не раздеваясь — хорошая штука. А оружие, которое раздали всем дежурным — ещё лучше.

— Сиди и молчи! Даже выглядывать не смей! — крикнула я и выскочила прочь.

Желто-зелёное небо хмуро нависло над лесом. Наверное, где-то за далеко за деревьями, Великий Апри уже высунулся из-за горизонта, но здесь ещё царила ночь. И кипел бой.

В отсветах нескольких разбитых костров, оборванные люди с вилами, косами, топорами и прочими сельскими орудиями, бились с полуодетыми людьми из цирка. Настоящего оружия у артистов было немного, и всё у ночных дежурных. Кто-то из них валялся с перерезанным горлом, кто-то дрался, кто-то только что выскочил из повозки, как я. Промелькнул Отто, перерубающий вилы. За соседней повозкой кто-то истошно завопил. Буквально в

паре метров слева, Маро дрался с дядькой ниже его на целую голову. В одной руке нападавший держал цепарь, в другой — тяжёлый топор, и яростно наступал, заставляя Маро бесконечно парировать и уворачиваться. Да. Уметь драться и уметь убивать — разные вещи. Пришлось показать.

Слава Небесному Воителю, Маро быстро усвоил урок.

Стычка с оборванцами была яростной, но недолгой. Банда быстро ретировалась, оставив за собой кучу переломанных палок и тел. Зарубив последнего разбойника на опушке, в спину, я немного постояла и пошла обратно к лагерю.

— Ох-хо, Кети, детка! — раздался голос Трена.

Клоун подскочил ко мне слева, брезгливо стряхивая с ботинок чьи-то кишки.

— Ты у нас, оказывается, так жаришь! Прямо карающий лучик Велико… го… Ап. ри..

Клоун замолчал, глядя на мой сорванный рукав, весь в запёкшейся крови. Я быстро подтянула ткань вверх, но слишком поздно.

— Что это?!

Он схватил мою руку выше локтя и уставился на плечо, туда, где сквозь кровь проступал герб.

У высоких родов Сетера принято ставить наследнику метку в виде герба. Крылатый ящер с копьём в лапах достался мне от отца. Однако по материнской линии я тоже оказалась единственной наследницей, поэтому боевую рептилию объял солнечный круг. Когда мы пустились в бега после переворота, от метки пришлось избавиться. Но клеймо, поставленное Пламенем, просто так не свести — для этого пришлось бы вырезать кусок мяса. Пришлось ограничиться верхними слоями кожи. Когда на меня надели Орры, герб слегка проступил, но только если знать, куда смотреть и что искать. Однако сейчас, подстёгнутый ранением, рисунок проявился окончательно.

— Уууу, деточка, да ты у нас гвардейский дезертир, — нервно засмеялся Трен, — надо было с тебя подороже взять-то, а?

— Да иди ты ****! — огрызнулась я.

Вывернулась, подтянула рукав.

— Будешь трепаться — прирежу, понял?

— Ну, ну, детка, полегче, — подмигнул клоун, а потом расплылся в кривой улыбке, — не надо меня убивать, может, я тебе ещё пригожусь.

— Боюсь себе даже представить, зачем, — за моим правым плечом появился Халнер, — Кети, ты не ранена? Трен?

— Да нормально всё, — ответили мы в один голос.

— Тогда пойдёмте отсюда, — Халнер нагнулся и сорвал

пучок травы, чтобы вытереть меч, — Дарн хотел посчитать погибших, да и в лазарете нужно помочь.

Но стоило сойти с места, как навстречу вынырнул директор.

— Ну что, все целы? Кет, отличная работа, надо было тебя в гладиаторы отдать! Шучу, шучу. Ладно. Трен, идите-ка оба в лазарет, там помощь нужна. Хал, надо бы узнать от недобитков что-то об этой банде…

— Это вряд ли. Тут все либо трупы, либо почти трупы, не допросишь. Разве что…

— На, держи, — Дарн протянул брату кинжал, — попытка не пытка.

Кинжал! Мой кинжал! Мой!!

— Хорошо, попробую.

Халнер развернулся и пошёл обратно к лесу, внимательно глядя под ноги. Трен и Дарн тем временем начали обсуждать, кого из труппы убили, и как их хоронить.

— Я… я в лазарет, — выпалила я и, не дожидаясь ответа, нырнула между повозок.

Однако пошла я вовсе не туда, а к Халнеру. Он как раз нашёл «рассказчика». Положив кинжал тому на лоб, пытался «выжать» остатки чужого сознания. Где-то в глубине навершия светилась голубоватая искра… но и только.

— Этот не подойдёт, — сказала я, — видишь, голова разбита? Любое повреждение мозга — и хрен что разберёшь в его памяти. К тому же ты неправильно делаешь.

— Мда? А как правильно? — Халнер поднялся на ноги и с любопытством посмотрел на меня, — ты знаешь?

— Давай сюда — покажу, — фыркнула я.

— Хм… Ладно. Только сначала найдём подходящего.

Это оказалось непросто: от банды остались лишь мертвецы и ещё двое с размозженными черепами. Наконец, мы нашли полуживого нападавшего. Он корчился на боку с пробитым желудком. Я перевернула человека на спину, взяла за подбородок, заставила посмотреть на себя. Затем пронзила Нарной его сердце, и в короткий миг перехода жизни в смерть считала всё, что он знал. Жаль отец не видит, как я навострилась!

— Ого! Быстро, просто, кардинально, — усмехнулся Халнер.

— Да. Только муторно потом. У людей столько хлама в головах, порой диву даёшься! Ладно, теперь…

— За что?! Его же можно было спасти!

Не вовремя подошедшая Эвелин стояла, судорожно сжимая в руках медикаменты. Её губы тряслись, а в широко распахнутых синих глазах искрились отвращение и гнев.

— Они пошли на это от отчаяния! Они же просто хотели

есть…

— Пф! Конечно хотели, — фыркнула я, поднимаясь, — и не только есть. Ты была бы смачной приправой. Точнее, деликатесом, да на всех сразу. Думаешь, тебя бы пожалели?

— Что, отморозками их считаешь? Пусть так. Но ты ничем не лучше них! Убийца! Он же был беззащитен!

— Эвелин, перестань, — строго сказал Халнер, — займись лучше нашими ранеными, им твоя помощь нужнее.

— Нужнее? Ха! Опять заступаешься за свою подстилку, папочка? Два сапога пара! Да чтоб вы оба сдохли!

Лекарка резко развернулась и побежала прочь.

Я посмотрела на Халнера. Тот поморщился и со вздохом опустил голову.

— Девчонка… до сих пор девчонка… — он развернулся и бросил через плечо, — пойдём, Кети. Расскажешь, что узнала.

— Да там не много, мы почти всех перебили… А что, Эвелин твоя дочь?!

Халнер на ходу кивнул и ускорил шаг. Стараясь не отставать, я перешагнула через какое-то тело. В голове защёлкало. Мигом вспомнились все рассказы Эвелин про родителей, про то, как строгий отец убил её любимого-полуперерожденца, а на неё саму надел Орры. Я почему-то всегда считала, что это стиль Дарна, и что Эвелин именно его дочь, с такими же роскошными тёмными кудрями. Да и выглядел директор постарше Халнера, хоть на самом деле всё ровно наоборот. Дура, давно ж ведь поняла, что в Мерран нельзя ориентироваться на внешний вид! И тут такое проглядела!

— Хал! Хал, а ну стой! Почему ты не сказал? Мы же с ней дружили, мы же… мы *такое* обсуждали… а ты ни раз за это долбанное время не ска…

— Ты мне тоже многое не рассказываешь, Странница, — огрызнулся он.

— Т… ты о чём?

— Да как тебе сказать, — он остановился и развернулся ко мне, — например, про рабочий Переход в монастыре Тмирран и твой побег из другого мира, в котором твою семью свергли с престола.

— Что?!

Горло сдавило. Как? О боги, как?! Халнер усмехнулся и аккуратно, почти нежно, приподнял мне челюсть обратно. В этот момент за повозками послышался шум.

— Ладно, Кети. Потом поговорим, — он шагнул назад и повернулся на голоса, — не отставай.

— Угу, — выдавила я и нащупала метательный нож.

Через несколько шагов Халнер остановился. Прекрасная мишень. Трудно не попасть. Невозможно просто.

Выждав вздохов семь, он сказал, не оборачиваясь:

— Ну? Ты идёшь или нет?

Сжав лезвие так, что по ладони потекла струйка крови, я двинулась вперёд.

Интерлюдия IV
Архив Инквизиции. Центр

Адресату по табелю «413»
Срочно/вне очереди
Лично
Регистрированный канал связи «4516»
Получено «…» … от воссияния Апри
Всесолнечный мастер,

вынужден просить разъяснений по последним полученным указаниям. Степень ереси во вверенном заведении превысила допустимую норму на порядок, ячейка стала значимым звеном в организации. Активизировались их защитные меры, более того, усилилось внимание к объекту «С». И это при том, что получено подтвержение легенды объекта «С» в полной мере. Я не могу понять причину запрета активных действий. Если решение данного вопроса затягивается, прошу разрешения на привлечение «С» к работе.

До поступления распоряжений, намерен действовать согласно текущей легенде и ранее полученным сообщениям. Направление движения — Порт-Запад.

Да не омрачится лик Великого Апри.

Полевой сотрудник № 724

Полевому сотруднику № 724
Срочно
Лично
Регистрированный канал связи «1645»
Направлено «_»____ от воссияния Апри

Рекомендую действовать согласно полученным инструкциям. При работе по объекту «С» рекомендую ориентироваться на существующие реалии.

По прибытию в Порт-Запад связаться с коллегами, ими получены инструкции. Возможны действия по плану «В».

Да не омрачится лик Великого Апри.

Адресат по табелю «413»

Аркан IV. Хозяин
Глава 15. Проблемный груз

Гусеницы в этой части Империи были совсем другие, как и люди. Если между Озёрным и Дельтой ездили, в основном, «истово верующие» толстосумы и купцы, что любили красиво поговорить и на красивое посмотреть, то между Лесным и Портом Запад сновали рабочие, которые губили здоровье и жизни на вырубках вечнорастущего влажного леса. Эти люди не понимали и не хотели понимать театральное искусство, ведь у непростой жизни запросы просты. Впечатлил их только монторп, «гладиаторы» и полуодетые (а лучше и вовсе раздетые) танцовщицы — совсем другое дело же, ну! За такое и заплатить можно. В итоге набрали не слишком много, но достаточно, чтобы прокормить труппу, животных, и оплатить безопасную дорогу до побережья.

Я вздохнула и поскребла оконную мембрану, всю в мутноватой плёнке грязи. Её не счищали так давно, что следы *аркалей*, летучих шишек, сплелись в витиеватый узор. Через окошки его звеньев просматривались деревья, искаженные мембраной и скоростью. Зелёно-жето-коричневые стволы так и норовили слиться в единое месиво, напоминающее степь.

Степь и пустыня. Ну конечно, о чем я ещё могу думать? Особенно теперь, когда Халнер вытянул из меня всё. Вообще всё. Даже то, что я спрятала далеко и глубоко, научилась не помнить в подробностях, воспринимать как голый факт биографии. Но, то ли настойка оказалась слишком крепка, то ли расспросы слишком участливы, но мне хотелось *делиться*. Безостановочно. И всем сразу. Дура. Только разворошила дерьмо: разговор окончен, Халнер любопытство удовлетворил, а меня теперь денно и нощно преследует ворох эмоций и картинок.

Родовой дворец посреди солончаков. Галереи, колонны, мозаики. Крохотный садик с фонтаном — неслыханная роскошь для моего мира. Но нам можно: старый, как само княжество Сетер, род Кадмор всегда находился в ближайшем круге правителей. Закономерно — именно мои предки возвели на престол династию Тадди, и поклялись защищать её ото всего и вся. Особенно от Проклятых, чтобы Катастрофа больше не повторилась. Однако… мой же род когда-то и создал орден Печати, что объединил немногих переживших резню Проклятых — по-мерранси, Зрячих. Великую резню. Потому что, если Катастрофа перекинулась из другого мира, то кто же виноват?

Конечно, проводники.

Войны. Бесконечные, вездесущие. Где-то открытые, где-то тлеющие. Как иначе? Мало воды, мало ресурсов. Много солнца, много песка. Редкие оазисы. Бесконечный передел границ — на картах, в планах, в головах. Сколько советов во дворцах, сколько совещаний в ставках!

Бои. От них мне доставалось совсем немного, разве что перебить отставший отряд, или допросить с пристрастием пленных. Ведь на что ещё годится это ходячее недоразумение женского пола, которое по чудовищному совпадению и первородству посвятили Небесному Воителю ещё до рождения?

Дворцы. Когда в очередной раз рождался сын, то-есть *нормальный* наследник, отец сразу отсылал меня ко двору, поближе к потенциальным мужьям — дочери ведь нужны для выгодной брачной торговли. Но боги продолжали жестоко шутить: ни один из моих братьев не прожил и года. Ни один — ни от моей матери, ни от младшей жены, ни даже бастарды. Так что, только я оставалась официальным и единственным наследником воинского рода Кадмор. Пока не случился переворот.

Переворот. Никто ничего не подозревал до самого последнего момента. Когда мятежники ворвались в княжеский дворец, предпринимать что-либо оказалось бесполезно. Подчёркивая, что, в отличие от свергнутой «кровавой власти» он не является безжалостным убийцей, бывший стражник Ландий никого не казнил, а «всего лишь» устроил всеобщее надругательство над членами знатных семей. Поистине всеобщее, не взирая на пол и возраст. Я как раз сидела на «дочерней побывке» в королевском дворце, и вкусила всю прелесть такого милостивого отношения к «бывшим угнетателям». Целых три дня вкушала. По кругу. В перерывах — предавала огню тела тех, кто не выдержал милости. Например, моя младшая сестрёнка, которая захлебнулась чужим семенем, и двоюрдный дед, которого насильники разорвали ручками от кнутов…

Всё, хватит. Я яростно потёрла глаза. Вздохнула, прошлась по узкому отсеку-сочленению между сегментами змеи. Тесно и холодно, зато никто не начнёт хохотать над ухом, не станет расспрашивать, почему я либо сплю, либо с кислой миной пялюсь в окно, никто не начнёт настойчиво угощать вяленой рыбой — нет, ты только попробуй, ну и что, что не любишь, а ты представь, что это мясо! И никто не спохватится, потому что на верхней полке, под облитым настойкой одеялом, пытается проспаться хорошая иллюзия меня. Совершенно автономная и правдоподобная. Ну хоть чему-то полезному научилась в этом Мерран!

Учиться. Да, везде приходилось учиться. Владеть оружием. Владеть мыслями. Владеть словами. После переворота, превратившего Сетерскую знать в ничто, и безуспешных попыток отвоевать всё обратно, мы с отцом всё-таки бежали. Далеко. Пережив несколько покушений, зарылись в песок. Основательно, глубоко, надёжно.

Под новой личиной я даже начала ходить в университет. Мне нравилось изучать Пламя, вникать в особенности его цепей и применений каждого цвета. А ещё я очень хотела открыть надёжную стабилизацию, чтобы не происходили случайные взрывы вроде того, что когда-то буквально разметал мою мать по стенам. И, конечно, мечтала найти Белоснежное пламя, объединяющее все цвета… Однако отец решил, что мы отсиделись достаточно, и пора возвращаться. А чтобы найти средства, надо повыгоднее «продать» меня замуж. Тем более, что на тот момент у него уже несколько лет как появился нормальный наследник — пусть от низкородной жены, зато здоровый и, главное, живой.

За то время, что мы с отцом отсиживались, орден Печати тоже успел измениться. Его магистром стал Ландий, тот самый человек, что спланировал и виртуозно организовал переворот в Сетере. Желая додавить остатки знати, он попросту нанял убийц. Самых страшных и беспощадных, Фениксов. Но он не знал, что у этих прославленных головорезов есть слабость: не различать иллюзий, даже кривых и грубых. А зачем им, если такую маскировку могут делать только Проклятые, которых давным-давно всех повырезали? Именно эта «слепота», да ещё семейная ссора, меня и спасла. В ту ночь я сбежала на «низкородную» попойку, с которыми отец приказал мне завязать, и в моей постели ночевала замаскированная служанка.

Через несколько лет, когда я узнала тайну Фениксов и поняла, что даже самые свирепые и профессиональнее душегубы бессильны перед правильно применёнными знаниями, моё, казалось бы, бесцельное существование на вольных хлебах обрело смысл — месть.

Дело продвигалось медленно, но верно: к чудом выжившей наследнице рода Кадмор прислушались многие. Особенно из тех, кто тоже пережил «милость» надругательств, и смог убежать в другие страны. Мы искали и копили деньги, связи, вооружение. Более того, мы даже отыскали бастарда князя, на роль государя, и я заключила с ним священный союз перед богами, чтоб уж наверняка. Дело оставалось за малым: скрепить куски мозаики, и ударить. Для того нужно было кое-что достать и кое-кого убрать, но очень, очень аккуратно, поэтому я взялась за это лично.

И тут случился Мерран. *****!

Я стунула кулаком по мембране. С ненавистью поскребла Орры. Дрянь! Какая же дрянь, а! Так бы отсиделась бы в местном монастыре, вернулась домой… да даже после Санитарного отряда и реки, и то имела шанс вернуться — будь я свободной. Но нет. Нет. Мои боги спелись с Великим Апри, и продолжили издеваться. За что?!

Во время того разговора, я в сердцах задала этот вопрос Халнеру, он заговорил про ересь, костры и линзы. Про ненадёжность личины Аделаиды Адони. Про спокойную, сытую, уютную жизнь в театре. Про моё незнание многих Мерранских реалий, от природы до законов, а также общественных норм. Про хороший коллектив, друзей, защиту… Короче, не понял и половины из того, что сводило меня с ума.

Я опять начала расхаживать по узенькой «каморке». На источниках Цитадели мою боязнь замкнутого пространства подлечили капитально. Но всё равно уже начинало плохеть. Слишком долго тут, слишком долго… попробовать поспать, что-ли?

Найдя мысль дельной, я устроилась в уголке рядом с окошком и набросила на себя лёгкий полог пространства. Чтоб не тратить силы на поддержание маскировки, закольцевала «плед» на небольшой камень Кади, который повадилась носить собой, как подвеску на браслете. На счёт этой привычки Халнер тоже высказывался весьма нелицеприятно, опять что-то про ересь, Духов и так далее. Зануда он всё-таки, каких поискать.

Уснула я быстро — то ли успокоило бумканье ног поезда о землю, то ли просто устала. Поначалу снились тренировки, бои, переворот, бегство, покушение, убийства, детство, пропитанное горечью и чувством вины за то, что изменить не в моих силах. Кажется, я даже начала кричать. Потом мрачные картинки залил солнечный свет, теплый и мягкий. Рядом с ним растаяла тоска, и наступил долгожданный, полноценный и радостный сон.

Разбудило меня настойчивое тыканье в спину.

— Кети! Кети! Ну Кети же! — упорно басил голос, — да что ты будешь делать, а! Кети, приехали!

Мыча ругательства, я повернулась и приоткрыла один глаз.

— Ну наконец-то! — Отто, занявший почти весь проход, опустил руку и тут же ударился локтём об лесенку на верхнюю полку, — ййййй… вставай давай, ценный кадр! Трогать тебя, видите ли, не велено, а времени уже нет!

— Вот, чайку попей, чайку, чайку, на травах, — закудахтала Лилиан.

После того, как они с Отто обвенчались в Лесном, юная

клоунесса не отходила от мужа ни на шаг, и при этом старалась показать всем свою хозяйственность. Делала она истинно женским способом — через еду. И питьё.

Я хлебнула из протянутой фляги кислую жижицу. Поморщилась, слезла вниз. Голова не болела, но слегка кружилась, словно её приложили чем-то тяжелым. Однако на ощупь всё цело.

— Давай, давай, поторопись! Ребята уже все твои вещи вынесли! Иди вперёд, иди! Подстрахую, если что!

С этими словами Отто погнал меня по узкому проходу на выход. Лилиан семенила следом, и что-то неразборчиво пищала. Но вот мы пробралась до самого конца секции, пропахшей трёхдневным пребыванием людей, и вынырнули на свежий воздух.

На улице, вокруг груды вещей, толпились артисты, а вокруг них — телеги с острыми, покрытыми чем-то вроде панциря, ногами. В воздухе пахло потом, водорослями, и… пространством. Перекинувшись несколькими фразами с Маро, я повертела головой, выискивая источник *запаха*. Люди? Вещи? Гусеницы? Потом увидела ярко-синюю полосу, что блестела между колоннами. Она выгибалась, искрилась, и подмигивала слепящими огоньками. И — невероятно, но факт! — пахло именно от неё.

Не думая, что делаю, я свернула пространство.

Вода? Неужели это вода? Неужели это возможно — столько воды? Ярко-синие барханы водной пустыни круто выгибались под ласками Ветряного бога, и с ликующим грохотом разбивались о край высоченного обрыва. Я оперлась на перила и глянула вниз. Боги! Как там в этой древней ереси про Духов? Живая планета? Ещё бы не поверить! Вот же оно, жидкое сердце, стучит о скалы, а горизонт изгибается, как грудная клетка. Сквозь волнистую, рубцеватую кожу с тысячью пенистых шрамов, слышатся голоса. Много зовущих голосов…

— Э-эй, ты куда!

Запыхавшийся Маро схватил поперек талии и оттащил от края.

— Допилась совсем?! Бегай ещё за тобой! На вот, опохмелись, полегчает.

Я покривилась, но выпила: не объяснять же про голоса.

— Угу, спасибо. Да… я так… Просто красиво…

— Красиво ей, угу. Пошли давай, потом полюбуешься. Всё равно вид на порт гораздо лучше, потом сходим, покажу.

Я вздохнула и пошла обратно к вещам — встреча с чудом явно откладывалась.

Как выяснилось, ненадолго: театр разместили почти в центре города, а здесь, в Порте-Западном, центром было оно. Море.

С высоченного утёса Главной набережной открывался потрясающий вид на гавань. Морские рыбокорабли не шли ни в какое сравнение с речными. Живая рыбья плоть обволакивала деревянные либо железные скелеты, образуя внутри множество помещений, как в поездах. Однако, вместо гладкой кожи или коры, корабли покрывала плотно пригнанная чешуя на боках и деревянный, а кое-где и металлический, настил на спинах. Ещё у… эээ… существ росли «крылья». Они смахивали на мембраны, которыми прикрывали пассажиров на реках, и тоже размещались на спинах между тонких косточек, но никуда не закручивались, а стояли прямо и поворачивались во все стороны, ловя ветер.

Ветер — главный обитатель Порта Запад. Невозможно пройти по переулку и не хлебнуть пару-тройку порывов за воротник. Но, в отличие от Дельты, стоявшей на болотах, здесь вместо рыбы пахло солью. Острый запах оказался вездесущ: пропитывал одежду, камни, мембраны окон, вклинивался в ароматы любых специй. Казалось, солью пахнет всё, даже лучи солнца, играющие на далёких волнах. И, глядя на их непредсказуемую чехарду, я стала всё чаще думать, что начинаю потихоньку любить этот чужой, холодный, пугающий, но такой красивый мир.

* * *

Длинное Мерранское лето клонилось к закату. Левый месяц становился всё тоньше и тоньше, и южные ветры с ледника уже начинали подгонять тучи к побережью. Но в полдень солнце припекало всё так же сильно, превращая прогулки по бесконечным улочкам-лесенкам портовых кварталов в довольно нудное занятие.

— Ну, вот и пришли, — пробормотал Маро, пролезая между зданием какого-то склада и разболтавшимися листом металлического забора.

Вздохнув, я полезла следом. Мы оказались на довольно узком уступе скалы, заваленном досками и мусором. Десяток шагов направо — почти вертикальный обрыв на другой складской уступ, два десятка налево — двери. Высокие, металлические, и очень обшарпанные. В одну из этих клёпанных пластин и постучал Маро: три коротких стука, пауза, четыре длинных, и скрежетание ногтями по облупившейся краске. В ответ за дверью что-то щёлкнуло. Маро потянул за ручку и цыкнул, подзывая меня. Мы шагнули в прохладную, но душную темноту.

— Проходите-проходите, — прозвучал басовитый голос, — только дверь прикройте, пожалуйста.

Железо щёлкнуло о железо, свет за нашими спинами исчез. Однако впереди несколько широких лучей сочились сверху, будто из дыры в потолке. Каком потолке?! Там же скала! Опять, наверняка, что-то живое налепили.

Пока глаза привыкали к сумраку, я ощупала пространство Зрячим чутьём. Стол, стулья, двое человек. Высокие и длинные полки с каким-то коробками. За нашими спинами, у самого входа — кадарги. Воруженные. Тааак…

— А мы уже начали волноваться… Присаживайтесь, — продолжил полубас.

— Свет Лия, мастер Рейнар, здравствуйте, — Маро дёрнул меня за рукав и потянул за собой к столу, — извините, подзадержались…

Прошлым вечером Маро долго скакал, уговаривая меня сопроводить его на очень-очень важную встречу. «Ну не могу тебе сказать, какую, но очень нужна твоя помощь, ну очень, ну прям ваще нужна». Скрепя сердце, я согласилась, но на всякий случай пришла с кучей клинков в рукавах, сапогах, и ручным скорострелом в подпространстве. Мало ли, что там этот озабоченный учудить вздумает. Недавно, вот, выкрадывали закладные на дом его очередной пассии. Чуть не попались домовой страже, если бы карман пространства вовремя не свернула. На двоих, причём. Чуть копыта не откинула от напряга. Интересно, во что братишка втягивает меня на этот раз?

За круглым колченогим столом сидели мужчина и женщина. Детали терялись в полумраке, но в целом одеты не броско, но чисто. Мы с Маро уселись напротив.

— Ну что же, свет Аделаида, рады познакомиться, — удивительно, но басовитый голос принадлежал женщине, — у нас к вам деловое предложение.

— Хм. У вас целый порт помощников, причем тут я?

— Увы, нам оказалось трудно найти человека, который обладал бы хотя бы толикой ваших талантов. А наш юный друг очень рекомендовал именно вас.

Я плотно сжала губы, взглянула на Маро. Тот с совершенно каменным лицом смотрел перед собой.

— Ммм… Интересно. И что же вы хотите предложить?

— Завтра в ночью в порту… будет урегулирован некий… вопрос с грузом, — заговорил мужчина.

Он слегка картавил и делал продолжительные паузы, от чего речь получалась растянутой и важной.

— Всё в рамках закона, но… грузу необходим… ммм…

деликатный подход. Мы бы очень просили вас присмотреть и…. в случае чего… оказать… *пространственную* поддержку, скажем так.

Пространственную. Ох, и достанется кое-кому!

— Все случаи разные. Детали?

— Два часа по полуночи, пятый причал, — ответила женщина.

— Три циклиона… серебром, — добавил мужчина.

— Один золотом, — фыркнула я, — и язык юного друга в баночке.

Маро вздрогнул, словно ему двинули между ног.

— Один циклион золотом, сделка. Но язык юноши нам ещё пригодится, — мягко улыбнулась женщина.

— Сделка, — мрачно сказала я.

Вскоре мы с Маро вышли на улицу. За ближайшим углом я шмякнула его спиной о стену и смачно врезала коленом поддых.

— Трепло!

Бросив корячащегося «братца» восстанавливать дыхание, я потопала обратно в театр, проклиная тот день, когда… Да всё на свете проклиная. Хоть размяться и не помешает, конечно, да и деньги н лишние. Однако за тот короткий период, что мне пришлось поработать по найму, я научилась разбираться в клиентах. И вот *таких* клиентов я вегда старалась держаться подальше.

Впрочем, договор есть договор. Продумав, какое оружие взять и какие камни могут пригодиться, я на следующий день собрала всё, что нужно. Договорилась с Маро, чтобы прикрыл моё отсутствие, если что, и завалилась спать раньше. Однако, когда через несколько часов под подушкой заорала птицежаба, я уже не спала: привычка просыпаться через нужное количество времени работала до сих пор.

В предрассветные часы с моря поднимался туман, и неприятно просачивался под одежду. Глухая стена, небольшая железная дверь. Не заперта, но и не смазана. Скрипу-то! Замереть, прислушаться. Всё спокойно. От металлической стены слева пахло ржавчиной, прогорклым маслом и человеческой мочой. Справа высились уступы склада, выдолбленного в скале. Под ногами перекатывались мелкие острые камешки, где-то над головой подвывал ветер.

Узкий проход привёл на пристань, от которой выдавался в море длиннющий настил на сваях — пирс. Он уходил так далеко, что росшие на краях столбы с шарами тусклого желтого огня сливались в одну цепочку. Рядом с ней в темноте громоздились силуэты рыбокораблей. То там, то сям пробегали блики, которые

отражались в чёрной, вечно неспокойной воде. Я поёжилась, стараясь не слушать далёкие голоса в прибое. Доконает меня это их море когда-нибудь!

За углом склада стояла телега. Обычная портовая телега — восемь крабьих ног, управляющая рамка, идеально ровный пацирь. Большие ящики свежеструганного дерева сложены в аккуратную пирамиду. У самого передка телеги, сгрудились три человеческие фигуры, явно подкармливая живой транспорт.

— Тарволы вылупляются в горах, — негромко сказала я, тщательно проговаривая звуки Простого языка.

— Вот гады какие! — ответил приятный низкий голос, с чуть шепелявыми нотками уроженца равнин, — ха! слышь, Левый? Тарволы у них в горах… И это при том, что монторпы наводнили побережье!

— Да ваще капец. Шар, ещё кусок давай, — произнёс другой подельник, чья высоченная фигура чётко вырисовывалась на фоне моря.

— Ещё? Во тварь прожорливая! — ответил третий мужчина, судя по голосу, самый молодой, — добрый вечер, свет Адель.

— Лучше Ада, — поморщилась я, — а ты, значит Шар?

— Да. Он Шар, вот этот дылда — Левый, а я — Старший, — ответил первый голос, — а Старший я потому, что главный. Приятно познакомиться.

— Взаимно. Груз как?

— Да никак. Всё шкурники сидят пока, лясы точат.

— Баста! Идут! — прервал Шар.

Подельники тут же смолкли, наблюдая.

С ближайшего рыбокорабля спустились люди в форме. Сев на небольшую пассажирскую телегу, они укатили по пирсу до следующего судна. Вскоре после отъезда «шкурников», началась суета. Несколько бескрылых металлических птиц ожили, начали подхватывать огромными клювами различные ящики, перенося их с корабля на плоские телеги, подобные нашей, и тоже с экипажами по трое. Получив груз, телеги бежали к складу слева, и возвращались обратно к кораблю пустыми.

Как только началось это движение, Старший взобрался на специальный выступ панциря и взялся за большую металлическую рамку. Затем вывел телегу как можно ближе к фонарю. Заметить человека рядом с таким ярким конусом трудно: шарики огня трепыхались перед большим листом отполированного железа, отчего весь свет уходил на дорогу, слепя любого, кто посмотрел бы в нашу сторону.

Через несколько минут одна из телег начала прихрамывать. Выйдя из потока под фонарь, её экипаж соскочил на землю.

Повозившись с живым механизмом, люди начали снимать груз, ставя его на границу света и тени.

Старший подал знак.

Я двинулась вперёд, расставляя кристаллы иллюзий. Злостное использование казенного имущества, да. Ну и что? Иначе пришлось бы сворачивать пространство вокруг телеги и троих мужиков. Во-первых, неизвестно, смогу ли я это сделать, а во-вторых — обойдутся.

Подмена не заняла много времени. Ящики с корабля перекочевали в нашу телегу, а наши — в «корабельную» кучу. Едва дело закончили, Старший тронулся прочь. Я только и успела, что подобрать камни и заскочить на тёплый панцирь.

— Знаешь, я квартерон по Зрячим, но не почувствовал никакой свёртки. Ты чё делала? — спросил Левый, устраиваясь поудобнее.

— Иллюзию отсутствия.

— Иллюзию? И этого достаточно? — недоверчиво спросил Шар, — точно?

— Точно.

— Чем докажешь?

Я сжала в ладони камень и сваяла светящегося монторпа, сидящего на ящиках. Не в натуральный размер, а так, для острастки.

- *****! — Левый чуть не упал с телеги, — убери эту дрянь!

— Ничо се могёёёт, — протянул Шар, — слышь, а…

— Харэ до девки докапываться, — обронил Старший, — Ада, прикрывай на звук. Чёт эта тварь трещит больно громко…

Он был прав: телега въехала в «ущелье» между складами, и теперь эхо металось среди железных и каменных стен. Моментально развеяв монторпа, я накинула иллюзию тишины. Не молчальник, конечно, но и так сойдёт — слушать-то особо некому.

Чуть оскальзываясь на выпавшей росе, телега выбралась на верхний карниз. Отсюда в город вело несколько ворот, через одни из которых и должны выпустить телегу. Поворот, другой, и мы вынырнули на неказистый забор. Кривоватые створки железных ворот заперты на цепь, над ними — тусклый фонарь, в пропускной будке — свет.

— Отпускай иллюзию, — приказал Старший.

Он оказался крепким мужчиной среднего возраста. Густой ёжик чёрных волос забавно примялся, как будто кто-то начал делать сложную причёску, но передумал. Я присмотрелась к другим подельникам. Левый сгорбился в дальнем углу, сразу за «козлами», свесив длиннющие ноги с панциря. Рядом со мной

пристроился Шар — почти мальчишка, с открытым мясистым лицом, которое он промокал скомканным платком неопределённого цвета.

Старший пнул телегу между панцирными пластинами, крабьи ноги обиженно заклацали по камням. На этот звук дверь сторожки отворилась, и на крыльцо вышел…

— Эй, пацан, а где старый Хрол?

— Перекинулся нынче вечером. Документы предъявляем.

Подельники напряглись. Старший порылся за пазухой и аккуратно вынул несколько помятых листов. Борт кожаной куртки при этом остался отогнут.

— Хм… — парень внимательно начал читать, — хм… травы, мясо… почему посторонние на грузе? — кивнул он на нас, — и вообще, перевозка не по правилам… Прак!

Из сторожки появился второй человек, неопределенного возраста, чуть одутловатый. От него разило перегаром и мочой.

— Чего орёшь? Какие пробле- оп-па…

Едва оглядев телегу и встретившись взглядом с Левым, он метнулся обратно в домик. Вовремя: в дверь вонзился болт.

— Второго вали! — крикнул Старший, спрыгивая с козел.

Впрочем, его подельники и так уже взбегали на крыльцо: Левый — со скорострелом, Шар — с двумя большими ножами. Я же пристроилась за ящиками с другой стороны телеги и приготовилась, в случае чего, юркнуть в щель между складами. А с какой стати вмешиваться? Мне не за это платили.

Через несколько минут всё было кончено: парня на крыльце зарубили Старший и Шар, убежавшего в сторожку мужика застрелил Левый. Но успокаиваться оказалось рано.

— Ворота, быстро! Ублюдок вызвал стражу! Ада, прикрывай!

Грохот цепи, скрип петель, клацание ног по упругому камню улицы… До ближайшего поворота. Навстречу — несколько городских стражей на боевых буйволах.

- *****!!

Старший дёрнул рулевую рамку так, что телега встала на дыбы. Ящики угрожающе заскользили. Я опомнилась, усилила иллюзию. Поздно: над головами просвистело несколько болтов. Нас заметили.

Резкий разворот. Панцирь чиркнул по мостовой, перестук крабьих ног превратился в гул. Надо же, как быстро эта штуковина может!

Преследователи не отставали, стреляли наугад. А болты — не глаза, их не обманешь. Как и Орры. Я скривилась от внезапной боли в пояснице и опёрлась на ящики. Кристалл впал из рук, два других почти тут же перестали подчиняться. Где-то глубоко

внутри раскалённые нити начали вгрызаться в плоть. Неужели на граничное расстояние подошли? Только этого не хватаааа…

— Ада, мать твою! — заорал Левый.

Два болта свистнули рядом.

— Аааа… Пресветлые Духи… — застонал Шар, зажимая бок и оседая на ящики.

— К-куда… м-мы… Орррррыыы… — прохрипела я.

— На Тройку. Держись! Скоро!

Телега сделала крутой вираж на узком пандусе, втёрлась в щель. Края панциря высекли искры. Жжение в теле усилилось, ноги подогнулись. Новый вираж. Крики, скрежет, полёт в смрадную темноту….

* * *

Очнулась в дурном настроении. От долгого лежания на животе спёрло дыхание. Лоб и подбородок основательно прилипли к кожаному подголовнику с большой дыркой, которая выходила на пол из рыжих, плотно пригнанных плиточек. Видимую часть стены тоже покрывали плитки, только крупные и белые. Сверху лился мертвенно-бледный свет.

Кряхтя, я приподнялась на локти, и начала переворачиваться. Чьи-то сильные руки прижали плечи обратно.

— Погоди вставать, ходить не сможешь, — раздался мужской голос.

Фразу сказали на Простом языке с очень, очень внятным выговором.

— З-затекло всё! — ответила я на Высоком.

— Руки под подбородок, и достаточно, — вздохнул голос.

Высокий язык ему явно был привычней.

Тихо ругаясь, я послушалась. Стало полегче. Так, теперь бы голову повернуть, глянуть, кому там лапы пообламывать.

Рядом с койкой сидел невзрачный человек в светлой одежде и белом переднике с кучей застиранных ржавых пятен. В руках человек держал часы и большую не то иглу, не то спицу. Ещё несколько таких же штук лежало на прикроватном столике.

— Кто вы? Где я? Что со мной?

— Ты не поверишь, но у тебя Орры, — не отрывая взгляд от часов, человек с хрустом размял шею, потом нагнулся вперёд и больно кольнул в поясницу, — хорошо ребята вовремя доставили, ещё немного, и перекинулась бы.

Я хмыкнула и попыталась устроиться поудобнее. В этот момент послышался звук открывшейся двери.

— Здорово, Лысый! О, клиент очухался? Сколько уколов осталось? — спросил кто-то, по голосу похожий на Старшего.

— Клиент живуч, — врач снова зашепелявил на Простом языке, — ещё два, и на сегодня всё.

— Отлично. Тогда я сам справлюсь, мне с ней поговорить надо.

— Как скажете.

Врач удалился. Хлопнула дверь, в поле зрения появился Старший.

— Ну, с добрым утрецом, Ада. Как самочувствие?

— Да ничего вроде. Только эта проволка грёбанная чешется. Вы с ней что делаете, позволь узнать?

— Ослабляем как можем. О, время.

Старший взял иглу и кольнул меня в поясницу так, что пришлось впиться зубами в собственную ладонь, чтобы не заорать.

— Так… угу… Ещё один укол остался. Это мы постепенно убиваем механизм. Но за один раз всё сделать невозможно, носитель перекинется. Так что следующий сеанс у тебя через полциклиона… Ну, это если сговоримся, конечно. Кстати, вот оплата твоя. Мы тут вычли за провал с погоней, добавили за ранение… в сумме то же.

Я внимательно пересчитала деньги. Хмыкнула, легла поудобней: деловые разговоры лучше вести в комфорте. Ещё бы задницу простынёй прикрыть, да.

— Значит, вы можете снять Орры?

— Ну, не совсем снять… Обезвредить, скорее. Это долго. Таких сеансов, как сегодня, понадобится добрый цикл.

— А в обмен?

— Вот это я понимаю, деловой подход! — засмеялся Старший.

Потом он посмотрел на часы и ткнул меня иглой ещё раз.

— На сегодня всё, можешь вставать. Ну а по поводу сотрудничества… Небольшие необременительные задания.

— Такие же, как сейчас?

— Ну… Это, скорее исключение. Но принцип тот же — прикрывать. Только стационарно. Согласна? Тогда сюда смотри.

Старший вынул из-за пазухи листик и огрызок карандаша. Написав несколько слов, показал пароли.

— Запомни хорошенько. С тобой свяжутся.

Он скомкал листок и щелчком отправил бумажный шарик в светильник под потолком. Пламя жадно заглотнуло подкормку.

— Сама не суйся, пока не спросят.

— У меня своих забот полно. Слушай, а как тут у вас со

жратвой?

— Обед по расписанию, — подмигнул Старший.

Хлопнув меня по плечу, он ушел. Вскоре вернулся с помятым свёртком и кружкой. Я с подозрением принюхалась. Так-так… ну конечно. Пара кусков хлеба из рыбьей муки намазаны пастой из морских гадов. Плюс кружка пива из водорослей. О боги, куда вы меня занесли, а?…

Аркан IV. Хозяин
Глава 16. Реликтовая фауна

Если не считать историю с телегами, постой в Порте-Западном прошло спокойно. Театр пробыл в городе несколько десятков дней, пока диск Атума не исчез в лучах Апри. Это значило, что уже скоро праздник Касания и начало холодного сезона Мерран, то-есть, здешних осени и зимы. Поскольку зимовать Дарн планировал в некой долине Хейдар, откуда родом почти вся труппа, затягивать с отъездом не стали. Буквально через пару дней после афиши «последнее представление!», караван двинулся по Прибрежному тракту на юг, вдоль берегов Пенного залива.

Места здесь были красивые. С запада тянулся обрыв Озёрного плато. Желто-бурые полосы твёрдого камня перемежались с белёсо-серыми слоями мягкой породы, чью плоть охотно пожирал ветер. Под обрывом, на узкой песчаной полосе, росли чёрные сосны, сочащиеся с ароматной смолой, и жесткая трава, в которой я повадилась регулярно прятаться от ветра и посторонних глаз. Удобно: взбираешься на гребень прибрежной дюны, выбираешь место, топчешься чуток — и пахнущее песком и солью прибежище готово. Можно сидеть в маленькой кампании, поедая запеченные клубни водорослей, можно валяться вдвоём, задыхаясь от наслаждения, а можно просто сидеть в обнимку с бутылкой. Главное, никто не найдёт.

Я вырвала зубами пробку, приникла к холодному горлышку. Наконец-то нормальная настойка! А то к кому ни пойди — все мерзостный фруктовый отвар подсовывают. О здоровье моём, говорят, заботятся. Лучше бы за собой следили, а не за чужим рационом! Вон как расцвел дурнопахнущий цветок по имени Ячейка Сопротивления, и всем теперь головная боль.

Да уж. Знай я раньше, что мои друзья Эвелин, Маро, и Отто во что-то такое вляпались, вломила бы за неразумие. Но вляпались они давно. Остаётся лишь наблюдать и… сотрудничать. Потому что специалисты, которые снимают Орры без ключа, тоже работают на «борцов с режимом». Обычную подпольную клинику организовать не могли, а! Обязательно политику приплести надо!..

Отставив бутылку, я потёрла лицо, помассировала глаза. Потом отвела руки, и начала разглядывать ладони. Узорные линии Орр — на тыльной стороне, переплетение линия — на внутренней. Боги, боги. Опять ваши злые шутки. Я, на

собственной шкуре испытавшая, что делают со знатью во время переворотов, теперь помогаю одурённой красивыми словами черни в такой же «справедливой борьбе». Которая неминуемо закончится кровью — и хорошо, если малой. Инквизиция — организация серьезная. Вон, поймали же бойцов некоего Санитарного отряда на сбыте имущества разорённого ими же монастыря. Нашли же как-то. Это при том, что единственный свидетель в лице меня никуда не обращался и не болтал. Значит, умеют. Значит, могут. Значит, действительно, следят…

И правильно делают. С одной стороны, молоть языками, осуждая всё и вся — для народа прекрасная разрядка. С другой, всегда есть риск, что найдётся некто умный, кто объединит чешущихся идеалистов. Объединит и поведёт к мечте. Только не их мечте, своей. По дороге, вымощенной убийствами друзей и родных, которые неправильно говорят и неправильно думают. Через головы выживших, но навсегда мёртвых детей, хватавшихся за окоченелые руки родителей. Через кровь, бесконечную и бессмысленную. Через унижение и боль, которые никогда не стереть из памяти…

Через всю ту пафосную жуть, в которую невозможно поверить, пока она не случится с самим тобой, случится здесь и сейчас… только вот верить станет поздно.

Залпом допив остатки настойки, я съехала с дюны на пляж. Заковыляла к прибою на отсиженных ногах. Не дойдя нескольких шагов до пенной кромки, нагнулась и зачерпнула искрящийся красным песок. Наполнив бутылку до половины, зашвырнула её далеко в море. Красиво полетела! И пусть Эвелин удавится со своей бережливостью. Трясётся над каждым пузырьком, понимаешь.

Я вздохнула, наступила на пенный барашек. Эх, Эвелин. Почти не разговаривает со мной с той ночи, когда на караван напали, а я зарубила раненого разбойника. Ах, как жестоко! Ах, как бесчеловечно! При этом гибель семьи лорда, взорванного в Дельте, нисколько Эви не смутила. Ещё бы! Чай, не оголодавшие после Эпидемии крестьяне, готовые перерезать глотку за кусок хлеба! Крестьян ей жалко, а знать — нет… И не объяснишь, что чем выше род, тем больше границ и условностей, и что оковы крови — привязочка похуже Орр. Но… если уж говорить о крови… Может, она из-за Халнера так? Но я ведь и правда не знала, что он её отец…

Вот уж, и правда, театр. Никогда не угадаешь, кто есть кто на самом деле.

Откатившись, прибой фыркнул и обдал горькой пеной с головы до ног. Да чтоб тебя! Я отпрыгнула и начала отряхиваться.

— Ну, добрый вечер, душа побережья, — из-за дюн выкатился Трен.

Я глянула на блестящую лысину, на выглаженный платок в красную клетку, которым клоун вытирал пот, и в очередной раз поразилась, что именно старый, озабоченный клоун, не пропускающий ни одной юбки, и есть глава театральной ячейки Сопротивления.

— Что-то мы, кажется, давненько книжками не обменивались, а?

— Протри глаза, если кажется.

Я демонстративно развернулась к морю. Зачем только вышла на открытую местность? Разговаривай с ним теперь. Не хочу. Особенно про «журнал наблюдений» за тем, какая почта приходит в театр — для кого, от кого, в каких конвертах. Дело-то простое, только таить его от Халнера чем дальше, тем гадостней.

— Спасибо, Кетичка, у меня со зрением всё в порядке. А вот ты, цветочек, полегче бы в выражениях. Всё-таки, камойра по дезертирству — это почти ересь. А уши, знаешь ли, везде вырасти могут. Вместе с языками. Быстренькими-быстренькими такими.

С трудом сдержав грубость, я глубоко вдохнула и выдохнула. Камойра. Ну да.

По законам Мерран, полнокровных Зрячих не подвергали Перерождению, не ссылали на рудники, не пороли у позорного столба. Высокие здесь отделывались штрафами и домашними арестами. И только за серьёзную доказанную ересь полагалась линза. В случае же «лёгкой» ереси, либо жестоких убийств, высокородного преступника лишали всех прав и привилегий, будто перерожденца, и заточали в монастырь — принудительно размножаться. Кроме того, таких осуждённых разрешалось держать в Оррах в качестве прислуги.

Весной Дарн с Халнером «догадались», что я такая вот камойра. Это помогло и помешало одновременно: с одной стороны, Дарн не мог не уважать моё происхождение (подробности которого я, конечно, отказалась рассказывать), а с другой, не упускал повода изысканно поглумиться, зная, что у меня нет никаких прав. А теперь ещё и трепаться начал, похоже.

— Пусть с владельцем разговаривают, — я помахала запястьем, на котором виднелись узоры Орр, — список будет позже. Сейчас мало приходит, смысла составлять нет. Так ты чего хотел-то?

— Предупредить, чтоб ты предохранялась лучше, а то Орры ослабевают. Кстати, если не продолжить убивать механизм вовремя, может парализовать… Тем более, что до Жемчужного далеко. Но не волнуйся, мы уговор выполним — слава Духам, у

Безкара есть всё необходимое. Вам надо только уединиться. Думаю, на днях очередной сеанс и сделаем. Согласна?

— Угу.

— Ну, вот и хорошо. Про завтра не забудь, пожалуйста. И не опаздывай, это самый важный ритуал Исхода.

— Угу.

— Ладно. Спасибо за беседу, рад был поговорить. В лагерь идёшь?

— Нет.

— Ну, как знаешь.

Трен ушуршал за дюны, а я уставилась на горизонт, стараясь ни о чем не думать. Потому что прикрывать контрабанду — ладно, бывает, всем кушать надо. Да даже если б ограбление прикрывала, и то как-то можно понять. Но маскировать собрания, на которых мало того, что несут галиматью про кровавый режим, так ещё и проводят мутные ритуалы? С молитвами за то, чтобы систему и власть «разодрать на клочки»?…

Только ради того, чтобы сняли Орры. Только.

Солнце почти село. Далёкий берег, который я разглядывала, утонул в вечернем тумане. Вдруг в основании позвоночника засвербело. Ой, вечернее собрание же! Дарн рвёт и мечет, поди. Надо идти: нельзя допустить подозрений, что Орры стали работать хуже.

* * *

Вечер в лагере начался, как обычно: душное шапито, дрессированные мелкие звери на вечерней «прогулке», весёлый Маро с местной девчонкой на коленях, серьёзный Отто, измученная и нервная Лилиан, зевающий Халнер… И директор. В ярости: планы изящного путешествия снова рушились.

Когда театр вышел из Порта-Западного, предполагалось, что путь по берегу Пенного залива до Жемчужного будет насыщенным, но коротким, и праздник Касания театр встретит на ярмарке — полноценной ярмарке, в кой-то веке без молитвенных запретов. Однако, досадные случайности то и дело задерживали караван: то жук лапу подвернёт, то дождик реквизит замочит, то кто-нибудь костюм сценический порвёт. Теперь вот несколько клоунесс серьёзно отравились недозрелыми фруктами, и загремели в лазаретный дом небольшого городка, где стоял сейчас театр.

На самом деле, это всё были не случайности, а Безкар. Полукровка от Рассветных плясок, он имел в жизни всё… но

увлекся политической ересью, и получил линзу. Потом казнь заменили на Перерождение, и Безкар превратился в склизский комокщупалец, растущих из безволосой головы, вместо носа и рта — клюв, вместо ушей — дырки. Типичный такой осмор. Но кровь Зрячих сыграла злую шутку: Безкар не забыл нормальную жизнь. И идеи, за которые попал на Перерождение, тоже. Поэтому, собравшись с силами, подключил бывших соратников по Сопротивлению, через них — ячейку в гастролирующем театре, и бежал. Ехал вот теперь в некую общину таких же беглецов, и попутно совершал паломничество по Пенному заливу, самому священному для Духопоклонников месту.

Фанатик, он в обязательном порядке влезал во все развалины старых храмов, мимо которых проезжал караван. Когда я спросила «зачем?», ответил что-то высокопарное про мольбу о возвращении Императора, которого Империя ждёт уже без малого триста лет, с самой Катастрофы. И что сейчас самое благоприятное время просить милости Духов: на носу праздник Исхода, когда они воплощаются в смертных телах. В завершение же речи добавил, что каждая истинно верующая пара, «сливаясь в единую пену на пенных судьбы берегах», имеет шанс породить Дитя Духов. Я, конечно, только поржала, Эвелин холодно вздёрнула подбородок, Маро стал более осмотрителен с тем, куда водить девок, другие ребята тоже поухмылялись… а вот Отто идеей загорелся, и теперь регулярно раскладывал свою молодую жену на ритуальных каменных лежаках посреди развалин.

Впрочем, именно сейчас Лилиан могла немного отдохнуть от супружеской прыти своего мужа: зачинать Дитя Духов оказалось попросту негде. Вместо того, чтобы забросить старые храмы, власти городка использовали их. Помещения древних святилищ переделали в жильё, в лавки, в склады, приспособили под сады, парки, огороды. Некоторые строения не просто не тронули, а даже обновили, и службы в них проводились и по сей день. Всё те же службы всё тому же Апри, которого Вирем Объединитель превратил из божества средней руки в единственного бога, доходчивый символ единой государственной власти.

По примеру достославного правителя, Дарн воспользовался своей единоличной и абсолютной властью, и назначил отъезд на послезавтрашнее утро, как и планировалось. Клоунесс же оставил в больнице, поправляться и догонять караван своими силами.

Ехали теперь быстро. Трен паниковал, осмор плевался, я злилась на всех и вся. Прошло целых четыре дня, прежде, чем мы с Безкаром и Маро «уединились» в подземелье заброшенного храмового комплекса, рядом с которым сделал остановку караван. Безкар вычищал Оры иглами, Маро развлекал меня,

отвлекая от боли, а я слушала «проповедь».

Дело в том, что больше всего на свете, Безкар любил пересказывать свою историю и ныть на тему публичных судов, которых нет, наказаний, которые слишком жестоки, закрытых следствий и казней в застенках Инквизиции. И про то, что только он, пройдя через этот опыт и выжив, теперь знает, как правильно сопротивляться преступной власти. Программа проста: убедить людей, что нельзя выбирать безопасность вместо борьбы, нельзя бояться бедности, крови, и уж, конечно, нельзя жалеть жизней — ничьих! — ведь речь идёт о свободе. Истинной свободе и свободном обществе, где нет разницы между рождённым и перерождённым.

Уши в трубочку! Под конец «сеанса» я почувствовала, что готова походить в Оррах чуть подольше, только бы не слышать эту муть. Бедная Лилиан, в чьей повозке живёт такая «радость»! Девушка ведь тоже не разделяла ни политическую, ни религиозную ересь своего мужа Отто. Каково ей постоянно выслушивать это всё? Тем паче, что Безкар оказался фантазёром не только политическим, но и «материальным».

Красную Смерть, по его разумению, нарочно выпустили из лабораторий. Переживших её — подчистили Санитарными отрядами, а потом и вовсе голод в некоторых районах устроили. Но Духи сохранили равновесие. Вместо того, чтобы прицельно бить по простому народу, зараза косила всех. Правда, Зрячие болели без язв и горячки, обычная простуда, никаких мук. Зато последствия страшней: стерильность. Теперь угнетатели, помешанные на чистоте крови, ступили на порог полного исчезновения. А вот Перерожденцы, наоборот, после перенесённой болезни приобретали возможность размножаться.

На счёт Зрячих не знаю, а вот страхолюдины, и правда, оказались не такими уж стерильными, как считалось. Я убедилась в этом воочию, когда Безкар, наконец, доехал до общины беглых перерожденцев.

Община располагалась на одном из подземных этажей храма Духов, который устроился в лабиринте пещер, выточенных подземными реками и морем, и в котором и прошла операция по ослаблению моих Орр. Когда она закончилась, и мы с Безкаром и Маро вывалились в общий зал, там царило ликование: принесли гостинцы.

— Вот, вот, кушай, маленький, — улыбаясь, приговаривала Эвелин, давая круглую булочку из водорослей молодому гибриду кадарга и осмора.

Проблеяв благодарность, существо схватило лакомство тонкими верхними щупальцами, и резво поскакало прочь. Тут же

на плечо Эвелин спикировал эбонет — чёрный мотылёк с кожистыми крыльями, телом волосатой гусеницы и крохотными рожками.

— Мнеееее! Еееее! — заблеяло существо, и ударило лекарку в ухо крохотным копытцем, — ллееееб!

Продолжая улыбаться, Эвелин выполнила просьбу существа. Однако, не успело оно слететь прочь, как откуда-то из недр очереди высунулось щупальце, схватило эбонета поперёк тела, и утянуло вниз.

— Простите, не доглядели, — пробасил кто-то.

Я присмотрелась, но ничего не смогла разобрать: щупальца, копыта, рога, крылья, и их невообразимые сочетания, сливались в мутный калейдоскоп. Я сглотнула тошноту и отвернулась.

— О, закончили уже? Поздравляю! — к нам подошёл Трен, — ну, как самочувствие?

— Восхитительно, — мрачно ответила я.

Морально, и правда, неплохо, а вот физически — нет. Копчик ломило, голова кружилась, в животе бурчало. Растревоженная проволка Орр разогрелась, и неприятно обжигала тело изнутри.

— Свет Кетания держится молодцом. Снимать осталось не так много, но ответственно, — пробулькал Безкар, — но я бы порекомендовал ритуальное утопление в Заливе.

Трен громко засмеялся и затряс головой.

— О, Без, я тя умоляю! Лучше пусть отоспится. А теперь давайте все познакомимся с Лирки. Ребята, это Лирки. Лирки, это ребята.

— Рады приветствовать, — раздался звонкий голос, и из темноты выступил…

Человек.

Просто человек. Среднего по меркам Мерран роста, среднего сложения. Молодой, почти мальчишка. Рубаха и штаны грубого полотна висят мешком на нескладной фигуре со слишком длинными конечностями. Но что конечности по сравнению с глазами! Которых не было.

Ну, то-есть были, но не те. Не человеческие.

— Ооо… приветствую вас, Воплощение Духов! Моё имя Безкар, и встретить вас великая честь для меня, — Безкар склонился в глубочайшем поклоне, едва не пропахав клювом землю.

— Д-добрый день…, - неуверенно произнёс Маро.

— Зз-здравств-вуйте, — выдавила я.

Боги. О боги. Небесный воитель. Что. Это. Такое…?!..

— О, Безкар, да ты сама проницательность! — хохотнул Трен, — и хорошо, что ты здесь. Лирки ещё молодой, ему нужна

помощь наставника на пути истинной веры. Ты, я думаю, точно сможешь помочь. Так что… да, можно. А, Маро, стой! Сначала помоги Отто с корзинами, вон он в углу копошится.

Маро ускользнул прочь. Лирки и Безкар начали беседовать о религии, и тоже отошли. Я, наконец, вышла из оцепенения.

— Трен, Трен, это… это что? Это… это кто такое? — голос не слушался, пришлось говорить сдавленным шепотом.

— Дитя Духов. В нём воплотился кусочек души планеты, — серьёзно ответил Трен, — что? Нет, Отто не в пролёте. Душа Мерран огромна, у неё может быть множество детей. Они появляются постоянно, но только один из них сможет побороть человеческие страсти и стать Императором. Их так и называют, кстати, «личинки Императора». Так что давай-ка поуважительней. На всякий случай.

— Угу.

Уважительно постояв ещё немного, я уважительно поинтересовалась у Трена, как отсюда побыстрее выбраться, и, уважительно поблагодарив, уважительно ускользнула в боковой коридор, бормоча самые уважительные ругательства на всех четырёх известных мне языках. Торопилась так, что даже фонарь забыла. Из уважения к темноте и её обитателям, не иначе.

* * *

В прохладе и темноте, я быстро пришла в себя, самочувствие тоже улучшилось. Без фонаря ориентировалась по пространственному чутью, которое в последнее время обострилось, как никогда. Шла быстро и уверено, по пути срезая светящиеся грибы *тикайры,* которые постоянно искала Эвелин.

Выемки пола, выщерблены стен, кладовки, не горящие светильники, ритуальные ниши текли перед внутренним зрением, подобно водному потоку. Я настолько залюбовалась «зрелищем», что свернула не в тот проход — то ли третий вместо пятого, то ли пятый вместо шестого — и вместо вентиляционного хода, оказалась в тупичке, который кончался потайной дверью.

Замок оказался совершенно нетипичным для Мерран, то-есть, механическим. Когда нашелся нужный камень, и кусок стены с диким скрежетом уехал в пол, я замерла на пороге, давая глазам привыкнуть к свету. Помещение под грязнущим куполом имело круглую форму, и походило на кабинет: высокие шкафы с открытыми полками и массивный стол напротив двери, ещё один шкаф, уже с дверцами, и скамья — сзади и справа. Сделав по комнате пару кругов, и пооткрывав дверцы и ящики, я

остановилась в задумчивости. Пыль, тлен, скорлупки какие-то. На первый взгляд, ценностей нет…

Сосредоточившись, я медленно обошла кабинет ещё раз, щупая пространство. Не обнаружив ни одного тайника, выругалась вслух. Ещё бы, столько сил потратить, и зачем? Ну ладно. На двери замок механический, может, и тут тоже.

В шкафу рядом с дверью не обнаружила ничего, кроме парочки полуистлевших плащей. Скамья оказалась из цельного дерева. Ни полостей, ни прилепленных снизу бумаг. А вот с открытыми полками интересней. Книги, но не слишком много, и все — большие и тяжелые, на той самой маслянистой Мерранской бумаге, которую не берёт ни плесень, ни тлен. Гладкие страницы испещряли совершенно незнакомые знаки. Кое-где лежали закладки — изящные кусочки расписанной кожи, ссохшиеся от времени.

Почесав в затылке, я решила оставить библиотечку на месте: старые книги это, конечно, ценность, но кому и как их продавать? Тем более, что они вообще не понятно, о чём, и на каком языке. Может, только узким специалистам и интересны. Каким-нибудь по ереси, например.

Со столом повезло. Массивный, с двумя тумбами, он мирно дремал под толстым слоем пыли. Старые замки на ящиках поддавались один за другим. Пусто, только пыль и молочно-белые скорлупки размером с ноготь. А потом я нашла двойное дно, под которым лежала плоская костяная коробочка. Её выстилала ткань *кольри*, на которой посверкивали два небольших кристалла Кади, и… толстая пластина *меррила*. Ого! Это же чуть ли не годовая получка в театре, а то и больше! Возьму, всегда можно толкнуть ювелиру.

Улыбаясь, я поднялась на ноги, потянулась… да так и замерла с поднятыми вверх руками: дверной проём затянула толстенная паутина. В её центре сидел огромный паук с человеческой головой. И смотрел, не мигая. Двумя человеческими глазами и двенадцатью паучьими. Скрестив две мохнатые лапки, существо тихонечко раскачивалось на своих «качелях», словно чего-то ждало.

Медленно-медленно, не отвозя взгляд от противника, я начала опускать предплечья. Завела правое за голову, левое вывела вперёд. Подпространство, метательный нож. Бросок, прыжок…

Звон металла по полу. Отбив клинок, человекоголовый паук принял прежнюю позу. Снова начал раскачиваться, но уже ритмично. На стене слева появилось такое же существо. И ещё.

Вздрогнув, я сделала шаг назад. Что-то зашевелилось справа.

Из тени шкафа вышел ещё один паук, из-под стола — ещё, и следующий спустился с потолка.

Из каждой тени, щели, укрытия, ползли человеческие головы на паучьих телах. Но вместо того, чтобы нападать, существа расселись по комнате, и начали *смотреть*. Во все десять рыл. Двенадцать… тринадцать… двадцать… Боги, да что же это?!

Сглотнув кислый комок, я отшагнула влево от стола. Сжала рукоять второго, более длинного и острого ножа. Не меч, но всё ж оружие. О Небесный Воитель, приготовь мне место в чертоге своём…

Вдруг в голове начался страшный шум, будто кто-то одновременно скрежетал металлом о металл, и шипел, как кошка. Потом из какофонии выделился сиплый хор:

— Нельзя страх, нельзя… Не трогать яйца, не трогать… Ждать Праматерь, ждать…

Я зажмурилась. Какие милые глюки. Ну ничего, сейчас меня тяпнут, яд разойдется по организму, боль уйдёт, меня съедят, но я уже ничего не почувствую.

— Шшшшшшшзззззз!

Пронзительно свистя, из дверного проёма появилось новое существо.

На сей раз, человекоподобная голова сидела не на паучьем теле, а венчала женский торс. Кожа давно сморщилась и обвисла, как старая одежда. Несколько свистящих звуков — и мелкие пауки удалились в темноту коридора. Новое существо подшкрябало ко мне.

— Приветствие, Избранная, — проговорил голос в моей голове, — простить дети Пауров, напугать.

Голос низкий, скрипучий, глухой.

— Давно не видеть люди. Хороший нюх, счастье. Яйца трогать нельзя, помнить.

Я попятилась.

— Зачем приходить Избранная? — продолжал голос, — зачем неправильный люди приходить? Зачем занять верхний зал? Ты с они?

Ну всё. Точно рехнулась. Хотя… монторп побери, а это весело!

— Нет, — прохрипела я, — кхм… кхм… Нет. Я их знаю, но я не с ними. А кто вы?

— Пуара давно жить. Пуара почитать. Пуара есть люди, кто рассердить других люди и не следовать Завет. Пуара помогать общаться с Духи. Давно, давно… Дети забывать, нет кровь люди — возвращаться к основа. Память уходить. Жить спокойно. Зачем неправильный люди приходить верхний зал? Зачем тревожить?

— Они не люди. Они… они как вы, только основа другая.

— Не как Паура. Паура есть всегда. Духи рождать Паура. Паура видеть восход люди. Время приходить, Паура видеть заход люди. Зачем неправильный люди в верхний зал? Ты с они?

— Нет, говорю же, не с ними! Я правильный человек. А они… их изгнали и они решили жить здесь.

— Изгнать? Рассердить людей? — все глаза существа хищно сверкнули, — Пуара думать.

Голос замолчал. Существо закрыло человеческие глаза. Медленно-медленно, бочком, я начала отходить к стене. Глаза открылись.

— Избранная ждать. Пуара думать, — угрожающе проскрипела Пуара.

— Всё, всё, жду.

Существо снова закрыло глаза. Я уселась на стол. Мыслей в голове никаких. Лишь болит синяк на руке, где я сама себя ущипнула.

Голос в голове заговорил вновь.

— Духи говорить: Избранная есть правильный человек. Высший человек. Нельзя трогать яйца. Избранная нет неправильный люди. Пуара передать дар. Избранная уходить. Неправильные люди оставаться. Пауры насыщаться. Духи радоваться.

После этих слов, существо сложило руки на груди, и чуть свернуло пространство, явно залезая в «карман». На желтой, измятой ладони появился медальончик в виде паучка: золотая сфера размером с ноготь, восемь крохотных тонких лапок.

— Избранная брать. Время приходить, Избранная отдавать. Духи радоваться. Властитель помнить Паура. Пуара радоваться.

Вздохнув, я приняла подарок, который *переполз* с протянутой ладони на мою. Удивления это не вызвало: должно быть, оно убежало раньше. Вместе с человекоголовыми паурами, например. Передав «дар», существо попятилось ко всё ещё затянутой паутиной двери. Взяв нить, протянула её мне.

— Это вести. Избранная уходить. Духи хранить Избранная.

Нить привела к ужасающе узкому вентиляционному ходу, по которому я и выбралась на поверхность.

Очутившись, наконец, на свежем воздухе, я довольно долго приходила в себя — всё-таки идти, задевая обоими плечами стены, не по мне. Отдышавшись, с удовольствием вдохнула полной грудью свежий, солёный воздух. Боги… может, всё-таки глюк?

Я полезла в карман, вынула крохотную сферу на ножках. Медальончик мирно дремал, не делая попыток двигаться. Ну и

монторп с ним. Приду, сделаю оценку, и если что — продам. А вот что делать с «урожаем» для Эвелин?

Развернув платок, я посмотрела на скукоженные чёрные шляпки. На дневном свету они больше всего напоминали старую змеиную кожу. Элви-Элви, что за дрянь ты вечно кладёшь в свои снадобья?

В памяти возникла волосатая полуморда, полурожа. На ней — двенадцать паучьих глаз и два человечьих.

Размахнувшись, я забросила свёрток с грибами в море.

Проклятый мир!

Аркан IV. Хозяин
Глава 17. Спасение утопающих…

Кошмары начали сниться почти с самого первого дня, как попала в Мерран. Когда надели Орры, сны стали красочнее, а после купания в источниках в Озёрном — реальней. На берегах Пенного залива, ночные видения превратились в навязчивые наваждения, а сейчас, после встреч в заброшенном храме, приобрели новых героев. В тягучих солёных кошмарах, в самом сердце облепленных кишками катакомб, летающие человечьи головы с паучьими глазами пытались откусить от меня кусочек повкуснее, а я — отрезать у нападавших уши и носы.

Боги! Будь моя воля, я б и дня не просыхала. Но столько пить не в человеческих силах — раз, и алкоголь оказался плохо совместим с веществами, которыми «травили» Орры — два. Ну и, конечно, Эвелин и Хелия продолжали игру «подсунь вместо настойки фруктовый отвар». Так что привычная отдушина оказалась закрыта намертво.

Пришлось чаще заглядывать к Халу, чтоб будил на самом «интересном» месте. Правда, спросонья я всегда начинала буйствовать, но он успевал уворачиваться. Потом мы с ним пару раз сходили к каким-то очередным руинам, поглядеть, что же там такого, после чего кошмары снятся. Здесь общины, конечно, не было, только ветер, трещиноватые глыбу, и песок. И пауки — самые обыкновенные, никаких человеческих частей. Когда я спросила, бывают ли пауки-перерожденцы — ну, может, когда-то делали? — Хал тяжело вздохнул, и несколько вечеров подряд жужжал про разницу между безвредными *тикайрами* и галлюциногенными *виккерами*, а в завершение посоветовал держаться подальше от любых руин.

Держаться подальше, угу. Хоть фанатик Безкар и остался в общине, чтобы просвещать беглых перерожденцев, Отто и другие сопротивленцы успели проникнуться пламенными речами, и сами теперь регулярно совершали ритуалы во славу Духов. Вот уж точно грибочки подействовали, да.

Тем временем караван ускорился: директор решил, во что бы то ни стало, успеть на ярмарку Касания. Дав всего по паре представлений в самых крупных посёлках, Дарн пустил жуков во все тяжкие, и театр таки успел на заключительные дни празднеств. Успел, в первую очередь, потому, что ярмарка в Жемчужном длилась дольше установленного Солнечным законом срока.

Установленное в этом городе вообще почитали мало: мягкий климат, горячие источники, сады, пониженные налоги, куча молодёжи в трёх университетах — какие законы, какие правила? Только бурлящая ключом жизнь, которая моментально превращала даже самых серьёзных людей в ящериц в период гона. Гон этот отражался на всём и вся: не смотря на то, что в Жемчужном недорогие гостиницы — на каждом шагу, власти города приказали театру поставить шатры, чтобы соответствовать, так сказать, духу. Какому такому духу и почему именно так, лично я не понимала, но возражать, понятно дело, было бессмысленно.

Ещё бессмысленней — спрашивать, как они едят вот это вот всё. Наверное, только люди, родившиеся и выросшие в Мерран, понимали причины, по которым Жемчужный считался столицей Лучшей Еды в Империи. Те самые причины, по которым даже самое крохотное и замшелое едально-питейное заведение здесь именовало себя рестораном, и изощрялось, как могло. Особенно повара любили порошок из морского гада кютюка, фиолетового цвета и с запахом освежёванного трёхдневного трупа. Если им заправляли салат, то куски овощей плавали в кислом ярко-рыжем соке, если рыбу, то в ней появлялась приторная горчинка, ну а мясо… мясо становилось похожим — хаха! — на протухшую рыбу. Неудивительно, что уже на вторые сутки я начала мечтать о скорейшем отъезде из рассадника кулинарной изысканности.

Пострадал от «гурманства» и рассудок Дарна. Объевшись водорослей под настоечку на щупальцах, директор на радостях проникся «духом свободы», и приказал выдавать артистам заработанные деньги раз в десять дней, а не в сорок, как обычно. Это резко подкосило дисциплину. Артисты начали пропадать неизвестно где, забывать слова, внезапно подменять друг друга.

Всё дело в том, что налогов в Жемчужном практически не собирали, поэтому заведений здесь понастроили больше, чем жилых домов. Большинство артистов быстро нашли себе собратьев на вкус: по борделю, по кабаку… по политическим взглядам. К последней группе поневоле примкнула и я.

Ещё в Порте-Западном мне объяснили, что Орры надо теребить постоянно, потому что они умеют самовосстанавливаться, и только Духи знают, с какими последствиями. Так что найти сведущих «коллег» по Сопротивлению стало жизненно важно. Однако, «коллеги», с которыми связался Трен, оказались скорее теоретиками, чем практиками. В первый раз они вообще забыли, что надо кому-то что-то снимать. Во второй раз, у врача было слишком плохое настроение. В третий, оказалось, что лекарь вообще удавился,

«пресытившись несправедливостью бытия». Несправедливостью! Жаль, Отто вовремя наступил мне на ногу, а то бы досточтимое собрание на месте узнало, что такое настоящая несправедливость! И пытки, про которые они так любили говорить.

Говорить они, и правда, тут все были мастера. Ещё бы! Самый зажиточный город Империи в округе с самыми мягкими законами — идеальное место для свободолюбцев, ненавидящих «эту власть». Как водится, самые ярые ненавистники — образованные и очень обеспеченные люди, живущими либо на проценты от собственности, либо на семейные деньги, либо на доходы от тех, кого они якобы хотели защитить.

— Оглянитесь! Кругом несвобода! Вопиющая несвобода! Несвобода в обмен на сытую жизнь! — так любил говорить толстый мастер Гукари, держащий солидную долю в продаже сбруи для Перерожденцев, — и наш незначительный достаток, кажется чем-то большим потому, что народ привык жить бедно!

— Но, позвольте, разве можно называть просто несвободой откровенное порабощение собственных граждан? — взвивалась его всегдашняя оппонентка свет Амалия, сухощавая дама в огромных очках, соучредитель и летний настоятель университетского храма, — вот мой Торзик и тот против! Древние так не жили! Где тот Мерран, что ушёл с Катастрофой?…

И золотоглазый типс, этакий львёнок со стрекозиными крылышками, отчаянно махал хвостом, и пытался скинуть ошейник с огромным восьмигранным камнем, на каждой грани которого посверкивал Великий Апри.

— А всё потому, что все боятся! Кого боятся? От кого глаза прячут? От Инквизиции? За головы свои боимся, за семьи. Вот так и даём себя поработить, поработить, понимаете? А ведь самая большая ценность — это свобода! — с достоинством вклинивалось Ильраэ, напомаженное нечто неясного пола, потягивая запрещённую всеми законами настойку на *виккерах*.

И, проверив Молчальник — дорогущий, самой последней модели — собрание начинало разглагольствовать: про преступную власть, что кроит законы под Высоких и мерит судьбы по доле Зрячей крови; про Инквизицию, что помогает уничтожать собственный народ; про Церковь, что превращает прихожан в быдло, равняющее преступников и инвалидов; наконец, про этих самых Перерожденцев, талантливых и чутких, и которых низвели до рабов, червей…

Тут я начинала зевать и глазеть в окошко. Какое рабство, о чём они? Ни один человек в Мерран не имеет права купить или продать другого, а потом покалечить и убить «в процессе

эксплуатации». Также никто не может взять и напасть на поезд или деревню, с тем, чтобы увезти людей в свой, например, округ, и заставить горбатиться на себя. Даже пресловутые Орры, по закону — только инструмент исправления, вроде облегчённой тюрьмы, носить их дольше определённого срока нельзя. Более того, можно даже пожаловаться на своего «хозяина», если тот преступит какой-либо Всеимперский закон, либо причинит своему «пленнику» серьёзный физический вред. Ну, действительно серьёзный — измывательства Дарна надо мной таковым не считались. Что до Перерожденцев, они же не люди. Уже. Разумные животные — да, но так и ящерицы вполне разумны, да даже гусеницы-поезда эти Мерранские не глупее иного пьянчужки. Как по мне, так то, что почти все кадарги и осморы — бывшие преступники, уже о многом говорит. Каждый сам выбирает себе судьбу. Те же немногие, кого «переродили» по болезни… Шутки богов. Как всегда, страшные и злые шутки. Но ставить знак равенства всё равно нельзя.

Знаки знаками, а время поджимало, Орры подозрительно покалывались и чесались. Поэтому, в конце третьего заседания, я тихо зажала в уголке самого трезвого из председателей, и недвусмысленно обрисовала перспективы его дальнейшей судьбы, если не обеспечит мне сеанс по снятию Орр вот прям ща. Икая и дёргая глазом, сопротивленец начал что-то мямлить про иерархию людей и ступени Духов, но нас прервали.

— Думаю, я мог бы помочь вашей проблеме с Оррами, — сказал сильно сутулый молодой человек, замотанный в широкий шарф от макушки до поясницы, — не будете ли вы столь любезны, отойти со мной в кабинет?

Любезной быть не хотелось, да и от незнакомца тошнотворно тянуло тухлой тиной. Однако потягивание в позвоночнике быстро напомнило, зачем вообще я ввязалась во всё это Сопротивленческое действо. Председателя пришлось отпустить, а самой пройти в соседнюю комнату.

Странный человек, так и не открывший лица, представился Маршем. Извинился за нерасторопность своих младших коллег, и передал адрес, по которому живёт нужный мне врач… на которого тут же сделал заказ.

— Специалист он прекрасный, и вам поможет, однако… как бы это сказать… нам необходим взгляд со стороны. Где бывает, что говорит, с кем общается. Мы, конечно, доверяем, но… когда люди говорят некоторые вещи публично, а потом им за это ничего нет… если вы понимаете, о чём я.

Я взвесила на ладони мешочек с деньгами и решила, что понимание достигнуто.

* * *

Юношу-врача, на которого сделали заказ, звали Анкер Айн. Он был прямым потомком рода Айн, который когда-то открыл ворота Жемчужного для Вирема и принял религию Великого Апри. Однако, деяния достославных предков только раздражали Анкера. Он заплетал в волосы серебряные колокольчики — символ единения с кадаргами, говорил чуть нараспев, подражая, по его мнению, жрецам Духов, и носил бесформенные длинные туники, как символ траура по ушедшим временам. В гербовых залах своего особняка, он разместил приют для брошенных домашних животных.

Понаблюдав, я узнала, что под туниками юноша таскает хлыст, несколько подсумков с нехилым набором хирургических инструментов, толстый кошель денег, и ещё более толстый кошель с листовками, которые он по большой пьяни как-то пытался раздавать в кабаке, крича:

— Империей ныне правят люди вороватые и глуповатые! Их надо свергнуть навсегда, забыть про Императора — нет его! И не было никогда! — и строить государство принципиально нового типа! Слава Духам! Свободе слава!

На этой самой свободе Анкер остался только потому, что его вовремя заткнул двоюрдный брат, всучив юноше бутылку с настойкой, а нахмурившемуся кабатчику — деньги. Ещё через день после «представления», дядя в епископском сане взял непутёвого племянника на поруки.

Кроме кабаков и собраний Сопротивления, Анкер бывал в университете, где в своё удовольствие преподавал какую-то чисто мерранскую фиготу про лестницы крови, и у девушек. Не смотря за заплывшие синевой глаза и общую одутловатость, по меркам Мерран юноша считался симпатичным и хорошо сложеным, так что девушек имел аж троих. Все они состояли в Сопротивлении, просто находились в разных его «ячейках» и разных слоях общества: ассистентка другого преподавателя, дочка купца, и горничная дядюшки-епископа. В горничной я с интересом и лёгким ужасом опознала хорошо замаскированную полукадаргу. Досуг же Анкер посвящал животным, которых подбирал на улицах, либо выкупал у лабораторий выжившую после опытов «некондицию».

Вскоре стало ясно: пацан горяч, по-житейски добр, глуповат, и никак не может быть «провокатором от Инквизиции». О том и доложила заказчику.

— Что же, благодарим за беспокойство и оказанную помощь, — сказал Марш и передал ещё один мешочек, — остаток.

И, так сказать, новая нижайшая просьба…

Следующие пару Гарий вместо того, чтобы просиживать штаны на собраниях, я прикрывала встречи спокойных, скромно и элегантно одетых людей. Никакой суеты, никаких выпадов про власть, никаких значков и тем более колокольчиков, только обсуждение торговли (галлюциногенные грибы, выведение перерожденцев, оружие). В чём-то эти новые клиенты походили на тех, кто летом заказывал прикрывать контрабанду в Порте-Западном. Говорили мало, тихо, и по делу. Считали Молчальники слишком ненадёжными штуками, ведь в них запросто можно вмонтировать какой-нибудь ловящий звук кристалл. Вместо этого приобретали отборные камни Кади, Мирт, и иллюзий, и услуги специалистов, подобных мне.

Тем временем, мои «коллеги» по театру отирались неизвестно где: Отто, и ещё пара особо ретивых ребят, буквально дневали и ночевали вне лагеря и возвращались только на представления. Эвелин и её новая подружка из прибившихся к труппе разнорабочих, подпиливали рога полукадаргам, которых здесь оказалось на удивление много, массировали щупальца осморам, и занимались прочей сопротивленческой медициной. Что и говорить, разошлись наши пути: пока ребята предавались высокоидейным занятиям, я зарабатывала на Сопротивлении неплохие деньги, и получила ещё один очень качественный сеанс по снятию Орр. После него, правда, появились проблемы с желудком, но немудрено: начался сезон неких раковин по имени мидии, и специя *кютюк* теперь пропитывала не только пищу, но и воздух, и воду.

Потом возникла проблема, причём, очень неожиданная. Вопреки обыкновению, Халнер вдруг начал интересоваться, во-первых, почему периодически пропадает реквизит (который я тратила на переносные тайники), а во-вторых, подробностями того, где я шатаюсь, с кем, и чем конкретно мы там занимаемся. Пришлось срочно придумывать что-то про благотворительные представления в кабаках, куда мы с ребятами регулярно ходим, ну не на развалинах же бухать, в самом деле. На всё на это Халнер скептически поднимал брови, но расспросы прекращал.

Зато потом вопросы появились у меня: однажды, возвращаясь по ночи, я увидела Лилиан, молодую жену Отто, выходящую из шатра Халнера. Это озадачило, да так сильно, что я даже не смогла подобрать слов для разговора. Нормального разговора, чтоб без необоснованных претензий и истерических упрёков…. в итоге убедила себя, что всё померещилось от усталости. Но осадок остался.

Время шло, вернее, ползло, словно раненая змея на морозе.

Десятка черз два дней, оно доползло до очередного заказа: дорогого, объёмного, и… сложного, как никогда.

— О, что-то в ухе зазвенело, простите, — сказал Марш, после моей нецензурной тирады о том, что я думаю об одновременном прикрытии нескольких десятков человек, и порылся мизинцем в ухе, — так о чем бишь я… Собрание вполне официальное, день рождения мастера Ваккури, купца Второго луча. Тридцать богачей и немного обслуги. Скальный пляж на сутки отдан под наши нужды, у Южного входа даже охрана будет. На другом конце, там, где развалины, планируется ритуал. Специфический. Ну, вы понимаете. Прикрытие требуется локальное и стационарное, на толпу, что-то вроде зонта или купола. Желательно, с иллюзией тишины.

Тишины, монторп его!

— Пусть Молчальники свои купеческие притаскивают, если пердеть тихо не получается! — взвилась я, — и пусть учтут, что ещё материал будет стоить, как сам заказ!

— Эмм… свет Кетания, я, конечно, не специалист, но про материал, на мой взгляд, лучше решать на месте. Всё-таки, там скалы *Лайс*, они ловят наст…

— …насрать и перепятать мне на эти скалы. Сроки какие?

— Пять дней. Платим вперёд половину, — он написал сумму, — вторую по факту после работы.

Посмотрев на бумажку, я тяжело вздохнула и приняла заказ.

Как ни странно, времени хватило на то, чтобы съездить на место будущего действа целых два раза: посмотреть, что к чему и прорепетировать придумку. Марш оказался прав — скальный пляж состоял из окатышей *миёра,* породы, в которой очень много кристаллов Мирт, пускай дрянных и крохотных, но всё же способных поймать и усилить иллюзию. Поэтому, взяв за основу схему, по которой делала представление в театре, я сократила расстановку кристаллов Кади до полукруга, а Мирты исключила вообще: всё равно для стороннего наблюдателя достоверна будет именно низкая детальность и не слишком громкий звук, искажённый и низкий.

* * *

Мероприятие началось на ветреном закате, когда край слегка щербатого осеннего солнца коснулся волн. Получив отмашку от поджарого человека в кружевном костюме, пара десятков людей начала увлечённо бегать между столами с едой и выпивкой; насытившись, они начали вальяжно расхаживать и общаться.

— Прошу вас, мы начинаем. Будьте любезны включить прикрытие, пока на половину, — сказал подошедший Марш.

Всё время перед этим, юноша стоял неподалёку от меня и рассеянно жевал огромное ярко-оранжевое пирожное, время от времени касаясь им своей бесформенной шляпы. Судя по отвратному запаху, кулинарный изыск покрывала глазурь на основе перепревшего *кютюка*, а начинка подозрительно шевелилась, словно в неё понапихали ещё живых ракушек *адии*.

Сглотнув дурноту, я сосредоточилась, и перевела кристаллы Кади из ступени «ловец» в ступень «певун». Теперь вместо того, чтобы запоминать происходящее вокруг, камни начали повторять то, что только что видели. Я подправляла и усиливала картинку через камень иллюзий, а держалась она за счёт миллионов кристалликов Мирт, спрессованных когда-то в породу прибрежных скал.

Стоило опуститься мороку, как на высокий камень-волнорез взгромоздился полуголый мужчина. Его торс, давно потерявший упругость молодости, масляно лоснился в свете фонарей, а обмотанная вокруг бёдер расшитая юбка то и дело порывалась взлететь и открыть гениталии.

— Имущие в сердце наследие Духов! Внемлите! Внемлите! Вот первый закон: из тьмы мы приходим, во тьму и уходим, и только любовью пробудится Он! — проорал жрец и начал поливать народ мощной струёй… морской воды, выходящей будто бы из пустоты над его головой.

Любопытно. Пытаясь понять механизм маскировки, я даже подошла поближе. Зря: некий юноша вцепился в меня и попытался повалить на камни — видимо, хотел причинить любовь. Но любовь у нас не получилась, по причине с размаху отбитого мужского органа и моего поспешного бегства на прежнее место наблюдения. Вовремя: весь пляж рядом со скалой превратился в празднество плотского удовольствия. Удовлетворялись все со всеми, включая служанок-кадарг и даже одного секретаря-осмора, неведомо зачем притащенного на праздник. Теперь понятно, откуда в Жемчужном столько помесей перерожденцев!

К тому моменту, как вся эта радость дошла до готовности совокупляться не только телом, но и разумом, у меня уже конкретно слипались глаза: корректировка иллюзии тянет силы, голова дурная, желудок бесится, пить нельзя. Недосып, опять же. Так что, когда из темноты над морем выплыла белая ладья, освещённая переливающимися радужными огоньками, я захлопнула рот на половине зевка и сплюнула. Если они и сами умеют маскироваться так, что хрен заметишь, зачем им я?!

— Прошу вас, прикрытие на полную мощь, пожалуйста, — сказал Марш.

Он как раз доел своё тошнотворное пирожное, и теперь стряхивал крошки с широких полей шляпы. Мысленно пожелав молодому человеку долго и безрадостно совокупляться с каменными статуями, я залезла на «пирс» — плоский отросток скалы, к которому причалила лодка — и дёрнула за нити пространства, передвигая купол иллюзии.

Тем временем, из ладьи вышли трое мужчин и две женщины, все — в лёгких полупрозрачных балахонах, перехваченных на поясе серебряными цепочками. Бррр! Тут и так из-за ветра зуб на зуб не попадает, а эти щеголяют тут!

— Внуки и правнуки Духов! Предки с нами! — вскричал, вскидывая руки к звёздному небу, один из мужчин.

На его груди висел сборный медальон *дмик*, усиливающий звук.

— Император, томящийся в клетке лучей солнца, скоро вырвется из оков! Вырвется, и вернётся в Великий океан Мерран!

Толпа взревала, послышались хлопки. Во горланят-то! На всякий случай я подкрутила купол, искажая звук.

— Но слуги солнца, врага нашего, не дремлют! Вспомните, вспомните аресты наших братьев! Вспомните недавнюю облаву, когда погибло трое сестёр, что не захотели предавать себя в черные лапы Инквизиции! Вспомните их! Поплачем же с морем…

Над толпой поплыли всхлипы, стоны и рыдания. Театрально заливаясь слезами, из гущи народа появился давешний жрец плотских утех. Взгромоздившись на пирс, он принялся снова брызгаться из своего «фонтана», на сей раз, крутясь во все стороны. Да монторп их! Пришлось подвернуть пространство, чтобы капли не попали на меня. Когда запас воды иссяк, к краю пирса-сцены подошли две жрицы.

— Пройдём, пройдём же дорогой плача! — хором сказали они, и указали на узкую лестницу, вырубленную в скале.

Незаметные до сего момента, ступени тут же осветились, будто светляков вмонтировали в камни. Ничего себе! Жрицы гуськом пошли наверх, распевая что-то неразборчиво-пафосное. Толпа двинулась следом. Дождавшись, когда оставшиеся жрецы замкнут процессию, я повесила перед пирсом автономный занавес-иллюзию «далёкие светящиеся столики», поцапалась с Маршем, кому идти вторым, и потопала наверх.

Лестница привела к глубокой чаше с покатыми стенками и плоским дном. По её краям — два желоба-террасы, на которых и разместилась толпа. Люди стояли очень плотно, стараясь держаться подальше от глубоких трещин, что раскалывали борта

древнего сооружения. Жрецы же с комфортом разместились на большом уступе, нависавшем над чашей.

— Усильте, пожалуйста, иллюзию крыши, чтобы сверху не было видно свет, — пропыхтел за спиной Марш.

— Сам ты крыша! Тут что, патруль летает?

— Ну, вообще-то…

Его объяснения потонули в голосе, многократно усиленном *дмиком* и эхом.

— Внимайте! Смотрите! Знайте! Среди нас Меченый Солнцем! Он долго прикидывался верным соратником, но Духи открыли нам глаза! Смотрите и вы!

Из-за спин жрецов появилось два кадарга, которые вели нагого мужчину с мешком на голове. Та-ак. В моём мире подобное начало однозначно сулило бы жертвоприношение. Впрочем, в культе Духов они тоже, кажется, практикуются. Монторп их раздери! Знала бы, взяла б другие деньги!

Пленника толкнули вперёд. Подсечка под колени, ещё толчок. Он бухнулся у самого края жреческого уступа. Один из кадаргов сорвал мешок с головы — грубо, вместе с клоком волос. Пленник часто-часто заморгал, затравлено озираясь. В свете множества фонарей и факелов, синева под его глазами казалась чёрной, словно у трупа, а губы побледнели так, что почти полностью слились лицом. О боги! Да это же Анкер! Тот самый непомерно удачливый любитель животных, который снимал мне Орры! Это он-то предатель?! Я же следила, я же однозначно доказала, что…

— Смотрите! Откройте глаза и смотрите! Узнаёте своего бывшего товарища?

Толпа взвыла. Анкер затрясся ещё больше, и принялся что-то кричать, но его тут же заткнул кадарг ударом в челюсть. Я сжала зубы и крепче вцепилась в пространственные нити. Идиоты! Какой из него агент Инквизиции или, тем паче, Инквизитор?! Восторженный дебил, который только и может, что восхищаться «мэтрами справедливости» и цитировать Духову летопись! А Инквизиция его не трогает, потому что смех один с таким связываться, да и дядюшка высоком церковном сане. А тут что? Своим же помешал? Ну, зашибись, а мне-то что теперь делать? У них что, так много спецов по Оррам?!

— О сопричастные Духам! Мы спрашиваем вас, как спрашивают самого себя: видите ли вы чёрную птицу вины, что витает над головой этого нечастного?

Жрецы разом вскинули руки. Толпа примолкла.

— Приглушите, пожалуйста, свет. Люди должны видеть в полутьме, — сказал Марш.

Какой всё-таки странный у него голос. Низкий, а при этом звонкий, словно шипение рассерженной гадюки!

Стоило примаскировать свет факелов, как над головой Анкера начали метаться чёрные тени, смахивающие на морских летучих мышей.

— Видим! Видим вину! Смерть! Смерть предателю! — завизжала толпа.

— Смерть? Вы уверены? Ну что же! Да будет так! Духи примут его плоть, растерзают его душу, упокоют в великой тьме океанских глубин!

Едва жрец договорил, как кадарг со всей силы пнул Анкера в спину. Отчаянно вереща, юноша кубарем полетел на дно чаши. Его покрывал слой старых водорослей, поэтому Анкер не разбился. Однако левая нога выгнулась под неестественным углом. Юноша завыл — утробно, на одной ноте.

— Это что за хня тут происходит?! — обернулась я к Маршу, — я ж вполне ясно сказала, что он просто удачливый, больше ничего!

— Мы уже поблагодарили вас за хорошо проделанную работу, — невозмутимо сказал Марш, слегка поклонившись, — а теперь мы делаем свою. И, кстати, простите великодушно, но вы уверены, что такое послабление иллюзии соответствует требованиям заказа?

— К-каким таким тре…

Я вдруг поняла, что не держу иллюзии, а мало-мальская маскировка держится на одной только инерции кристалликов Мирт.

— Да свершится правосудие! — донеслось со стороны жрецов, — да славятся Духи!

Несколько голосов затянули гимн. Плохая идея: многократное эхо превратило нестройное пение в полную какофонию. Бедные мои уши…

— Правосудие! Правосудие! Уууу! — подхватила толпа.

В чудовищную мешанину звуков вплелось бульканье: начался прилив, мутная от водорослей и песка вода проникла между скал и хлынула в чашу. Сброшенный на её дно Анкер заорал громче прежнего, начал умолять о пощаде.

— Какого вы творите?! У вас что, спецов по Оррам так много?! — заорала я на Марша, — вытаскивай его быстро! У меня сеанс!

— Мы всегда выполняем договор, — невозмутимо сказал Марш, кланяясь и прикасаясь к шляпе, — но только если другая сторона выполняет свой. Свет Кетания, простите, но иллюзия тает.

Да чтоб тебя монторпы драли! Я рывком подхватила пространственные нити, стянула купол иллюзии крепче. А вода лилась в чашу, на дне которой копошился напуганный, голый Анкер со сломанной ногой. Он всё пытался встать, и выкрикивал то призывы, то проклятия, то мольбы.

Но море было сильней.

Едва казнь свершилась, как жрецы затянули припев на странном языке, не похожем ни на Простой мерранский, ни на древний Высокий. От шепелявых переливистых звуков тут же заломило за ушами. Я отпустила не нужную уже иллюзию, и начала массировать виски. Боги, ну и мир. Одни под линзой людей сжигают, как муравьёв, другие топят, да ещё издеваются при этом. И все воют, словно монторпы.

— Что такое, свет Кетания? Вам плохо? — осведомился Марш, слегка прикасаясь к моему локтю.

— Плохо? Мне хорошо! Мне просто зашибенно здорово! Орры поют и пляшут от счастья, что их больше никто не будет трогать!

— О. Боюсь, их радость преждевременна. Мы с Анкереом вместе учились, а потом долго работали бок о бок. Так что, как я уже сказал, без помощи вы не станетесь. А теперь последнее усилие, будьте столь любезны, пожалуйста?

Подавив желание сбросить Марша в чашу, я снова взялась за иллюзию. Слава богам, жрецы уже шли к лестнице. Толпа двинулась за ними, кадарги исчезли среди скал. Проследив за ними, я увидела крохотную лодочку во внутреннем «заливе», видимо, они вместе с пленником приплыли на ней.

Когда мы с Маршем вывалились на «пирс», толпа уже начала разбредаться. Холодный ветер, дувший на закате, превратился в теплый и ласковый бриз. Факелы горели ровно, разгоняя темноту уютными отблесками теплого света. Пахло морем, и почему-то свежим хлебом. Люди сбились в кучки. Кто-то делился впечатлениями, кто-то подъедал остатки празднества, кто-то пошёл купаться.

— Свет Кетания, ваш остаток, будьте добры.

Не глядя, я взяла протянутый кошель. Хм. Легковато.

— Что-то требуется ещё? Может, лучше расплатитесь, когда всё доделаю?

— Нет-нет, свет Кетания, работа сделана. А это… небольшой вычет за эмоциональность.

Эмоциональность, да. Теперь это так называется.

— Вы казнили невиновного, — устало сказала я, пряча кошель за пазуху: открывать подпространство не было сил.

— А так ли это важно, свет Кетания? Главное, мы едины.

Не найдясь с ответом, я пошла прочь.

Аркан IV. Хозяин
Глава 18. Солнечный круг, небо вокруг

То ли ветер дул слишком холодный, то ли я стала слишком впечатлительной, но всю дорогу до лагеря меня трясло. Добравшись, наконец, до знакомого лабиринта, я направилась прямиком к Халнеру. Больше всего на свете хотелось забраться к нему под одеяло, на руки, за пазуху, под мышку, куда угодно, лишь бы провалиться в удушливое забытьё и чувство беспомощной безопасности, с которым я всегда так рьяно боролась, и о котором так мечтала сейчас.

Ночи уже стояли холодные, вход завешивали двумя пологами. Скользнув под первый, я почувствовала упругое сопротивление сферы Молчальника, а раздвинув второй, застыла, как вкопанная. Посреди комнаты, на широких подушках сидели Халнер и Лилиан. Девушка увлечённо рыдала, а вот мой… кхм, а Халнер аккуратно гладил её по голове.

— Добрый вечер, — громко сказала я, — не помешаю?

Лилиан дёрнулась. Обернулась, снова вздрогнула. Секунду протупив, она вскочила и закричала:

— Ты! Ах ты! Явилась, да? А он где? Где мой Отто, где? Куда ты его дела, сучка?! Где мой Отточко?! Сволочь! Ненавижу! Ненавижу всех!!

И, с удивительной силой оттолкнув меня с дороги, выбежала из шатра.

— Аа, ээ, ээт-то ч-чё? — только и сказала я, переводя взгляд на Халнера.

— Отто почти двое суток не было в лагере. Весь выходной, считай. Как и тебя, кстати. Где шялалась?

Он уже поднялся, и теперь стоял, зацепив руки за пояс, и агрессивно наклонив голову. Я хотела отшутиться, но вдруг заметила, что рубашка у него на груди помята, а из складок посверкивает медальон Апри. Медальоны эти в Мерран носили под одеждой, носили везде и всегда, но Халнер обычно снимал, перед тем как мы…

— Где хотелось, там и шлялась! Тебе-то что? Всё равно, я вижу, не скучал!

Он закрыл глаза и глубоко вдохнул, а потом прошипел сквозь зубы:

— Села и рассказала.

— Чего-оо?!

— Я сказал, села, и всё рассказала!

— Ты охренел так со мной разгова-айй!

Халнер схватил меня за локоть и буквально швырнул на подушки, где только что сидела Лилиан.

— Разговариваю! В городской Инквизиции ещё не так будут разговаривать! Память топорами переколошматят, и кровянкам сбагрят на опыты, как сильно ценную! — рявкнул он так, что я даже вздрогнула.

И добавил, уже тише:

— Кети, послушай. Что этому идиоту Отто «духовитые» мозги запудрили, и так знаю, он с детства глуповатым был. Равенство и свобода, ****! Но ты! Что тебе-то посулили?! Деньги? Пытки?

— Пытки? Ха! Пыток мне и так хватает, спасибо Дарну! — я вскочила и помахала перед его носом руками, где всё ещё виднелись узоры Орр, — а про свободу лучше и не вспоминать! Всё! Пошла свободно дрыхнуть! Лили обратно позвать, или сам спра-кхх!

Я закашлялась, ударившись спиной о полированную доску. Это Халнер перехватил меня на полуслове, скрутил, и втиснул в кресло. Сам тут же опустился на пол, сжав коленями мои ступни и лодыжки. До синяков прижал мои запятья к подлокотникам.

Не то от встряски, не то от общей усталости, я почувствовала дурноту.

— Хал. Хал, послушай. Я зверски устала, ты не в настроении, давай лучше завтра всё обсудим?

— Нет.

Даже стоя на коленях, он был выше, и смотрел сверху вниз, смотрел собранно и отстранённо, будто чужой. Не в силах выдержать этот взгляд, я опустила голову. На мгновение показалось, что его медальон Апри *выполз* из складок рубашки и начал едва заметно покачиваться, сам, словно тот золотой паучок, который мне дали пауры в подземельях заброшенного храма.

— Хал. Хални. Пусти меня. Пусти, пожалуйста. Я никуда не уйду. Я… мне надо в туалет. Очень.

— Посмотри на меня.

Стараясь дышать глубже, я с трудом подняла голову. Боги. Где его зрачки?

— Хал. Хал, я ща блевану.

— Правильно, — ответил он, и моргнул зелёными фасетчатыми глазами, — правильно, Кети. Выплюнь всё виденное. Выплюнь всё лишнее. Рассказывай…

* * *

Я открыла глаза и посмотрела в потолок, на едва заметную паутинку между складок материи. Обитатель ажурного дома прятался неподалёку, ожидая, когда прилетит еда. Еда — это, кстати, хорошо. Позавтракать бы…

— Кети! Кети, вставай! — из-за полога показалось круглая мордашка Хелии, — я понимаю, дело молодое, но ты сейчас представление продрыхнешь! Давай-давай, я тебе кролика сделала, как ты любишь.

Кролик. Кролик это хорошо. Уффффф… Я с трудом поднялась на койке. Боги. Я же не сюда вчера шла? Или в кабак завернула по дороге? Не помню. В голове только вчерашний ритуал и обрывки ночных кошмаров: Халнер с фасетчатыми глазами вытягивает мне мозги через нос, словно бальзамировщик; Марш разматывает-развинчивает свою шляпу, под которой вместо черепной коробки оказывается каменная чаша с тонущим Анкером; Анкер, сидя в обнимаку с полукадаргой, и, почему-то, Эвелин, орёт про способ снять мои Орры, и призывает Трена; Трен швыряет мне медальон и начинает декламировать программу Сопротивления о беглых Перерожденцах… телеги, контрабанда, заброшенный храм, потомок мутантов Лирки, полуперерожденец Безкар, пауры…

С размаху опустив голову в ведро с холодной водой, я помотала волосами туда-сюда. Потом встряхнулась, разбрызгивая капли по всей комнате. Стало легче. Сменив вчерашнюю затхлую одежду, я кое-как позавтракала (не смотря на аппетит, желудок отказался принимать много пищи), и, вроде бы, оклемалась. Приснится же, брррр! Что я пила вчера? И где? А, главное, когда?

Вопрос этот промучил меня всё представление, во многом ещё и потому, что его же задал и Халнер — по обыкновению, он сидел вместе со мной на «насесте», с которого я делала иллюзию укрощаемого монторпа. Честно ответив, что ничего не помню про вчерашний вечер, я начала с удвоенной силой думать, но додумалась только до головной боли. Впрочем, моё состояние явно лучше, чем у явившегося, наконец, Отто. Будучи не в состоянии выступать, он завалился в стойло, где и задрых в обнимку с волами.

После того, как я сделала личный номер с большой иллюзией и пошла в гримёрку, в коридоре ко мне подскочила Эвелин.

— Кет, нужна твоя помощь, срочно! — зашептала лекарка, крепко схватив меня за рукав, — ребята пропадают! На тебя одна надежда! Они заст…

Она осеклась и скорчила вежливую мину.

— Добрый вечер, *nana*. Извини, но нам с Кети надо

пошушукаться. О своём.

Подняв брови, руки, и выпятив губу, Халнер немедленно и молча удалился. Эвелин снова повернулась обратно и начала толкать меня в гримёрку.

— Поторопись, пожалуйста! Отто с Пертом застряли на ярмарке, там листовки новые, поедут с нами в горы. Надо их вынести и вывезти сюда, а тут уже разберёмся.

— Отто? Так он же на бодуне дрыхнет?

— Какой бодун! Иллюзия это, помнишь, ты на камни записывала на всякий случай. Да, Лилиан делает вид, что так и надо, потому что иначе вдовой станет. Шевелись, давай!

— Слушай, ты чего раскомандовалась тут? — возмутилась я, — у меня на вечер вообще другие планы!

— Мда? Твои планы как-то не торопятся снимать с тебя Орры! А у нас всё на поток поставлено! Планы у неё. Давай, давай, собирай, что нужно, и пошли!

Ну что ты будешь делать! Переодевшись, и наскоро собрав небольшой мешочек с кристаллами иллюзий, Кади и Мирт, я двинула вместе с Эвелин прочь из лагеря.

Мы довольно долго шли круголями по тёмным улицам туда, где горела огнями Ночная ярмарка. Всё-таки забавно придумано: несколько раз в год купцы Жемчужного позволяли буквально разорять свои склады, выставляя товар по очень низким ценам. Конечно, не от большой щедрости: продукты на этих ярмарках почти просрочены, вещи — бракованы, драгоценности — фальшивы. Потом теневые дельцы, и вместе с ними Сопротивление, сообразили, что большую толчею под покровом ночи можно обернуть себе на пользу, и понеслось. В разноцветных и разнокалиберных коробках, часто находились листовки, котрабандные книги, и многое другое. Так сказать, вещи, несущие «просвещение и свободу» на другие концы Империи: в Жемчужном таможенные досмотры судов давно превратились в формальность.

А вот оцепление вокруг ярмарки — точно не формальность, да и посты рядом со складами следили внимательно. Дело тут не только в штрафах, которые купцы сдирали с невнимательных стражников, пропустивших кражу, но и в том, что сегодня, в самом начале ярмарки, произошла большая драка, под которую кто-то что-то умыкнул, и теперь все были на взводе. Как тут вынести несколько ящиков без документов!

— Уф, Кети! Наконец-то! Ура! — забасил Отто, — как я рад тебя видеть!

— Угу. Так, показывай, чего надо.

Надо было немного, но муторно: прикрыть дверь, прикрыть

погрузку, прикрыть телегу, пока в неё для маскировки грузили корзины с едой. Тут ребята перестарались, и завалили телегу так, что на ней совсем не осталось места, кроме как на козлах и только двум оболдуям.

— Вот же бестолочи! — воскликнула Эвелин, — ладно, я тут останусь, для лазарета кое-чего приглядела. Вы вернитесь, главное, ну или пришлите кого, сумочки поднести.

— Ща, погоди… давай-ка посмотрим…

Увы. На телеге действительно не нашлось места, разве что для маленькой меня. Впрочем, без меня ребята бы и не выехали.

Скрепя сердце, пришлось оставить Эви на ярмарке одну, и отправиться в путь.

В ледяном предрассветном воздухе, пар от дыхания оседал на железных частях телеги. В любой другой день по такой погоде, я побила бы даже Изабель по части танца, но мне снова поплохело, и я слезла вниз. Оставалось стиснуть зубы и считать шаги, чтобы хоть как-то отвлечися. Пятьсот двадцать. Пятьсот двадцать два, пятьсот двадцать три… четыреста тридцать восемь… Неважно. Лагерь скоро, уже скоро.

— Кети, ну ты что? Опять желудок? — озабоченно спросил Отто, — я ж тебе сказал, что кютюк в этих пирожках. Нет, всё равно съела! Эх… Перт, подвинься давай, Кети сядет!

— Не, так меня совсем укачает, без прикрытия останетесь. Лучше пешком…

— Ууу, похмелюга, — протянул Перт, и полез в корзину, — на, держи лируппу, поможет.

— Угу.

Я куснула зелёную мякоть и скривилась от хлынувшего в рот кислого сока.

— Брр, дрянь! Ух! Отлегло, кажись. Спасибо!

— Да не за что, — Перт потянулся, меняя позу, — слушайте, а может, срежем угол-то?

Отто согласился, я промолчала. Мы свернули в узкий переулок, чуть не задавив какого-то оборванца, пристроившегося поссать.

Переулок этот здорово сокращал дорогу, но пользовались им редко, предпочитая нормальную проезжую часть, что вилась вокруг доходных домов. И хорошо, что не пользовались: например, сейчас телега заняла почти всю ширину прохода, так что пришлось всё-таки залезть на панцирь и устроиться в корзине с зеленью. Если бы не кютюк, плавное покачивание навеяло бы сон, но увы. Громко рыгнув, я перегнулась через край телеги.

Через пару мучительных минут покачивание прекратилось. На заднем плане начался какой-то разговор.

— …предъявляем, — проговорил кто-то.

Сплюнув последний раз, я вытерла рот и обернулась. Площадка перед выходом из переулка ярко освещена факелами, которые держали двое в форме внутренних войск. Ещё трое стояло перед ними. Отто уже соскочил с телеги, Перт передвинулся на край и закатывал рукав. Патруль? Проверка крови? Доигрались…

Пробравшись вперёд, я последовала примеру Отто и слезла на мостовую — если что, легче будет бежать. Впрочем, этого не понадобилось.

— Верноподданная Адони, — кивнул офицер, поднимая глаза от проверочной пластины, — очень хорошо. А чего зелёная такая? Может, лекаря вызвать?

— Да ну что вы, какой лекарь! — тут же запротестовал Перт, — это ж наша, тоже на ярмарку ходила, подобрали вот на обратном пути. Потравилась маринованнм кютюком, у неё бывает. Ну, знаете, желудок начинает бурчать, плохо работать….

— Да знаю, — вздохнул лфицер, и кивнул мне, — ну, поправляйся. Так, а в телеге что?

— Продукты, — небрежно ответил Отто, — у жены день рождения, закупались вот. Мидии, овощи… Вино, разумеется.

— Да, урожай мидий в этом году хорош. У меня тесть сотни корзин собирает, всё сетует, что столько народу перемерло, некому сбывать… — вздохнул офицер, а потом кивнул солдатам, — обыскать.

— Э, зачем так сразу? У нас ещё и фрукты! — Перт начал жонглировать ярко-рыжими якиррами, которые так любила Лилиан, — хотите?

И бросил пупырчатый плод офицеру.

— Не хочу, — холодно ответил тот, передавая якирр Отто, — а вам рекомендую слезть.

Перт наигранно вздохнул и спрыгнул с телеги. Потом он встал рядом со мной, красноречиво отдавив ногу.

Да хоть обе. Иллюзия не работала. Не смотря на четыре камня по углам телеги, не смотря на привязку, не смотря на вложенные картинки на случай появления посторонних — иллюзия не работала.

Не работала, хоть тресни.

Не обращая внимания на перезрелые фрукты и яйца, солдаты небрежно сняли верхние корзины. Я глубоко вдохнула, унимая стучащее сердце. Дотянуться до кристаллов. Дотянуться. Дотянуться…

Опять сбой.

Средний ряд корзин. Овощи, мука, масло. По виску

покатилась струйка пота. Я почти физически слышала, как колотится сердце Перта справа от меня. Кажется, полез за оружием. Отто слева спокоен: он ещё ничего не понял.

Делая вид, что разминаю плечи, я шагнула чуть вперёд. Взгляд направо, на выход из переулка. В руках офицера — шар из полупрозрачного зеленого камня, за спиной — двое солдат. Вооружены скорострелами. На взводе.

— Ух ты ж…! — послышалось из телеги.

Это солдаты на телеге взялись за огромные корзины с рыбой, мясом, выпивкой.

Собраться, собраться! Я напряглась, проводя свертку. Так, так, ещё немного! Тщетно. Едва прогнувшись, пространство отпружинило и… ударило поддых.

Рвать было уже нечем. Сплёвывая тягучие слюни на мостовую, я беспомощно следила, как последние корзины переставили в сторону. Коробка, другая. Крышка в сторону, под ними — ворох листовок.

Сжимая в руках заточенные мечи из театрального реквизита, Отто и Перт рухнули на землю. Из шеи у каждого торчал полосатый дротик.

Я прислонилась затылком к холодной стене, и закрыла глаза.

* * *

Одиночка, стылая и сырая, из освещения — банка размером с два кулака, в которой трепыхаются полудохлые светляки. Окон нет, кандалов нет, скамьи нет, только дырка в полу, из которой пасёт местной смолой, и соломенный матрац. Хорошо, что никаких насекомых не видно. А то монторп знает, какие в Мерран вши да клопы. Может, тоже с щупальцами.

Завернувшись покрепче в истасканное, но чистое одеяло, я сжалась в комок. Холодно. Но всё равно, условия роскошные — вон, даже укрыться дали. Интересно, это для всех, или политические на особом счету? Очень уж всё справно: не орали, не били, к врачу перво-наперво отвели (отравление? Ктюк? Да, не первый случай). Потом покормили — пусть невкусно, но сытно, и отоспаться дали. Обыскали, правда, по-настоящему тщательно — и одежду перетряхнули, и во все щели физиологические залезли, и даже пространственные «карманы» проверили. Ну, за исключением тайничка с тройным дном, который я для медальона с Огнём вырезала — его не нашли. Как и золотого паучка, которого дала мне старая пауриха в Пенном заливе, и которого я так и не стала продавать. Слишком уж странная

вещица: передвигается сам, пульсирует, словно маленькое сердце, от чужих глаз прячется. И глаз, и рук. Да уж. Кто бы мог подумать, что личное пространство, оказывается, так легко выворачивать?

Мда. Пространство. Я подумала о ребятах и поёжилась. Они ведь так рассчитывали на меня. А теперь что? Где они? Как? Нас везли отдельно, не знаю ничего. Но знаю точно, что с теми, кто сопротивляется при аресте, цацкаться не будут. Тем более, с идейными. С них ведь станется лозунги выдвигать и даже хамить «кровавым псам режима». И всё — прощай, театральная ячейка. Да и сам театр…

Ха! Представив, в какую истерику впадёт Дарн, я даже села. Какое крушение планов и надежд, а? Его собственные артисты попались с политической макулатурой. А если выяснится, что и в подрыве лорда Ириана в Дельте участвовали… Директору самому головы не сносить, будь он… да кем угодно. Но, пока это всё фикция, единственная вина — не вернулись к представлению. Интересно, кем он нас заменил? Укротителей много, из огнеходцев Равора мог поставить. А меня наверняка Халнер прикрыл, как тогда, в Озёрном.

Халнер. Ох-хо-хо. При одной мысли о его реакции, под ложечкой неприятно буркнуло. Тут не знаешь, что хуже — в тюрьме посидеть или этот его взгляд заработать. «Я же говорил, я же говорил». Он же говорил. Нет, ну правда ведь, говорил. Да уж, вляпалась. «Надо меньше пить, надо меньше пить». Зануда.

В затылке на миг зазудело, потолок прошел рябью. Вот и помянула директора. Через Орры дёргает, не иначе. А вот и хренушки! Инквизиция на то и Инквизиция, может даже такие штуки блокировать. Интересно, а снять могут? Скорее всего, да, причём даже чище, чем Сопротивление. Хм… есть, над чем подумать.

Тут раздался каменный стук, в стене открылся лаз.

— Адони, на выход! — рявкнул кто-то.

Я послушно встала, и просочилась в ярко освещённый коридор. Набросив на меня тонкий поясок из матово-синей кожи, тюремщик — сухопарый тип в застиранной общевойсковой форме без знаков различия — сказал мне идти вперёд, а сам поправил дубинку, и пошёл следом.

Шли долго. Из полутёмной галереи с многочисленными каменными дверями, попали на узкую винтовую лестницу. Темно — фонарь где-то за поворотом наверху. Потом опять галерея, уже светлая и красивая. Стена слева — прозрачная, с видом на ухоженный газончик, справа — деревянные двери. Все в узорах, ни одного одинакового.

Выбрав ту, на которой солнечный диск наполовину погрузился в море, тюремщик запустил меня в комнату. Посреди неё стояло два простых стула и стол, всё из крепких, едва оструганных досок. Стены — обшиты чем-то похожим не то на ткань, не то на кожу. Незнакомый материал отражал свет от длинного светильника, в котором сонно шевелились голубовато-белые гусеницы светляков.

За столом сидел человек. На нём была такая же форма, что и на тюремщике, только чёрного цвета, на плечах — черная же епитрахиль с тонким белым узором по краю и крупной эмблемой на концах. Меч на фоне солнца. Хм. Где-то я это уже видела…

— Доброго времени суток, Аделаида. Присаживайтесь. Брат Явон, инквизитор шестого круга, округ Жемчужный, — любезно сказал человек.

И мы начали общаться. Он спрашивал то про жизнь, то про работу в театре, то про моё мнение о политике государства. Иногда про листовки. Иногда просто так, ни о чём. В общем, ничего особенного, очень вежливая, спокойная, даже милая беседа.

— Листовки? Какие листовки? Ну, мало ли, я по чужим телегам не рыщу.

— Плохо, да. От кютюка несварение, я ж уже лекарю сказала. Да, редкая вещь. Сама страдаю. Но вот так.

— В смысле «как оказалась»? Говорю же, подвезли ребята меня. В театре ж месте работаем. На улице увидели после ярмарки, и предложили с ними поехать.

Хоть происходящее и казалось игрой, но я не расслаблялась, и аккуратно подбирала каждое слово. Потому что не раз слышала, как отец допрашивает высокопоставленных военнопленных за бокальчиком вина. Вопросы прямые и косвенные, вопросы наводящие и сбивающие с толку. Одно и то же по нескольку раз, или просто какая-то ерунда. Подцепить на мелочах, на несовпадениях, на искажениях. Да уж. Со стороны вопросителя всегда веселей.

Вдруг в дверь постучали. Вошел ещё один человек, тоже в чёрной форме, только без епитрахили, и что-то быстро сказал на ухо брату Явону. Тот поморщился, закатил глаза, и вышел. Да так и не вернулся.

Потом меня снова отвели в камеру. Принесли еду. Унесли. Принесли. Унесли. Светильник сдох окончательно. Теперь я сидела в темноте и тишине, ведь из-за толстых стен не доносилось ни звука. Казалось, мир замер в абсолютном спокойствии, даже Орры перестали зудеть. Только лезли беспокойные мысли, да подташнивало от местной баланды.

Наконец, дверь снова распахнулась. Опять лестница, коридор с деревянными дверями. Та же комната, тот же брат Явон. На столе — кипа бумаг.

— Здравствуйте, верноподданная Адони, — отрывисто сказал инквизитор, — вот, кое-что на подпись.

На листах — мои показания под заголовком «опрос свидетеля». Уже свидетеля? Это мне больше нравится.

— Так. И вот здесь ещё, пожалуйста.

Вторая часть бумаг — по возврату моих вещей, отобранных при обыске. Выпускают, что-ли? Ну-ну… Интересно, а ребят? Не спросила, лишние подозрения сейчас ни к чему.

Внимательно прочитав бумаги, расписалась и, по здешним правилам, припечатала кровь на каждый лист.

Брат Явон собрал всё, проверил, положил обратно в папку.

— Ну что же, пойдёмте, — вздохнул он, вставая, — за вами уже пришли. Я провожу.

Снова коридоры и лестницы — выше, дальше, с узкими решетчатыми окнами, через которые проникал тусклый вечерний свет. Хм. Ещё пара часов, и я бы пропустила второе представление. Или третье?

Мы вошли в небольшую комнату, похожую на холл гостиницы: полукруглые стены, ковёр на полу, при выходе на другом конце зала — стойка перед стеллажами с ящиками и папками, прикрытая тонкой прозрачной мембраной. За стойкой — боец в той же чёрной форме, что и у брата Явона, но опять без каких-либо лычек. Рядом со стойкой стоял человек в гражданском, и расписывался в толстой книге, другой рукой придерживая прозрачную коробку с моими вещами. Я непроизвольно замедлила шаг.

Пока я пыталась справиться с потоком эмоций, брат Явон прошёл вперёд.

— Да не затмится Великий Апри, брат Халнер. Вот, извольте получить клиента. Только умоляю, в следующий раз регистрируйте своих людей вовремя и как положено.

— Да не затмится Великий Апри, брат Явон. Я же написал, обстоятельства экстренные, бумаги не успели поступить. Ну, вы же знаете нашу бюрократию…

Халнер сказал что-то ещё, но я прослушала. Боги! Что мне делать со всем этим дальше?! Траурная ленточка, как же. Ещё в Озёрном всё было понятно, да и сам сказал потом, почти прямым текстом. И вообще, зацепок хватало. Со стороны, может, и не заметно, а при близком общении всяко больше всплывает. Но сложить одно с другим я и не подумала. Идиотка.

…Только не смотреть на него сейчас. Только не смотреть…

Брат Явон кивнул бойцу за стойкой:

— Выпускай.

Что-то щёлкнуло, над косяком засветился камень, дверь распахнулась.

Я шла, подшаркивая, по пустому гулкому коридору, и до крови кусала губы. Рядом, по одному шагу на два моих, двигался такой знакомый и совершенно чужой, брат-инквизитор, Халнер Хайдек.

* * *

Крепкий солёный ветер бил в лицо, раздувал куртку, трепал волосы. Казалось, он дует одновременно со всех сторон: как ни повернись, куда ни приткнись, всё холодно. Далеко впереди и слева огромный диск Апри величественно опускался к кроваво-красным облакам. Сейчас, на закате, особенно заметна большая выщерблина — наползающий на светило Атум. Что ж, зима близко. Днём-то ещё более-менее, а вот ночи окончательно похолодали. По словам местных, в Туманном море начались «шторма», то-есть водные бури, настолько страшные, что всякое судовое сообщение прекратилось. Даже здесь, в глубине Пенного залива, в берег вгрызались валы почти в человеческий рост. И это только отголоски! Что же творится там, за дрожащим от волн горизонтом? Даже подумать страшно.

Я сидела, обняв колени, на вершине одной из облагороженных дюн главного городского пляжа, и смотрела на колыхающуюся линию. Даль. Великая бушующая даль без возраста и времени… Порой взгляд соскальзывал чуть вправо, туда, где на повороте залива виднелся конец другого, скального, пляжа. Того самого пляжа, где недавно ретивые сопротивленцы справляли любовную требу Духам, а после — чистили ряды от «предателя». Да уж. Интересно, что хуже — медленно тонуть в жиже водорослей, или сгорать под солнечным стеклом?

За спиной зашуршало, скрипнул песок. Я распрямилась. Не оборачиваясь, спросила:

— Ну чего?

— Ничего. Ждём, — Халнер встал так близко, что я почувствовала тепло, — всё собрано, но Дарн опять ускакал каяться. Всё пытается выцарапать у торгашей обратно хоть корку хлеба. Это после вчерашнего-то! Наивный.

Я фыркнула. Да. Художественный руководитель еретиков — не та персона, которой можно возвращать предоплату аренды земли или возмещать ставшие ненужными заказы.

— Интересно, когда до него дойдёт… А Лили что?

— Уснула наконец-то. Элви усыпила её чем-то. Не ходи туда, ни к чему это.

— Я к ней? Сама? Мне оно надо? — я вскинула голову и посмотрела на перевернутого Хала, — или «добровольный помощник» должен и в такое лезть?

— Ой-йй, не начинай опять, — поморщился Халнер и сел рядом, — лучше скажи, с тобой из свободолюбцев театра разговаривал кто?

— Нет. Пока сторонятся. А вот ты расскажи-ка лучше, что твои братцы-инквизиторы говорят? Ради чего спектакль?

— Какой спектакль?

— С казнью, — фыркнула я и просеяла по ветру горсть песка.

Нет, всё-таки жаль, что Дарн не пошёл на последнее представление своих артистов. Лопнул бы от злости: такая толпа народу, и ни одной монеты в кассу! А уж речи… Как там? «За ересь! И пропаганду ереси! Оттарион Ойдек и Пертер Лирн! Приговариваются! К казни! Через линзу! Да очистят их! Лучи! Великого Апри!» И ликующий рёв толпы в ответ: люди отвыкли от подобных зрелищ. Вместо скучного молебна еретиков жарят! Как в церкви на витражах! Ух!

— Нет, ну правда, Хал, ну это же не суд, а пародия! Приговор на второй день после задержания!

— Увы. В делах о ереси у церкви… м… небольшой приоритет. Главный епископ Жемчужного — фанатик, каких поискать, а лорд Жемчужного ему в рот смотрит. Ну, братья и решили не препятствовать. Себе дороже.

— Ясно.

Я зло сплюнула попавшие в рот песчинки, и снова посмотрела на море. Идиоты. Теперь вся Империя услышала про Сопротивление, про его идеалы и цели. История покатится, обрастая подробностями. И если газеты ещё можно будет приструнить и проконтролировать, то шушуканье черни — нет.

— Ладно. Ты мне скажи лучше, с телами-то что?

— Ничего. Это же Ступени были… На казни очистили страданиями, теперь отпевают «головешки» в монастыре, пока не пройдёт срок искупления… Что? Летом? Понимаешь… как бы объяснить… приговор очищения под линзой в каждом округе трактуют по-своему. Селестина акккуратистка, да и я не любитель рассусоливать. Ересь с поличным, приговор, казнь. Великий Апри в любом случае примет всех, страдали они или нет.

Примет, примет, куда денется. Ступени у них, угу. Лестница. Восемь дырок в теле. Восемь! Планомерных дырок, из которых смертельная только одна, в сердце. Последняя. А до неё…

Сначала — выкрики про свободу, равенство, кровавый режим; потом, когда первые солнечные зайчики скакнули по коже и начали припекать, призывы к Апри. Не к Духам, к Апри! Потом стоны. Потом крики. И, наконец, монотонный вой. Вой, которому вторила Лилиан, невесть как сбежавшая из лагеря, и повисшая на руках прибежавшего следом Трена. А вот он, хоть и главарь ячейки Сопротивления, старательно отворачивался от действа, и вообще делал вид, что ничего не происходит. Шашлычки не понравились, видите ли. Как и остальным сопротивленцам: ни один из вопивших ранее про братство и свободу, на казнь товарищей не пришёл. Провожала ребят только я, по решению суда (как свидетель по делу, в назидание), да Халнер, который вел бумажные дела театра, и всегда представлял его на тех официальных мероприятиях, куда не желал идти Дарн.

— Знаешь, Белочка… это ведь я когда-то научил Отто Высокому языку, — вдруг тихо проговорил Халнер, отворачиваясь к морю, — старик Ог очень просил. Всё хотел, чтобы сын выучился и приличным человеком вырос. И, знаешь… у мальчика были все шансы. Способности. Память просто фантастическая — Книгу Апри за четыре дня наизусть выучил. Но потом…

— …потом этот самый Апри его и изжарил, потому что пацан заигрался в бумажки!

— Нет, Кети. Не Апри. Люди, — Халнер повернулся обратно, и буквально высверлил меня взглядом, — всё, что люди делают с собой и с другими, они делают сами. Великий Апри просто светит в небесах. Одинаково для всех. А выбор, любой выбор, делаем только мы. И каждый такой выбор всегда стоит чьей-нибудь жизни. Тебе ли не знать.

Теперь уже я отвернулась и сощурилась на заходящее солнце. Несколько облаков висело поперёк кроваво-красного диска, будто кривая усмешка. Что, Великий Апри, смешно? Конечно, смешно. Как не посмеяться над людьми! Над ребятами, которые хотели что-то менять в огромном государстве, забыв, что начинать надо себя. Над слабовольным лордом, не имеющим своего мнения. Над епископом, ослеплённым тщеславием, ведь он осенён благодатью Апри, ему лучше знать, кто виновен! Прицепился к двум дурачкам, и не в курсе, что под носом уже настоящие жрецы Духов поливают уже настоящих еретиков морской водой, подбадривая ритуальное совокупление, а затем и жертвоприношение.

Хотя, как выяснилось, Великий Апри тоже любит жертвы.

— Что я знаю, всё моё. Но теперь-то что? Что мне теперь-то делать, а, брат-куратор?

В берег врезалась волна, настолько огромная и сильная, что

солёные брызги долетели даже до нас. Халнер вздохнул, пожал плечами и тоже уставился на горизонт.

Аркан IV. Хозяин
Глава 19. Многоточие

Дорога до следующего города оказалась нелёгкой, хотя и близкой. Высоченный Императорский хребет взмывал к небу почти вертикально, горные тропы петляли узкими лентами, редкие поселения ютились в крохотных долинах. После Нижнего Перевала, дорога стала круче. В итоге, Дарн расщедрился, и посадил театр на ближайший канатный поезд. Гондолы бегали на тонких ногах с четырьмя вывернутыми суставами по крепкому канату, что паутиной раскинулся по хребту, а на крышах «транспорта» росли рожки-скамейки, всегда тёплые, и, главное, сухие. На одной из них я расположилась, дыша воздухом и наслаждаясь видами.

Сейчас, ленты густого тумана трепыхались между скалистых уступов, как клочья мяса между зубами хищника. Справа на горизонте бледнел Великий хребет. Тот самый, где осталась разорённая обитель Тмирран и Переход домой. Домой, где вместо лесов — пляска горячего ветра над степью, вместо морей — прожорливый Огненный ковыль, вместо изобилия причудливых зверей — только суслики, да несколько видов ящериц. Таких умных, таких вкусных, таких родных ящериц…

Я вздохнула, плотнее закуталась в плащ. По календарю Мерран, годовой цикл ещё не закончился, но по внутреннему ощущению прошло уже два наших года. А может, и двадцать. Боги! Столько времени чужой мир, чужая игра, чужие правила, нелепая жизнь.

Театр? Да что он мне! Никогда не смогу полюбить лицедейство. Люди здесь хорошие, но атмосфера всё равно не моя. Категорически. Сопротивление? Сборище фанатиков, глупцов, и тех, кто на них наживается. Как только снимут Орры, мы разбежимся. Сейчас сила не на их стороне, и дай боги, чтобы так всё и осталось. Власти? Весьма заманчиво. Но что-то мне подсказывает, что с ними игры опасны, да и пожизненны. А наемной армии нет. Охранником? Глупо. Раскрыть себя как Странницу? Просто идиотизм. Вернуться бы назад и воплотить то, о чём столько лет мечтала — а как?! До дверки-то через половину Империи топать, и ведёт она не в Нор, а в Тми, наводнённый монторпами. Одна надежда — найти ещё какой-нибудь Переход, до Катастрофы их наверняка было много. Правда, сначала надо избавиться от Орр, а это значит — оставаться в театре, сотрудничать с Сопротивлением, и спать с представителем

власти. Зашибись.

Вздохнув, я перевела взгляд налево, на Пенный залив. Его огромное пространство безмятежно синело, местами искрилось золотыми полосами. Это солнце выбивалось из-за туч — тех самых, в которые мы вот-вот должны нырнуть. Опять. Боги, как надоело.

С каждым днём всё холоднее, ветер садит из каждой щели. Почти все артисты простудились, у меня так и вовсе началась желудочная лихорадка, постоянно выворачивает. Даже Дарн проникся, приказал сидеть у Хелии, помогать с починкой костюмов после сезона, а на репетиции с иллюзией монторпа выходить только лично к нему, директору. Потому что «ничего нам, бездарям, доверить нельзя!».

— Позвольте к вам присоединиться? — слева возник Марш, закутанный, по обыкновению, в свой шляпошарф, — ну что, как вы себя чувствуете?

— По сравнению с несчастным Анкером и Отто — замечательно.

Боги. Принесла нелегкая. Когда, перед самым отъездом из Жемчужного, этот молодой сопротивленец пришёл наниматься разнорабочим, Дарн пребывал в истерике после казни Отто и Перта, и плохо соображал. Халнера возражать не стал — видимо, преследовал некие служебные цели. Но, как потом сам же мне и пожаловался, это мало что дало. Марш ни с кем не переписывался, на редких стоянках местных жителей сторонился, только вел тихие беседы с присмиревшими театральными сопротивленцами. Хуже того, эта скотина ещё и отказалась снимать с меня Орры! После кучи отговорок, вручил снадобье, чтобы замедлить самовосстановление механизма, и пообещал посмотреть на моё поведение.

— Замечательно? Рад слышать, — не повёлся на подкол Марш, — лекарство пьёте?

— Нет. Тошнит от него.

— Ооо. А от настоек этих ваших, значит, не тошнит?

— Нет, — соврала я, хотя от алкоголя в последнее время тоже воротило.

— Ну, дело ваше. А у меня к вам небольшая просьба. Будьте готовы послезавтра прикрыть священнодействие — приветствие гор. Только проверьте кристаллы заранее, пожалуйста. Эксцессов, знаете ли, не хочется. Всё-таки Вам репутацию восстанавливать надо. После случившегося…

— Эксцессов не будет, — зло отрезала я.

На этом и беседе конец. Марш постоял еще немного, и отправился по каким-то своим делам. Эх. Испортил относительно

неплохой вечер.

Нет, ребята меня ни в чем не обвиняли. Поначалу, правда, приставали с жесткими вопросами, как так получилось, что я осталась жива. Но потом оказалось, кто-то из них то ли видел происшествие, то ли слышал подробный рассказ некоего свидетеля из окрестных домов. Опять-таки, Эвелин внезапно вспомнила про моё самочувствие в тот вечер. Да и официальные бумаги вполне вязались с общепринятым мнением о реальности. Пошёл даже слух о моей стойкости на допросах в «жутких застенках» (ха! видели бы они тюрьмы в Сетере…). Но сторониться всё равно стали — должно быть, я теперь символ неудачи.

Одно хорошо: после инцидента в Жемчужном, Дарн понял, что дурь из мозгов надо выбивать. По своему обыкновению, из всех способов выбрал пожёстче. Бесконечные репетиции, перебор запасов… Отлов Кирва, моложавого деда Перта: после казни внука, старик окончательно скукожился и телом и разумом, перестал спать, начал бродить по ночам, потрясая палкой, и ища «еретичек, которые понесли от кадаргов». После долгих раздумий, Дарн сдал Перта в прицерковную общажку в городе Нижний Перевал, через который в тот момент проезжала труппа, и заявил, что когда старик поправится — заберёт. Все сделали вид, что поверили.

Труднее пришлось Лилиан. Закутанная с траурную белую хламиду, она предлагала всем мелкие, горелые пирожки, которые так и не научилась печь. Зато она научилась заниматься уборкой — мыть колёса на ходу, например — и смотреть полным отчаяния и ненависти взглядом на любого, кто называл Отто еретиком. Ну и на меня, конечно — как же так, иллюзии во время движения каравана делать могу, а тогда, на какой-то телеге — нет?! Что-то тут не чисто!

* * *

День ото дня выщерблина на солнечном диске становилась больше, а воздух холоднее. Из ущелий тянуло туманы, которые выпадали изморосью на ткань шатров. Промозглый холод забирался под одежду, вытрясал из-за пазух последнее тепло, как муку из дырявого сита.

Город Верхний Перевал располагался на плоской скале, что откололась от Тейрила, одного из снежных пиков Императорского хребта. Окружённый пропастью со всех сторон, Перевал был небольшим, но очень богатым. Ещё бы! Главное звено в цепи

элитных товаров с востока Империи: два порта для дирижаблей, дорога-туннель — единственный наземный путь сквозь горы, кстати, несколько станций грузовых канаток, бессчётное число «птичников» для птицеящеров — и нескончаемый шум, гам, грязь торгового города. Волнения прошлых лет не коснулись этих мест, а пересидеть Эпидемию вообще проблем не составило: выставили стену свёрнутого пространства, перекрыли наземку — и всё, ни одна зараза не долетит и не приедет.

Места в Верхнем Перевале не хватало и самим, поэтому театру выделили крохотную площадь на самом краешке, где уже начинался город гнёзд. Так называли кварталы, что буквально прилепились на вертикальные склоны скалы. Попадали в эти дома либо на птицеящерах специальной городской породы, мелких и вёртких, либо, чаще, по специальным лестницам, натянутым от края обрыва до «крыльца» какого-нибудь дома, над пустотой. Пустота буквально пронизывала город: сочилась между высоких строений, ныряла под верёвочными тротуарами, скрипела в пышных булочках, гнездилась в кошельках простых людей и в сердцах богатых. Не появлялась пустота только в зрительном зале. Забитое под завязку, главное шапито трещало по швам. Глядя на это, Дарн утирал слёзы радости, и благодарил Апри за второй шанс повысить статус театра.

Прочая жизнь замерла. Кроме представлений и репетиций, никто никуда не ходил. Нет, у Сопротивления, конечно, состоялось несколько «деловых встреч», но тоже без особого энтузиазма: город торговый, сферы влияния поделены, местные бунтари через одного держат какой-нибудь склад или магазин с хорошим доходом, баловство с листовками происходит чётко по расписанию, и чуть ли не с ведома властей, передавать через театр нечего. В общем, отдыхайте, ребята, занимайтесь лицедейством, развлекайте почтенную публику. Замечательный совет, как по мне.

Однако теперь, вместо постылых политических приключений, меня ежедневно терзал вопрос «чтоб такое съесть?». Город на скале мало производил собственной пищи, поэтому в Верхнем Перевале все заведения драли втридорога. Зато — о счастье! — здесь почти не продавали рыбы. При этом по соседству с театром, в «птичьих гнёздах», готовили всё то, от чего в более пристойных частях города воротили нос. Например, птицекрыс. По вкусу они почти ничем не отличались от Тисумских ящериц — таких, коричневых, с красным хохолком.

Ещё в этом городе, как и в моём мире, драгоценную влагу держали под землёй в гротах, пополняя запас талым снегом и дождями, а выдавали строго под учёт, ставя печати в

специальную книжку. Понятно, что в таких условиях на счету не только каждая капля, но и снежинка и, тем более, лёд. Так что, когда Марш решил воззвать к Духам Гор, ему пришлось изрядно побегать, прежде, чем он нашёл оставшийся с прошлой зимы кристально-чистый кусок, да ещё с вмороженным в него камешком. И всё бы ничего — пусть его еретичествует, только вот тащить этот самый кусок пришлось опять мне. Чтобы, значит, «восстановить доверие». А без доверия, как известно, не может быть и речи о новых сеансах по ослаблению Орр.

— Как думаешь, если разбить эту хрень об голову Марша, ему на том свете зачтётся? — прошипела я, перехватывая поудобнее тряпицу с пирамидой, и пытаясь вытряхнуть забившуюся за воротник морось.

— Вот чего не знаю, того не знаю, — пропыхтел Маро, — погоди чуток, пуффф…

Мы остановились отдышаться. Еретическую ценность нам передали на «источнике» над одним из городских резервуаров, из которого брали воду несколько городских кварталов и театр. Удобно: даже не пришлось придумывать прикрытие — захотели чаю, пошли за водой, да и всё. Жаль только, я не догадалась взять ещё одно ведро, или хотя бы кристалл Мирт, чтобы подкроить подпространство и нести злосчастный лёд в нём.

— Знаешь, есть такая пытка, человека подвешивают, и голой задницей на пирамиду сажают. И начинают мееедленно отпускать верёвки. Мне кажется, самое оно будет. Где б только механизм достать…

— Ты чё кровожадная такая сегодня? Да ладно тебе, дойдём уже скоро. Давай потом подхватим ребят и в «Головастик» завеемся? Выходной, как-никак…

— Ну, можно…

Пыхтя и перебалтываясь, мы добрались до лагеря. Маро тут же свернул направо, к своей очередной девке, а я потопала дальше. В шатёр Трена должен скоро подгрести Марш, получить посылочку. Выскажу заодно пару ласковых…

Чтобы лишний раз не петлять по лагерю, решила срезать путь через «площадь» — пустое пространство, на котором труппа собиралась слушать объявления и просто развлекаться. И тут, откуда ни возьмись, выскочил Дарн: камзол распахнут, плаща нет, прядь прилипла к потному лбу.

— Кети! Великий Апри, ты где шляешься, монторп тебя раздери?! — он схватил меня за локоть, — куда среди бела дня учесала? Я тебя отпускал, а?! У нас репетиция! Чтобы не было, как позавчера!

— Задолбал уже со своими репетициями! — я резко

высвободилась и отшагнула, — мозги себе не выворачивай, и всё нормально с номером будет!

Раньше моего иллюзорного монторпа «укрощал» ныне покойный Отто, но теперь номер пришлось несколько изменить: на арене выступал сам Дарн. Поскольку директор любил импровизировать, и придумывал трюки чуть ли не по ходу представления, у нас периодически возникали накладки.

— Это я тебе сейчас мозги выверну! — распалился директор, — а ну давай, топай в шапито!

— Покупку занесу — приду!

— Покупку? Хахаха! Что, всё-таки носишь бабскую ересь в кружавчиках?

— Нет, я только по листовкам, знаешь ли. Чтоб зады лордам вытирать почище.

Дарн задохнулся, и… отвесил мне оплеуху такой силы, что я упала. В глазах потемнело, голову наполнил звон, а рот — кровь. Ледяная пирамида выпала из руки и прозвенела прочь.

— Выёживаться мне тут ещё будешь, — прошипел директор, поднимая меня за шкирку, — а ну пошла на репетицию!

Я лягнула Дарна в колено. Когда он охнул и присел, развернулась, чтобы врезать ещё куда-нибудь. Наткнулась на блок, что неуловимо перетёк в удар — директор умел драться. Отклонив его руку вскользь, я цепанула Дарна по болевой точке у локтя. Отскочила прочь, развернулась, побежа…

Миллионы шипов вцепились в плоть, как зубья пилы. Тупой пилы. Раскалённые ржавые зубья. Пила двинулась. Расправленная проволока разрывала тело изнутри, заставляя его биться в судорогах. В ушах зазвенело от крика — собственного крика, подавить который не было сил.

Боль прекратилась.

— Что, так понятнее? Встала и пошла! — Дарн снова схватил меня за шкирку и поставил на ноги, — пошла, сказал!

— Дарн, *****! Что за *****?! — взревел прибежавший откуда-то Халнер.

— Твоя подстилка мне опять всё представление зарубит, ****! — заорал в ответ Дарн.

И получил в скулу. Но, удержавшись на ногах, полез давать сдачи.

Боги. Ну, пусть сами разбираются, мне не жалко.

Я сделала пару шагов прочь, и снова перегнулась пополам от боли. Пила в позвоночнике молчала, но её отголоски до сих пор разливались по пояснице и животу. Не в силах стоять, я осела на землю. Потом, поняв, что не могу даже ползти, свернулась в калачик, и уткнулась лицом в ледяной свёрток.

* * *

Когда сознание снова вернулось, вокруг царил полумрак. Пахло лазаретом, огнём, и… кровью.

— А, очнулась, русалочка? Ну, ничего, всё уже закончилось, — морщинистые руки расправили одеяло и пощупали мой лоб, — и жар спадает. Отдыхай.

— Корррххх… пффф… рррр…

Старая лекарка начала буквально вливать в меня воду. Где-то на третьем глотке я поняла, что действительно зверски хочу пить, и остальное вылакала уже сама.

— Вот молодец, — довольно сказала Кора, и начала пыхтеть, собирая что-то с пола, — лежи, лежи спокойно, деточка. Спи.

— Чххттт… Что прозш… случилось? — выговорила я, — что со мной?

— Чего-чего? — лекарка распрямилась и, откинув прядь волос со лба, завернула плотный тюк окровавленных тряпок, — ну как что. Не в моих силах тут было помочь, девочка. Если б ты в постельке пуховой лежала, то может и дальше Орры обхитрила бы. У вас обоих кровь высокая. А так…

— Кора, я… я не понимаю… Меня ранили? Куда?

— Куда?! — лекарка вдруг закатилась смехом, — ранили её! Ох-ха-ха! Куда дала, туда и ранили! Ох-хо-хо! Высокие да умные, а оба без мозгов! Ранили!

Перехватив ношу поудобнее, Кора развернулась к выходу.

— Так что… что же всё-таки случилось?

— Понесла ты, — бросила через плечо Кора, — да не донесла.

На этом она вышла.

Чего?!

На столике рядом с кроватью стоял тусклый светильник с двумя полуживыми мотыльками. Я протянула руку, пощупала металлический бок. Горячо. Больно. Хм. Приподнявшись на локте второй руки, приподняла одеяло и посмотрела в темноту, всё ещё пропитанную запахом крови. Попыталась поднять ноги, потом сесть, но только скорчилась от боли. Ох. Похоже, действительно, я… Но, боги, как?!

Я повернулась на бок, подтягивая колени. Нет, ну это надо же. Тогда, после всего, что творилось во время переворота в Сетере, я выжгла сама себе нутро Коричневым пламенем, выжгла со всем, что туда насильно положили. Отец рвал и метал: он считал, что лучше разок родить бастарда, зато сохранить возможность продолжить род. Но мне тогда было всё равно, а потом так и тем более. А сейчас? Орры, да ещё другой мир, значит и без того нерегулярные циклы буду плясать, как хотят.

Пища новая, опять же. Специи эти грёбанные. Рыба. А на самом деле всё гораздо проще.

Проще. И сложней. Ведь, если бы не Дарн… что бы я тогда делала?…

Я с ужасом поняла, что не знаю ответа на этот вопрос.

Послышались тяжёлые шаги, полог откинулся. Я тут же сделала вид, что сплю, и вскоре действительно провалилась в тяжёлое болезненное забытьё.

Когда снова пришла в себя, светильник уже не горел. Я протянула руку в густую тьму странной формы.

— Это я, — тихо сказал Халнер, — Белочка, ты… как ты себя чувствуешь?

— Пр… кхм… привет… да ничего вроде… а ты что в темноте?

— Да так… Не хотел тебя будить. Ты поспи ещё.

— Ааа… да не… я… я уже выспалась…

Боги. Зачем он пришёл? О чём нам говорить? И, главное, как?

К счастью, в этот момент кто-то вошёл, вспугнув тени новым светильником, на сей раз масляным. Это оказалась Кора. Сев на мою кровать, лекарка вынула из кармана каменный шарик Молчальника и ещё железный, назначение которого я не знала.

— Ну что, докувыркались? У ней мозги в дырку утекли, у него глаза писька застит, — забухтела старуха, пропустив мимо ушей приветствия, — только для всех это отравление, ясно? Кровавый понос, разрыв задницы, регулы во славу Апри…

— Да, конечно, — кивнул Халнер, разглядывая железный шар, — Светоед у тебя староват, лучше смени. Так это… всё-таки, почему Орры не сработали?

Лекарка хохотнула и хитро посмотрела на меня.

— Не простую девочку Ледяная река нам подкинула-то, а? Да, да… не простую. А ведь Орры не работают на Зрячих, чтоб ты знал. Ежели дитя пришло по взаимности, и кровь у него с обеих сторон высокая, то Орры брыньк! не могут удержать новый мир.

— Я знаю это поверье. Только это всё равно не наш случай.

— Как раз ваш, мальчик мой, как раз ваш. Дитя-то не квартером было бы, и даже не пятикровкой, а, считай, чистым. Да, да… Это я виновата, дура старая. Прости, если можешь… Сказала бы тебе раньше, может и по-другому бы всё обернулось-то… Эх… всегда невинные страдают, всегда… да…

Кора замолчала, кряхтя и мелко кивая своим мыслям. Халнер хотел что-то сказать, но тут я попыталась сесть. Он зафырчал, утолкал меня обратно, поправил подушки. Всё время, что мы возились, Кора сидела молча, и смотрела куда-то в пустоту.

— Невинные страдают, да… а Высокие играют, — заскрипела,

наконец, старуха, — и в башках своих остаются Высокими, даже если титул пепельный, а денежки на сцене зарабатывать приходится. Тогда и остаётся только, что гордость да мозги, повёрнутые на кровь. Тогда и племянница-полукровка покажется лучше, чем актриски из простых. Ну а если девка ещё и красивая…

Снова тишина. Нахмурившись так, что брови превратились в одну линию, Халнер медленно произнёс:

— Так, подожди. Ты… хочешь сказать… что… дед Тойран… С чего ты это взяла?!

— С того, что повитухам всегда говорят, кто отец. Так что Дарну ты не только брат, но и дядя. И кровь у тебя выше. У него половина, а у тебя три четверти.

— Хм… Как-то это… Н-ну… допустим. Только, всё равно, как? И зачем скрывать?

— Ну, когда, да как, да в какой позе мастер Тойран племяшку зажимал, я светляков не ловила, чтоб знать. А скрывали… во-первых, ты же помнишь, какая твоя мать была набожная. Вот и кляла себя, думала сама виновата и позор, хоть у Высоких такое и не новость, а даже правило. Во-вторых, сохла она по фокуснику этому своему, Хрину. Но главное — мастер Тойран опасался за твою жизнь. Поэтому и устроил уже брюхатой племяннице венчание, с кем она хотела, а потом тебя как сына Хрина везде записал. И правильно сделал, в общем-то. Дарека вспомни с потомством.

Халнер хмыкнул, но ничего не ответил, только задумчиво погладил подбородок. Снова стало тихо. Масло в светильнике затрещало, лепестки пламени взметнулись вверх.

— Эгхм, — откашлялась я, — извините за непросвещённость, но кто такой Тойран?

Халнер не то вздохнул, не то застонал, и потёр лицо ладонями. Кора захохотала, все складки её тучного тела затряслись, будто куски мясного желе.

— Ох-хо-хо! Кети, деточка! Ох-ха-ха! Хо-хо-хо! Да уж, Хални, разговорчик у вас будет, о-хо-хо! Уффф… Фух… Ну, ты всё понял ведь, да? Пойду я. Моё дело сказать. Дальше сами разбирайтесь.

Кряхтя, Кора поднялась и вышла, оставив нам светильник и Светоед с Молчальником.

Повисла тишина. Халнер задумчиво гладил мои пальцы и смотрел куда-то в сторону, качая головой и шевеля губами, слово что-то подсчитывал. Я тоже молчала, пытаясь понять родовую чехарду, про которую рассказала старая лекарка.

— И всё же… Хал… Ты меня просвети, пожалуйста. Значит, мастер Тойран, это?…

Халнер поглядел в потолок и тяжело вздохнул.

— Ох, Кети… Понимаешь, наш род, ну, Хайдек, очень старый, и… Ээм… ты же наверняка заметила, что Дарн любит побравировать титулом? Он хоть и пепельный, но это он недавно стал… Так. Ммм… Нет. Я лучше с самого начала расскажу. Только слушай внимательно.

Он отпустил мою руку и начал водить пальцем по одеялу, чертя невидимые линии от лоскута к лоскуту.

— Как я уже сказал, наш род очень старый, ещё со времён Императора идёт. Кровь в чистоте, без прерываний и примесей, всё такое. А потом… у моего прадеда был, как говорится, сложный характер. В результате он встрял в Се- неважно. Дуэль на Нарнах. И проиграл. По нашим законам, проигравший такую дуэль, лишается титула и всей собственности в пользу победителя. Но, в некоторых случаях, титул делят «пополам» и называют пепельным. Тут вот тоже вмешалась… власть вмешалась. Ну, древний род слишком, чтобы вот так запросто пресекать, да ещё при живых и чистокровных потомках. У прадеда-то двое детей было. Как раз Тойран, сестра его, бабка Торала. Вот. Титул им оставили, и, разумеется, родовой замок тоже. С долиной.

— А, это тот самый Хейдар и есть? Интересно… Так, а почему Дарн-то граф? Ты же старше?

— Погоди, не торопись. Старше, не старше, не в том дело. Тут всё по-другому немного. Понимаешь, у пепельного титула есть условие: его сохраняют, только пока есть наследник с долей Зрячей крови больше половины. Теперь внимание. Когда всё произошло, ну, дуэль в смысле, дед Тойран был подростком. И характер у него был… весь в прадеда. Короче, после всего, знаваться со светом он не хотел, и Торале, сестре своей, не давал. Хотя мог бы, по идее, её выгодно выдать за кого-нибудь…. Но, почему-то, не стал. В итоге, Торала вышла за тогдашнего управляющего, и родила полукровку. Девочку. Мою мать. Которая вышла за одного из артистов театра, и родила нас с Хелией. Потом отец умер, и мать вышла за своего кузена — сына Тойрана от одной из актрис. Это был единственный его законнорожденный полукровка, так-то дед полдолины покрыл. Но в тот раз венчался… И вот, у двух полукровок родился Дарн. Понимаешь? Сейчас книгах крови нас числится трое Хайдеков: я, Хелия — ну, она условно, потому что замужем была, хоть и не брала то имя, и Дарн. Мы с Хели квартеры, у нас четверть Зрячей крови. Дарн младше нас, но он шестикровка, то-есть Зрячей крови у него больше половины. И, по закону, имущественные права у него. Понятно теперь?

— Эээ… ну… в целом, да.

О боги, как у меня всё просто. Знатный род раз, богатый род два. Правда, первенцем вдруг дочь народилась — но так пережили же, ничего. А эти тут накрутили!

— Слушай, а всё-таки, откуда театр-то возник? Какое-то странное занятие для Высоких, по-моему. Есть же связи какие-то, в конце концов… Родственники? Клан?

— Клан? А, нет. У нас нет такого. У нас и двоюрдные-то едва родственниками считаются, иначе по Солнечному закону жениться нельзя. А у Тойрана по отцу, то-есть моему прадеду, никого уже не было, он как раз всё ото всех унаследовал. По прабабке… Пф! — Халнер отряхнул одеяло, будто стирая невидимую схему, и снова взял меня за руку, — прабабка как раз и вышла за прадеда, чтобы поправить положение своей семьи. Но он всё проматывал на развлечения, жене ничего не давал. Да ещё и повеса был изрядный. Прабабка не выдержала и отравилась. Вот её-то брат ту дуэль и выиграл. Отомстил за сестру, и свои дела заодно поправил. Теперь, если наш род прервётся по крови, именно потомкам того брата всё и достанется, полноценный графский титул в том числе. Зачем ему конкуренты на наследство?

— Да незачем, понятное дело … А купцы? А… не знаю… предрассветные пляски?

— Купцы на «пепельные» титулы даже не смотрят — слишком много надо печься о правильном наследнике. Платить за Рассветные пляски Тойрану было нечем. А вот театр у него уже был. Замковый театр, как у нас это называют. Его как раз прадед сколотил. Выбил где-то лицензию и возил с собой маленькую труппу, развлекать друзей и полезных людей. Сам дед Тойран сцену не любил, но в торговле или промышленности разбирался ещё хуже. Так что, он решил, что лучше уж вымучивать больные фантазии, чем пачкаться расчётами. И ещё любил против правил света ходить, особенно после того, что произошло с титулом и состоянием. Вот и взялся бодрить общественность, он так это называл. Ну и вот…

Халнер развел руками. Хм. В голове крутилась ещё несколько вопросов, но я решила, что они подождут. И так слишком много нового за один вечер, хоть бы это переварить. О, кстати, про переваривание…

— Так, ты куда это? Даже не вздумай вставать! — строго сказал Халнер, удержав меня за плечи, — что ты хотела?

— Эээ… пить.

— Вот вода, — он протянул мне флягу, — ещё что-нибудь? Нет? Вот и лежи.

— Ну вот и лежу! А пожрать мне можно?

— Хм… да, почему нет. Я принесу. А ты лежи! И постарай… да что за…

Халнер вынул из кармана пластинку металла, на которой светился и пищал красный камень. Такие штуковины в Мерран называли Перо, и использовали для самой быстрой связи, быстрее почтовых *таусов*.

— Чтоб тебя ****! — Халнер витиевато выругался, — кхм, извини… Белочка, мне надо идти. Сейчас придёт Кора или Эвелин. Я скажу им про еду.

Прохладные пальцы скользнули по моим вискам, и тонкие губы коснулись лба.

— А сейчас засыпай. Увидимся завтра.

— Да… — сквозь полудрему ответила я, не отпуская его руку, — до завтра…

Однако, завтра мы не увиделись. И послезавтра. И ещё пару дней: неизменно выпадало так, что он приходил, когда я либо уже, либо ещё спала. А спала я много, очень много, прерываясь лишь на туалет и перекус. Так что общалась я, в основном, с лекарками, особенно с Эвелин.

Её будто подменили. Она ободряюще улыбалась, похлопывала меня по руке, рассказывала новости, и даже попыталась вспомнить пару анекдотов. Но что такое придуманные истории по сравнению с новостями про Дарна? Избитый до полусмерти, директор отлёживался в своём шатре и отказывался пить что-либо, кроме крепких наливок, так что в труппе даже пошёл слушок, что он вообще отстранится от руководства театром. Это, конечно вряд ли. Но хотя бы помечтать…

Ещё меня навещал Маро, и неизменно притаскивал вышитый бурдюк наливки — всегда один и тот же, потому что, стоило вынуть его из подпространства, как появлялась Эвелин, и отнимала «отраву». Впрочем, Маро не оставался в накладе, и всегда тихонько утаскивал его обратно… чтобы принести во время следующего визита. Кончилось всё тем, что вмешалась Кора, которая вылакала наливку сама, в рамках дегустации, и категорически запретила мне пить что-либо крепче забродившего молока, пока не выпадет первый снег. Как ни странно, Маро моментально послушался Кору, и мне пришлось хлебать исключительно это самое злосчастное молоко.

Потом грянули холода. Сезон тут же закончили: при такой погоде по горам не походить, а проводить ещё одну зиму вне родной долины никто не хотел. Возможно, Дарн решил бы иначе, но сейчас театром управлял Халнер, и он тоже считал, что

задерживаться не стоит. Кроме того, каждый день «ваять» из-за кулис иллюзию моего личного номера (как и монторпа), ему тоже не слишком нравилось.

Лагерь свернули буквально за считанные часы, даже воды почти не набрали — зачем, если по пути будут горные ручьи и источники? Начался долгий, но радостный переход: люди возвращались домой.

На радостях взяли такой темп, что, когда через несколько дней караван добрался до крохотной лощины, решили устроить полноценный привал на пару суток. Тогда-то за мной и пришёл Халнер.

Он зашёл в повозку очень тихо. Молча кивнул лекаркам, протянул мне тёплый плащ. Как ни странно, но ни Кора, ни даже Эвелин не только не возмутились, но даже не удивились такой «краже» пациента средь белого (ну хорошо, сумеречного) дня. А ведь до этого никуда, кроме как вокруг повозки вместе с ними обойти, и не пускали!

Я пыталась заговорить, но Халнер только покачал головой. С каждым шагом он становился всё серьёзнее, даже мрачнее. Поначалу я удивлялась, но вскоре и сама поддалась настроению. Холодный воздух щекотался в носу, а усыпанная листьями земля резко пахла цветущим мхом, напоминая высохшие мумии в семейных саркофагах. И вместе с этим запахом в воздухе витала серьёзность, временами почти переходящая в скорбь.

Шли недолго. Халнер целенаправленно «догулял» меня до берега небольшого ручья, и усадил на поваленное дерево, а сам встал рядом. Потом он вынул из подпространства небольшой, в две ладони, кораблик. Целиком бумажный, но сделанный кропотливо, до мельчайших подробностей: крутые рыбьи бока, плоская палуба, тонюсенькие верёвочки от косых парусов-плавников. Едва взглянув, поняла: игрушка сделана не по игрушечному поводу.

Ханер хотел что-то сказать, но я жестом остановила его: всё и так ясно. Я запустила руку в карман, нащупывая огниво. Вместо него попался крохотный золотой паучок — тот самый, что подарили пауры в заброшенном храме. «Яйца», кричали они тогда, «яйца. Не трогать яйца». Вот так-то. Какие-то сбрендившие насекомые оказались проницательнее нас самих.

Щелчок, подсвёртка, Красный огонь на кусочке драгоценного металла. Когда кораблик осветился изнутри трепещущим светом, Халнер зашел по щиколотку в воду, и опустил «фонарик» в ручей.

Суденышко качнулось — раз, другой. Двинулось вперёд, плавно обходя стороной стремнины и мели, да так ловко, что на мгновение показалось, что им кто-то управляет. Потом он

скрылся за большим камнем. Не сговариваясь, мы развернулись и пошли обратно в лагерь. Там, в тесной, набитой скарбом повозке, укутались в теплые шкуры, и долго сидели, и просто молчали рядом.

Интерлюдия V
Архив Инквизиции. Центр

Адресату по табелю «413»
Срочно/вне очереди
Лично
Регистрированный канал связи «7412»
получено 35 дня Левого Касания 257 цикла от Воссияния

Настоящим докладываю, что внеплановая проверка объекта, запрошенная охранным гарнизоном, выявила следующее:

— усилился износ общей конструкции хранилища. По ряду направлений возможно обрушение стен. Перечень работ, необходимых в первую очередь, подготовлен.

— система исходных кристаллов активна на среднем уровне. Полевая, развернутая охранным гарнизоном, имеет значительные шумы и погрешности. Возможно, сказывается внешний фон. Рекомендую развернуть дополнительную полевую систему и провести тонкую настройку имеющихся камней.

— фауна на объекте снова взята под контроль. Причина инцидента — ошибка в подготовке пяти особей из недавней кладки.

— активность местного населения находится на прежнем (минимальном) уровне.

— моральное состояние гарнизона хорошее. Комплекс мер и обрядов соблюдается в полной мере. При этом отмечается излишняя загруженность каждого сотрудника в отдельности.

В связи с изложенным, и с учетом действий, требуемых для приведения объекта в соответствующее его статусу состояние, прошу рассмотреть возможность увеличения финансирования. Кроме того, настоятельно рекомендую привлечь еще одну группу сотрудников, желательно, не менее половины циклиона.

В столицу отбываю по открытию западного перевала.

Да не омрачится лик Великого Апри.

Полевой сотрудник № 825

Адресату по табелю «12/86»

Срочно/вне очереди

Лично

Регистрированный канал связи «1274»

получено 42 дня Левого Касания 257 цикла от Воссияния

Усилить бдительность. Через пять Гарий должна прибыть группа «Т», в которой следует заинтересованное лицо и несколько страждущих. В этой связи ожидается усиление внимания к объекту. Проработайте дополнительный комплекс мер безопасности, с учетом выявленных проверкой недостатков. При этом вести работы по устранению недостатков запрещаю, как демаскирующие. Окончательный план согласовать с заинтересованным лицом. Дополнительная группа будет выделена и направлена к вам по первой возможности.

Да не омрачится лик Великого Апри.

Адресат по табелю «413»

Аркан V. Иерофант
Глава 20. Дело-то житейское

Когда ребята говорили о красоте и почти полной неприступности Хейдар, я считала это баснями людей, соскучившихся по дому. Для меня вот Сетер навсегда останется самым лучшим местом на свете, хотя с непривычки мало кто выдержит его солёное солнце. Однако в данном случае действительность, и правда, оказалась богаче любых слов.

Единственная дорога входила в долину сбоку, там, где скалистый и обрывистый южный борт прорезали две трещины. Они располагались под наклоном друг к другу. Несколько гигантских скал провернулись и рухнули вниз, как выпадает кирпич из старого забора. В теле застывшего каменного хаоса люди вытесали гигантские ступени. Широкие и низкие, они служили зацепками для повозок, которые иначе скатились бы к подножию. Хотя, в случае необходимости, скинуть с «лестницы» незваных гостей просто: узкий проход в долину Хейдар защищал форт.

Выточенные (выеденные? вырощенные?) из горы, стены сливались со скалами. Понять, как именно устроены укрепления, было почти невозможно, особенно сейчас, когда их основательно запустили. Растительность нагло выглядывала из амбразур и стрелковых щелей двух башен, а соединявший их мост-арка порос ползучим мхом. Кто-то явно старался обрезать фиолетово-коричневые плети, чтобы не мешали, но делал это слишком редко. Отростки свешивались из брюха и боков арки, обвивая остатки поднятых портикул. Ветер подвывал в невидимых трещинах, бросал в глаза горстки мельчайшей пыли. Вот уж действительно, остатки былой роскоши: незваным гостям долины нынче следовало опасаться скорее несчастного случая, чем военной хитрости.

Со стороны долины к форту примыкала ровная площадка, почти как в Озёрном, только без перил. Слева она отвесно обрывалась, а вот справа переходила в узкую, но ухоженную дорогу. Дорога вела к каменному мосту, и даже издалека было видно, что нижняя половина его опор гораздо темнее верхней. Ещё бы! Если на Туманном озере люди поселились в спокойствии давно потухшего кратера, то здесь, в долине Хейдар, повсюду кипела жизнь — жизнь самой планеты Мерран.

Твердь дышала. То здесь, то там, неслись к небу белёсые струи воды и пара. Особенно много справа, и чем ниже по

течению реки, тем больше. Сама же речушка хитро извивалась, разделяя и без того узкую долину на две продольные части. Противоположный «берег» — менее скалистый. Там, на другой стороне, буро-красные склоны прорезали лощины и логи, сплошь поросшие кустарником. Но и без того, растительности немало: то здесь, то там виднелись пятна садов и многоугольники полей, чем выше по течению реки, тем больше. И ещё, конечно, башенки и шпили. Ага…

— Слышь, братишка, трубу дай? — ткнула я Маро, который ехал со мной на козлах лекарской повозки, — замок хочу поглядеть.

— Держи… Э, ты куда смотришь? Какой это замок, ты чего! Это Малый, там старый Огг, управляющий, живет! Замок дальше, на самой Спящей. Выше. Ещё выше. Вооон там, где большой скол…

— Да где к монтор… чтоб тебя! — я поперхнулась и чуть не выронила трубу.

То, что я сначала приняла за необычный уступ, оказалось стенами. Выточенные, а скорее всего *выращенные* из склона, они венчали огромную трещину, и скрывались в тени натёка лавы. Каменный навес прикрывал замок примерно на две трети сверху и частично сбоку, не давая заглянуть за укрепления. Из-за фигурных башт, замаскированных под уступы, виднелась всего пара крыш. Я едва сдержалась, чтобы не присвистнуть. Если это — жалкие остатки проигранного состояния, то каким же оно было до той злосчастной дуэли? И насколько же древний род Хайдек, чтобы их замок явно вырастили по той же технологии, что и Цитадель, и пограничный Тмирран…

— Слышь, Кет, рот закрой, птичка наделает! — хохотнул Маро.

— Абргхр! В тебя быстрее попадёт! — огрызнулась я и тут же начала разглядывать борта долины на предмет ещё каких-нибудь защитных укреплений.

Тщетно. Если не считать небольшого посёлка с прилегающим хозяйством и замка, больше люди не оставили следов. Заметных издалека, по крайней мере. Да и зачем? Оба борта явно неприступны, единственный перевал защищен. С одной стороны — сплошные горячие источники, через которые не проедешь, и по скалам не обскачешь. С другой — отроги, отроги, отроги, и высоченная вершина, стыдливо прикрытая белой лентой облаков.

Я снова перевела взгляд на крепостные стены. Да, эту башенку просто так не возьмёшь. Хотя кому надо нападать на такое отдалённое местечко? До ближайшего городка почти сутки трястись. Какие ценности могут скрывать несколько полей между

горячими озерцами да пара низкорослых лесков? Бред какой-то.

Телега уже основательно съехала с перевала, и шпили донжонов скрылись за стенами. Зато открылась светлая полоса дороги — лестницы, и канатные вышки. Ну да, всё правильно. Достаточно далеко, чтобы подчеркнуть статус, и достаточно близко, чтоб провиант в мирное время шел без перебоев. Источник ещё, небось, свой есть — и держи осаду, сколько влезет. Отсюда не видно, но ворота наверняка только одни. Стрелковые щели, конечно, не заметны, но зубцов хватает. А башты-то, башты, точнёхонько повторяют природный «карниз». Да уж, приятное гнездышко, на горном ящере не подскочишь! Особенно, после того, как зачем-то допёрся в эту задницу.

Такую задницу, что даже бушевавшая Эпидемия обошла её стороной: жители и так-то никуда не ездили, а перекрыть единственный перевал от посторонних проще простого. Так что два длиннющих Мерранских цикла обитатели Хейдар только и делали, что обеспечивали сами себя едой, да молились Великому Апри о своих детях, родителях, братьях и сестрах, застрявших вместе с театром где-то на просторах Закатного края в самый разгар Красной смерти. Совпадение или нет, но вернулись почти все.

Обитатели долины встретили караван пестрой и шумной толпой, побросав все дела. Колени в жирном черноземе, пыль на руках, тесто на фартуках, бусинки пота и слез в уголках глаз. С небольшого храма заливались колокола, в воздухе тянуло подгорелой стряпней. Сразу же отслужили благодарственный молебен, в котором помянули погибших за зиму, и даже сгинувших еретиков Отто и Перта не обошли добрым словом.

Затем посёлок захватил цветной водоворот праздника. Повозки побросали как есть — разве что волов и жуков распрягли. Безобразию никто не мешал: Дарн в пожелтевших синяках пребывал в упавшем состоянии духа, а Халнер просто махнул на всё рукой. Впрочем, на праздник побежали не все. Например, лекарки сами никуда не ходили и меня не пускали. Оно и к лучшему: меньше лишнего внимания. Повезло, что погибшая девушка, чью личину мне присвоили, была не из местных, а прибилась к театральному каравану где-то на просторах равнин.

Пока народ кутил и гулял, я познавала нелёгкую науку борьбы с проросшей мебелью. В Мерран, стоило оставить жильё без присмотра хотя бы на полцикла, как влажный и живой мир тут же изменял человеческие владения по собственному вкусу. Тумбочки с зубами, посуда с ногами, вонючие красные жучки и склизкие паукомыши… Вся эта гадость наводнила лазаретный

дом, и мы с Эвелин и Корой наводили порядок, не покладая штырей, ножей, ядовитых растворов и масок. Остальные приступили к «веселью» только на третий день, да и то лишь те, кто жил в «театральной» деревне.

Большинство крестьян в Хейдар жили в каменных домах, выращенных, как и замок, до Катастрофы. Потом, когда тот самый недограф Тойран унаследовал остаток титула и решил зарабатывать на жизнь театром, он вырастил около десятка «современных» деревянных домов — таких же, как на Закатных равнинах. Стены этих домов вились вокруг металлических или каменных столбов, прозрачные листья заменяли окна, а непрозрачные сливались в крышу.

Молодежь тут же клюнула, и с удовольствием отселилась подальше от предков. Поскольку жить в Большом замке было уже невозможно, и даже Малый замок начал приходить в упадок, Тойран вырастил ещё два больших особняка — Гарди для себя и Варди для своей сестры Торалы. В первом сейчас жил Дарн с Изабель, а во втором — Халнер. С мной: где-то на третий день после приезда в долину, Хал увёл меня из лазарета прогуляться, да так и не пригулял обратно… а на утро оказалось, что все мои вещи уже принесены в дом.

Особняк был огромным и высоченным и, как всё в Хейдар, подзапущенным. Проросшей мебели в нём, слава богам, не наблюдалось: об особняках хозяев неукоснительно заботились староста долины и его жена. Впрочем, на полную уборку сил стариков не хватало, так что пыль, паутина, потёртости пришлось устранять самим.

Ну как самим. Халнера заботили только те места, где он лично проводил много времени, то-есть кабинет и — теперь — спальня, а я… во мне моментально проснулась Высокая кровь: главной задачей стало правильно подобрать прислугу из крестьян, и внятно раздать им задания. На меня смотрели сначала с подозрением, потом с любопытством, потом с недоумением. Ещё бы! Мало того, что «младший» хозяин объявил своей Хозяйкой мутную девчонку, которую никто не знает, так она ещё коллекцию оружия почистила прежде серебряной посуды, почти все перламутровые вазочки отправила на чердак, а в оставшихся бадягу какую-то смешивает, обложившись книгами! Убирай теперь копоть, гарь, и пятна, вместо привычных проросших тумбочек!

После зимы, проведенной в библиотеке горного монастыря Тмирран, я почти не видела нормальных книг. Нет, у Халнера в театре имелась «походная» библиотечка, которую я перечитала от корки до корки, но всё равно не то. История Империи Мерран и

бесконечных войн с еретиками, равно как размышления над законами человеческими и божественными, никогда не сравнятся с фолиантами о свойствах металлов после перерождения в цветном Пламени. А уж труды по опытам со свойствами света, проходящего через различное стекло! Как только всё это великолепие попало в мои руки, участь малой гостиной решилась: из «чайной» с кружевными салфеточками на диванах и изящными статуэтками на столиках, она превратилась в лабораторию, похожую на ту, что я устраивала летом в гостинице в Дельте, когда придумала «Лучик»… только лучше. Хотя бы потому, что теперь я устроилась не в чьём-то номере по большому одолжению, а в *своём доме*.

Довольно скоро, впрочем, выяснилось, что одними стенами этот дом не ограничивается. В роду Хайдек проблему младших сыновей решали просто: если старший наследовал титул, и назывался хозяином Большого замка, то младший вёл дела рода, и назывался хозяином Малого. Будучи сводными братьями, Дарн и Халнер занимали свои «ступени» не по возрасту, а по формальной доле Зрячей крови, так что статус «младшего» достался Халнеру. Со всеми вопросами по долине, деревне, законам, трагедиям, и так далее, люди шли к нему. То-есть, в Варди. То-есть, к нам. И правильно: Дарна интересовал только театр и собственное творчество.

В тот день Халнер уехал куда-то на дальние хозяйства, осматривать старые купальни под снос. Пользуясь его отсутствием, и отпустив кухарку и горничную, я решила потренироваться в гостиной с коллекционным оружием — давнее желание, которого я отчего-то стеснялась. Но, едва разогрелась, как кто-то начал ломиться во входную дверь.

— Привет! Хал где? Что? Как нет?! Где? Тарвол его… чё же делать? До этих сраных купален скакать… время же… — булькал Маро, пытаясь одновременно пить воду и говорить, — уф… Да там ваще… представляешь, она всё-таки решилась! А вроде уже бодриться начала… Мы даже тело убрать без него не можем, Огнер не позволяет. Упёрся, старый хрыч, и всё тут. Только Хозяя-ин, без него ника-аа-ак…Монторп его в сраку… Раз Хала нет, то нужен Дарн, а он забухал опять, а с Изабель связываться — мрак… О! Кет! Дери меня монторп, да ты ж тоже Хозяйка! Малого Замка как раз! Чего-оо? Какое нет? Что значит «как»? Каком кверху! Ты с кем живешь-то? С тумбочкой? Поехали! Да послушает, послушает. Точно тебе говорю.

Ну что с ним будешь делать?

Когда взмыленные волы затормозили перед дверями Южного флигеля, почти стемнело. Тонкий серп Апри уже касался гор за

нашими спинами, света едва хватило, чтобы не споткнуться. А вот выщербленное крыльцо было освещено: свет лился из окон домовой часовни на третьем этаже.

— Ты представляешь, крысы, крысы, откуда ж, думаю, столько? Захожу — лежит. Малика в визг, Сайла вообще в обморок хлопнулась… И тут Огнер как заорёт на нас… Что, опять заело? Только что же открывалась! Да чтоб тебя….!

Пока Маро сражался с корнем *румбии*, что выполз из-под крыльца и заблокировал дверь, я отвернулась, и посмотрела в парк. Занесенный опавшей и скукоженной листвой, он шептал что-то врастающим в землю скамейкам. Вдалеке, за переплетением голых веток, ржавела изгородь. Сумерки уже сгустились, но я знала: она вся поросла вьюком *тикши* с его мелкими ярко-красными цветочками и крохотными шипами, которые перемещались под кожей со скоростью песчаных блох. Достигнув нужного размера, шипы превращались в крохотных червей, вивших гнёзда под мышками и в паху. Воистину, чем красивее растение, тем больше от него беды.

— Уф, ну наконец-то! Чего стоишь-то? Могла бы и помочь, между прочим! Или всё, теперь не барское это де-аай! Шутнуть уже нельзя? Так, в часовню теперь. Нет, не туда, сюда, там червекрысы гнездо свили. Это тоже оставь! Да вычистим мы завтра всё, не придирайся!

Я пошла за Маро, пиная обрубки корней *пирака*, лианы-камнееда, которая облюбовала эту часть дома. Корешки обиженно визжали и прятались в щели между каменными ступенями. Да уж. Дней пять чистят, а без ядовитой брызгалки и тесака по-прежнему не пройти. Хорошо хоть, для людей эта хрень не опасна. Ну, разве что, запнуться и шею сломать.

Поднявшись по лестнице, мы попали в небольшой коридор, забитый, в основном, молодежью — разнорабочие, прибившиеся к театру, и не имевшие в долине Хейдар ни родных, ни домов. Жить в шатрах уже стало холодно, по крестьянским хозяйствам расселять — не лучшее решение. Подумав, Халнер предоставил молодежи Малый замок и все блага его помещений, купален, залов… Которые пришлось отвоёвывать у червекрыс и лиан. Следить за «войнушкой» отрядил Маро, любимого племянника, «в целях сохранения морали и нравственности».

— О? Уехал? — проскрипел растрёпанный Огнер Ойдек, староста Хейдар и до недавнего времени единственный обитатель Малого замка, — ну… я даже не знаю… ну хорошо… вот, извольте… Все написали показания? Маро, бумаги ещё выдай. Никому не уходить! Хозяйка Кетания, прошу вас…

Подняв засов на дверях, Огнер пропустил меня вперёд.

Вместо темноты, тлена и крысиного яда, в нос ударил терпкий запах благовоний, а в глаза — свет от расставленных по залу фонарей. Это был не храм, а часовня: никакого висящего на свёрнутом пространстве шара, только покрытый золотом диск. Под диском — алтарь, опять-таки не большой и круглый, а, скорее, обрубок прямоугольной колонны. За алтарём — огромное окно с мозаичной мембраной, на которой красовалась сцена вознесения Императора: по легенде, он улетел к Апри на гейзере в одной из соседних долин.

— Вот, мы ничегошеньки не трогали, и я выгнал всех, и никого не пускал, и всё, как мастер Халнер говорит… у нас как-то был случай, но со скалы, да-с… Подождать бы его, наверно… ах, кристаллы… ну, как знаете…

Чем ближе мы подходили, тем яростней и быстрей тараторил Огнер. Он вытирал потную лысину, и старательно смотрел на витраж над алтарём, пока взгляд не срывался вниз. Тогда старик останавливался, шумно сглатывал, и продолжал болтать ещё громче и пуще прежнего. Дойдя до приалтарных ступеней, мы остановились.

— Идите, идите, ну как же, вы же Хозяйка, в храм давно уже не работает, ох, найти бы кого сюда, вот хорошо было б, но только кто поедет? Курт и тот вот в этом году не приехал…

Одолев три ступеньки, я присела на корточки. Вообще, согласно культу Апри, зимой всходить к алтарю имели право только мужчины, так же как летом — только женщины. Но обстоятельства явно не те, чтобы соблюдать какие-то мутные ритуалы. Некоторые дособлюдались вот. С последствиями.

Я перевернула тело на спину и тяжело вздохнула. Да, к этому всё и шло. Но всё равно неприятно.

Широко раскрыв светло-карие с желтинкой глаза, на меня смотрела Лилиан. Тонкое, почти детское личико, обтянутое белой кожей — такой белой, что даже кружева свадебного платья казались серыми. Да что кружева! Всё платье, с его праздничным узором, болталось грязным мешком на исхудавших с горя плечах. Лилиан. Маленькая пышечка Лили, как называл её Отто, самый квадратный человек во всём театре. Квадратный, сильный, и очень, очень падкий на рьяные политические речи. Речи, про которые Лилиан с таким искренним беспокойством рассказывала рассудительному Халнеру, не имея ни малейшего представления, кто он на самом деле. Речи, отпечатанные кроваво-красными чернилами на несгорающих листовках. Листовках, телегу с которыми я не сумела прикрыть.

Поперхнувшись на полуслове, Огнер зарыдал. Я поднялась на ноги и осмотрела алтарь. Небольшая бутылка вина, полна лишь

на треть. Крохотный пузырёк рядом. Пустая чаша, из которой пахнет ягодами и чем-то, резким, но приятным. Рядом с чашей — раскрытый томик книги Великого Апри. На измятом развороте желтеют несколько жирных пятен, какие остаются от слез. И ногтём подчеркнуто:

> «…суть единое порождение,
> Ибо, лишь соединённые вместе, Свет и Тьма образуют ткань жизни.
> Так невозможно бытие мужа без жены и жены без мужа…»

Я фыркнула и с силой захлопнула томик. Бытие у её невозможно, подумать только! А то, что старик Огнер с женой после смерти сына, только в невестке утешение находили — на это насрать, конечно! И что возраст ещё позволяет десять раз замуж выскочить — тем более забудем, как же. Отточко ведь головешкой стал. Потому что Лиличка язык за зубами держать не могла. Жизнь кончена, что.

Вдруг из декольте трупа начала выползать червекрыса. Сбросив тварь носком сапога на пол, я втоптала её череп в камень. И ещё раз. И ещё раз. И ещё. И…

* * *

Когда Атум окончательно закрыл Апри, в долину пришла стужа и тьма. Даже днём в небе висели звёзды, подмигивая сквозь разноцветные всполохи. Снег занёс все мелкие бугры и кочки, бортики палисада, и поднял дороги на добрый локоть. Из пяти ступеней крыльца осталось три, а я, наконец, поняла, зачем дверям в сад два порога. В самом же саду теперь стояли белые деревья с причудливыми кронами. Это пар от горячих источников тек по долине, изменяя ландшафт и растворяя в полумраке окружающие предметы. И рассудок людей.

Теперь, когда разорвалась последняя ниточка ободрения в лице Лилиан, окончательно осиротевший отец Отто камнем погрузился на дно алкогольных рек. Но точила его не столько смерть сына, сколько клеймо государственной измены. Огнер, преданный сторонник централизованной власти, никак не мог поверить, что его собственный отпрыск боролся против самого святого в этом мире. Жена старосты придерживалась другого мнения.

Женщина и мать, Дейла оплакивала не погибшую душу еретика, а терзания родной плоти. Старухе было категорически

всё равно, кого именно обвинять в трагедии — но обвинить надо всенепременно. Поскольку государство — вещь слишком абстрактная, а лорд Жемчужного — далёкая, мишенью стала я. Как иначе? Близкая подруга Отто и человек, сначала названный сообщником, а потом оправданный и избежавший наказания. Вот и Лилиан, несчастная девочка, тоже считала виновной именно меня.

Вместо того, чтобы предаваться скорби и молиться за упокой детей, Дейла стала кречетом кружить вокруг нас с Халнером, пытаясь докопаться до «истины». Без просьб и без надобности, старуха периодически приносила продукты, оказывалась на той же скамье в церкви, и всегда лично забирала в стельку пьяного мужа, не давая тому проспаться в тепле и комфорте Варди: староста поместья и дальний родственник Халнера, Огнер регулярно заваливался к нам, обсудить дела Хейдар… и выпить.

Надо ли говорить, что всё это, вместе с бесконечными заботами о хозяйстве, порядком надоедало? Чтобы поменьше срываться, я углубилась в оружейные исследования. Успешно: скоро мощности восстановленного Лучика хватало, чтобы срезать толстое дерево, а вторая установка отслеживала мух в воздухе.

В один из вечеров в бывшую чайную, теперь пропахшую металлом и пеплом, заглянули Огнер его бутылка. На моё несчастье, Халнер как раз пошел к Дарну доказывать, что мир вертится не вокруг сцены, и что к весне надо бы вложить деньги в поддержку хозяйств долины, а не только восстанавливать испорченные балбесами-кадаргами декорации.

Устроившись в углу на диване, порядком заляпанном углём и металлической стружкой, Огнер начал одностороннюю беседу. Что за камешки да что за книжки, почему же такая ягодка одна, вот уж он бы времени даром не терял… Я лишь качала головой да хмыкала, поглядывая, чтобы старик не приближался слишком близко к перламутровым вазочкам. Не смотря на внешнюю похабность, злосчастные сосуды прекрасно подошли для хранения различных химикатов. Главное, не жалко: одну взорвёшь или разобьёшь — другую с чердака принести можно. Не то, что колбы да пробирки, которых у Эвелин не допросишься.

Вечер тянулся мучительно — нет ничего хуже пьяного монолога ни о чём. Наконец, часы в углу прогукали полночь. Огнер встал, держась за стену, и начал раскланиваться и витиевато прощаться. Длиться бы этому ритуалу ещё кучу времени, но тут за нерадивым супругом пришла Дейла. Отказавшись от помощи, она взвалила на себя пахнущее потом и алкоголем тело, и направилась к выходу.

Вдруг Огнер застонал. Оттолкнув жену, он встал на ноги,

сделал несколько шагов назад, и рухнул на диван.

— Оги, Оги, миленький! — залепетала Дейла, всплескивая руками.

Я подскочила к старику. Пульс неровный, губы синеют, левая сторона лица дёргается.

- ****! Его надо в лазарет!

— Н-не надо в л-лазарет, — икнул Огнер, открывая глаза, — я… я в-всё.

— Оги, Оги, ты меня слышишь? — снова запричитала Дейла, но муж прервал её.

— М-молчи ж-жена! Св-свет А… алд… Кххх…

Захрипев, Огнер схватил меня за одежду и с силой притянул к себе.

— Св… кт… скаж-жите… Х-хозу… Дела, от-тойди… скаж-жите мастеру Х-халнеру… я никгда… я всй душой Имп… а эти уб-блюдки… прростите… цы… р-рят Пер-рерожд… ересь… теперь ид-диоты рог-гатые… х-хот-б-бунт… уб-бить… м-маст-тера Д-д-дарна… они… инквиз… длж… знать…

Заикание стало совсем невнятным. Старик замолк и, вздрогнув несколько раз всем телом, описался и начал синеть. Рыдая, рядом с ним упала жена. Я развернулась к столу, к клетке с таусами — огненными птицами срочной почты. Черкнуть несколько слов, засунуть бумажку в кольцо на лапке, повернуться к окну…

— Инквизиторская мразь!!

Спасла быстрая реакция: вазочка разлетелась о дверь за моей спиной. Слава богам, в этом сосуде щелочь, а не огонь.

— Мрр-раази! Это вы убили Отто! — Дейла выхватила с тела мужа нож и бросилась вперед, — Лили-то знала! Ты сдала Отто! Моего мальчика! Огнер, старый идиот, доносил всё этому ублюдку в сане, а ты, его шлюха, следила! Мразь! Мразь! Не уйдёшь!..

Да, давненько таких лиц не видела. Почти как у любителей нажраться кактусов перед боем, честное слово.

Выпустив тауса и подпустив старую каргу ближе, я выбила у неё нож и смачно ударила по точке расслабления. Давно мечтала. Так, и что теперь? Добить или сама перекинется?

— Эт-то ещё что? — спросили за спиной.

— Да вот, похоже, Огнер кони двинул, — не оборачиваясь, ответила я, и начала ловить тауса по комнате, — просил передать, что… пер-рерожденцы, ах ты, дрянь! хотят то ли бунт устроить, то ли Дарна уб-биить… вот говняшка крылатая, а! Короче, Сопротивление не дремлет…

- ****! Ты не говорила про агитацию перерожденцев! —

одним движением Халнер выщепил тауса из-под потолка и засунул обратно в клетку, едва не погнув дверцу, — с Дейлой что?

— Спятила с горя, что. А ещё Огнер лишнего сболтнул, и она, похоже, догадалась, что ты в сане… Или просто заистерила, у вас любят Инквизицию во всем на свете обвинять. Ну и на меня кидаться стала. Вот я её и утихомирила. А в Сопротивлении мне не сильно-то доверяют, и Марш планами своими не делится, говорила тебе десять раз. Ладно, что будем делать с телами-то?

Халнер выругался сквозь зубы и присел рядом со стариками.

— Придумаем что-нибудь. Монторпы тебя раздери, Кети! Твоя несдержанность нас обоих угробит когда-нибудь!

Он пощупал пульс у Дейлы, потом наклонился над Огнером.

— Великий Апри! Да он живой ещё! Так… Тогда, пожалуй, так…

В клетке таус обиженно пригладил перышки, встряхнулся, и опрокинул плошку с кормовыми угольками. Я рывком набросила на витые прутья темное покрывало. Громко щелкнув, на часах сдвинулась минутная стрелка.

— Ну, что надумал-то? На куски и в камин? Расчленять здесь будем или в сарай оттащим? Давай пока секиру наточу, что-ли. Тот узорный топор как раз подходит.

Выдохнув сквозь зубы, Халнер поднялся с корточек.

— Никаких кусков. Сейчас потащишь клиента в лазарет. На лыжке. Ясно?

— Хм. Вполне. Только ты что, оставишь Дейле па…

— Разберемся. Сейчас главное — Огнер, надо точно выяснить, что он такое узнал.

— Он же почти труп! Как ты собрался что-то из него вытаскивать?!

— Не я. Ты. Я только прикрою последствия, чтобы не возникло вопросов.

И он достал из подпространства мою Нарну.

Аркан V. Иерофант
Глава 21. Умри, но помоги

Что меня больше всего удивляло в Эвелин, так это готовность лечить — всех, всегда, в любое время дня и ночи. Вот и сейчас, стоило дёрнуть колокольчик в дверях лазаретного дома, как лампадка на окне превратилась в ослепительное сияние операционных ламп. Загремели склянки, инструменты, разнёсся запах настоев и трав. В букет затесались даже осевые цвета Пламени: Эвелин уже давно подавила гордость, и использовала мои знания и способности для расширения лекарского арсенала. Сейчас так и вовсе допустила к «откачке» Огнера. Хотя, что ей оставалось? Счёт шел на мгновения, а Кора ночевала у внуков на другом краю посёлка. Так что я только и успевала подавать полотенца, растирки, Пламя, и прочие украшения для трупа. Ну как трупа.

— Св-веет Эввф… Дей… дейла… Плохо… помгите… лжка… Д-Дейла… серддцц… Сввфт Эввф…ффф… и передай… Апри… ох… — бормотало тело, — бстрее… Дейла м-моя… ох… беда, беда… одна беда… и к-кадарги… с-сам слышал… св-вт Эффф… хзк Кет… мстер Дарн… кдр… они… они… смрт угнетат… убить… уб-блюдки… прростите… ересь… убить… хтят убть…

Довольно скоро иллюзия жизнедеятельности рассеялась. Помрачнев, Эвелин накрыла тело управляющего простынёй и опёрлась на стол, закусив губу.

— Перепил, старинушка… — вздохнула лекарка, — ну, хоть с сыном встретится…

— Угу, — согласилась я, и незаметно активировала второй слой иллюзии, чтобы давно остывшее тело с дыркой в груди, продолжило казаться целым и остывало с правильной скоростью.

— Ладно, — Эвелин оттолкнулась от стола и начала складывать свою походную сумку, — надо к Дейле. Надеюсь, ещё не поздно…

— Дейла подождет! Если Хал её сюда не притащил, значит, помощь уже не нужна. Во всех смыслах. Ты вообще слышала, что Огнер говорил?! Про кадаргов особенно!

— Туда Дарну и дорога! Да и спят кадарги в это время! А вот Дейла… Я свою лыжку тогда запрягать не буду, на твоей доедем.

— Плевать на Дейлу! — прошипела я, хватая лекарку за локоть и разворачивая к себе, — Да послушай ты! Как вы достали уже своими бреднями… Про Орры мои забыла?! Если страхомудины порешат Дарна, мне тоже не поздоровится! Давай

колись, что вы им плели!

— Не неси чушь! — взвилась Эвелин, вырывая руку из моего захвата, — твои Орры сильно ослаблены, они уже не могут убить!

— Ты сама видела, что могут!

— Это… это другое, — скривилась лекарка, но громкость убавила, — слушай… Наши… Не затевали они ничего. Поговори лучше с Маршем. Если кто и знает что, то только он. Я кадаргов после наказания выхаживала, и всё. Остальные вообще не при чём… Ну, Маро им ещё воду носил… Поехали, а? Всё равно Марш в Малом замке. А мне, всё же, к Дейле надо.

Эвелин развернулась и застучала каблучками к выходу. Едва слышно скрипнули петли, хрустнул свежий снег на крыльце. В приоткрытую дверь начал пробираться промозглый воздух, выгоняя из лазарета запах лекарств и смерти.

— Кее-еет! — донеслось с улицы.

Смачно сплюнув на стерильно чистый, отдраенный пол, я схватила свою одежду и вышла в ночь, едва накинув меховую куртку.

— Застегнись, простудишься, — сказала Эвелин, хлестнув лохматого вола по крупу, — и, кстати, вовсе ни к чему было так сильно хлопать дверью.

Всю дорогу Эви что-то бормотала и покачивала головой. Я считала сугробы, вспоминала инструкции, которые дал Халнер, и молилась всем богам, чтобы послали терпения и смекалки всё выполнить правильно.

Добрались мы быстро. Распахнутые ворота парка стояли вмороженными в снег. Малый Замок сонно щурился немногими освещёнными окнами. Так, молодежь в главном корпусе, и кухня у Огнера. Вернее, Дейлы. Вернее… ну в южном крыле, короче. К которому дорога расчищена.

— Ой, Кет, ты куда? — вскричала Эви, когда я спрыгнула на снег, — тпрррр!

— Кадаргов проверить, куда, — огрызнулась я, — по рогам у меня получат. А Дейле привет с кисточкой.

— Какие рога, ей-богу! Говорю тебе, спят они! В стойла всегда успеешь. Лучше у Марша спроси, — она спрыгнула с лыжки и подошла ко мне, — он в главном корпусе где-то. Там печатный станок должны собрать. Я не знаю, где, а Маро вроде в курсе.

— Да? Хм… Спасибо…

Кивнув друг другу, мы разошлись в разные стороны: лекарка поехала дальше к южному флигелю, а я потопала к центральному входу. Надо же. Как хорошо Хал знает Эви, даром что дочка. Ну, теперь посмотрим, как с остальными пойдёт.

Огромные створки давно заклинило, но небольшая дверь в них открывалась хорошо. Особенно, от мощного пинка. Жаль, заценить некому, кроме сырой темноты, да метнувшихся по углам птицекрыс. Протопав по останкам ковра, я поднялась по левой лестнице на второй этаж, к комнатам гостей долины. Они явно не скучали: запах жареной рыбы, гомон пьяных голосов, звон посуды, женские вскрики. Ну что же, хоть кто-то делом занят! И явно без Марша: этот мало того что выпивки чурается, так ещё и девок не мацает. На листовки свои, видать, удовлетворяется. Найти б теперь, где.

Приоткрыв дверь, я заглянула в комнату. Так и есть: пьют, едят, того и гляди групповуху устроят. Ну и монторп с ними. Мне сейчас только одно нужно. Вернее, один. Вот этот вот, самый ближний к двери.

— Оп-па! Сестр-ренка! А ч-чё этты? — удивился Маро, когда я выволокла его в коридор, — хошь повеселиться? У нас весе…

Схватив братишку за чёрные кудри, я шмякнула его лбом об стену.

— Марш где, монторп тебя *****? Где типографию собрали, клоуны ****?

— Да ты чё ваще дерёш-аааа! Хватит! ****! Хвати-иииит! Иди дальше, спустишься к кладовке и… Ай! Покажу! Хорошо, покажу, сказал! Ай! Ой! Не надо! Сам пойду! Сам!

Спотыкаясь и шарахаясь о стены, он повёл меня по темному коридору. Фонари я не додумалась запасти, поэтому пришлось идти почти на ощупь, пока не наткнулись на факел. Чиркнув железной рукоятью по стене, я поймала искру, превратила в Желтый огонь. Пламя нервно метнулось вверх. Маро подпрыгнул и выругался.

— Слышь, Кет, ты это, аккуратнее, а?

— На костре жарче будет. Шевели корнями!

Потом мы забрались в низкий. Пыль, сырость, тепло. Слишком тёпло. И воздух плотный…

Дёрнув Маро, сказала ему стоять у стенки. Прошла чуть вперёд. Прикрыла глаза, внимательно ощупала пространство. Неужели свертка? Да, так и есть! Неумело, неправильно, через какое-то по-мерранski извращенное место… и всё же — стена. Да ещё с сигналкой. Человек без Зрячей крови влетел бы запросто, и не заметил: вон, Маро как раз собирался. Зато на другом конце уже были бы начеку.

Приподняв нить сигналки, словно ветку, я пропустила Маро вперёд, потом прошла сама, не отвечая на вопросы.

Теперь мы двигались медленнее, и притушив факел. Больше препятствий не встретили. И всё-таки, кто? Как? Вроде и некому.

Неужели ещё какой двинутый прибился? Или Марш хитрей, чем кажется? Я почувствовала уже неподдельную злость. Умельцы, чтоб их! Ладно, потом. Что там у нас по плану?

Облюбованная Маршем комната оказалась недалеко, буквально за углом. Через открытую дверь лился яркий свет. Ощутимо тянуло палёной бумагой и краской. Так и есть: в дальнем правом углу разместился печатный станок, у которого пыхтело четверо ребят: одни — набирая буквы, другие — отпечатывая готовые тексты. Между дверью и станком, чуть слева, стоял стол, заваленный газетами: Сопротивление порою печатало условные фразы в новостях, объявлениях и даже некрологах, так, чтобы посвященные по всей Империи были в курсе общих дел. Уроды.

Факел снова разгорелся. Воткнув его в держалку рядом с дверью, я протопала к заваленному бумагами столу, за которым сидели Марш и Трен.

— Ого! Кет? Ты… К-какими судьбами, ласточка? — заулыбался Трен, — Чего гнёздышко своё покин… Ох ты ж! Кети, Кети! Стой!

Поздно: рубашка на груди Марша затрещала, дурацкая шляпа съехала набок.

— Слушай, ты, агитатор недоделанный! Давай выкладывай, что ты этим вологоловым нес? Они бы сами никогда до такого не додумались!

— Что… кхх… где… кххх! Н-незнаю оч-чем… кхх…

— Всё! Всё! Пусти его! Хватит! Что случилось-то?

Трен и Маро отлепили меня от Марша, оттащили на несколько шагов прочь. Тот рухнул обратно на стул, и вцепился обеими руками в поля своей шляпы. Он её снимает когда-нибудь?!

— Извольте… объясниться… п-пожалуйста, — проговорил он, поправляя воротник.

— Чего-ооо? Мне объясняться?! Это ты давай объясняйся, свободолюбец недоделанный! Что ты там кадаргам плёл? Пусти, Маро! Хотела б его убить, уже б убила! План какой у вас? В подробностях!

— Какой план, о ч-чем вы?

— Слушай, Кети, правда, что произошло-то? — спросил Трен, — ежели тебе какая помощь нужна…

— Да, нужна! Выпотрошить вас всех надо! Под линзой!

Пауза. Пока все в недоумении переглядывались, я немного отдышалась и собралась с мыслями.

— Борцы недоделанные, — зашипела я, — Дейлу сегодня хватил удар. Огнер приперся к нам за помощью, и сам

скопытился. Хорошо, Халнера не было дома! А то бы в лазарет поехал, а там Огнер перед откидкой такое выдал! Оказывается, кадарги Малого замка теперь связно говорят. Учатся читать. Пытаются вспоминать себя до перерождения. А ещё — угнетателей хотят порешить. Дарна в первую очередь. Главный угнетатель потому что. Но самое интересно знаете, что? Что разговоры эти Огнер сам слышал. Лично. Когда стойла проверял. Ничего сказать не хотите, а, босота?

Ребята оторопело переглянулись. Первым опомнился Марш:

— Молодцы, сограждане, борются за свои права, — кхекнул, поправил шляпу, приосанился, — да. Борются. А вы, свет Кетания, немного не по адресу пришли. Изъявляете желание благородному порыву мешать, то это вам в стойло надобно, а не к нам.

— Стойла, говоришь? Да, была мысль. Только не в стойла, мне с трёхнутым вологоловым долго возиться. Да и вам слабо, вижу. Так что и правда, пойду-ка к тем, кто сможет. К Эйнеру, он как раз со своего околотка приехал дочуру навестить — ты с ней всё невестился, а, Парт? Как твоя задница, кстати?

— А… эм… нормально, — промямлил вспотевший Парт, почёсывая свой побитый солью окорок, — так Эйнер бы того… не очень поймёт…

— Всё он поймёт! Как и любой, кто на кадаргах *такир* выращивает! А вот вы, я вижу, не понимаете, что кадарги — тупые твари, и все знают, что своих идей у них и быть не может, а значит спрос с кого?

— Я… да нет… нет же, Кет… эээ… кадарги, они… того… не говорят особо… — попытался вякнуть Зар, сын мельника, обившего шкурой кадарга дверь в стойло.

— Не говорят? Как по рогам получат — сразу заговорят, как миленькие. Не слишком связно, но кого надо укажут. Или думаете, покрывать вас станут?

— Так, Кет. Ты меня прости, но я это… не того, — проговорил ещё один «печатник».

— Свет Кетания просто хочет напомнить нам, что в некоторых ситуациях должно идти до конца и биться насмерть, — произнёс Марш, разглаживая поля своей шляпы, — и уж она-то знает, о чём говорит. А вот наши вологоловые братья, возможно, ещё не достаточно окрепли духом. И, знаете… она права.

Он поднял голову и улыбнулся, как гадюка, одними губами.

— Да-да, права. Нам следует поспешить в стойла, проверить, всё ли там в порядке, все ли на месте. Только вот, не знаю, о которых именно кадаргах идёт речь. А вы знаете?

— Да Огнера же наверняка, — вмешался Маро, — тех, которых за декорации выпороли! Помнишь, вы с Эви ещё к ним

ходили! Действительно, идёмте в стойла, и прикажем оставаться на месте! Послушаются, точняк говорю!

— Угу, уже послушали! До политической ереси! — огрызнулась я, — и, кстати, Инквизиция с её судами и линзами далеко, а ваши же родоки да соседи — туточки! Думаете, у них своей управы на вас не найдётся? По-родственному так, по-тёплому? Как испокон веков принято? А? Например, в Горячку окунуть, а потом на кислотный гейзер жопой в волдырях посадить?

Ребята моментально сбледнули с лица.

— Так мы что, мы ничего… Никто бунтовать-то не призывал… А где стойла-то?

— Не призывали, знамо… А ты знаешь, где?

— Дык там где-то… Кет точно знает. Да, Кет?

— Кет! Где эти грёбанные стойла?

Сделав знак следовать за мной, я молча развернулась и пошла прочь. Быстро. Ещё быстрее. Ещё. Только бы успеть. Только бы успеть. Только бы…

…Всё-таки редкостный идиот этот Дарн. Нет, музыкант он талантливый, и постановки придумывает такие, что дух захватывает. Но вот в бытовых делах — бездарь. Просто убиться, какой бездарь. Недаром всё хозяйство на Халнере — иначе быстро бы всё под откос ушло. Включая театр, ага.

Нет, ну это надо додуматься доверить *кадаргам* чистку бронзовых декораций с дорогущим травлением? Причём таким хитрым, что и не поймёшь, что это за черные да зелёные разводы, пока листы не повешены на сцене под нужным углом и нужным светом. Кадарги и не поняли. Просто исполнили, что велено: почистили. До блеска, аж смотреться можно — ни развода, ни пятнышка. Посмотрелся в эти «зеркала» Дарн, и выписал примерным слугам по самое нимагу. Тяжёлыми ржавыми прутьями. А до того ещё химикатами на шкуру плеснул, какими листы начищали. Люди бы от такого перекинулись, а перерожденцы ничего, поревели на всю долину, и пошли отлёживаться. А там Марш тут как тут, со своими речами про угнетателей и несправедливость…

…вытесанная из толстых досок дверь повернулась на хорошо смазанных петлях. Пропахшая потом темнота, прямоугольники окон под крышей. Свет от фонаря заметался по выгороженным стойлам — для каждого кадарга свое, отдельное. Низкие ящики с соломенными подстилками, грубые сундуки. Перерожденцам много не надо — штаны, чтоб прикрыть человеческий срам, да короткие рубахи для самок. Ну и теплые попоны-балахоны поверх этого, если зима.

— Так, сколько их? Все на месте? — спросила я, поднимая фонарь выше и двигаясь по проходу.

Одно, два, три. Три пустых стойла. И шкаф с инструментом расхреначен в щепки.

— Н-нууу? — обернулась я к Маршу, и театрально указала на стойла и шкаф.

— Сограждане решили изъявить свою волю. Я мешать им не буду, и вам не советую. Если угнетатель погибнет…

— …то с ним перекинусь и я! У меня Орры, забыл? — я потрясла рукой перед носом Марша, — ты мне их когда снимал крайний раз, а? Всё ля-ля да ля-ля, осла-абили типа, а я, вон, в лазрете сколько валялась, когда с Дарном по-крупному посралась! Мелкие издёвки теперь не страшны, да, но на полной мощноти эта хрень ого-го сработала! Забыл, да? А я вот нет! Мне моя жизнь дороже вашей ереси!

— О, вот это как раз мне известно. Сожалею, что с Оррами так получилось. Когда закончите с кадаргами, приходите, поговорим о дальнейших действиях по вашему освобождению. Пока же, позвольте откланяться.

И он пошёл к выходу. Ну и **** с ним.

— Так, — я опустила фонарь и развернулась к ребятам, — их надо их искать.

— Так мы это… не пойдём мы, — подал голос Зар.

— Как это не пойдёте?!

— Ну так… не пойдём. Ведь мы-то чо… мы ничо… — забормотал один из «печатников», косясь на Зара, — Дарн он это… того… орёт вечно… ну его…

— Ну да… надоел он, — подхватил Зар, — так что кадарги… ну… если это… того…. его… То хорошо. А если нет, то мы это… в горах заныкаемся, ежели чо.

Так, с этими всё ясно. Отвернувшись от «отказников», я окинула взглядом остальных. Парт чесал задницу, Маро поёжился и нервно дернул одежду на груди — там, где минувшим летом тонкий жаркий луч выжег священные письмена в наказание за ересь. Ещё один пацан скривился и сплюнул, но с места не сошёл.

— Вас двое, нас трое, справимся, — подмигнул вдруг Трен, — вы с Маро тогда к Дарну бегите, на лыжке, вдруг они там уже, ну либо перехватите их. А мы возьмём псов, и тут искать будем, а потом вдумчиво до Гарди пойдём. Ты, главное, не нервничай. От нервов желание пропадает.

Отправив клоуна со соварищи на псарню, мы с Маро устроились на крохотной лыжке. Почти что боевая колесница, прости Небесный Воитель за такое сравнение!

* * *

Маро давно протрезвел, но правил лихо, с крутыми поворотами. Полозья с визгом взрезали корку льда на укатанной дороге. За черными деревьями мелькали силуэты домов, хозяйственных построек, темнота, тени. Я пристально высматривала хоть что-нибудь, похоже на кадаргов, и напряжённо думала, что ни один, даже самый гениальный, план не проходит без накладок. Или это я время не так рассчитала? Но теперь главное — успеем или нет. Потому что если нет…

— Пффрррр!

Маро резко осадил вола, что я чуть не вылетела в ближайший сугроб.

— Ты что, совсем ****?!

— Кадарги!

— Что? Какие, к монторпам…

Но правда: дорога как раз делала крутой поворот, обходя скальный выступ. Из-за глыбы вынырнули и понеслись на нас две характерные массивные тени. Внутри всё похолодело. Неужели опоздали?! Но я чувствую себя вполне сносно — значит, Дарн жив…

Пока я размышляла, Маро соскочил с лыжки, сплюнул, и издал короткий, но замысловатый свист. Кадарги остановились.

— Тихо, тихо, свои, свои, — Маро начал медленно приближаться к беглым слугам, — я Маро, мы говорить в стойлах, помнить? Мы помогать. Вас прятать. Вы слушать. Это Кет, и её слушать. Мы знать, что вы быть у угнетателя. Что там быть?

— Угнетатель мууу-сильный, угнетатель мууу-бить Восьмой, ранить Тремуутий… сильный мууугнетатель. Ловкий мууугнетатель. Мууугнетатель мууугнетать. Угнетать…

Я тоже слезла, подошла. В нос ударил характерный запах прокисшего железа.

— Ранен? Куда? Чем?

— Бок. Бок, — прохрипел один из перерожденцев, — мууупор… большой мууупор…

Издалека донеслась звонкая трель кадара — рожка, созывающего кадаргов. Перерожденцы вздрогнули и повернулись на полкорпуса.

— Нет! Нет! — вскричала я, — стоять! Стоять! Ждать! Мы спасать!

И, понизив голос, обратилась к Маро:

— Пусть бегут к реке, там их спрячем.

— К Горячке? Где там прятать-то?!

— Найдём. Всё лучше, чем тут. Видишь, один вообще

покоцанный, далеко не убежит по-любому… Эй! Слушать! Надо бежать! Туда! Туда бежать! — я махнула рукой в небольшой лесок рядом с дорогой, — мастер Маро и я бежать следом, спасать!

Удивительно, но кадарги послушались, и потрусили в лес, оставляя в глубоком снегу следы копыт. Я рванула следом… но остановил Маро, впихнув плотный свёрток:

— Эй, эй, стой! Куда ломишься! Лыжи надень!

Я выругалась и села на корточки, пытаясь примотать к ногам короткие куски дерева. Кожаные ремни слушались плохо, железные застёжки обжигали пальцы. О, где вы, не знающие белого ужаса пески и степи? Где?!

— Ну Кееети! Будто первую зиму на свете живешь!

Маро со вздохом опустился на колени, и в пару движений затянул всё, что нужно. Мы пустились в «погоню». Удивительно, но перерожденцы скакали чуть ли не быстрее нас. Вот твари выносливые!

Сердце переместилось куда-то в уши, руки налились свинцом. Лучше уж по пескам в полном вооружении, чем это! И деревья проплывают медленно-медленно, будто в дурном сне. Как же долго! А на прогулках — то казалось — вот она, речка, рукой подать.

Наконец, мы выбежали на край крохотного плато. Несколько перекрученных стволов наклонились над обрывом, словно готовясь нырнуть в Горячку: приток главной реки, Кипящей, бурлил где-то внизу, под пеленой пара.

— Направо! Направо поворачивай! — крикнул Маро.

Перерожденцы свернули, понеслись в указанном направлении, уже не обращая внимания на трель кадара. Всё, времени нет! Я занесла палки, чтобы последовать вниз, но Маро дёрнул за рукав.

— Стой! Да погоди ты! Не успеем. Разделиться надо. Давай я тут останусь, подзадержу погоню, а ты уж спрячь воликов получше. Главное, чтоб не ревели.

— О! Отличная идея! — ответила я, и тут же огрела Маро лыжными палками.

— Аааааа! ****! — согнулся пополам парень, — ты что?! Больно же! Ты мне рёбра сломала, монторп тебя!

— Ничего я не сломала! Но правильно, ори и стони, как можешь, чтобы подольше на тебя отвлеклись.

Я развернулась и побежала дальше, к спуску. Точнее, горке: даже кадарги скользили, щёлкая копытами, и хватали руками воздух. Не оставалось ничего, кроме как снять лыжи и съехать на заднице.

— Мастер Маро бежать близко. Где мастер Маро? —

науспился один из кадаргов, оглядываясь, — Пятый говорить мастер Маро.

— Наверху. Помогать. Иди за мной, я прятать. Так, ты — Пятый, а ты… как там… Третий?

— Третий, — едва слышно промямлил раненый перерожденец, — Третий муууе справиться. Третий мууусть плохой свобода. Муугнетатель забить…

— Угнетатель скоро сюда прибежит! Вперед идти! Вперёд, к реке!

Пятый мукнул и послушно зацокал по камням к бурлящему потоку. Но второй, вернее, Третий, только прохрипел:

— Третий никак. Третий большой. Третий болеть, мууу, мууу… Угнетатель поймать Третий. Третий мууумереть. Надо забить третий! Забить!

Я резко выдохнула. Да с удовольствием, монторп тебя дери! Только вот нужен ты пока для другого, придурок вологоловый. Совсем другого. Но как это провернуть? Вот как?! Время поджимает. Пещера на берегу есть, но они туда вдвоём не поместятся, да её и обыщут в первую же очередь. Наверх не подняться — на грёбанном снегу всё будет видно. Ну что за долбанный мир! Одна вода и камни! Даже цепи Пламени нормально вывести не могут, потому что забыли всё со своим грёбанным стабильным простра…

Так.

— Третий, а Третий? Бок болит, да? Ну ничего, ничего. Подойди-ка сюда. Вот сюда, да. Умничек…

Я повела его к самой кромке воды, туда, где остановился Пятый. Горячая водная пыль начала росой осаживаться на руки и одежду. Присесть, смочить в воде найденный в кармане платок, шагнуть к Третьему, наложить на рану. Перерожденец вздрогнул, но не отшатнулся. Отлично.

— Пятый! Закрыть глаза и стоять! Не двигаться! Ждать! Ждать!

Кадарг послушно зажмурился и закрыл лицо руками. Я взяла Третьего за локти. Теперь встать поудобнее, ногу за копыто, как для броска, и…

Граница двух, а тем более трех, сред — тоже граница миров. Где-то она четкая, где-то расплывчатая, где-то — лишь сеть из того и другого. Сеть неплотная, изменчивая, нестабильная, с «дырками» на месте узелков и вихрями на месте ячеек. Именно такая сеть раскинулась над рекой горячей воды, текущей среди заснеженных скал. В детстве, в Сетере, мы часто играли в соляную переправу. Жарким полуднем прыгали по выступам породы так, чтобы не коснуться ногой раскалённого солончака. Но никому не

могло взбрести в голову тащить с собой тяжеленный мешок, тем более, с живым грузом, который ещё дрожит и изворачивается. И мычит вдобавок. О боги…

Удар о береговые камни выбил дух. Пока я ловила ртом воздух, Третий успел уползти за большую скалу, и свернуться за ней в скулящий комок.

— Ну? Как чувствовать? — я подошла к нему, двигаясь медленно.

Перерожденец задрожал ещё больше. Шелохнуться не смел, лишь забормотал что-то неразборчивое. Я наклонилась и ощупала повязку на ране. Влажная, но скорее от пота. Вот ведь тварь живучая, а!

— Сидеть и не вставать, ясно?

— Мммууууу…

— Погоня приходить на тот берег. Ты сидеть. Просто сидеть. И Пятый сидеть рядом. За вами приходить утром. Мастер Марш приходить. Или я. А пока ты сидеть. Тихо сидеть. Все понял?

— Ммууу…

Да чтоб тебя монторпы разорвали! Я повернулась к реке, прикидывая, как лучше вернуться, и… с ужасом увидела отблески фонарей почти над самым обрывом.

Лихорадочная свертка. Схватить Пятого, снова свёртка, снова удар. Слава богам, кадарг уже сам деранул прочь, заметив невдалеке поскуливающего товарища. Решив, что теперь они разберутся и без моих напутствий, я собрала последние силы, сделала обратную свертку… и тут же врезалась в Дарна.

— Кет! Кет, ну что? Где? Где они?! — орал директор, лихорадочно стряхивая лыжи, — как в реке?! Что значит утонули?! Да я тебя саму утоплю сейчас, ****!!

Тут с высокого берега неторопливо съехал Халнер, а за ним — Равор, взметнув льдистую крошку вычурной струёй.

— Там один покоцанный был! Весь след в кровище! Неужели долбануть его не могла?! А второй где? Где второй ублюдок, я тебя спрашиваю?! Вон следы копыт! Все за мной!

Однако отпечатков было мало, и все вели к кромке воды — бурлящей воды реки Горячки.

— Дарн, они точно ушли в реку. И, знаешь, они вряд ли выплыли. На стремнинах кипяток, это даже кадаргам не под силу, — подытожил Халнер.

— А ты почем знаешь?! Сам проверял, что ли? А если выплыли?! Завтра! Искать! Как рассветет искать! Вся долина у меня искать их будет! — продолжал бушевать директор, расхаживая туда-сюда и затаптывая остатки следов.

Потом он, наконец, опустился на большой камень и достал

скомканный платок.

— Фуххх… вот твари неблагодарные! Заботишься о них, заботишься, от кровных денег на эти стойла отдираешь, а они! Ещё Маро зашибли, ушлёпки! Уффф…

Дарн вытер лоб и пнул мелкую гальку.

— Слушай, я думаю, надо возвращаться, — проговорил Халнер, хлопая брата по спине, — скоро утро уже. Как раз всех оповестишь, прикажешь искать. Если кадарги вдруг выплыли, то всё равно они в ожогах и без припасов, далеко не уйдут. А нам всем надо отдохнуть. И вообще, тебя самого покоцали.

— Да ну, покоцали! Скажешь тоже! Царапины. Кадарг с косой, ну это ж надо! Эх, ладно… Пожалуй, ты прав. Пойдёмте отсюда.

Он встал и, закинув снятые лыжи за спину, начал карабкаться по склону обратно на плато. За ним хвостом последовал Равор. Халнер задержался, якобы помочь мне затянуть плечевые ремни с лыжами.

— Где?

— Тот берег.

— Тот?! Как?

— Свертка.

Одобрительно хмыкнув, он подтолкнул меня вперед.

Примерно на середине рощи мы набрели на Варка, старого слугу. Он тащил Маро на самодельных носилках из перевязанных веревкой ветвей. Парень стонал и взвизгивал по любому поводу и без — видно, крепко вошёл в роль.

— Ну что, ушибленный, как самочувствие?

— Живой пока, — пробурчал Маро, и с гримасой потёр грудину, — в тепло бы…

Гарди, особняк Дарна, встретил нас светом в каждом окне, выстуженным теплом, и бледной Изабель. Одетая в тёмное, несвойственно-скромное, платье, фифа расхаживала по гостиной, поправляя вычурные статуэтки на затейливых кружевах.

— Вернулись! Слава Апри! Ну что, что? — закричала она, бросаясь к нам, — все живы? Кадарги потопли? Ну и пусть их! Главное, вы все здоровы! Что? Маро? Ах, мальчик, кто это тебя так? Ну ничего, это не страшно, не страшно, заживёт заживёт…

Я почти сразу отшагнула в сторону и теперь наблюдала, как Изабель виснет на шее у всех по очереди — Дарна, Равора, Маро… Халнера. Который ей ни разу не любовник и не сын. И не племянник тоже. И вообще никакой не родственник. Радость у неё прёт, видите ли! Ща засуну ей эту радость в…

— Айайай! — заверещал кто-то.

Это оказалась служанка, на которую посыпались искры из

наддверного светильника.

— Ай, да что же это, боженьки! — женщина отскочила в сторону, — недавно же сменили! Ох-хохо… Мастер Дарн! Вернулись! Как я рада! Догнали? Нет? Ну и монторпы с ними, прости Великий Апри! Ах, да вы же замерзли все! Сделать горячего? Чай? Травы? Молоко?

— К монторпам молоко! — отмахнулся Дарн, плюхаясь в кресло, — настойку неси, самую крепкую. Ну, ту твою, на иголках. Дамам чай.

— Сей же миг! — служанка ринулась на выход.

— Да, и Лиз! Горячие бинты ещё. И примочку для синяков, — окликнул её Халнер.

— Да, Хозяин! — присела она в неуклюжем реверансе, и скрылась за дверью.

— Хозяин, — фыркнул, передразнивая, Дарн.

Затем он откинулся на спинку кресла, и начал массировать глаза. Изабель засуетилась, рассаживая всех по диванам вокруг низкого столика. Вскоре прибыл чай, настойка, и тарелка с крохотными кусками вяленой рыбы, пришпиленными зубочистками к сухарям. В смысле, подсушенным булочкам. Таким не наесться ни в жизнь! Хотя чего ещё ожидать от дома, где Хозяйкой эта фифа? Хорошо хоть, настойка какая надо, даже сквозь стекло алкоголем пахнет. Выглядит, правда, как разжиженное… кхм. Причём тут внешний вид? Главное — вкус!

— Ой, ой, мне совсем немножко! — воскликнула Изабель, помахав пальцами над своей чашкой, — Равор, сынок, так много не наливай! Только в чай, в чай, слышишь?

Я закусила губу, чтобы не рассмеяться. Равор залился краской, но просьбу матери выполнил: налил себе явно меньше, чем хотел. Но всё-таки в рюмку.

Другая рюмка, только полная, стояла перед Дарном. Ещё одну держал в левой руке Маро, прижимая ею примочку к виску. На полированной поверхности стола, чуть правее моих колен, расположилась последняя рюмка, для Халнера. Впрочем, он пока пить не собирался, а стоял рядом с братом, помогая тому обработать небольшие рваные порезы на шее и ладонях. Идти в лазарет директор отказался наотрез, слугам больше не верил, а Изабель только побледнела и отвернулась: фифа боялась вида крови. Вот и теперь старательно смотрела в другую сторону, пытаясь поддерживать светский разговор.

Разговор не клеился, и упорно скатывался со спятивших кадаргов на раны и ранения. Я поболтала ложечкой чай и чуть не фыркнула. Видела бы она настоящих раненых! Да и вообще, как может *женщина* бояться вида крови?! Это всё равно, что

шарахаться от собственной тени!

— Хватит уже! Отстань! Жить буду! — Дарн скомкал в руках салфетку и бросил её на подкатной столик, — давай уже посидим как люди, отдохнём. И нормально пожрать надо.

Он потянулся к колокольчику, чтобы снова позвать слугу. Халнер положил испачканное полотенце на тот же столик и обмыл руки в чаше с водой.

— Хал, давай уже садись! И отними, наконец, у Кет рюмку! Ты б, вообще, следил бы за ней получше, что ли, раз уж в дом взял. Не просыхает, как пойма по весне, а потом кадарги в реках топнут!

Чего?! Только я хотела огрызнуться, как вошла служанка с подносом теплых бутербродов. Записав, что приготовить на более основательный завтрак, она снова удалилась. Тем временем Халнер уже отобрал у меня «ёмкость», плеснув в утешение настойку в чай. Зря: в разбавленном виде она оказалась редкостной дрянью и пахла, как грязные портянки.

Вскоре в гостиной Гарди и без портянок стало не продохнуть: по приказу Дарна, сюда начали стекаться все «важные люди» из поселка. Ни Маро, ни меня, на этом собрании не предполагалось. К лучшему: еще Сопротивление поднимать и кадаргов как следует прятать. Так что, наскоро распрощавшись, мы вышли на свежий воздух.

Ночная темнота уже превратилась в дневной сумрак: Великий Апри выкатился из-за гор. Голубоватая корона истерично билась вокруг закрытого солнечного диска. Удушающе свежий морозный воздух врывался в горло, заставлял лёгкие содрогаться в кашле.

— Слушай, Кет, всё хотел спросить… Ты чего с этими кадаргами так взбеленилась-то? — проговорил Маро, открывая калитку, — ты что, правда до сих пор в Оррах? Ключ же вроде того… у Халнера теперь? Ну, после той их осенней драки…

Я только пожала плечами и сплюнула в снег.

Аркан V. Иерофант
Глава 22. Экскурсия

Через черноту неба раскинулись разноцветные полосы. Они то мерцали, то складывались в спирали, то развивались, подобно лентам на шлеме полководца. Но в небесах, как и на земле, не было ветра. Красно-зелёный свет то поглощал, то снова приоткрывал звёзды. Стояла абсолютная тишина, такая, что даже собственное дыхание казалось кощунством.

Не в силах больше стоять без движения, я отвела взгляд от неба и пошла дальше. Удивительно холодная для долины Хейдар, ночь выкалывала глаза, хватала за мочки ушей и кончик носа. Вот, даже природа против меня. Всегда против. Чужой мир, чужие правила. Всё чужое… Бац! Я пнула кусочек льда и пошла быстрее, даже не пытаясь маскироваться. К монторпам всё! И «патрули» эти директорские к монторпам! Прикопается кто — пошлю наводить порядок в Малом Замке. А порядок там требуется, ещё как. И молодёжь приструнить неплохо бы, и кадаргам беглым рога заломать, и известного политического преступника отыскать можно. Пламенного такого преступника, который любуется своим портретом в рубрике «разыскиваются» и заливается смехом при виде…

Боги, только не снова! Я зажмурилась и помотала головой, отгоняя поток образов — таких одинаковых и таких разных. Снова газетный заголовок, снова соткана из точек литограмма, где лежит ничком темноволосый мужчина, а рядом с ним воткнут в пол почерневший клинок. Нарна. Это у нас кинжалы проклятого народа Зрячих давно стали просто красивыми побрякушками «с опаской» и ходили по рукам кого ни попадя — только плати. А в Мерран, где все вечно озабочены сохранением крови, их использовали по прямому назначению. Ну, почти прямому. Открывать большое подпространство специально для дуэли, это ж надо!

В памяти опять всплыла ухмылка Марша, и заговорческий шепот:

— Чего перекосило-то? Знакомая картинка? И какой же титул?

Конечно, ответила в морду. Конечно, поднялся скандал. И конечно, послав всех самыми крепкими словами, я хлопнула дверью.

Но, почему-то, до сих пор погано.

Я снова остановилась, разглядывая пляску небесных огней, но

быстро пошла дальше — холод усиливался. С одной стороны, погулять бы, но слишком холодно. Придётся идти… куда? домой? Можно ли назвать домом место, в котором согласилась жить от безысходности? Да ещё и с человеком, о котором не знаешь, по сути, ничего? А человек между тем полностью управляет твоей жизнью. Полностью. Вон, даже ключ от Орр теперь у него. «Ослабил как только мог, но снять без Дарна невозможно». Прелестно. Просто прелестно. Как старой Дейле мозги править, чтоб в овощ превратилась, так все инквизиторские навыки в дело. А как на братца повлиять — так ути-пути, он же младшенький, айайай, сам потом одумается.

Когда «потом»?!

Сморщив несколько раз нос, я яростно потёрла кончик рукавицей. Монторп раздери эту влажность! Даже флягу с настойкой лишний раз не достанешь: подпространство раскрывать и то холодно.

Улица мягко катилась вниз. Среди деревьев мелькнул силуэт особняка Варди. Вскоре потянуло ароматным дымом от поленьев *буниш,* которые дают больше всего жару. А уж запах-то какой, ммм! Горько-сладкий, тягучий, с примесью раскалённых солнцем камней и весеннего разнотравья. За этот запах я готова простить природе Мерран всё. Даже зиму.

Скрипнула калитка, зашуршала утоптанная дорожка, едва слышно вздрогнуло крыльцо. От прикосновения ладони, двери приветливо распахнулись, сначала в крохотный предбанник, затем в пропахший кожей и пеплом коридор. Раздевшись на ощупь, я заглянула в темную гостиную. Всё как всегда: красные угли в камине, едва заметные блики на коллекции оружия, и узкая полоска света под дверью в дальнем углу.

— Сопротивление — сборище придурков, — объявила я, входя в кабинет.

Здесь камин не зажигали вообще, но древесные стены дома и так перераспределяли тепло, поэтому любивший прохладу Халнер сидел в кальсонах и нижней рубашке, расстегнув ворот и закатав рукава.

— Ну и чего топить, если я ещё не пришла? А теперь сидит и мучается! Ладно. У меня новости. Маро собирается вести кучу народа в Большой замок, типа прошвырнуться, но на самом деле что-то искать. Что именно — не знаю, это всё у Марша какие-то идеи идиотские… так-то звучит как мародерка, но это не его стиль. Мне кажется, что-то конкретное искать будет. Что — не знаю, делиться мыслями особо не хочет, тем более со мной. Не доверяет, даже после того, как кадаргов этих грёбанных на себе приволокла… ты меня слушаешь вообще?

Халнер молча кивнул. Он сидел за письменным столом и, не мигая, смотрел в старый, ободранный по краям лист.

— Спать собираешься?

Он снова кивнул, и начал выстукивать пальцами свободной маршевый ритм.

— Только что из камина вылез монторп с сиреневой чешуёй.

— Угу.

Фыркнув, я обогнула стол и заглянула Халнеру через плечо. На пожелтевшем от времени листе, тонкие штрихи сливались в бастионы, башни, амбразуры.

— Большой замок?

— Да. Такой, каким он должен быть, — Хал вздохнул, и опустил гравюру на кипу чертежей и каких-то расчётов, — а сейчас это старая развалюха. Дарн совсем не заботится о нем. Даже мало-мальского ремонта не делали с тех пор, как дед Тойран умер… А теперь вот срочно надо укреплять целый кусок западной стены, пока окончательно не обвалилась. Мда… Про Маро и поиски это серьезно?

— Вполне. Он даже просил достать у тебя поэтажный план строений.

— Да-а? А тарвола в задницу он не просил?

— Чёт не припоминаю. Ну, слушай, можно же просто общую схему нарисовать. Они же всё равно полезут.

— И ты тоже, — сказал Халнер тоном, не терпящим возражений.

— Куда деваться, — вздохнула я и дернула его за мочку уха, — а ты сам-то прогуляться не хочешь? Показать там всё… мне хотя бы.

— Нет. Там давно уже не на что смотреть. И тем более нечего мародёрить. А вы обязательно возьмите светляков и крепкие веревки. И ещё плесневый хлеб и арбалеты. На южной галерее целая колония тарволов. Да, на северо-западе как раз начинается огромная трещина, аккуратнее. Из внутренних построек избегайте восточного комплекса, там все перекрытия сгнили, и теперь гнездятся птицещеры — те, что давно одичали. Но самое главное — не лезьте в подземелья. Вот туда без меня точно соваться не стоит. Любому, кто рискнёт об этом заикнуться, отвешивай крепкий подзатыльник.

— Ладно, ладно. Потом проинструктируешь. А сейчас пошли спать, в конце концов! Я с ног валюсь. Да и тебе завтра вставать чуть свет. Что значит «зачем»? Кому тут дальние хозяйства весь мозг проели про новые сорта *дорфы*?

— Ну явно не тебе. И разве туда завтра? — Халнер выкопал из-под бумаг ежедневник в толстом в кожаном переплете, — а,

точно… перенесли же… ну вот, Белочка, ты уже лучше меня всё помнишь… иди, я скоро.

Он поцеловал мою ладонь, а потом поднял со стола гравюру замка и снова погрузился в изучение старых чертежей.

* * *

Зимний рассвет в Мерран — та же ночь, только холоднее. И домашняя скотина перекрикивается, приветствуя встающий где-то над равнинами узкий серп солнца. Через какое-то время он, наконец, заберётся достаточно высоко, чтобы пролить тусклый свет на дома, гейзеры, заснеженные клочки полей… и вереницу придурков на лестнице в заброшенный замок. Воистину придурков: в своей пылкой речи Марш превзошёл самого себя. Он не прикрывался ничем, даже мародёркой, а пафосно заявил, что Сопротивление должно использовать любой шанс быть признанным, а для этого необходимо как можно больше информации, особенно о том, как устроены «логова угнетателей», и что в них можно интересного и полезного найти.

Ступени, ступени, ступени. Слава богам, на них почти не лежал снег — скальные выступы гасили ветер. Зато гораздо темнее, чем в посёлке. Свет от налобных колб со светляками едва доставал на несколько шагов вперёд. Казалось, тьма поглощает всё вокруг, хватает за ноги, давит на ладони и кончик носа. Мы шли, останавливались, снова шли. Пятна света отвоёвывали то щербатую ступень, то голые по зиме кусты. Мелкие, давно умершие в смертельных судорогах, листья, жалобно хрустели и всё пытались забиться в трещины, поближе к пучкам жухлой травы, которая пахла выжженной степью.

Мы с Маро поднимались молча. Двое ребят из театра, тех самых, что печатали листовки в ночь «бунта» кадаргов, пытались зубоскалить, но тоже вскоре притихли. Замыкал цепочку Пятнадцатый, или Пятнашка, молодой вологоловый перерожденец, как раз из тех, на кого повлияли пламенные речи главного сопротивленца Марша. Но жребий убийства Дарна выпал другим. Впрочем, агитация агитацией, а основную часть дневного запаса еды и воды для всех участников «похода» тащил именно кадарг.

Марш шел далеко впереди, вместе с Эвелин. Они о чем-то разговаривали, то и дело наклоняясь друг к другу. На особенно крутых участках лестницы, лекарка брала сопротивленца под руку, на расстоянии меньше этикетно-формального. Вот идиотка! Той истории с полуперерожденцем ей мало?! Надо, надо будет

вправить мозги этой дуре.

С трудом подавив вздох, я постаралась сосредоточиться на ступеньках.

Наконец, лестница закончилась. Наша маленькая группа оказалась на площадке перед откидным мостом. Всё те же выщербленные камни, всё та же пожухлая трава. Только воздух чуть посуше, и пахнет уже камнями, и… гноем.

Тёмная «маскировочная» облицовка крепостной стены частично отпала, во многих местах виднелись прожилки белого камня. Он явно мягче, чем окружающая порода, потому что именно по светлым полосам угнездилось несколько кустов, а над воротами так и вовсе проросло деревце. Но всё это меркло по сравнению с огромной трещиной. Подобно рваной ране, разлом прорезал плоть стены, и теперь истекал колониями светящегося паразитного мха. Боги. Неудивительно, что Халнер отказывается сюда ходить. Я бы тоже не смогла бессильно наблюдать, как медленно угасает и разлагается родовая усадьба. В своё время газетных вырезок про Сетер хватило. Как там? «Музей тирании», в котором каждый зашедший простолюдин может наложить кучу на дорогущий Ниярский ковёр…

— Эй, эй, осторожнее! — кто-то схватил меня за локоть, — нельзя ближе! Сейчас волна пойдёт, завихрением сдует!

— Чего? Какая волна?

— Воздуха, какая! — вмешалась Эвелин, и схватила меня за вторую руку, — это, между прочим, не просто крепостной ров! Неужели не чувствуешь? Слушай!

Я давно заметила, что из зёва трещины-рва поднимается тёплый воздух и раздаётся гул — далеко, на пределе слышимости. Но сейчас звук становился громче, явно приближаясь. Приближась. Прибли…

Волна горячего, почти раскалённого, ветра, вырвалась вверх и разбилась о «потолок» каменного козырька. У нас подобный ветер дует из пустынь, иссушая любые посадки, хороня заживо людей, заметая песком целые селения и даже дворцы. Кромешная мгла, вой воздуха, треск молний — последнее, что слышит несчастный, попавший под огненное дыхание богов. Но здесь дышала не пустыня, а… гора? Планета? Замок?

Из-за разницы температур, ветер заметался, складываясь в вихри. Они выбивали слёзы, валили с ног, пытались унести за собой — сначала вверх, к каменной «крыше», потом вниз, в ров. Все вцепились друг в дружку, наклонили головы к груди и зажмурились: иначе не выдохнешь, да ещё получишь плёткой по глазам. И тут до меня дошло: если это действительно дыхание, то все признаки разложения замка — трупные пятна на *живом* теле.

Живом, ведь крепость дышит, дышит физически, вместе с горой, потому что они — единое целое. Целое, от самой высокой башни до самого камушка на осыпи у подножия. Поэтому трещина в стене — действительно гнойная рана, облицовка — облезающая кожа, а мост — палец, по которому несколько муравьев могут заползти на огромную каменную ладонь.

И муравьи поползли. По широким, крепким доскам, очищенным от снега и льда. Удивительно, но острия поднятой решетки выглядели вполне ухоженными, а на огромных петлях ворот ни пятнышка ржи.

— О, глянь, Эв, жив ещё старый Верд! — словно услышав мои мысли, воскликнул Маро, — порядок до сих пор держит…

— Порядок! Скажешь тоже! — фыркнула Эвелин, — стена, того и гляди, рухнет! Хорошо ещё, монторпы не угнездились в какой-нибудь башне.

— Рискну заметить, настоящие монторпы тут жили раньше, — проговорил Марш, — монторпы в человеческом обличье… Не так ли?

Все промолчали.

Мы двинулись через двор дальше, ко второй стене. Вернее, не столько стене, сколько огромной ступени, в которой либо выточены, либо надстроены ходы и этажи.

Прохода в ней было три. Центральную арку перекрывала опущенная решетка, левую — завалили дерьмом тарволы, которые угнездились в помещениях выше. Свободным остался только самый узкий, кухонный проход в дальнем правом углу. Поскольку замок находился, по сути, в гигантской пещере, главный донжон располагался в самой глубине. Чтобы добраться до него, пришлось миновать не только бывший скотный двор и засранный одичавшими птицещерами птичник, но ещё несколько арок. Я с восхищением отметила, что в потолке каждой из них торчат острия портикул. И, кстати, не особо ржавых. Хм. Прыткий дедок-смотритель, однако.

Наконец, оставив позади третью «ступень» с храмом и оружейным крылом, мы вышли к задней стене пещеры. Здесь тёмная порода сменялась светлой. Она искрилась в лучах налобников и, казалось, сама светится изнутри. Светится и… летит. Плавные контуры проступали постепенно. Чем дольше держался взгляд, тем больше абрис стен напоминал огромного крылатого ящера: голова и шея хищно вынырнули вперёд, уступы плеч и раскинутых крыльев только-только показались из толщи горы.

— А мы это… нам точно в Белку надо? — протянул один из «печатников», — может, со складов начнём лучше… или вон,

справа… забыл, что там…

— Оружейка, — не глядя, ответил Маро, — но туда потом. Начать осмотр надо с Белочки.

— С кого?! — поперхнулась я.

— Белочки. Это Белый замок, — растолковала Эвелин, — и у некоторых куча суеверий на его счёт.

— Ни **** себе суеверия! — взвился Маро, — там реально стрёмно! Глюки сплошные, будто непросыхал Гарию с дрянным пойлом!

— Но ведь именно это — центральный донжон, не так ли? — произнёс Марш, — выглядит, конечно, так себе… Но что-то интересное наверняка найти можно. Нам не пристало бояться.

Бояться! Припёрся, понимаешь, мародёрить, хотя хозяева живы и здоровы, и ещё выкобенивается! Монторпы тут жили, понимаешь. Замок ему так себе, видите ли.

— Кет, ты чего там застряла? — обернулся Маро.

Стиснув зубы, чтоб не сболтнуть лишнего, я проследовала в каменный клюв.

Тяжёлая дверь оказалась не заперта и подалась легко, без малейшего скрипа. Зажгли факелы. Ровно отёсанные стены огромного холла плавно переходили в высокий потолок. Сзади, справа и слева мутно отсвечивали витражи. Каменный пол выложен мозаикой, которая изображала герб Хейдар — белый птицеящер летит над морскими волнами, а по воде плывёт меч.

— Ну, и зачем мы тут? — заныл младший «печатник», — даже в Малом замке приятнее. Там хоть мебель живая. А это что за мертвечина грёбанная?

Все, кроме Марша, нервно оглядывались и кусали губы. Кадарг так и вовсе вжался во входную дверь, боясь открывать спину.

— Ну и вали, один во дворе стоять будешь! — огрызнулся Маро, — а лучше язык прикуси! Мебель-то мертвая, а глюки-то будут вполне живые!

Я чуть не выдала пацанам по затрешине, но вовремя сдержалась. В самом деле, для тех, кто не умел чувствовать нити пространства, здание мертво: ни проросшей мебели, ни паразитного мха, даже пыль какая-то неживая, сбитая комочками. Но, как и во всём замке, тончайшие жилки на стенах бились, словно под землей пряталось сердце. Сейчас они притихли, словно по приказу.

Марш сказал разделиться на группы по трое, искать интересненькое, и запоминать все необычные виды, звуки, и запахи. Кадарг Пятнашка так и остался дрожать у входной двери, «охраняя» мешок продуктов.

Нам с Маро и младшим «печатником» досталось левое крыло: столовая, кухня, и несколько комнат непонятного назначения — не то чайные, не то кабинеты, не то просто гостиные. Во всех помещениях — тишина, мрак, запах пыли и горячих камней. Я простукивала и прощупывала стены в поисках потайных ниш, скорее по привычке, чем по надобности. Тайников не так уж много, и все довольно простые, вроде подвижных полок или скрытых механических дверей. Ещё в паре мест, возможно, прятались проходы, но туда я решила не лезть — мало ли какие могут быть ловушки в старом замке? Рисковать своей шкурой ради чьего-то гнусного любопытства — увольте. А вот что встречалось действительно часто, так это неоправданно пустые стены. Никаких фамильных портретов, знамён, гобеленов. Все книжные шкафы и полочки для безделушек пусты. Из картин только пейзажи, охота и прочие пустяки. Несколько каменных вазонов, пяток напольных часов, один ночной горшок, неведомо как и почему попавший под кресло. Хм, интересно. Надо будет у Халнера спросить, куда всё делось.

Через несколько часов мы собрались в холле, перекусить и решать, что дальше.

— Ну что, пошли отсюда? — с надеждой спросил Маро, чавкая ломтём сыра.

— Мы же только первый этаж осмотрели! — оскорбился Марш, аккуратно откусывая небольшой кусок хлеба, — а, кстати, в замке наверняка есть подземелья. Кто-нибудь знает, где вход? На схеме он есть?

— Неа, нету. Из нас туда никто не ходил. Ты ведь тоже не знаешь да, Эв?

— Вон, у Кет спроси лучше, — фыркнула Эвелин, и поёрзала в кресле, на котором они с Маршем сидели вдвоём, — она ж у нас вроде как Хозяйка.

Я поперхнулась.

— Монторп тебя дери! Хватит чушь пороть! На кой вам вообще подземелья? Тут и так на три жизни смотреть хватит! И второй этаж ещё, и третий! И это только здесь! А по мне так вообще лучше с других зданий начинать, ближе к воротам. Хотя, если бы премногоуважаемый мастер Марш соблаговолил, наконец, сказать, что конкретно мы ищем, было бы гораздо…

— …гораздо больше сведений, чтоб продать подороже в случае неурядиц. Если с телегой листовок застукают, например.

— Слушай ты, ****!

Я вскочила, чуть не перевернув низкий стол с едой. Маро вскочил следом, но его опередила Эвелин, встав между мной и Маршем.

— Даже думать не смей, — прошипела лекарка, сузив глаза.

Всё замерло. Только раз-два-три, сердце бешено застучало в висках. И факелы — факелы буквально вспыхнули, заливая холл светом….

Из глубины коридора раздался угрожающе-высокий клёкот и клацание когтей по полу. «Печатники» подпрыгнули и ломанулись выходу. Дверь стояла распахнутой — кадарг Пятнашка, не отходивший от нее дальше пары шагов, уже выскочил во двор. Клёкот стал громче. Марш посмотрел мне за спину и побледнел. Потом он буквально сгрёб Эвелин в охапку и драпанул, не оглядываясь.

— Чего стоишь! Валим, быстро! — заорал Маро.

Выронив бутерброд, братишка смылся.

Удостоверившись, что все сбежали, я глубоко вдохнула и выдохнула, затормаживая клацание и клёкот. Тщетно: звуки стали громче, словно взаправду приближаясь. Что за****? Не может же иллюзия начать самостоя…

С балюстрады второго этажа спикировал птицеящер: небольшой, меньше человеческого роста, и абсолютно белый. Но не альбинос — из-под чешуйчатых век смотрели золотые глаза, ноздри рядом с клювом — нежно-розового цвета. Эээээ… я вообще-то черного представляла…

Приземлившись рядом с местом «пикника», животное принюхалось и пошло четко на еду, переваливаясь с лапы на лапу. На меня птицеящер не обратил никакого внимания, лишь немного задел хвостом. Тёплым, живым хвостом.

Я сглотнула, и начала потихоньку отступать, разворачиваясь к двери. Бояться собственных иллюзий, конечно, бред. Но в том-то и дело, что это не иллюзия, а если и да, то не моя. И вообще, мелкий-то он мелкий, но мало ли, как одичал в заброшенных хоромах? Лучше тихо-тихо сва….

— Спокойно! Он ручной. Сыр только обожает, — раздался знакомый голос.

Слова нашлись не сразу, и все — отборная брань.

— Тоже рад тебя видеть, — усмехнулся Халнер, — ну что, как тебе замок?

— Замок! Прекрасный замок! Только гарнизон маловат для такой громадины! — фыркнула я и скрестила руки на груди, — ты почему не сказал, что тоже придёшь?!

— Кхм. Какой гарнизон?

— Откуда я знаю, какой! Может, это дед-смотритель по стенам прыгает, как кузнечик! Или тарволы прицельно гадят маслом на дверные петли! А ты от вопроса-то не уходи! Почему не сказал, что прид…

— Потому что.

Тон настолько окончательный, что пришлось замолчать. Птицеящер, тем временем, сожрал весь сыр, хлеб, поклевал фрукты, и принялся жевать брошенный заплечный мешок.

— Да что ты делаешь! Вот скотина прожорливая, а! — я попыталась отнять мешок, но птицеящер только сильнее сжал клюв и утробно заклекотал, — ишь ты, вцепился. Как звать-то его? Молодой совсем, да?

— Тирри. Тирри, дай сюда, — Халнер шагнул вперёд и отнял основательно покоцанный заплечник, — нет, не молодой. Он почти ровесник Эвелин. Для птицеящера это немалый возраст. Тирри просто мелкий. Понимаешь, белые вылупляются очень редко, и мало растут. Зато живут долго, как люди.

— Понятно… Ладно. Пойду, пожалуй. Ребята уже, наверное, похоронки поют. А может, вообще обратно заявятся, посмотреть на мой хладный трупик.

— Не заявятся. Их сейчас птицеящеры по всему замку гоняют. Всё разминка животным… Потом встретитесь. А ты, кажется, просила экскурсию.

И он кивнул на едва заметную дверь в углу. Углу, которого до этого не было.

* * *

Куклы с парадными доспехами, иногда под защитными колпаками, иногда без. Портреты обычные, портреты гобеленовые, портреты-литограммы. Флаги развёрнутые, свисающие с потолка. Флаги свёрнутые, сложенные штабелями. Щиты. Картины. Гербы.

— А, вот куда всё подевалось… — протянула я, оглядывая большой полутёмный зал, куда мы вывалились, поплутав по скрытым коридорам, — то-то, думаю, пустовато в гостиных. Это что, условие пепельного титула такое?

— Да нет. По закону только печать с родовым гербом использовать нельзя, и флаг на главном шпиле поднимать. А с этим всем как хочешь, — Халнер подкрутил что-то в нише на стене и огонь в светильниках стал ярче, — просто я… так сохранность лучше. Проветривать только надо — что-то разворачивать, что-то сворачивать. Хотя бы раз в несколько лет. Ну что, пошли?

Мы начали ходить между горками родового скарба. Халнер рассказывал много интересного, переплетая семейные легенды и исторические события, а то и вовсе анекдоты.

— А вот это прапрадед Хорвум. Воевать он не мог, в детстве неудачно упал с птицеящера и повредил ногу. Зато хорошо чувствовал, как идут жилы руд. Во время Объединения это было важно — во многих рудниках окопались еретики, а Вирему для войны нужны были ресурсы. И вот пошёл Хорвум как-то до ветру, и нашёл руду Меррил. Прямо здесь, в Императорских горах. Ну и получил благодарность.

Мы стояли перед гобеленом с типичной сценой «король в окружении семьи и придворных благословляет коленопреколонённого верноподданного». В короле моментально узнался Вирем-Объединитель — краса, гордость, и отец-основатель правящей династии, тот, кто сумел заново объединить распавшуюся после Катастрофы Империю. И заодно украсил своим чеканным профилем золотые виремы.

— Месторождение оказалось небольшим, сейчас оно полностью выработано… но тогда именно оно помогло выбить еретиков из Песчаного, а не торговаться с ними за главный рудник.

— Да, забавная история, — протянула я, — чего только не случается в жизни…

Халнер почему-то усмехнулся, а потом шагнул к гобелену и взялся за нижнее древко, которое оттягивало ткань. Щелчок, и пространство позади меня наполнилось полупрозрачными фигурами героев картины. И не только людей. Из пола выросло небольшое возвышение с троном резного дерева. В твёрдой руке появился чуть щербатый, явно побывавший не в одном бою, меч, а на узорных коврах склонились придворные.

— Ух ты! — я потянулась к иллюзии, — надо же, как живые… потрогать можно?

— Можно, но не стоит. Камни уже старые, видишь, память постепенно угасает. А подробности этой технологии утеряны, сейчас уже не делают таких картин. Тем более, еретических, как эта.

— В смысле, еретических? — удивилась я, разглядывая типичную толпу, — что не так?

— Не что, а кто. Вот она, — Халнер указал на девушку по правую руку от короля, — это Селия Чёрное Солнце. Старшая дочь и наследница Вирема… которой в официальной истории просто нет.

Я пригляделась. Ничего себе королевна. Платье очень простого кроя, без узоров и вышивок. Ни перстней, ни ожерелий, только узкий обруч на золотистых волосах и небольшой медальон с тремя разноцветными камнями. Высокого роста, с характерными для мерранцев узкими скулами, девушка положила

одну руку на спинку трона, а вторую — на рукоятку Нарны у правого бедра, и задумчиво оглядывала двор абсолютно чёрными глазами.

— Хм. Надо же. Я только про сыновей читала. А почему так?

— Ну как почему. Объединение это не только война. Когда начали присоединять Север, Вирем породнился с древним родом Селар, на который опирались еретики. Всё бы хорошо, но жена умерла родами, принеся дочь. А по брачному договору пол наследника был не важен. Поэтому, когда вторая жена, уже из своих, принесла сыновей…

— Угу. Ясно. Убили?

— Пытались, но уже после смерти Вирема — он-то договор чтил. В итоге сослали в монатырь, в знакомый тебе Тмирран, кстати. Он был тогда женским. И постарались уничтожить все свидетельства существования Селии.

— Вот как… — я вгляделась в черты лица королевны, — да уж. Чего только не бывает. Слушай, а как эта штука работает? На камнях иллюзий это понятно, но что с ними делали?

— Не только иллюзий, ещё и Кади. Их распихивают по помещению и хитро сворачивают пространство несколько раз. А потом вытачивают пластины, через которые пропускают свет. Вот, — он взял меня за руку и положил пальцы на нижнее древко гобелена, — здесь и сзади, чувствуешь?

— Ага.

Выключатель щелкнул, картина истаяла в воздухе. Последней, словно нехотя, ушла в пустоту Селия.

Селия. Хм. Опять это имя.

Размышляя о совпадениях, я пошла за Халнером дальше, попутно выспрашивая технические вещи о строительстве замка. Оказалось, комплекс действительно выточили из самой горы, вернее, выели специальными червями. Именно поэтому внутри стен сворачивать и разворачивать пространство попросту невозможно. Ну, если только ты не «представлен» древней охранной системе, которая непостижимым образом завязана на саму гору. Благодаря этой связи, замок раньше самовосстанавливался по воле Хозяина, за счёт его кровных сил. Но после Катастрофы технологию утратили, поэтому теперь ремонт делается самыми примитивными средствами — камнями и мастерком. Если делается вообще.

Под разговоры мы вышли из гербового зала. Через пару лестничных пролётов очутились перед стеной, оброщенной деревянными панелями. Нет, всё-таки мне никогда не привыкнуть к такому расточительству!

— Ну что, кто-нибудь спрашивал про подземелья? —

поинтересовался Халнер, проводя ладонью по отражению огня в узоре древесных волокон.

— А как же! Его сопротивленчество Марш был очень, очень озадачен, что не может найти ни одного входа.

Часть стены отъехала в сторону, открывая узкую лестницу.

— Увы, это дело времени и везения, — Халнер сделал факел ярче и шагнул вперёд, — кстати, он не сказал, что конкретно ищет?

— Неа. Но просил все необычные явления запоминать. А что?

— Просто интересно. Пошли.

Подземелье под замком Хейдар оказалось трёхуровневым, но не слишком сложным. Коридоры с высоким потолком, практически прямые, развилок мало. Ловушка попалась всего одна, да и та ржавая. Потом пол начал идти вверх, и перерос в крутую лестницу. Она вышла к металлической двери, обитой полосами упругого минерала таф. Немного повозившись, Халнер распахнул створку. Мы оказались в большом зале. Здесь, вместо запаха мокрых камней и старого дерева, витали ароматы церковных масел, и чего-то, похожего на сушёные цветы. Отблески пламени плясали на уступах стен. В центре зала поблескивала алтарная «тумба», над которой висел кусок матовой темноты.

— Ого! Тут что, смотритель и за храмом следит? — удивилась я, проходя ближе к алтарю.

— Вроде того. Хотя храм и сам за собой смотрит, ещё со времён Духов. Сначала-то он им был посвящен. Потом, когда приняли истинную веру, алтарь решили просто надстроить. А вот Стражи остались, их можно убить только вместе с замком. Вон туда смотри. Нет, левее. Видишь?

Я посмотрела и вздрогнула: на нас из-под пола вылез трёхрогий ящер, и начал разминать лапы. Огромные когти царапали камень амвона, словно алмазный резец размягчённую глину.

- ****!

— Ну, ну, Кети. Это только статуя с иллюзией движения.

Тряхнув головой, заставила себя подойти ближе. Чем ближе подходила, тем мрачнее становилась морда каменного существа. Казалось, миг — и острые зубы вцепятся в нарушителя спокойствия. То-есть, в меня.

— С-слушай, а почему именно такой… эээ…страж?

— Когда-то трёхрогий ящер был символом нашего рода, но после победы над еретиками его заменили на птицеящера. Однако родовой храм остался в прежнем виде. Как и склеп. Весьма просторный, кстати.

— Заселиться не планируешь?

— В ближайшее время — нет.

Халнер протянул руку и похлопал существо по морде. Статуя сразу же успокоилась и замерла. Однако вместо того, чтобы отнять руку, Халнер так и застыл, сжимая недовольно сморщенный каменный нос.

— Хал? — не выдержала я, — Хал!

— Ш!

Он наклонил голову, словно прислушиваясь. Потом резко повернулся ко мне.

— Так, дуй на старый птичник, эти мудики раздразнили старых самок, а там гнездо с яйцами. Совсем близко не подходи, а помаши им и выведи через правую дверь в кухонном корпусе. Правую, не перепутай! Справишься?

— Ну, постараюсь. А ты не думаешь, что меня могут…

— Не могут. Я буду рядом, только под маскировкой, — ответил Халнер.

И исчез.

Аркан V. Иерофант
Глава 23. Ось мира

В моём родном мире такого понятия как «чердак» не существовало в принципе. Состоятельные люди порой крыли дома солнечными пластинами, чтобы использовать естественное тепло для инициации Первой, или «домашней», цепочки цветного Пламени. Обычно же, жили буквально друг у друга на головах, закапываясь глубже в землю: каждый клочок пригодной для людей территории у нас на вес золота. А вот в Мерран селились широко и удобно, и порою для хранения старых вещей отводили целый этаж, называя его «чердак». Был чердак и в Варди: огромное, пахнущее пылью, деревом и сухими цветами помещение, куда дневной свет не пробивался вообще.

Сначала я ходила туда только затем, чтобы убрать подальше всякие салфетки-статуэтки-финтифлюшки-лишние вазочки, потом — чтобы эти самые вазочки заменять (то разбивала их, то взрывала — ходовая оказалась вещь), а в итоге попросту, чтобы убраться. Особняк Варди оказался чистюлей, ему очень нравилось, что кто-то, наконец, «расчёсывает» его порядком свалявшееся пространство на самой маковке. Ну и, конечно, копаться в хламе окаалось любопытно: семейство Хайдек то и дело приоткрывалось с новой стороны. Игрушки, одежда, мебель — немые свидетельства трёх живших в Варди «пепельных» поколений.

Особенно любила я разглядывать литограммы, скоропулёзно подписанные мелким круглым почерком. Пепельноволосый малыш-Тойран со своим неудачливым отцом-дуэлянтом, строгая сестрёнка — Торала, её дочь Илла, она же — мать Халнера (аж в двух свадебных платьях), и её дети. Особенно удалась карточка, где младшие отпрыски стояли втроём: на первом плане — чернявый карапуз с хворостиной, чуть за ним — рыжая девочка с куклой, а совсем сзади, немного отступив в сторону, иронично лыбился высокий светленький подросток.

А потом в уголке обнаружился небольшой, в два локтя на локоть, обтянутый твёрдой кожей, сундучок с «сокровищами». Очередной альбомчик литограмм, на сей раз с младенцами, несколько ободранных детских книг, непонятные рисунки, кукла в невообразимом наряде, маленькая детская лютня, и тончайшей работы цветок, составленный из множества выточенных солнышек-линз. Этот цветок так мне понравился, что я притащила его с собой в «лабораторию», где радостно воткнула в

одну из пустующих и пока целых вазочек. Там он и простоял несколько дней, пока Халнер не зашёл глянуть на мои успехи:

— Луч стабильный, вижу. Хорошо, а с фокусировкой что решаешь? И с какими… это ещё что?! Откуда?! Где ты это выкопала?!

Завидев рукотворный «лютик», Халнер буквально взвился, словно его скорпион в промежность укусил. Более того, попёрся вместе со мной на чердак, смотреть на тот сундучок «сокровищ».

— Вот зар-раза… надо было сжечь… всё сжечь… — бормотал он, перебирая детский хлам, — о Апри, это ещё что за…

Потом, пнув стенку, Халнер обозвал особняк предателем, и выставил меня с чердака «наводить порядок в полезных местах, а не **** чесать». Сам же подхватил злосчастный сундочок, пробурчал что-то про Большой замок, и вышел в темноту зимнего дня.

Пришлось отправиться на кухню. Хорошо, у Лози, приходящей горничной, сегодня выходной, не будет комментировать под руку. Оглядев помещение с закопченной печью, я вздохнула и налила себе любимый отвар, чтобы собраться с силами и морально подготовиться к грязной работе. Только допить чай не удалось. В мембрану черного входа кто-то постучал. Тьфу ты!

Характерный шелестящий стук снова забился ритмичным эхом. Вечно они через заднее место! Не смотря на то, что в окне кабинета для почтовых птиц пророщена специальная форточка, и даже имелась уличная кормушка, почтовые таусы почему-то часто залетали через кухню. Вот и сейчас, вместе с волной холодного воздуха, через открытое мною окно, вкатился большой, в две ладони, комок синего цвета и истерично заорал. Немного усилий на поимку — и, сняв пространственный карман, обнаружила плоский пакет «Дариану Хайдеку!!СРОЧНО!!». Вскрыть? Или потом? Халнер ещё свалил куда-то… Хотя, он бы не помог: «кровяные» печати только с адресатом вскрыть получится. Повздыхав, я отнесла орущую птаху в кабинет, засунула в свободную клетку. И потопала к Дарну, благо идти недалеко.

Дверь открыла Лиз. Что ж, это мы с Халнером не любили, когда в доме без дела трутся посторонние, а Дарн с Изабель слуг почти не отпускали — особенно теперь, после истории с кадаргами.

— О, хозяйка Аделаида, а хозяин Дарн отдыхать изволят, просили не беспокоить, — залепетала женщина.

— Почта, — хмуро сказала я, поднимая клетку, — срочно.

— Рррррфьяяяяя!!! — подтвердил таус, и перекусил жердочку.

Лиз охнула — простолюдины в Мерран боялись всего, связанного с цветным Пламенем. Воспользовавшись замешательством горничной, я тут же протёрлась в дом и, не раздеваясь, юркнула в кабинет. Дарн, к счастью, не спал и не бухал, а сидел на захламленном бумагой столе, настраивая лютню.

— Чего припёрлась? — буркнул он, не поднимая головы, — сапоги бы хоть сняла, тарволка!

Я тряхнула клетку. Таус заорал. Дарн с рычанием отложил инструмент, и тут же получил в руки конверт. Вернее, поймал животом.

— Чего борзеешь, женщина? **** тебя! Это ещё что за хрень?

Немного повертев конверт, и зачем-то посмотрев через него на лампу, Дарн вскрыл упаковку. Я вытянула шею, силясь разглядеть содержимое. Так, пара плотных белых листов казенного вида.

— Где Хал? Скажи, чтоб сюда шёл! — быстро, на вдохе, сказал Дарн.

— Хал по делам уехал, и будет нескоро. В Большой замок. Что-то с трещиной в сте…

— Да меня не колышет, в какой жопе у него трещина! Быстро за Халом, и чтоб возвращался, срочно! На вот, передай ему! — Дарн швырнул в меня скомканым письмом, — да, лично ты, раз до Хозяйки долежалась! И заткни, наконец, эту тварь!

Заткнуть тауса не получилось до самого Варди, куда я вернулась, чтобы одеться потеплее. Там зловредное создание вырвалось из клетки, и, перелетев на моё покрытое плащом плечо, замолкло. Слезать отказалось напрочь. Пришлось плюнуть и идти так.

С конвертом всё оказалось сложнее: Дарн умудрился запечатать письмо снова, да ещё перещёлкнул печать на Хала. Ладно. Сам даст прочитать — ну, чтоб обновить список для Трена и Сопротивления и всё такое. А теперь — к Лоймару, у которого единственный в долине ручной птицеящер. Этот стареющий остаток роскоши ему передал покойный Ойнар с женой, которые были слишком стары, чтобы полноценно следить за прихотливой живностью.

Следующий час потратила на ругань. Так-то Лоймар справлялся с ящером на отлично, но имел некую слабость: в свободное от кормёжки и выгула время, катал на стареньком животном своих детей. Поэтому и сёдла у него имелись только детские — взрослые все развалились, а смысла делать новые Лоймар не видел. И всё же, главное западло оказалось в другом: зная, что я часто езжу верхом, а не только в повозках или лыжках,

хранитель счел, что уж на птицеящерах-то точно умею. В любом седле. Или вовсе без оного.

Боги. Халнер много говорил, что в Мерран в глазах простолюдинов жизненно важно соответствовать всяким статусам (у нас с этим как-то проще). Пришлось лезть на попону и приматывать себя ремнями. Надо отметить, что гордую осанку я и правда продержала долго… Ровно до пределов слышимости. А потом…

Это было совсем не то, что ехать на мерранскиих волах, и уж тем более, на степных ящрицах родного мира. Чешуйчатое нечто мало того, что летало кругами, так еще и «давало волну» всем телом, словно коврик, с которого стряхивают песок. В итоге, от моих воплей «прямо, прямо лети, мразь, аааа!» окончательно смутился даже таус, который так и не пожелал слезать с плеча. Впрочем, ему и без того досталось: нехилые потоки воздуха так и норовили сдуть нервную птичку прочь, к каменным грядам. Конечно, в таких условиях и речи не шло, чтобы заставить птицеящера нырять в темноту каменного «зонтика» над замком. Пришлось сажать зверюгу на площадку перед воротами.

Едва когтистые лапы простучали по камню, я отцепила ремни и мешком свалилась на землю. Наконец-то, боги! Так точно надёжнее. Рядом со мной свалился таус, и забился в судорогах. Синие перья истерично хлопали, клюв беспомощно раскрывался, но вместо крика из тушки рвалась… гм… переваренная пища. Боги. Мало того, что птица летела на птице, так ещё и укачалась при этом! Сумасшедший мир.

— Ну что? Уже соскучилась? Или печка зубы показала? — спросил голос Халнера, и надо мной склонился чёрный силуэт.

— Я — соскучилась? Мечтай больше, — я приподнялась на локтях, — это вот он по твою душу прилетел.

Я подняла несчастную тварь и, поднявшись сама, положила её на спину птицеящеру. Потом полезла за конвертом.

— На вот. Срочное что-то. Дарн чуть в обморок не грохнулся.

— Хм… — Халнер накинул на летунов «клетку» подвёрнутого пространства, — ну, пошли на свет.

Сравнительно небольшое, помещение караулки располагалось по левую сторону от ворот, в стене. Комната пять на пять шагов, без окон. Стол, две короткие лавки, закрытый шкаф. Всего освещения — одинокая лампа с тремя мотыльками, сиреневыми от долгого употребления. Налево от двери, на полу, тот самый сундочек, который Халнер так спешно унёс из Варди.

— Ты что, только дошёл?

Халнер молча кивнул, и сел за стол. Разгладил конверт, извлек листы, принялся читать. И перечитывать. С каждым

движением зрачков, лицо его становилось всё мрачнее и серьезнее, серьёзнее и мрачнее, пока не превратилось в каменную маску без малейшего выражения. После этого он аккуратно сложил листы вчетверо, и убрал в конверт, который отправил в личное подпространство.

— Ну, что там? Что в письме-то?

Я тоже сидела за столом, но напротив, и разглядеть текст так и не смогла. Только большой гербовый рисунок в верхнем углу и выпуклую печать в нижнем. Когда я задала вопрос, Халнер поморщился и потёр лицо ладонями, после чего замер, положив подбородок на сплетённые пальцы. Фонарь на столе мигнул: один из мотыльков погас и упал на дно. Я протянула руку и погладила Халнера по плечу. Он вздрогнул и посмотрел так, словно первый раз в жизни меня видел. Потом, вымученно улыбнувшись, стряхнул мою руку и резко встал.

— Пошли.

Он шагнул к двери и, подняв сундучок из Варди, вышел в привратный двор. Не оборачиваясь, повёл дальше — через кухни, лестницы, арки, до самой часовни.

Только сейчас я обратила внимание, что со двора внутрь храма вела окованная металлом дверь, из косяков которой торчали кончики шипов. Механическая ловушка, ого! Нетипично для Мерран.

В самой часовне было пусто, но тепло, и пахло благовониями, словно после солнцеслужения. Халнер, меж тем, направился прямиком к статуе каменного Стража рядом с алтарём. Обернувшись, он коротко кивнул мне, после чего провёл рукой по гладкому каменному боку. Пространство вокруг статуи превратилось в сеть наподобие той, по которой я прыгала над рекой Горячкой, перенося кадаргов. Одна из ячеек расширилась, приняла форму дверного проёма.

— Закрой глаза и шагай.

Голос звучал глухо, словно слова выдавливали по капле, как сок полусухой осенней травы. Но совет оказался кстати: при переходе через порог что-то вспыхнуло, больно резанув даже сквозь сомкнутые веки. Когда я проморгалась, то увидела небольшой круглый зал. Как и весь замок, помещение «выточили» из монолита горы, только здесь тёмная и светлая породы чередовались не просто полосами, а спиралями. Невысокий потолок сходился неправильными ребрами. На первый взгляд — снова храм. Но только на первый взгляд.

Во-первых, вместо алтарного возвышения, по центру располагалась круглая ванна с водой. Каждые несколько секунд на тёмной поверхности тихо лопалось два-три пузыря. В воздухе

стоял запах ржавого металла. Во-вторых, вместо восьми треугольных пределов-лучей, от зала в беспорядке уходили бездонные проёмы.

— Знаешь, малыш Дарн никогда не умел ценить что-либо, кроме сцены и лоска, — сказал вдруг Халнер, — а дед Тойран… или отец Тойран?… часто приводил меня сюда и рассказывал историю рода. Потому что его сыновьям… ха, другим его сыновьям… и даже законному, Дирeку… было совершено наплевать на всё это. А мне нет. Почему-то.

Вздохнув, он пошёл во второй слева коридор. Точнее, в Мерран это называлось «погребальные пути». Как объяснил Халнер, в каждом туннеле по левой стене сделаны горизонтальные углубления, куда когда-то помещали умерших целиком. Однако, после воцарения культа Апри, в ниши замуровывали лишь пепел в роскошных урнах. И только главу рода по древней традиции до сих пор клали в саркофаги по правой стороне погребального пути.

В самом последнем «ящике» лежал Тойран. Халнер немного постоял перед могилой, поставил сундучок в изголовье. Вздохнул, что-то неразборчиво пробурчал, и быстро пошёл обратно.

Догнать его получилось лишь у «алтарного» бассейна. Хал напряженно всматривался в водную гладь и, казалось, перестал замечать всё остальное. Я шагнула ближе, взяла за его руку. Прохладные пальцы отозвались пожатием — сначала лёгким, потом сильным.

— Знаешь, Белочка… есть только одна причина, почему этот замок ещё не развалился на куски. Вместе с титулом…

— В смысле?

Пространство над ванной засветилось. Халнер шагнул вперёд за бортик, вставая *на* воду. Я непроизвольно шагнула следом. Булькающая жидкость оказалась всего лишь игрой света и тени, сложнейшей иллюзией, закрывающей лестницу вниз.

В нижнем подземелье оказалось значительно теплее, чем в склепе. Ровный и короткий ход заканчивался тупиком. Почему-то совсем не удивило, что вместо каменной стены опять устроена хитрая пространственная дверь.

Небольшая комната, похожая на мерранский храм. Ни углов, ни перекрытий, ни мебели. Только три ступени к алтарю. Алтарю, на котором трепетало Пламя.

Белоснежное Пламя.

Лепестки меняли форму, извивались, плясали над отполированным камнем, выбрасывали разноцветные искры. Боги! Неужели это действительно оно?! Разум метался в поисках другого объяснения, но тщетно. Боги! Так вот за что у нас бились

столетиями! Столько лет, столько сил, столько крови — а оно просто-напросто горит в подземелье полузаброшенного замка в другом мире?!

Когда свет проходит сквозь прозрачный камень или каплю воды, он распадется на множество разноцветных полос. Точно так же внутреннее пламя Вселенной, при столкновении с другими стихиями, распадается на осколки самого себя. И, как обычный, не распавшийся, свет, называют «белым», так и изначальное, чистое Пламя, зовут Белоснежным, либо Универсальным, ибо оно объединяет все цвета. Но, для моего мира это только легенда — слишком уж нестабильное у нас пространство, ничто и никто не удержит такое Пламя. А вот в Мерран…

Я протянула руку. Лепестки огня коснулись пальцев и потерлись о кожу, будто мурчащая кошка. Потом отклонились в сторону и выпустили несколько искр. Я снова потянулась за чудом. Запястье перехватили.

— Не стоит злоупотреблять его терпением, Кети.

— А… так я… я просто… это… это же Универсальный огонь! В моём мире его искали веками, но так и не смогли… Но как? Это ты сделал?!

— Ты что! Конечно, нет. Эти лепестки живут со времен Катастрофы, когда вознесся Император.

— Вознесся? Я думала, это легенда, а на самом деле его прире…

— Нет, — резко ответил Халнер, — в данном случае это не так. Когда-то, в долине неподалёку отсюда, находилась летняя резиденция Императора. Как декларирует Церковь, он был ещё язычником, и пытался умилостивить планету, чтобы Катастрофа сошла на нет. Когда Император с небольшой свитой в очередной раз поднялся на вершину горы Дайра, им было видение Великого Апри. Затем земля содрогнулась, из скалы забил огненный гейзер. Так Император вознесся. Гейзер исчез, скала осталась неповреждённой, но на том месте горело Пламя. Мой предок был в свите, и единственный не сбежал при виде гейзера. Поэтому, первые лепестки священного Пламени достались ему. Все остальные огни, что горят в святилищах Империи, либо из слабых искр, либо вторичные. А эти — те самые, не перезажигавшиеся никогда. Их удалось сохранить потому, что сохранялся род, и раз в год старший в роду кормил Пламя своей кровью…

— Кровью?!

— Ну, так сказал дед Тойран, когда посвящал меня как Хозяина. Это уже миф, конечно. Руда меррил подходит для подкормки гораздо лучше. Универсальное вещество для Универсального пламени, будь оно хоть светом Апри, хоть душой

планеты.

На этих словах Халнер достал из подпространства небольшую коробочку и нож, и начал аккуратно ссыпать в Пламя чёрный порошок. Я нахмурилась, припоминая всё, что знала о здешних ископаемых.

— Меррил чрезвычайно дорог. Где ты его достаёшь?

— Я говорил про небольшое месторождение неподалёку, помнишь? Но, по правде, меня начальство снабжает. Инквизиция могущественная организация, а обладание Пламенем делает её ещё сильнее. Кстати, ты права на счёт гарнизона. В замке отряд в двадцать пять человек, для охраны и поддержания порядка на случай… непредвиденных обстоятельств.

— Кхм. С чего такая откровенность?

— С того, что я хочу предложить тебе место в наших рядах.

— И? Какой мне с этого прок?

— Прок? Хммм… Ну, например, ты хочешь же снять Орры? Сопротивление со своей кустарщиной их не выскребет. Скорее всего, будет инвалидность. Последствия ты знаешь. С ключом я сделал всё, что мог, но тебе же этого мало. Потрошить Дарну мозги, чтобы слушался, не получится. Слишком психотип сложный. Да и брат, всё-таки.

— Так. Значит, Инквизиция снимает Орры. А дальше?

— Работа. Полноценная. Посвящение в Столице, там же и снимем. Ну, или окончательно дезактивируем. Неизвестно, что тебе там успели повредить… Я еду в Столицу через пол Гарии.

Через четыре дня, то-есть. Зашибись! Поставил перед фактом! Это что же, менять Орры на… как оно у них называется? Сан? Хотя, Инквизиция сильна, было бы глупо просто отказаться. Ладно, посмотрим. Главное — избавиться от ненавистной проволки. А там уже решу по обстоятельствам.

— Ну что же… посмотрим, что там у вас умеют. Под каким предлогом поедем?

Прежде, чем ответить, Халнер аккуратно распределил остатки порошка по лепесткам пламени.

— Предлог… Предлога нет. Есть повод: письмо — это повестка о переаттестации титула. Дарн должен будет подтвердить кровь. Так что мы с ним точно едем в Столицу.

— А… Понятно… Слушай, а если крови Дарна окажется мало? Просто, после того, что сказала Кора…

— Разберемся.

— Но ведь ты…

— Возможно.

— А как же…

— Посмотрим.

Последние частицы порошка упали в Пламя. Коробочка пропала в никуда.

— Знаешь, я могу подать иск на титул, — после долгой паузы проговорил Халнер, — и, наверно, выиграть дело. Но пойми, мне это не нужно. По Хейдар это не даст ничего сверх того, что я и так имею. По статусу в целом… я инквизитор. Это власть. Это возможности. Это бремя ответственности. Большое. Очень. Куда больше…

— А что же тогда титул?

Он нахмурился и провел рукой по лепесткам Пламени.

— Хороший вопрос. Дед… или, всё-таки, отец… воспринимал титул, гм, весьма своеобразно. Но потом дед умер. И я, по настоянию отчима, поставил клеймо рода на орущего в пеленках Дарна. Именно он наследник по закону.

Я закусила губу. Нет, не понять мне этой чехарды с наследованием. Уж что-что, а с этими делами у меня дома всё коротко и ясно — текущий размер состояния и нынешнее положение при дворе — вот и весь разговор. Но даже положение не так важно: обедневший род всегда мог возвыситься обратно, сумей награбить как следует в очередной войне. Какая Зрячесть! Чем тщательнее скрываешь кровь Проклятых, тем целее будешь.

— Ну вот. Титула у тебя нет, и это, допустим, неважно. Но Пламя-то? Оно, похоже, должно только тебя слушаться, верно? А после тебя кто?

— Такая святыня в человеческих руках — опасная вещь. Очень опасная. И тем опаснее, чем уже круг владельцев. Мне некому его передать кроме как…

— Для кого опасная-то? А наследника ты вполне ещё можешь сделать.

— Да-а? И с кем, интересно, мне его делать? Да ещё так, чтобы он *официально* оказался с Высокой кровью?

— Так это… ну… у Селестины, по знакомству, какую-нибудь бастардку возьми. Которую ещё в монашки не посвятили. Их ведь наверняка можно брать не на Пляски, а в жёны. Чтоб всё по форме.

— Жёны? — Халнер повернулся ко мне, и удивлённо приподнял брови, — ну, вообще да, можно. Хорошая идея, кстати. Только вот… один вопрос…

Он замолчал и, прищурившись, посмотрел мне в глаза.

— Эм… какой вопрос-то?

— Ты кого придушишь раньше, несчастную девочку или меня?

— Никого. Зачем? Это же будет для дела.

— Для дела? Ну, ясно, — засмеялся Халнер, — сразу обоих. И

прямо на свадьбе.

Я резко развернулась и пошла к выходу.

Интерлюдия VI
Архив Инквизиции. Центр

Центральный округ
Подразделение «Н»
Особая группа № 4
Отчет № 41

С благословения Апри, двенадцатой Гарии от совершения таинства Чёрного солнца, произведён дополнительный осмотр единиц № 8356, 8357, 8358 (согласно перечню спецхранения). Цель: проверка активности согласно доставленным образцам.

По итогам измерений, размеры совпадают с эталонными (п.24 перечня спецхранения), кроме того, объекты проявляют энергетическую активность в четко выраженном Белом спектре.

По результатам проведенных работ можно констатировать:

— единица № 8356 прошла насыщение материнской энергией, и проявляет потенциал, недоступный имеющимся в нашем распоряжении аналогам;

— единица № 8357 прошла привязку к лицу с процентным содержанием Высшей крови выше среднего, согласно традициям исходного ритуала;

— единица № 8358 по линии «Т-владелец» подтвердила жизнеспособность привязки.

Заинтересованы в продолжении работы. На данном этапе просматривается значительный потенциал, в полной мере соответствующий тематике исследования №Т4861 «Грань». Заинтересованы в привлечении к работе владельца объектов. В любом состоянии.

Да не померкнет лик Великого Апри.

Старший Особой группы № 4

Брат Пийрон

Старшему Особой группы № 4
Подразделения «Н»
Центрального округа
Резолюция

Благодарю за проделанную работу. Единицы № 8356, 8357, 8358, передать с курьером в Наш адрес, в

соответствии с закрепленной процедурой. Также, подготовить и направить перечень тем по непрямому воздействию на владельца указанных единиц, согласно выделенной тематике.

С момента получения текущих инструкций начинается следующая фаза работы.

Да не померкнет лик Великого Апри.

Магистр Центрального округа

Брат Паприк

Аркан VI. Влюбленные
Глава 24. У подножия

Улочки петляли, мосты гудели. Лавки зажигали над дверями дневные фонари. В них шевелились большие волосатые гусеницы с раздвоенным жалом на обоих концах. На улице перед витринами, специально нанятые мальчишки нахваливали товар, приглашали посмотреть и попробовать. Хлопали двери, звенели монеты.

Я вдохнула сырой воздух, провонявший рыбьими потрохами, и сплюнула набежавшую горечь. Жаль, с душевной горечью так не сделать. Тут только топор поможет. В лоб. И Дарну, и Халнеру. И судебным приставам. И тому умнику, который придумал «гаситель пространства», или как там его. «Заседание закрытое, вы не член семьи». И оп — ни одна иллюзия, ни одна свёртка, ничего не работает. Даже личное подпространство выворачивается, стоит через двери пройти. И кристаллы — вдрызг. На песчинки. В пыль.

— Обокрала! Испоганила! Подставила! Мразь! — бесновался Дарн, глядя на штраф за попытку проникновения, и на неровные помутневшие осколки, — одни неприятности с тобой! А ну, вали новые камни покупать! За свои! Я знаю, у тебя есть! Пошла отсюда!

Вопил он знатно. Порой казалось, что и Молчальник не спасёт. Правда, подобные крики от директора я неоднократно выслушивала и раньше. Удивило другое: брата полностью поддержал Халнер. Хорошо хоть, подсказал, где и у кого можно найти замену. И даже расщедрился, показал приём «тонкая свёртка», под которой можно спрятаться от любопытных в незнакомом районе. Особенно портовом.

Но всё равно, топор во лбу Хала смотрелся бы великолепно.

Я вздохнула и ускорила шаг. Чем дальше в порт, тем больше становилось червекрыс и льда на неровных мостовых. Как рассказал Халнер, в отличие от остальной части Столицы, здесь Катастрофа не просто поглотила старый берег, а выбросила взамен несколько огромных скал. С норами гигантских морских червей-камнеедов, хищными водорослями, кустами ядовитых раковин, и прочими прелестями. Но жить-то где-то надо? Недолго думая, люди превратили бывшее морское дно в дно человеческое.

Обшарпанные стены, затасканная одежда, усталое и злое выражение глаз. Из тёмных подворотен доносилась ругань, смешанная со звоном стекла, а то и сдавленные крики. Порой не

разобрать, идущий по улице — полноценный человек или слуга-полуживотное.

Сдавленно ругаясь, я, наконец, достигла пункта назначения. Дом, собранный из панцирей огромных крабов, слегка покосился. Входная дверь, бронированная шипастыми полосами металла, на вид крепкая. Ни намёка на звонок, колокольчик, или хотя бы молоточек. Постучала кулаком. Звук заглох где-то внутри двери. Так, а дальше чего?

Когда вариант «снести эту хрень с ноги» перестал казаться таким уж безумным, скрипнула пластина, что скрывала смотровую щель. Мелькнул ярко-желтый глаз.

— Эм… К мастеру Турли. По записи. От старшего писаря Арфика.

Щель захлопнулась. Послышалось шебуршание, щелчки. На пороге появился… появилось…

На первый взгляд существо походило на осмора — помесь человека с морским многоногим моллюском. Но только на первый. Обычно такие Перерожденцы сидят в тазике и с трудом передвигаются посуху, а этот вполне уверенно держался на двух копытах. Ну, замечательно. Осморокадарг. Кадаргоосмор. Пф! Хорошо хоть не эбонет-полубабочка.

— Мастер ждёт Вас. Вторая дверь направо.

Коротко кивнув, я прошла, куда сказали. Нырнула уже в обычную, деревянную дверь.

— Добрый вечер, мастер Турли! — громко сказала я, оглядывая комнату, заставленную старой мебелью в линялых чехлах.

— Добрый-добрый! Проходите, свет…

— Аделаида!

— Да, конечно, свет Аделаида! Смелей-смелей! — хохотнул надтреснутый бас из-за громадной стопки коробок.

За импровизированной стеной, оказалась тесная «комнатка». Всей обстановки — кольцо мягких диванов с линялой обивкой, да низкий стол в круглых разводах от кружек и бокалов. На диванах восседали потный старичок, и монторпоподобный дядька. Выпивки не наблюдалось. Зато наблюдалась стопка небольших свертков и три мешочка из плотной ткани. Содержимое четвёртого было рассыпано по куску полотна — кипельно-белому, отглаженному, слишком аккуратному для этого места. Дядька увлеченно копался в россыпи камней на полотне.

— Мастер Турли к вашим услугам. Чем могу помочь? — пробасил старичок, — знает ли милая девушка, что искать?

— Знает. И ценит приватность, — кивнула я на второго человека.

— Аа… эээ… да, у нас тут небольшая накладка, — заёрзал Турли, — это мой старый друг Барни. Он нам не помешает. Так ведь, Барни?

Названый мельком кивнул в мою сторону, и продолжил отбирать кристаллы большим пинцетом.

— Вот человек, а! Никакого чувства красоты, одни сделки на уме! — наигранно вскричал Турли, — ну да монторп с ним. Итак, что там у вас интересненького?…

Интересненького было много и мало одновременно. Торговаться с полуподпольным ювелиром в сыром порту, оказалось так же тяжело, с как с Бикорским купцом на провяленной солнцем площади. Сбить цену, набить цену, поплакаться, похвалить, пожаловаться… и, главное, следить, чтобы дрянь не подсунули.

А они пытались, да ещё как. Причём именно «они» — хмырина Барни оказался тем ещё типом, даром, что на вид мой ровесник. Говорил не много, зато очень к месту, грамотно пыталия сбить с толку. И строил очень убедительные рожи — презрительные на попытки торговаться, и задумчивые при озвучивании цен. Под конец это стало раздражать так, что я чуть не забыла спросить про прозрачные Мирты, которые искала давно, чтобы усовершенствовать Лучик. Кристаллы эти никак не вписывались в заказ, но раз уж подвернулась возможность…

— Увы! Ничем не могу помочь, свет мой, — вздохнул ювелир, вынимая из глаза линзу, — слишком специфическое дело, берут плохо. Дай Апри одну сделку в две-три Гарии заключить, а то и реже… увы!

Что-то в выражении крохотных глаз подсказывало, что, стоит накинуть хотя бы четверть рыночной цены, Мирты непременно отыщутся самым чудесным образом. Но на торговлю уже не было ни сил, ни средств. Да ещё «привратник» с щупальцами мелькнул в дверях и что-то намекнул о ждущих клиентах. Спрятав увесистый мешочек камней в подпространство, я распрощалась и вышла на улицу.

В порту уже вовсю кипела ночная жизнь. Воняло рыбой и помоями, из ближайшего переулка — алкоголем. Кто-то разбил ящик вина, и теперь несколько невнятных личностей жадно лакали пойло с мостовой.

— А зачем тебе Мирты, свет Аделаида?

Барни слегка картавил, что делало вариацию Простого языка ещё более странной.

— Бусики хочу сделать, — не оборачиваясь, отрезала я.

— Бусики? Бусики это хорошо.

И добавил совершенно нормальным, деловым тоном, который

ничего общего не имел с той выбешивающей вальяжностью, с какой он говорил весь вечер:

— Старый скряга пожидился, а у меня есть пара свободных камешков. Сама понимаешь, отдам не за так. Есть работа для того, кто разбирается в камнях на твоем уровне. Интересно?…

* * *

Пройти по стенке. Отдышаться. Пройти ещё. Боги. Совсем навык потеряла. Или это всё долбанный отвар, который Хал продолжает регулярно мне подсовывать вместо настоек?

Только не закрывать глаза, не давать миру кружиться. О боги. Всё-таки, те две пинты пива на всё предыдущее — лишние. Ооо… А ещё эта коляска общественная… Ооо, растрясло-то как… и чего потащилась обратно в гостиницу ночевать? Вот ханжа стала! Выспалась бы в трактире, где выход на дело отмечали… Ооо… Так, вот и пришла. Ещё чуть-чуть… Ой! Это что за ересь?

Переулок, по которому я решила срезать путь, перегородил частный крытый возок. Да не просто возок, а самоходный, на крабьих ногах. Цивильный, рыбой не воняет. Я пнула ближайшую конечность. Раскорячился тут, понимаешь! Нога не шелохнулась. Ишь! Ладно, так пройду. Места мало, но есть. Как раз хва…

Бам! Дверь возка распахнулась, я чуть не влетела в створку. Отпрянула, накинула тонкую свёртку — мало ли.

— Подумайте-подумайте, мастер Хайдек. Или, уже вернее, барон Сейван? — донеслось из возка.

— Я уже всё сказал. Не меньше пятнадцати кликов нормальной земли, — ответил голос Дарна, — лучше двадцать.

— Ну, тут уж как получится. Варианты будут в договоре. Прочтёте в суде.

— Благодарю вас, — директор спрыгнул на мостовую, — счастливого вечера.

— И вам.

Дверь захлопнулась. Дарн прижался спиной к стене, пропуская повозку. Та выехала из переулка, свернула налево, устучала по улочке. Директор, не заметив меня, пошел к гостинице, мурлыкая под нос «понижение, продвижение, вызволение» — что-то вроде того. Хм. Надо будет у Хала уточнить…

— Даже и не думай.

Я подпрыгнула и обернулась. В паре шагов стоял невысокий, но крепкий старик. Полупрозрачные голубые глаза, седые волосы. Черный камзол расшит серебряной нитью. Трость с

набалдашником в виде тарвола. Пронизывающий взгляд, под которым я моментально начала трезветь.

— В-вы… кто?

— Тарвол в пальто, — устало ответил старик.

Потом шагнул ко мне, и прошептал в ухо:

— Никому ни слова про повозку и услышанное. Никому. Вообще. Поняла меня?

— А… Эээээ… Да, но… всё-таки, вы кто?

— Пить надо меньше.

И исчез.

Я потёрла глаза, помассировала уши. Тряхнула головой. Уф, почудится же. То-то Хал удивится, когда… А, как-нибудь потом расскажу ему. Сейчас не надо. Вообще.

Даже за столь короткое время, что я подслушивала, промозглый воздух успел пробрать до костей, так что расстояние до гостиницы покрыла в рекордные сроки. Едва ввалившись в тёплый и пустой холл, пахнущий цветами-светильниками лаки, окрикнула юношу-регистратора. Тот вздрогнул, начал оглядываться по сторонам. Я подошла к стойке, постучала по ней костяшками пальцев, повторила просьбу. Вместо того, чтобы дать мне ключ, парень осенил себя четырьмя кругами Апри и полез под стол. Да что ты будешь делать! Пока я, рыгая и сквернословя, рыскала по настенной ключнице, пацан в голос читал молитвы. Пф! Нашёлся, понимаешь, местный Феррик!

Ключ не нашла. Потом дошло: его, наверно, забрал Халнер. Ободрённая этой мыслью, побежала наверх… И, не увидев себя в зеркале на лестничном пролёте, поняла, что до сих пор хожу под тонкой свёрткой. Да уж. Бедный пацанчик! Не каждый день голос из пустоты ключи просит…

В номере меня, действительно, ждали. Причём всем скопом, даже фифа Изабель прискакала зачем-то. Я поморщилась, и, молча, вывалила «улов» на стол. Восседая в кресле, словно божок торговли на бочках золота, Дарн тут же обхмыкал камни. В целом остался доволен, но сказал, что материал «сыроват», и надо бы поработать напильником. Углы, там, всякие срезать, да грани отшлифовать.

— Сама попортила — сама и отдувайся, — резюмировал директор, и брякнул на стол толстый кожаный футляр, — скажи спасибо, инструмент тебе купил. Два дня на всё. Чтоб не разгибаясь сидела, ясно?

— О, Дарни, неужели Кети не поедет с нами на бал? — проворковала Изабель, — я ей приглядела такое платье, надо же девочке прививать приличный вкус?

— Ой, дорогая, купи себе лучше брошку, — поморщился

Дарн, и снова обратился ко мне, — приступай сейчас же, тогда будет шанс выйти в свет. Может быть.

На этом он встал и пошёл к двери. Фифа сочувственно поглядела на меня, поставила на стол флакончик синего стекла, и вышла из номера.

— Хал! Чего он? Ты понимаешь? — обескуражено спросила я, — ты ведь поможешь, правда?

Тот только усмехнулся, и отрицательно покачал головой.

* * *

Гора дорогих тканей и меховых рюшей залезла в возок. Пуф, ну наконец-то! Фыркнув, я отвернулась от оконной мембраны. Ещё когда ехали в Столицу, фифа начала разговоры про тряпки, манеры, да светские новости из газет. А уж теперь, когда директор притаранил приглашение на Открытый королевский бал!.. Хотя, было бы интересно взглянуть на их двор. Не то, чтобы скучаю по всей этой лицемерной суете, просто сравнить с нашей занимательно. Например, как обращаются с обладателями «пепельных» титулов, а ещё — кому из не-Высоких дозволяется покупать «билет». И много ли будет фифочек, подобных Изабель.

Ну-ну. Помнится, в моём родном Сетере, такие безродные фифы с разработанными дырками, даже имели шанс сколотить нехилое состояние и «заработать» статус. Но здесь? С ихними-то заморочками? Мне, полнокровной Зрячей, она должна койку перестилать и сральник драить, а не нотации читать, как лучше волосы укладывать. Но, увы. У богов очень специфическое чувство юмора, а здешний Великий Апри — вообще извращенец.

Я посмотрела на стол и вздохнула. Камешки лежали и издевательски посверкивали. Привести в нужный вид, понимаете ли. С двух сторон чтоб грани под шестьдесят градусов, пять гряней по тридцать, остальные — по сорок пять. И да, ещё и форму соблюдать: звёздочки — для линейных иллюзий, полусферы — для объёмных, и до кучи — пирамидки, это чтобы переделывать звук. И всё надо успеть до завтрашнего вечера. И сдать в надёжные руки. Под учёт. Потому что заседание послезавтра, а «эксцессы» никому не нужны. Сволочи. Подвесить бы вас за эксцессы эти самые…

Работала долго, ругаясь и царапая пальцы. Наконец, окончательно обалдела от напряжения глаз и запаха духов, которые принесла Изабель, и которыми, оказалось, так здорово обезжиривать камни. Но, только устроилась на перерыв, раздался стук в дверь.

— Ну кто ещё, а… Хал, ты? Что, с бала прискакал, манеры не выветрились?

Стук повторился, уже более настойчиво. Пришлось выскребать себя из нагретого кресла. Ох, и достанется сейчас кому-то! Я рывком открыла дверь и…

— Здравствуйте, — снял небольшую шапочку давешний старик из переулка, — о… Неужели я не вовремя?

— Да. Ночь на дворе! Вам чего?

— Мастер Халнер назначил встречу… Но, как я понимаю, еще не пришёл. Жаль. В прежние годы он был более пунктуален. Не возражаете, если я немного подожду здесь?

Не дав ответить, загадочный посетитель шагнул в номер, немного отстранив меня.

— Какого ****? — промямлила я.

Поздно. Старик уже топтался по белому ковру, не сняв ни сапог, ни уличной коты. Прошелся, оставляя на длинном ворсе капли тающего снега и комки грязи. Вот тарвол!

— Как у вас мило и чисто! И как приятно пахнет! «Буния в цвету», верно? Похоже, старина Хал решил остепениться… да, не то, что раньше. Каждую Гарию новая дама сердца… И никого порядка в обиталище.

— Да кто вы, тарвол раздери?!

— Я не представился? Паприк. Старый приятель мастера Халнера, — с улыбкой ответил незнакомец, и усёлся в кресле.

Моём кресле. Моём *нагретом* кресле. Раздался треск, камин полыхнул сильнее. Так, я этого монторпа сейчас прибью. Разговорчивый тут нашелся. Тело на кусочки и в кухонный мусор.

— Ну, Аделаида, как тебе Столица? — бросил старик и указал в кресло напротив, — сядь. Хотелось бы услышать твоё мнение.

Меня будто окатило полузамёрзшей водой. Вспышка гнева погасла, как небывало. Я уселась, не в силах сопротивляться повелительному тону.

— Сейчас, конечно, не лучший сезон для посещения. Вот во время Правого месяца здесь не так промозгло, — вздохнул гость и вдруг заулыбался, приветливо сощурив глаза.

— Эээ… Город красивый. Лавки хорошие.

— Да, лавки у нас знатные. И кабаки тоже… Что же, за знакомство?

Холёные руки вынули из личного подпространства пузатую бутылку, а заодно — две пустых рюмки.

— Ну… можно…

Старик, широко улыбнувшись, набулькал жидкость. И мы начали знакомиться.

Мастер Паприк оказался интересным собеседником, особенно по части истории Столицы. Но, рассказ о переносе Императорского дворца дослушать не удалось: раздался низкий гул. Он рвал мозг изнутри, выворачивал внутренности. Паприк замолк на полуфразе. Гостиницу затрясло. Люстра над головой качнулась, тревожно звякнула.

— Землетрясение! — вскричал Паприк, — на улицу, быстро!

Он ринулся из комнаты. Не успел: дверной косяк рухнул, обломок стены размозжил старику голову. Я отскочила назад, едва поймала ногами прыгающий пол. С трудом добралась до окна. Выглянула. Слева, над контуром Императорского Хребта, поднялся огненный столб. Боги! Природная стихия, с ней не справиться умелой дракой или хитростью! Какой, к монторпам, бой с природой? Сметет и не заметит! Пол снова задрожал, стена угрожающе накренилась. Я вспрыгнула на подоконник, свернула пространство на ближайшую крышу. Вовремя: здание гостиницы сложилось внутрь, словно сухой цветок в кулаке. Уф, кажется, пронесло…

Как бы ни так! Камень под ногами раскололся. Свёртка, новая крыша. Она тоже поползла. Тогда ещё. И ещё. И ещё…

Огненный столб стал ярче. Всполохи молний освещали огромный город. На улицах метались и орали люди, кто-то истошно вытаскивал скарб. От воплей меня охватила паника. Куда бежать? Что делать? Что?!

Так. Стоп. Хватит. Надо думать, а не скакать, как бешеная ящерица. Так…

Выждав перерыв между толчками, я остановилась на одной из «террас» и огляделась. Дома потрескались, некоторые рухнули. Портовый квартал начал сползать в море. Во многих местах полыхало зарево пожаров. Только королевский замок величественно возвышался над чехардой. Наверняка все, кто внутри, целы. И обитатели, и гости.

Гости!

Я снова «поскакала» по крышам, потом спрыгнула вниз. Затишье было недолгим: очередной толчок увёл землю из-под ног. Сначала камень больно ударил по заднице, попыталась встать — по коленям. Но всё лучше, чем оказаться на месте вон тех цветных ошмётков, где воловьи копыта затихают в агонии.

— Ыыы! Иии! Кеетиии! — завыл кто-то.

Обернулась. Заглянула в узкую щель между плитой и остатком дома. Боги! Вот это повезло!

— Дарн! Где Халнер? А ну вылезай! Вот так… слышишь меня? Халнер был на балу?

— Н-не зз-знаю, — Дарн весь трясся, глядя на остатки

кареты, — ыыыы…

Ну всё. Разговорами ничего не добиться, а информация нужна сейчас. И как? Микросвёртка в чужой голове? Не умею, да и опасно. Гипноз и проникнуть в сознание? Слишком долго. Самое простое — прирезать Нарной, да где её взять?

Дарн взвыл и ринулся прочь. Нагнала, вырубила одним ударом в висок. Так-то тебе, тарвол истеричный!

— Слушай, я даже не знаю, кто страшнее — вулкан или ты, — сказали за спиной.

Ответить не успела: Халнер схватил меня за плечи, Дарна за шиворот, и перенес нас прочь, едва успев до обрушения стены.

В утробе земли что-то ухнуло, рыкнуло, но толчка не последовало. В воздухе закружился обжигающе горячий снег. Снег из пепла. Дышать стало невозможно.

— Надкхххх! Убиратьс-хххх! Нарна у меня, кххкххх, жешь сделать прехххх? — едва выговорил Халнер, и протянул кинжал.

Я быстро кивнула. Схватив витую рукоять, начала свертку. Замелькали цветные всполохи, линии, круги и полусферы, будто кто-то засветил по голове. Каракули сознания сливались в очертания гор, ущелий, долин. Халнер помогал, Дарн болтался мешком. Потом силы закончились. Пространство заколебалось, выкинуло нас в глубокий, обжигающе холодный снег посреди темного леса.

— Г-де м-мы? — губы едва шевелились от холода и усталости.

Халнер только мотнул головой, и указал на далёкий огонёк между стволами.

Аркан VI. Влюбленные
Глава 25. Черный восход

Небольшая церковь набита битком — люди молились о спасении от новой Катастрофы. Правда, следов землетрясения не наблюдалось. К нашему появлению отнеслись весьма настороженно: перешептывания, хмурые взгляды, шуршание ножей за голенищами. Священник, ведший службу, забубнил о карантине. Несколько человек вызвалось «проводить» нас до врачей.

За время, что мы шли до госпиталя, из насторженных ответов «стражников» стало ясно: мы перенеслись куда-то в глухие леса Закатного плато, а встретившая нас община — беглецы от прошлогодней эпидемии Красной Смерти.

Местечко оказалось по-настоящему глухое — никакой заразе не добраться. Пользуясь обилием строительного материала и нехитрыми знаниями, люди успели основательно отстроиться. Удивительно, но все дома здесь именно построили, а не вырастили, как обычно в Мерран. На вопрос, отчего так, никто внятного ответа не дал.

Однако, самое странное сооружение — госпиталь. Настоящий каменный госпиталь! Даже с колоннадой! В Мерран я такое ещё ни разу не видела. Особенно посреди плоской и лесистой равнины. Странности добавляли местные врачи, явно не деревенские знахари: вкрадчивые голоса, приветливые улыбки, прекрасные манеры, и умные речи…. Только вот идея выращивать декоративные деревца на спинках живых мышей показалась мне несколько… ммм… сомнительной.

Подозрения и плохие предчувствия крепли не с каждым днём, а с каждым часом. Но, едва я решила ими поделиться, как слушать стало некому: прогулка по морозу в ночь землетрясения, по словам лекарей, не прошла даром. Сначала Дарн, а за ним и Халнер, начали страшно кашлять, и кутаться в меховые плащи. Одного за другим, мужчин отправили в изолятор — мало ли, какие могут быть осложнения от такой простуды? Через пару дней я и сама узнала, какие: на локтевом сгибе расцвело маленькое красное пятнышко.

Из-за лихорадки и вечного полумрака в комнате, я потеряла счёт времени. Тело будто горело изнутри, выбрасывая всё нужное и ненужное, отказываясь что-либо принимать взамен. Осознание полного бессилия давило, стирало в порошок, не оставляло места для эмоций. Единственное, о чём я могла думать —

выздоровление. Непременное выздоровление. А как иначе? Я же Зрячая!

Действительно, главный симптом и ужас Красной Смерти — язвы — отсутствовал почти полностью. Нет, они, конечно, вылезли, но далеко не такие страшные, как на тех трупах в монастыре Тмирран, и быстро прошли. Приходилось расковыривать, а ещё — много метаться и театрально стонать, чтоб не выдать улучшение. Ведь, если ты в западне, то усыпить бдительность врага — первое дело. А про западню я уже не сомневалась.

Когда силы вернулись полностью, я показала улучшение. И тогда вместо санитара в прозрачной маске, пришёл врач с тетрадкой и ручным скорострелом. Пользоваться оружием лекарь не особо умел, да и напала я неожиданно и стремительно. Стянув локтем костлявую шею, второй рукой нажала на болевую точку на спине.

— Ты чего тут с нами сделал, тварь? Быстро!

Подвывая, врач начал говорить. Увы, предчувствия не обманули: нас действительно заразили специально, причём, изменённым видом Красной Смерти, опасным для Зрячих. Вроде как, чем выше кровь, тем хуже должна идти болезнь. И это говорят мне, чистокровной?! Реакцию крови для начала научись определять, идиот!

Незадачливый экспериментатор рухнул на пол со свернутой шеей. Я затащила труп на койку, прикрыла одеялом, и отправилась искать Халнера.

Сумрачный коридор, одинаковые двери. Заперто, пусто, заперто. Когда в одной из комнат, наконец, наткнулась на остывшее тело, долго не могла решиться поднять покрывавшую простыню. Но это оказался всего лишь Дарн. Раздет, всё тело испещрили нарывы с застывшим гноем, на лице застыла гримаса боли, один глаз лопнул и вытек. Интересненько.

Накинув простыню обратно, я подошла к окну и внимательно осмотрела свои руки с едва заметными следами от Орр. Подумать только! Привязка, привязка… а ничего страшного-то и не случилось.

Снова коридор, двери, комнаты. И весь будто высохший, покрытый полузарубцевавшимися язвами человек в одной из них. В полумраке не видно его лица, но… Нет, нет. Точно нет. Надо двигаться дальше. Ручка повернулась легко, но петли слегка скрипнули. Тут же раздался стон — хриплый, едва слышный, в два слога. Два немыслимых слога. Слога моего имени.

Я крепко зажмурилась. Медленно притворив дверь, со всей силы стукнула лбом о косяк.

Дальнейшее было похоже на бред. Полоумный, сиплый разговор. Его просьбы — убить. Мои просьбы — бежать. Мельтешение по больнице — уж если убивать, то других, тех, кто повинен во всей этой истории. Убивать и брать необходимое, чтобы выжить в зимнем лесу. Лесу! Зимнем! Мне, выросшей в пустынях и степях!

Несмотря ни на что, мы вполне сносно продержались почти четыре дня. Как ни странно, погоню не подняли, хотя не так уж далеко мы и ушли. То ли маскировка так хорошо работала, то ли свертка удалась. Но, неизбежное всё равно произошло: Халнеру стало хуже.

Он окончательно слёг на пятые сутки, и уже через несколько часов перестал понимать, что происходит. Я начала метаться, но теперь не от жара, а от бессилия. Приложить лёд или вскипятить воду? Растереть снегом или укутать во все тряпки, какие есть? Попытаться засунуть в него последнюю еду или выкопать из-под снега травы, чьё название я не помню, но помню рассказы Эвелин, что они снимают боль? А может, вообще вернуться в больницу?

Бесполезно. На следующий день язвы вскрылись, в страшных нарывах проглянули кости. Не прошло и суток, как всё было кончено. Однако умер Халнер не от болезни, а от моей руки: он пытался куда-то ползти, я не давала, и, после короткой невнятной борьбы, перерезала ему горло.

Хоть какое-то подобие боя.

Потом я вылезла из шалаша, и «надстроила» его всем имевшимся хворостом. Кое-что затащила внутрь. Сделала новую лежанку, на которую перевалила остывающее тело Хала. Потом достала огниво и нож. Потому что, каким бы плотным ни было пространство, самый верный способ провести цепь Цветного пламени от простого «нагрева», до разрушительного Зелёного, это катализатор по имени кровь. Свежая. Живая. Желательно, из вен.

Я залезла в шалаш, и вытянулась рядом с почти остывшим телом. Жесткая щетина царапнула губы в последний раз. Кашляя от дыма, я уткнулась в спутанные пепельные волосы. Один… два… три… не смотря на усиливающийся жар, сердце билось всё медленнее, струйки крови текли совсем вяло. Но и этого хватало Пламени за глаза.

Шалаш рухнул. Откуда-то сверху было хорошо видно, как разноцветные язычки огня резвятся, выпуская искры. Ещё немного — и пожар захватил дерево, потом другое, затем лес, плато, западную часть Империи, всю планету Мерран, и ширился дальше, дальше, пока не заполнил собой весь мир.

* * *

Нестерпимое свечение превратилось в запах. Чудесный запах моей любимой *буниш*. Вслед за ароматом пришло тиканье часов. Размеренный звук чиркал по сердцу, заставляя его биться сильнее и ровнее, подчиняя своему ритму.

Через бесконечность, пелена потихоньку рассеялась. Я увидела темно-пурпурные обои с золотыми вертикальными прожилками и очаг бледно-розового камня. Комната напоминала номер в Алебро, но выглядела не очень: мембраны окон разорваны, штукатурка потолка обвалилась, на полу — скукоженные листья. Плесень. Запах гнили. Косые лучи, низкое солнце. Нет, не просто солнце, а приплюснутый закатом диск Великого Апри, чей левый бок «откусил» подкравшийся Атум. Но такое в Мерран только осенью! А ведь только что была зима… кажется.

Я потянулась в кресле и задела крохотный круглый столик на витой ножке. Он грохнулся, с клацанием откатился к стене. Вместе со столиком упала лежавшая на нём книга — переплетённый в чёрную кожу том размером в две ладони и в два пальца толщиной.

> «Ищущий ближних да убоится одиночества,
> Ищущий одиночества да убоится ближних.
> Получив воздаяние, обратное потребностям жизни,
> В стране вечной осени да пребудет странник,
> Пока не узнает цену своим деяниям»,

— прочитала я на первом попавшемся развороте. Боги, опять эта тягомотина Великого Апри.

Встав, я размялась, и начала осматриваться. Кроме кресла и укатившегося столика, мебели в этой комнате не наблюдалось. В соседней — огромная кровать под запыленным покрывалом, и более ничего. За второй дверью — холл гостиничного вида, и широкая лестница тёмного дерева, над каждым пролётом которой висело по картине жутких пропорций и цветов. Хм. Действительно, Алебро.

Я осмотрела здание целиком. Везде одно и тоже: пыль, обшарпанность, порванные мембраны в окнах, на полу вместо ковров — сухие листья, из всего интерьера — один-два предмета, и книга. Обязательно книга — чёрный томик в две ладони, полный чужой мудрости и религиозных стихов.

В соседнем здании история повторилась. И в следующем тоже, и ещё в одном, и ещё. Везде. Везде одно и то же: пустота и тишина. Ничего и никого живого, даже плесени и мха, и тех не видно. И это в Мерран-то, где даже тумбочки отращивают зубы! Только вот, Мерран ли это? Где оно вообще, это место? Место, где

нет усталости, голода, жажды, холода. Боли, и то нет: когда я не заметила ступеньку под ворохом листьев, и навернулась с высокой лестницы, то не почувствовала ничего. Вообще. Совсем. И даже не удивилась — потому что чего ещё ожидать от места, в котором нет даже времени?

Низкое солнце висело, словно приколоченное. Неподвижные тени расчертили город в подобие гигантский шахматной доски. На каждой её клетке поджидала неминуемая «гибель», вечный мат, объявленный одной-единственной книгой.

«Замершая вечность разольет свет,
Замерший свет откроет истину.
Пришедший к Великой Грани,
Да прозреет,
Оглянувшись на пройденный путь».

Она преследовала меня. Неотступно, неотвратимо. Куда бы я ни шла, она появлялась на столах, кроватях, парапетах. Висела на перилах и шторах. Торчала из переплетения ветвей. Сначала это удивляло, потом раздражало, потом начало откровенно бесить. Но ничего не поделать…

Постепенно я привыкла, и даже начала высматривать черную обложку, как выглядывают в толпе старого друга. В конце концов, здесь, в стране вечной осени, книга была единственным «живым» существом.

Книга, и ещё часы. Откуда и зачем они появились там, где время не движется, я не понимала. Порой едва ощутимые порывы ветра доносили тиканье, а несколько раз даже гуканье. Когда я слышала его, то неслась на звук, не разбирая дороги, пересчитывала ребрами ступени, выпрыгивала из окон, даже срывалась с крыш. Тщетно: отбив ровно девять ударов, невидимые часы умолкали. Я снова оставалась в одиночестве и тишине.

«Служащий Солнечному Закону,
Да не прельстится разум твой ересью,
Да не убоится плоть твоя истязаний,
Да не сподвижется сердце твоё утехами,
Ибо сие есть грех».

Я оббегала всю осеннюю Столицу, буквально всю, даже облазила королевский дворец. Не могла попасть только в порт: в отличие от реального города, в «осеннем» не было моря. Скалы были, мосты над пропастями были, яруса были… а моря не было. В провалах между островами-кварталами плескался густой, сине-

серый туман. В этом же тумане тонули нижние уровни Столицы, даже вид на залив проглядывал сквозь неверную пелену, словно через мутное стекло, в котором неверными тенями отражался сам город.

Медленно и планомерно, черный томик делал своё дело. Уже не надо смотреть на страницы: по одной толщине разворота узнавала, на каком примерно стихе раскрыта книга, и даже могла на память процитировать его, причем всегда вслух: отчего-то казалось, что застывший мир вечного заката внимательно прислушивается к каждому звуку, что тревожит его покой. Игра продолжалась довольно долго.

А потом книга закончилась.

Да, вот так. Закончилась, и всё. Поначалу я долго пялилась на одну-единственную фразу, в которую превратился текст, и всё никак не могла взять в толк, что и как я должна делать.

«Сожги меня».

Сожги, ага. Мебель из железного дерева, покрывала и шторы напрочь отсырели. Листья, правда, сгодятся на растопку… Единственная бумага — эта самая книга и есть. Только вот бумага эта особого, мерранского сорта; по-настоящему будет гореть только в Зелёном пламени, а в обычном, не превращенном, лишь тлеть. Но огонь брать всё равно неоткуда.

Металась я долго. Никаких приспособлений нет, с подручными средствами ничего не получится. Хуже того, пространство — твёрдое и мёртвое, словно каменный монолит — значит, цепи Пламени исключались тоже.

По какому-то наитию, я вернулась в Алебро, в ту самую комнату, где очухалась безвременье назад. Всё точно также: поваленный столик у стены, продавленное кресло перед камином. Не хватало только томика Великого Апри, который я уже довольно давно таскала с собой, и который бросила сейчас на кресло. Бросила — и тут же заметила разноцветный солнечный зайчик, какие бывают от стекла.

Не веря своим глазам, я посмотрела наверх. Точно: высоко, по самой верхушке конного проема, тянулась узкая, не шире ладони, витражная полоса. В Мерран стекло считалось признаком роскоши, подобное украшение мог позволить себе далеко не каждый, тем более, для постоялого двора. Впрочем, и гостиница не из дешёвых.

Пододвинув столик к окну, я взгромоздилась на полированную поверхность, и начала выковыривать ногтями круглый элемент стеклянного узора. Стоило начать, как раздался бой часов — совсем рядом, в соседней комнате. С каждым ударом во мне крепла уверенность: отвлекаться нельзя. Потому что сжечь

Книгу необходимо именно сейчас. Сейчас, и точка. Иначе никак.

Время шло — если оно вообще шло в этом месте. Невидимые часы начали бить снова, уже из дома напротив. С последним ударом, стекло, наконец, поддалось. На ладонь вывалился кругляшек, неровный по краю, и выпуклый с одной стороны. Схватив Книгу Апри, я грохнула её на подоконник. Ну, закат, конечно, вовсе не то же самое, что полдень, но всё-таки шанс. Хоть какой-то. А шансы надо ценить и использовать.

Солнце отдавало тепло очень неохотно, но всё же отдавало. То ли от него, то ли от крови из порезанного о стекло пальца, то ли от горячих молитв, но бумага занялась. Я невольно усмехнулась: поджарить на линзе тот самый Солнечный закон, по которому людей осуждают гореть под огромными линзами — интересная ирония.

Скоро улыбка сошла с моих губ, рот невольно приоткрылся: пламя, которое я с таким трудом добыла, оказалось не простым, а белым. Белым. Белоснежным. Лепестки взвились к потолку, рассыпая снопы искр. Боги, как красиво! Почти, как в подземелье замка Хейдар. Только лучше, потому что это — своё, полностью своё, добытое собственными руками, потом, и кровью, в прямом смысле.

От ласковых, шелковистых лепестков не исходило ни жара, ни боли. Только покой. Безмятежность и покой. Разноцветные искры летели вдоль невидимых нитей. Летели, и пели. Сначала едва слышно, низко, потом всё выше, выше и быстрей…

А потом мир кончился.

* * *

Вздрогнув, я резко открыла глаза. Села на жесткой кушетке. Тряхнула головой. Уф! Где я? Сон, не сон? На всякий случай, ущипнула себя за запястье. Вроде больно. Начала растирать затекшие голени и лодыжки, стараясь прогнать тысячи острых иголочек. Ай! Ай! Фуххх… Да, похоже, всё на самом деле. Боги. Что произошло? Тело ломит, будто стадо волов потопталось, во рту — привкус, будто оно же мне в глотку и насрало. В голове — невнятные обрывки, как куски гнилой тряпки. В целом — ощущение пустоты, как будто больше нет чего-то важного. Что происходит-то?

Я огляделась. Из полумрака проступили очертания средних размеров комнаты. Так, оформлена в лучшем вкусе Мерран: внизу стен — панели тёмного дерева, выше — светлая ткань. Пара картин в широченных позолоченных рамах. Из мебели — «моя»

кушетка, справа от неё — пара кресел перед едва тлеющим камином, слева — несколько шкафов-витрин, причём не с мембранами, а со стеклом. Внутри — светлые контуры посуды. Ни одного светильника, свет — только через окно. Зато какое!

Похлопывая по плечам и корпусу, я поднялась и подошла к тонкой, но крепкой мембране, что заменяла комнате четвёртую стену. За мембраной медленно-медленно падал снег. Крупные хлопья танцевали, засыпая дорожки и кованые изгороди, превращали деревья в невесомые сети, а остовы трав — в белые завитки. Но самым удивительное — цветы. Они явно хорошо себя чувствовали даже на морозе, а из-за вытянутых лепестков и бутонов походили на свечи с бело-рыжим Пламенем. И, если от настоящего Белого пламени отлетали оранжевые искры, то здесь, наоборот, из рыжих лепестков летели белые. Причём, не вверх, а вниз.

— Вы правы, *вальги* — удивительные создания, — тихо сказала темнота за правым плечом, — одно из самых удивительных чудес нашего мира.

Я вздрогнула и обернулась. В паре шагов стоял мой давешний гость — мастер Паприк. Только одет по-другому: вместо обычного костюма обеспеченного горожанина — монашеский балахон, поверх которого болтался черный клобук, а поверх того — епирахиль. Запястья сковывали тканевые наручи. Всё — черное с серебряным узором: меч на фоне солнечного диска.

Ага. Ну, чего-то подобного и следовало ожидать.

— Мы верим, что именно *вальги* лучше всех знают игру жизни и смерти, — растягивая звуки, проговорил Паприк, — а всё потому, что они берут из земли не всё подряд, как обычные растения, а только то, что нужно именно им. Только самое ценное. Только то, что определят самую суть цветов. Правда, есть одна проблема: свои ценности земля не отдаст добровольно никогда. Никогда. Вот и приходится выкручиваться… Надеюсь, вы не слишком утомились? Операция проходила тяжело.

— Операция?

— Орры. Их больше нет. Еретики могут гордиться: последствия их неумелого вмешательства довели до сквернословия даже меня. Вам, кстати, крупно повезло: ещё немного кустарщины, и была бы инвалидность.

— Да уж, точно повезло, — оскалилась я, рассматривая тыльную сторону ладоней.

Чисто. Хотя, завитки Орр и так сливались с моей кожей… Списать на полутьму? Переступила с ноги на ногу: покалывания в позвоночнике нет. Значит, и правда, сняли.

— И теперь, мой свет, когда вы стали свободным человеком,

мы можем поговорить о будущем. Насколько я понимаю, вы хотели бы вернуться в свой мир?

— А… к-какой… мир… — я осеклась, поняв по глазам Паприка: отнекиваться бессмысленно.

Только боги, как он узнал? Из головы моей вытащил? Или Хал…? Нет, даже думать не хочу.

— И что, вы отвезёте меня в Тмирран и пнёте в Зеркало? — спросила я.

— Если договоримся. И, главное, докажем командованию целесообразность такого поступка. Однако, должен предупредить: чем меньше народу знает о вашем происхождении, тем лучше.

— Вы второй из ныне живых. И то только потому, что в голове у меня копаться не постеснялись!

— Это мой долг. Просто долг. Ничего личного, — пожал плечами Паприк, — как и у любого брата, впрочем. Кстати, у вас теперь тоже есть долг, правда, пока только материальный. Пять тысяч триста двадцать четыре с половиной золотых Вирема.

— Сколько?! За что?!

— За Орры, разумеется. Обычно мы не так меркантильны, но ваш случай оказался, что называется, с подвывертом. А любой труд должен быть оплачен.

— Понимаю. Но…

Пять с половиной тысяч! У меня, конечно, есть некоторые накопления с зарплаты в театре, но это едва треть суммы. Да и потратилась на кристаллы я знатно.

— Мастер Паприк, мне нечем вам заплатить.

— Позвольте не согласиться. Кроме наличности, мы можем принять оплату ценностями, физическими услугами, и… как бы это выразиться… бессмертным светом в смертном сосуде.

— Эээ… знаете, я после… гхм, нашего с вами душевного чаепития, немного туго соображаю. Давайте по порядку?

Паприк усмехнулся, и развернулся лицом в комнату. Едва заметное движение руки, и пространство в трёх шагах от нас развернулось, открывая невысокий круглый столик на витой ножке. На кружевной салфетке лежала Нарна — мой фамильный кинжал. Рядом — фамильный же медальон с огнём, и раскрытая шкатулка с большим слитком мерила, которую я добыла летом в подземелье разрушенного храма Духов.

— Ммм… Вообще-то, всё это дороже стоит, — сварливо сказала я.

— Всё вместе — да. Безусловно. Но и продать эти объекты достаточно трудно, слишком ограничен круг покупателей… Выбирайте любой предмет. Два других передадите нам, в качестве добровольного пожертвования. Этого будет достаточно.

Пожертвования. Две фамильных вещи, и пластина удивительного металла, с которым дома я стану самым влиятельным человеком в мире…

Если смогу вернуться.

— Так. Ещё варианты? Что за услуги?

— Физические.

— В смысле — бордель?

— Метко сказано, свет Кетания. Наш научный сектор, действительно, порою не многим отличается от такого заведения… Но, я не думаю, что вас заставят размножаться. Нам интересны знания о работе с Пламенем, и тонкие свойства крови уроженки другого мира. Контракт на восемь циклов. Пансионат закрытого типа.

Час от часу не легче.

— Гм. Так, а что там, говорите, с лучами и сосудами? Я, повторюсь, сейчас туговато соображаю.

— Ничего, это пройдёт. А предложение — место в наших рядах. Вот эта самая дорожка с рыжими *вальдами* ведёт к маленькому, но очень намоленному храму. Обычно, путь к обряду занимает больше времени: кандидат проходит испытания физически, а не под гипнозом, и, уж конечно, не в одну ночь. Да и времени на размышления потом больше… Но, как вы сами понимаете, ваш случай признан особым. Поэтому на принятие решения у вас… ммм… не больше часа. И, если вы всё-таки решите составить нам кампанию, то переоденьтесь в *зильтер,* — Паприк вытащил из личного пространства сверток, и передал мне, — затем идите вглубь сада. По вот этой самой дорожке, босиком, и никуда не сворачивайте. Зайдёте в храм — согреетесь. Ну, и закладную там подпишите заодно. С печатью.

— Эм… на что закладную-то?

— На душу, — усмехнулся Паприк, — и учтите, обратного пути у вас не будет.

И вышел сквозь окно.

Из «дыры» в мембране пахнуло холодом. Пока она затягивалась, несколько снежинок влетело внутрь. Одна из них упала мне на руку и быстро растаяла.

Я поёжилась, и повернулась спиной к саду. Оглядела комнату. В ней ровным счётом ничего не изменилось. Мои вещи по-прежнему лежали на столике: Нарна, без которой не выбраться в свой мир, да и в этом будет трудновато. Медальон, который можно наполнять любым Пламенем — прабабкина реликвия, уникальная в своём роде вещь. Слиток мерила, универсального вещества — любой металл из него можно получить, любой драгоценный камень, только соответствующее Пламя примени.

Как он там сказал, оставить себе что-то одно, двумя другими расплатиться? Гад.

В свёртке, который дал мне Паприк, оказалась рубаха грубого полотна. Отложив одежку на столик с кинжалом и прочим, полезла в личное подпространство. Там, глубоко, в специальном тайнике, лежали деньги. Пересчитала: тысяча девятьсот пятьдесят четыре Вирема. Негусто.

Вздохнув, убрала монеты. Подошла к камину. Угли как угли, тлеют и тлеют. Стабильное пространство, неполные цепи. Пламя здесь — просто приятное, но дорогое дополнение к лестницам крови. Огнепёрые таусы тому пример. Хотя правильно. Если знаниями не пользоваться, они умирают. Сохраняется только то, что нужно. Правда, всегда найдутся те, кому всё равно захочется знать как можно больше, и не важно, зачем. Просто знать. Чешется вот у них. Любопытство отрастили, и почёсывают.

Бррр! Я кожей почувствовала, как где-то в «застенках» инквизиторской лаборатории, меня ждут такие вот любопытные братья и, возможно сёстры. Размножаться не заставят? Так пустят на другие опыты. И, насколько я уже знаю Мерран, неизвестно, что хуже.

Как говорится, выбор труден, но очевиден.

Вздохнув, я взяла сверток, который дал Паприк. Прошла к кушетке, разделась, и, прыгая с ноги на ногу на холодном полу, нацепила ритуальный балахон. Он оказался шире меня в два раза. Подол волочился, широкий ворот сползал то на одно плечо, то на другое. Мерранский размерчик, мда. С рукавами, правда, промахнулись: даже мне они едва прикрывали локти.

Снегопад ослаб, но от окна всё равно тянуло холодом. Босиком, он сказал. Ну-ну.

Я постояла, уперев руки в колени, и подышала животом — так, чтобы согреться, и сохранить разогнанное по телу тепло. Выдохнув в последний раз, направилась к выходу в сад.

Дорожка, на которую указал Паприк, безбожно петляла. Путь до храма показался вечностью. Ноги одеревенели, снег скопился горками на плечах и голове. Когда я, наконец, ввалилась в тепло, жаркий благоуханный воздух окатил, словно суховей. Глаза сразу заслезились, по ушам ударил хор голосов и церковные песнопения.

Помещение небольшое, однако алтарь сделан по всем правилам: по центру — круглая тумба, под ней — четыре ступени, над ней — сфера Великого Апри. Шесть фигур в балахонах и опущенных на глаза клобуках, стояли в два ряда: трое мужчин справа и трое женщин слева. Наверху, у самого алтаря, стоял снявший капюшон Паприк.

— Алкающая света Кетания! Обязуешься ли ты служить Империи Мерран?…

Начались пафосные вопросы про долг, служение, и свободу в служении. Я старалась пропускать пафос мимо ушей, на всё отвечала утвердительно, не задумываясь. Наконец, говорильня закончилась.

— Да будет так! Именем Апри, взойди на алтарь, и прими печать Солнца!

— Запястья к шару, и держать, сколько сможешь, — вполголоса сказал кто-то справа.

— Лучше, если дотерпишь до конца стиха, — добавили слева.

— Орать, желательно, потише, — сказал кто-то ещё, и добавил, — а теперь иди.

Раз. Два. Три. На каждый шаг — ступенька, на каждой ступени — два инквизитора опускаются на колени. Пока я шла, алтарь втянулся в вершину алтарной надстройки. Паприк встал на колени.

— О Апри! Явись в полном блеске своём, и прими в воинство своё сестру нашу!

Пространство шевельнулось. Колыхая покрывалом, словно крыльями, шар Великого Апри спустился, замер у самого пола. Паприк потянул ткань, она легко соскользнула прочь. Пахнуло жаром раскалённого металла. Я почувствовала, как кожу на лице стянуло, а глаза заслезились. И тут я с ужасом разглядела Печать — «наросты» по бокам сферы. Размером примерно с ладонь, на каждом — фигурный выступ: меч на фоне солнечного диска. Герб Инквизиции, что же ещё. Теперь понятно, зачем такие короткие рукава. О боги. О Великий Апри…

Опустившись на колени, я сжала зубы и прижала запястья к печатям.

Братья и сёстры завыли стихотворный счёт. По щекам катились слёзы, по подбородку — кровь из прокушенной губы. Не знаю, как, но мне удалось продержаться все восемь строф. Едва последний слог растворился в воздухе, как я отпустила шар. Он тут же взмыл к потолку. Все поднялись. Паприк протянул мне две плошки с прозрачной жидкостью. С благодарным вздохом я опустила в неё свои истерзанные, обожженные руки… И вскрикнула: это оказалась не вода, а раствор — должно быть, соли. Почувствовав неожиданную боль, я отдёрнула руки. Паприк тут же убрал плошки в подпространство, причём вместе с жидкостью.

— Свершилось таинство! Я, брат второго круга Светоносной Инквизиции Империи Мерран, нарекаю тебя младшей сестрой Кетанией и приветствую в наших рядах! Прикоснувшаяся к

благодати Апри, да не опозоришь ты сие высокое звание!

Пока Паприк говорил, алтарь выехал из пола обратно.

— Возрадуемся, братья и сестры, за новопосвящённую сестру нашу. И да восславим Великого Апри, что согревает своей горящей плотью ледяную ночь.

Меня тут же стащили вниз, на уровень общего зала. Вместе со мной спустились и трое сестёр-инквизиторов. Всё верно: зима в этом культе — мужское время, женщинам на алтаре находиться не положено. Разве что коротко, и по разрешению крупного сановника. Хм. Интересно, какой ранг у Паприка?…

Слава всем богам, служба была короткой: сосредоточиться на происходящем я уже не могла, подпевать гимны тем более. Запястья пульсировали и горели, босые ноги на каменном полу превратились в два куска льда. Но вот Паприк умолк, осенил всех кругом Апри, и спустился по правой стороне алтарного возвышения. За ним последовали братья, а за ними — сёстры. Все вместе они вышли из храма через небольшую дверь.

Так, и чего?

Я сунулась следом, но резные створки оказались заперты. Как и ещё одни, и ещё — все семь штук, по числу пределов. Подалась только восьмая — та самая, из которой я и пришла.

За то время, пока длилось посвящение, дорожки основательно подзасыпало. Опрометью одолев расстояние до дома, я начала биться о мембрану: забыла, где конкретно находится вход. Наконец, окно подалось. Заскочив в тепло, я первым делом проверила, на месте ли мои вещи. Облегчённо вздохнув, надела на шею медальон с огнём, засунула Нарну и слиток спрятала в личное подпространство. После этого начала судорожно переодеваться.

Да что за ****! То спадала эта хрень, то не снимешь! Задохнусь сейчас! Ай, запястья-то как больно…

— Да тише, тише ты! Хорош казенное имущество портить! — проворчал голос Халнера, и знакомые руки помогли выпутаться из ткани, — вот, так-то лучше. Вот, вот твоя одежда, не волнуйся. И давай на ковёр становись, замерзла же. Руки аккуратней. Ничего, завтра пройдёт.

— Ага, да, спасибо… а ты чего, давно тут? А чего на церемонии не был?

— Не положено, — резко ответил Халнер.

Потом он криво усмехнулся и протянул мне флягу, судя по весу, сильно ополовиненную.

— Поздравляю, сестра…

Аркан VI. Влюбленные
Глава 26. Упасть, чтобы подняться

Молочко, отжатое из семян *тирелей*, не смешивалось ни с чем, превращаясь в подвижные слои в любой жидкости. Это свойство активно использовали при приготовлении смесевых напитков, особенно, на базе эля. Вот и сейчас, в заказанном мной *котеро*, белые разводы плавно поднимались и опускались. Очертив полукруг по кружке, слои «закуски» поворачивали обратно, чтобы снова наткнуться на стеклянные стенки. А убери эти стенки, что будет? Неказистая лужа, и всё. Старая истина: некоторые вещи имею смысл, только будучи загнаны в рамки. Неужели и я тоже?…

Я глубоко вздохнула, и взяла из круглой вазочки на столе пропитанный маслом и травами сухарик. До рта не донесла — остановила руку на полпути, и стала рассматривать запястье. Странное ощущение. Орр больше нет, вместо них — имитация. Узор, искусно выплетенный под кожей золотой краской. Маскировка такая. Правда, в мясе, в венах, чуть ли не в костях, сидят теперь новые кандалы. Разящий меч справедливости Апри, как же. Пафосу то, пафосу… зато передвижение инквизитора по Империи ограничено лишь Уставом. Это непременно надо использовать. Надо.

Я ещё раз вздохнула, и посмотрела на столбик цифр, которые писала на салфетке. Здесь я без малого местный год. А вот дома сколько времени прошло — неизвестно. И какая ситуация, тем более не ясно. Я, конечно, оставляла сообщникам инструкции на случай своей внезапной гибели… но по писанному никогда не выходит. А как тогда? Добрали войска или распустили? Вернули Сетер, не вернули? Скормили этому ублюдку его собственные потроха, или сами загремели на четвертование? Боги. Нет, лучше не думать. Слишком всё зыбко и далеко. Сейчас главное — вернуться.

Так… Перевалы на Великом Хребте открываются не раньше середины весны. Получается, соваться в Предгорный раньше Правой четверти смысла нет. Долго. С другой стороны — хорошо. Времени на подготовку нужно много. Нужно как-то наработать навыки, добыть снаряжение, которое я даже не знаю пока, где купить. «Перенабить» имя в базе крови, чтобы быстро не розыскали… И только потом скрываться по лесам и горам, пока не найду Переход. Или пока еда не закончится. Да! Вот ещё пункт: еду обязательно брать, и много — не доверяю я природе

Мерран. Так не доверяю, что даже попробую найти проводника, если только кто осмелится соваться в те мёртвые края. Храбрец вряд ли доживёт до Тмирран — от лишних глаз надо избавляться. Этот урок я выучила ещё дома… Дома. Что теперь для меня дом?

Я, наконец, съела сухарик. Запив его котеро, посмотрела в широченное, во всю стену, окно. Всё так же через улицу темнели ступени Судебного собрания. Заведение Высоких, где собираются местные Высокие решать свои Высокие вопросы. Интересно, а где у Инквизиции собственный суд? Хотя у них трибунал, вроде. Вот как попаду под него за дезертирство! Хотя, с чего? Я инквизитор самого низкого ранга. Помощник при полевом сотруднике, и только. Собственных дел нет, заданий нет. Боевого поста и того нет. Ну, в постели если только…

Постели! Под ложечкой неприятно заныло. Что я скажу? Как? Или не говорить вообще ничего, а просто в одно прекрасное утро исчезнуть? Да, так лучше всего. Я схватила новый сухарик, и начала его крошить. Идиотка. Сколько раз говорила себе: не привязывайся к людям, не привязывайся, одни неприятности от этого. Потому что любой контракт можно разорвать, из любого плена сбежать. А от себя самого — куда денешься?…

На столик упала тень.

— Вы позволите?

— Нет.

— Он не придёт.

— А ты сейчас отсюда уползёшь, — отрезала я, не поднимая глаз.

— О, да ты остра на язычок, Кетания.

Вздрогнув, я, наконец, взглянула на говорившего. Несколько секунд потребовалось, чтобы понять, кто передо мной. Боги. Надеюсь, он тут недавно.

— З-здравствуйте… — оскалилась я.

Брат Паприк собственной персоной. Магистр инквизиции с весьма размытым кругом обязанностей. А еще — непосредственный начальник Халнера, то бишь, и мой.

— События сегодня развивались немного непредсказуемо, но интересно, — Паприк уселся напротив, и кивнул на здание Собрания, — наши с вами общие друзья сделали два заявления. Одно мы уже ожидали, другое… прямо скажем, поставило в тупик. И не только нас. Так что теперь оно станет предметом тщательного выяснения подлинности.

Пока он говорил, возле здания суда началась суета. Подъехала большая повозка казенного вида. Из неё вверх по ступенькам побежали люди.

— Пока идёт проверка заявления, действующие лица должны

быть в комфортных условиях на виду у судей, — продолжил магистр, — так что, свет Аделаида, предлагаю и вам перебраться в более подходящее для ожидания место.

— Например?

— Например, в гостиницу Алебро. Позвольте вас подвезти.

Залпом допив котеро, я положила несколько монет на стол, и встала.

До возка мы шли молча. Задержались проследить, как из дверей суда выходят Халнер и Дарн, каждый — между людьми в форме внутренней гвардии. Все вышедшие сели в большую повозку, которая быстро уехала.

— Их повезут в Центральную башню, — сказал Паприк, пока я устраивалась в полутьме его личного транспорта, — там камеры для Высоких вполне ничего, вот только выходить на улицу нельзя… и посетителей принимать тоже.

— Совсем?

— Совсем, свет мой, совсем. Орешки будете?

— Нет, благодарю вас.

Я отвернулась к окну и начала разглядывать улицу. Там, укутанные в меховые плащи люди неспешно прогуливались, ведя на поводках типсов. Эти мелкие шестиногие твари, похожие на стрекозопсов, как раз сменили золотой летний мех на серебряный зимний, и отрастили дополнительную пару глаз, чтобы лучше видеть в полутьме.

Паприк с хрустом раскусил пару орехов. Положил пакетик с остальными на маленький откидной столик.

— Между прочим, вкусно. Вы зря отказались. Очень помогает прийти в равновесие. А то, знаете ли, наш друг заставил меня задуматься о тщете всего сущего… Ну а теперь скажите, кто знает о его крови?

— Какой крови?

— Той, на пересмотр которой он подал официальное прошение.

— Простите, я не понимаю…

— Кто. Ещё. Знает. Кроме. Вас? — почти прошипел Паприк.

— Знает что? — я снова попыталась изобразить удивление.

Магистр немного помолчал, потом наклонился вперёд, и сказал тяжёлым и глухим голосом, от которого нутро буквально окаменело:

— Сестра Кетания. Я могу залезть к вам в голову в любой момент. В любой. И выпотрошить всё, что считаю нужным. Но… не буду, — он откинулся на спинку сиденья, голос стал нормальным, — просто не хочу. Пока. Так что рассказывайте добровольно. Рассказывайте всё, что вы знаете про запутанную

кровь семейства Хайдек. Сейчас же.

Я жадно задышала, расправляя лёгкие. За мембраной окна проплывали улицы незнакомых кварталов. Боги. Он ведь так и будет возить меня, пока не узнает всего, что хочет узнать. У инквизиторов с этим просто. У магистров Инквизиции — тем более.

Нет уж. Лучше самой.

— Я узнала, когда… Понимаете… — снова глубокий вдох, но уже от волнения, и безуспешная попытка согнать с лица краску, — понимаете… этой осенью… я… мы…

Паприк не перебил ни разу, и ничего не спрашивал в паузах между фразами. Когда я замолчала окончательно, он повернулся к стене возницы и что-то приказал в небольшое окошко. В молчании мы доехали до самого переулка рядом с Алебро.

Магистр снова стукнул тростью в окно к вознице. Возок остановился.

— Сестра Кетания, вам известно, что такое Сен-Кармор? — спросил Паприк преподавательским тоном.

— Ммм… Эээ… это, вроде, дуэль на Нарнах? — судорожно припомнила я несколько исторических книг, а также разговоры с Халнером о судьбе, которая постигла его род, — и победитель забирает состояние и титул проигравшего?

— Похвальное стремление знать обычаи Мерран — усмехнулся магистр, — не совсем. Это дуэль Высоких в подпространстве, открытом сопряженными Нарнами. Поединок требует согласия обоих участников, и идет до смерти одного из них. Выигравший получает титул проигравшего, и всё его состояние. Традиция старая, сейчас уже не находит понимания у государства. Прямого запрета на неё нет, скорее, общее неприятие — как пути к гибели Высокой крови. Церковь относится негативно… Мы, соответственно, тоже. Вы видели Нарну рода Хейдар?

— Вроде, нет… Нет. Точно нет.

— В традиции Сен-Кармор есть ряд нюансов, и некоторые из них завязаны на Нарну проигравшего. Она — ключ к исконным родовым землям, которые не входят в состояние и не отчуждаются ни за долги, ни по дуэли. Поэтому победитель Сен-Кармор обязан передать мёртвую Нарну либо Империи, либо, явив милость, вернуть низвергнутому роду. В первом случае, судьбу земли решает Суд Высоких. Как правило, в пользу всё того же победителя, но возможны разные варианты. А вот во втором случае, вместе со «сгоревшей» Нарной, родовая земля остаётся у прежних владельцев до той поры, пока они сохраняют Высокую кровь. Титул тоже возвращается, но с приставкой «пепельный».

Это означает запрет на публичное использование родовой символики и ограничение в некоторых правах — например, им нельзя быть обвинителями в суде и подавать прошения. Другими словами, представители «пепельного» рода не могут обжаловать условий какой-либо судебной сделки, только отвергнуть их. Кроме случаев, когда дело касается чистоты крови.

— Не понимаю, к чему вы клоните, — осторожно сказала я, и взяла пару орешков, которыми давеча угощал Паприк.

На вкус они оказались сначала кислыми, а внутри — жгучими, словно сунул в рот горящее полено. Действительно, бодрят.

— Приятного аппетита, — усмехнулся магистр, — так вот, сегодня в суде, мастер Дариан Хайдек согласился полностью отказаться от притязаний на титул графа Хейдар, в обмен на двадцать кликов земли, новое, с иголочки, имение, и новый титул — барон. Чтобы вы понимали: барон — титул родовой знати, но не привязан к крови. Обычно его дают простолюдинам за великие свершения на благо Империи… И средства на это дело изыскивают не за раз.

Мне вдруг вспомнился «семейный» ужин в Гарди, на котором пьяный Дарн стучал кулаком по столу и всё голосил, что «давно опора избавиться от этих развалюх». Вот и избавился, что.

Паприк продолжал:

— Увидев, что происходит, мастер Халнер Хайдек заявил, что его сводный брат не имеет права крови на такое решение. Поскольку речь идёт о чистоте рода, суд обязан рассмотреть прошение. Но, будучи членом «пепельного» рода, мастер Халнер должен уже завтра представить суду родовую Нарну Хейдар, и подтвердить свою кровную привязку к ней… а кинжала-то и нет: мастер Дариан заранее передал его исцу на этом суде.

— Это критично? — с подозрением спросила я.

— В нынешних условиях — да. Если заявление Халнера признают несостоятельным, он отправится в тюрьму. Но, что важнее, имение Хейдар — вместе со всем его содержимым! — отойдёт графу Варусу, потомку победителя той старой дуэли… и тем, кто стоит за ним. Они-то и пытаются наложить лапки на наш секрет. *Наш свами* секрет. Маленький, но очень жаркий… его-то вам и придется сегодня защитить.

— Ясно.

Чего столько про законы рассусоливать-то? Нет, чтобы сразу сказать, чего надо.

— Какова моя роль?

Паприк протянул трубочку бумаги. Внутри — поэтажный план здания.

— Поместье графа Варуса. Нарна там. А вот это, — Паприк протянул мне увесистый сверток, — то, что может пригодиться. Сегодня вечером граф будет на службе в церкви, и его там придержат. Большая часть слуг будет с ним, а кто останется — будут крепко спать. Нарна, скорее всего, в кабинете. Сейф механический. У нас с такими почти никто не работает, так что ваши навыки как нельзя кстати. Всё ясно?

— Так точно. Всё.

* * *

Годами тренированные навыки не забылись. Но Мерран на то и Мерран, чтобы применять их пришлось с подвывертом. Например, по верху стены тянулись хищные лианы. Их подвижные стебли повадками походили на наш огненный ковыль — так же чувствовали тепло и движение. Стоит только приблизиться, и раз! живые петли бросаются на тебя, норовя задушить и обескровить. Спас только костюм из «металлической» ткани, пропитанной чем-то вроде снотворного: едва шипы цапнули серебристые складки, как лианы обмякли, и больше не подавали признаков агрессии. Чего не сказать об обитателях двора.

Если кошки остались в Мерран только на фресках и в книгах, то с собаками дело обстояло наоборот. Их разводили, развивали, скрещивали, совершенствовали, и использовали в качестве дорогих игрушек — в том числе, охранных.

За то время, что я сражалась с лианой, со всего двора стеклись звери-охранники. Лаять не умели — «закон тишины» в Столице берегли свято — зато умели рычать. Рычали низко, грозно, на пределе слышимости; казалось, звук проникает в тело, ощущается костями, выворачивает изнутри. Что ещё он может сделать с человеческой психикой, проверять не стала: несколько выстрелов из скорострела — и тишина.

Пока снотворные капсулы растворялись, я добежала до дома и нашла нужное окно.

Темно. Запах старых досок и тканей, ладана. В углу — тусклая лампада перед диском Великого Апри. Блестит, словно позолоченный. И на ощупь похоже. Хм. Какой интересный этот Варус! Даже в рядовых комнатах такое держит! Но интересно, какая религия не позволяет хорошо смазывать маслом дверные петли? Слава богам, хоть слуг не видно, как Паприк и обещал.

А вот со светом подстава: темноту коридоров разрывали разве что лампадки, только ещё более тусклые, чем в той

комнате. Местами настолько темно, что приходилось щупать пространство, чтобы банально не запнуться о какую-нибудь ступеньку или ковёр. Действовать приходилось очень аккуратно, на свой страх и риск: охранная система домового щита оказалась очень чувствительной.

Успев раза три проклясть весь известный мне пантеон богов и демонов, я, наконец, завернула в нужный короткий боковой коридор. Довольно узкий, он заканчивался тупичком с окном в торце. Я застыла, как вкопанная. Боги, а ведь всё началось с такого точно тупичка! Только в другой усадьбе и другом мире… И, смойся я тогда от убийцы по-нормальному, а не через Зеркало, не стояла бы сейчас здесь, работая не понятно на кого не понятно зачем, и не понятно, для какой цели. Интриги у них, понимаешь. Я-то тут причём?…

Из небольшого окна лился тусклый свет зимней ночи — размеренные переливы небесного сияния. Освещение так себе. Но мне достаточно: на двери кабинета стоял совсем простенький механический замок. Вернее, для меня простенький, а для мерранцев, конечно, мозголомное диво. Так-то в Империи если что и запирали, то отпечатками ладоней и каплями крови, либо, в крайнем случае, на обыкновенный засов.

В кабинете было светлее: из большого окна полосами падал свет от надомного фонаря. Пространство комнаты съела мебель: шкафы с книгами и шкафы-витрины вдоль стен, перед окном — огромный письменный стол. Вдоль правой стены, в шаге от стеллажей — кожаный диван. У левой стены — огромное чучело тарвола, дерущего полено. Личный охотничий трофей, как же. В углу рядом с окном отсвечивал очередной солнечный диск с лампадкой. Она едва тлела, и удушливый запах самого дорогого, и самого вонючего, ладана, пропитывал всё вокруг.

Сейф нашёлся в глубине одного из книжных шкафов. Здесь замок тоже оказался механическим, но уже гораздо сложнее. Почти как домой попала, боги! Будь у меня хороший набор отмычек и ушная трубка, открыла бы быстро. А так пришлось шурудить чуть ли не гребнем для волос, чтобы услышать заветный щелчок.

В руках задрожали бумаги, бумаги, бумаги. Деньги. Камни. А, вот! Продолговатый сверток длиной с предплечье. Перевязан тонкой, но крепкой веревкой. Я развернула тряпицу. Кинжал. Лезвие матово-чёрное, будто сгоревшее изнутри. У рукояти — гравировка герба Хайдек. Сама рукоять тоже черная, будто в копоти. Ножен нет. Нда уж. Надо будет сделать кожаные, что-ли. Не дело такую вещь в тряпке тас…

В дверь кто-то начал скрестись. Запихнув в сейф бумаги, как

придется, я бросилась под стол. На ходу отправила похищенный кинжал в личное подпространство.

Скрипнула дверь. Послышались шаги. Человек. Один. Щелчок, и соцветие ларков, что росло на стеллажах над диваном, засветилось мягким золотистым светом. Так, нападать надо неожиданно и…

О боги, нет. Это бред. Это… это просто невозможно.

— Ну, ну, тише… — мягко перекатывался женский голос, — ну, ну… вот, скажи, так скучно, никого нет, никто со мной не возится… ай-ай-ай, тише, тише… мамочка тут…

Так. Похоже, меня опять опоили какой-то дрянью, и я вижу глюк. Вернее, слышу.

— Спи мой маленький, спи, мой славный… скоро папа вернётся, встретим его как обычно, да? Ну вот, вот… ай-ай-ай…

До крови укусив себя за щёку, я поняла, что это всё-таки реальность. Что теперь делать-то? Как выбираться? Не стрелять же в них! Придётся ждать, пока сама свалит. Или уснёт… Да пусть хоть сядет для начала! Чего расхаживает, как маятник?!

Через какое-то немыслимое количество времени диван, наконец, скрипнул. Я аккуратно выглянула из-под стола. Молодая женщина полулежала на подушках. Светлые волосы забраны в высокую причёску, украшенную лентами. Тонкие руки в перстнях и браслетах обнимают расшитый свёрток. Ясно. Молодая графиня и юный наследник. Какого **** они тут?! По данной мне информации, семья Варуса гостит у двоюрдной тети! Вернулись, что-ли?

Ругаясь про себя, на чём свет стоит, я выползла из укрытия и начала медленно двигаться к выходу. А потом любопытство пересилило. Я шагнула к спящим.

Грудь женщины плавно поднималась и опускалась. Из свертка доносилось мерное сопение. Зажмуренные глазки, сжатые кулачки. Боги. Меня словно ударили ножом. Ведь, пойми я всё вовремя, и не будь той драки, я бы держала сейчас такой же свёрток. Но бумажный прощальный кораблик уплыл по горному ручью, и…

Так. Стоп. Хватит.

Я тронулась на выход.

— Гыльк?

Почувствовал взгляд, маленький засранец.

— Бррпфф!

Веки графини дрогнули. Женщина тут же получила удар по точкам расслабления. Дурная баба, ребёнка притащила в кабинет! У неё же, наверняка, целая ватага кормилец и нянек! Чего сама-то сунулась? Вот мне бы и в голову такое никогда не пришло. Мне

бы…

— Ааа! Ааа! Аааа! — заверещал младенец.

Я схватила на руки свёрток, стала усилено качать. Но дитё не унималось. Ещё бы, чужая тётка ползает, маманю вырубила. Я бы тоже орала. Хоть и не так громко. Монторп раздери, он сейчас всех перебудит! И ведь не ударишь — так просто не рассчитать сил и натворить беду. Да заткнёшься ты, наконец! Что же с тобой делать-то? Уж на что вертлявы были дети, которых я учила, когда прикидывалась гувернанткой, но с младенцами заниматься боги миловали. Хоть рот тебе закрыть, тарвол ты маленький! Вот… уже тише…

Одной рукой качая сверток, другой зажимая крохотный рот, я стала расхаживать по комнате. Подошла к окну и увидела: от парадного входа в дом отъезжает возок с гербами на дверцах, а по ступеням крыльца поднимается статный мужчина. На середине лестницы он остановился. Сняв шляпу, тряхнул головой. Грива светлых волос в свете фонарей отливала красным. Мужчина вздохнул полной грудью, поднял лицо к небу, и… посмотрел в окна кабинета. Я отпрянула, но поздно: мужчина приветственно замахал рукой, и поспешил по ступеням наверх. Младенец у меня на руках заорал пуще прежнего.

Я сжала руку крепче, гася звук. О боги! Служба же давно закончилась! Выбираться, срочно, срочно… Да что ж ты орёшь! Вот так-то лучше. Всё. Теперь выбираться.

Графиня на диване вскрикнула и открыла глаза. Я отложила сверток со спящим ребенком на стол. Подскочила к женщине, вырубила.

По дому прошла едва заметная дрожь: это граф Варус снял верхний слой пространственной защиты. Всё. Пора уходить. Срочно. Только верну дитё, а то снова разорётся.

Я вернулась к столу, и….

Ни одной складочки, ни одного движения век. Заснул. Да, да, заснул. И сопит теперь в две дырочки. Сопит. Сопит! Сопит, сказала! Я прижала свёрток к уху, пытаясь расслышать хоть намёк на сердцебиение.

Его не было.

Сглотнув, я положила тело ребёнка на диван рядом с графиней, а её саму немного навалила на свёрток. Так бывает, я слышала…

Открыть дверь. Пронестись по коридору в другую часть дома. Вылезти в окно. Отбежать на несколько шагов… и не слушать, не слышать страшный крик, больше похожий на вой.

Не вспоминать. Не думать. Бежать. Прыгать — так, что позавидует любой акробат. Снова бежать — быстро, быстро, ещё

быстрее, растворяясь в гулких каменных коридорах.

Через пару кварталов я остановилась и оперлась о стену. Ледяной воздух разрывал лёгкие, сердце вспарывало грудь. Куда ж я дёрнула-то, а? Там же повозка ждала… А, ладно. Надо как-то дать знать, что всё хорошо.

Всё хорошо.

Всё хо…

Я рухнула на камни, задыхаясь от немого крика и царапая свежевыпавший снег. Такой же белый, как кожа замерших навсегда маленьких ручек.

* * *

Мороз. И всё-таки мне холодно. Сколько уже сижу у этой стены? Неважно. Не первая стена за эту ночь. Нескончаемую ночь зимы Мерран.

Снова путь по стылым улицам. Надо двигаться. И не думать. Потому что стоит только начать — и мысли уже не остановятся. Поэтому надо идти. Идти дальше. Всегда идти дальше.

…каково это — ложиться в мерзлую землю? В замкнутое черное пространство богато украшенного гроба? Или они здесь сжигают? Да, у них, кажется, чаще сжигают… и Высоких тоже. Ну, если так, то тогда и не страшно. Ничуточки. Совсем.

А если огонь, то почему тогда провожают кораблик? Он ведь сказал, что всегда кораблик. И сделал кораблик. А огонь положила я. Значит, всё-таки не сжигают? Надо узнать, что они с ним сделают… Только зачем? Всё равно уже ничего не исправить.

Интересно, а куда всё-таки попадают люди потом? На моём счету столько жизней, я давно сбилась со счета…

Нет. Себе-то врать не надо. Не сбилась. Просто спрятала этот счёт подальше. Я ведь помню их всех. Даже в любой заварушке, всё равно помню всех. Отец так учил — помнить. Смотреть в глаза, и помнить.

А сейчас я даже не смотрела. Хотела тишину — получила тишину. Никакого расчёта. Никакой борьбы. Просто сжала руку. Даже не почувствовала. Мотылька когда давишь — чувствуешь. А здесь — нет. Не было чувства. Нет.

И всё-таки правильно, что кораблик. Правильно. Мне давать такой дар нельзя. На меня надо снова надеть Орры и контролировать каждый вздох. Потому что со своим я бы также. Слишком много забот. Слишком много крика. Слишком мало л…

Из подворотни вынырнула фигура. Чего надо? Ах, девушка в ночи. Милое кудрявое существо. Прелестное.

Опасное.

Переступив через тело со свернутой шеей, я пошла дальше. Вот, сейчас-то я не задумалась. Даже сейчас не задумалась. А ведь он тоже чей-то ребёнок, и кто-то будет его оплакивать. Может быть. А может, и нет. Какое моё дело? Мне всё равно. Не моя забота. Потому что это я. Потому что убивать — единственное, что я умею действительно хорошо. Только отнимать. Только…

…только идти вперёд. Идти дальше. Всегда идти дальше.

Ну, вот и Алберо. Неужели так быстро? Хотя… Сколько же времени прошло? Целая ночь. А ведь завтра суд. Да. Уже сегодня. Да. Собственно, зачем я это сделала. Потому что суд. Потому что так надо. Надо.

Кому надо-то, а? Точно не мне.

— Кетания?

Я вздрогнула, повернулась от вешалки. Магистр стоял, опираясь на трость и слегка наклонив голову.

— Кетания? Что случилось?

Что случилось? Он ещё спрашивает. Это он-то ещё спрашивает! Этот старый монторп ещё спрашивает!

Ледяные прозрачные глаза смотрели глубоко внутрь, будто резали живьём. Внимательно изучает, аж воздух колется. А вот и не подействует! Я тряхнула головой и пошла к камину.

— Ты достала Нарну?

Голос спокойный. Как он может быть спокойным? Как?!

Меня затрясло. Достала ли я Нарну. Достала ли я Нарну. Нарну ему, видите ли. Конечно. Он ещё спрашивает. Послал непонятно куда, подставил, а теперь ещё спрашивает. Нарна. Не Нарна ему нужна, а чтобы Пламя в чужие руки не попало. А на людей плевать. Плевать. Зажать ладошкой.

— Кетания Кадмор! — резко окликнул магистр.

Я развернулась. Снова посмотрела в прозрачную голубизну. Снова почувствовала ледяной поток — и снова справилась с ним. Вынула кинжал из подпространства, воткнула клинок в столик. Развернулась и пошла в спальню.

— Прекратить.

Я замерла на пороге, вцепившись в косяк.

— Говори.

Под ногтями заскрипело дерево. Всё, шутки кончились. Не могу откинуть. Ноги подвели. Я развернулась. Стала медленно опускаться на пол, скользя спиной по стене. Дрожь гнева превратилась в нервную.

— Семья лорда… они не уехали. Почему вы не сказали, что они не уехали?!

— Мы не знали, — Паприк поставил банкетку рядом со мной,

и сел, готовясь слушать.

— Вы всё знаете! — зло ответила я, опуская голову в колени, — это снова какое-то испытание. Да?

— Нет, — воздух сгустился теплыми комьями, — нет, Кетания. Всесилие и всезнание Инквизиции — красивые легенды для обывателей. Нам доступно гораздо больше простых подданных, да. Но далеко не всё. Так что произошло?

— Растения на стенах невысокие, а дворовые псы не бросаются сразу. План дома немного неверен. Они недавно сделали перепланировку…

Шаг за шагом я рассказала всё, что произошло этим вечером. Всё. И замолчала.

Больше нечего сказать. Нечем заштопать дыру, из которой давным-давно вытекла я, моя душа, вытекло всё — даже слёзы. Даже их у меня нет. Как нет дождя в пустыне Саки… Легендарная кочующая пустыня, которой в моем родном мире пугают детей. Что ж, теперь я знаю, что этот миф реальность.

— Все мифы на самом деле реальность, — тихо сказал Паприк, — потому что это рассказы о душе и её пути к Богу. Или богам, как угодно. Фигура речи. На самом деле, всё существует одновременно. Все пространство, все миры. И, если в одном из них что-то происходит, это происходит не зря.

Я плотнее сжала колени. Ещё издевается тут сидит! Почему не убьет? Я же так нагрубила. Наверно, теперь меня вышвырнут. И правильно. Правильно. Зачем вообще соглашалась? Халнер уговорил. Чтоб его. Если бы не он, ничего бы этого не произошло. Да. Он тоже виноват в этой смерти. Нет. Не тоже — больше.

— Знаешь, почему к женщине обращаются «свет мой»? — неожиданно спросил Паприк и, не дожидаясь ответа, продолжил, — потому что женщина, как и свет, имеет две стороны. Посуди сама: во тьме возможна жизнь. Даже в самой кромешной тьме возможна жизнь. Но в полной тьме живут одни уродцы, а полноценные существа получаются лишь на свету. На точно отмеренном и выверенном свету, что важно. Ведь избыток его — тоже смертелен. Свет сильнее тьмы, да. Но и в разы опаснее. В этом и есть главный смысл. Как это важно — соизмерять силу своего света. Как это важно — знать обе свои стороны.

— У меня только одна сторона, — прошептала я, — только одна.

— Нет, — судя по голосу, магистр улыбался, — нет, Кетания. Просто ты привыкла видеть только одну. И в силу своего характера ходишь только по прямой. Для Инквизитора это недопустимо. Так что… Теперь у нас очень большие проблемы.

— Меня накажут? — с надеждой спросила я, обращаясь в темноту коленей, — меня казнят?

— Казнят? И не надейся. Ты нужна живой. Хотя бы, как любопытный объект. И не только в лаборатории.

Паприк замолчал. Любопытство? У него? Я подняла голову.

— Да, любопытно, — горько усмехнулся магистр, — любопытно, что дальше. Очень. Потому что я не знаю никого, кто бы справился гладко с первого раза. Но за те тридцать циклов, что я служу в Инквизиции, такого колоссального промаха я ещё не видел. Похоже, Великий Апри решил испытать нас всех…

Аркан VI. Влюбленные
Глава 27. Раскопки

Гостиная в Алебро была обита полосатой тканью. Она хорошо смотрелась с массивными рамами картин, но вот сами эти картины… Хозяин гостиницы покупал у своего старого приятеля невостребованные публикой произведения, а потом вывешивал всё это «великолепие» в зале, где кушали постояльцы. Ради чего — неясно. Ну, разве что, облегчить жизнь повару: при взгляде на переломанные фигуры, написанные невообразимо яркими цветами, аппетит категорически пропадал. Вот и сейчас, пока я пыталась понять, где у изображенной дамы заканчивается локоть и начинается кисть третьей руки, яичница остыла окончательно. Ну и монторп с ней. Все равно в кафе иду.

— Позволь узнать, куда ты опять собралась? — спросила Изабель, подсаживаясь ко мне, и кивая на теплый плащ на соседнем стуле, — я поражаюсь. Стоило твоему Хозяину куда-то запропасть, как ты начала шляться ночами, принимать посетителей, а теперь снова днём куда-то навострилась…

— Да пошла ты ****!

Я встала, грохнув стулом. Чуть не отдавив Изабель ногу, затопала прочь.

Вот она тарволка, достала своим лицемерием! Сама-то, вон, с каждым мужиком хихи-хаха, а ко мне какие-то претензии ещё. Всё настроение испоганила! А ведь внимательная, дрянь. Неужели она видела и запомнила магистра? Я думала, он показывается только, когда хочет быть замеченным…

Улица встретила морозным безветрием. Корона Апри переливалась оттенками зеленого, всполохи отражались в инее. Странно, раньше не замечала. Но это «раньше» — вчера. Тысячи лет назад. А теперь… Теперь гуляю по городу, и наслаждаюсь ощущением свободы от Орр, предвкушаю горячий *тоби* с тонкими сухариками на закусь. И никаких мыслей. Ни-ка-ких.

Когда я вошла в кафе Тати, рядом с моим обычным столиком шла жаркая перепалка. Боги! Опять Изабель! Нигде от этой фифы спасу нет! Видно, узнала, где находится суд, пришла наблюдать и ждать, а теперь вот изображает поруганную невинность. Я закатила глаза к небу, сосчитала до пятнадцати мертвых фифочек, и подошла к спорящим. О, ну разумеется. Восхитительная Иза обнаружила, что самый удобный столик занят наперёд, и устроила скандал. Пуф…. Выкинуть бы её вон, но нет. «Прямые пути недопустимы», как же. Пришлось спасать

нервы трактирщика и репутацию кафе, предложив поделиться столиком. Тем всё и закончилось.

Удивительно, но фифа не вспоминала об утренней стычке, да и болтала не так уж много, главным образом, про какой-то перекопанный бульвар, через который не проехать.

— Ну, как видишь, не опоздала, — подытожила я, — тем более, что сегодня они начали позже.

— Откуда тебе известно?

Я пожала плечами и отвернулась к окну. Не объяснять же, что истец, наверняка, сильно опоздал. И уж тем более нельзя говорить, *почему*…

Внезапно я вспомнила полный ужаса и боли взгляд графини. Я, конечно, надевала маску, но сам факт… Интересно, одобрят ли те, кто стоит за графом Варусом, огласку и расследование происшествия?

Что-то мне подсказывает, что нет. Даже жаль.

Двери суда распахнулись. На высоком крыльце появился Халнер и, где-то рядом, Дарн. Я приподнялась, чтобы выйти, нет, выбежать на улицу…

— Куда это они? — растерянно воскликнула Изабель.

Тут я заметила стражу. Как! Опять?! В промозглых лиловых сумерках казённая карета тронулась прочь.

— Да что ж это такое! Дарн написал мне, что ещё одно сегодняшнее заседание и всё! — озвучила фифа мои мысли.

— Как видишь, не одно. Монторпы их… Ладно. Поехали в Алебро.

Пока мы тряслись в экипаже, Изабель всё пыталась расспросить о судебных разборках братьев, ссылаясь на то, что Дарн ничего не писал по сути. Я резко и коротко отвечала, что ничего не знаю, не могу знать, и знаю не больше неё. Но все эти вопросы породили в голове встречный и главный вопрос: почему мне-то не приходит никаких записок? Магистр, конечно, сказал про строгий режим Центральной башни, и полную изоляцию её «гостей», но ведь Дарн же исхитряется что-то передавать! Значит, лазейки есть. А я тут с ума схожу. В прямом смысле. О боги.

Мы вернулись как раз к ужину, но до еды дело не дошло. Сначала из кухни выскочил оборванного вида мужичонка, и, сунув бумажку в руку Изабель, убежал обратно. Потом заявился солдат в форме внутренних войск, и протянул мне узкий плотный конверт, на желтой бумаге которого багровела печать суда.

— Дарн пишет собираться, и ехать обратно в Хейдар, — фыркнула Изабель, всматриваясь в записку, — и при… приглядывать за тобой, потому что ваши с Халнером прое… кхм, пройдохские штуки за… фу, что за выражения! Так, Кет, изволь

объяснить, что всё это значит!

— Это значит, что мы едем обратно в Хейдар, — ответила я, убирая официальное судебное извещение, — приятного аппетита.

И, не обращая внимания на возмущенные оклики, пошла наверх, громко топая по дурацким ступеням тарвольской лестницы, а потом от души хлопнула дверью в номер.

Да что ж ты будешь делать!

— Иногда мне кажется, что вы никуда не уходите, а так, в шкафу прячетесь, — вздохнула я, падая в кресло.

— В каком-то смысле так и есть, — усмехнулся магистр и помешал тонкой ложечкой чай, — вещи советую собрать все. И свои, и брата Халнера. Завтра утром за вами приедут, отвезут *официально* снимать Орры. Это будет в Центральной башне. Снимать будет Дариан, как хозяин механизма. Разговоры с ним свести к минимуму. Также настоятельно рекомендую воздержаться от любых расспросов персонала, не говоря уже о попытке прорваться вглубь башни. Чтобы ни одного лишнего шага, ясно?

— Так точно. А что значит, «помогать с извлечением материала»? — помахала я конвертом из суда.

Паприк отставил чашку и наклонился ближе.

— Анализ подтвердил, что у Халнера Хайдека кровь выше, чем у Дариана. Привязка к родовой Нарне графов Хейдар тоже зарегистрирована. Однако этого мало: Дариан — признанный законнорожденный наследник, а Халнер — нет. Его права на Хейдар признают только в том случае, если подтвердится, что он прямой потомок Тойрана, последнего полнокровного графа Хейдар. Вообще это просто… Только вот сегодня ночью кто-то влез в базу крови, и повредил записи рода Хайдек. Пока идёт расследование, необходимо доставить из родового склепа чистый материал. Формально ты едешь проводником. Твоя же настоящая задача — обеспечить безопасность материала.

— Вернуться надо до Нарождения?

— Не обязательно. Суд будет внеочередной. Состав группы — напыщенный индюк от суда и пара солдат. Один из них — брат Рудольф, он будет подчинён тебе. Ты его видела на Посвящении. Вопросы?

— Не понимаю, почему всё так сложно!

— Всё ещё сложнее, чем тебе кажется! — огрызнулся магистр, распрямляясь, — Кетания, это дело — не семейные разборки, и даже не грызня Высоких родов. Люди — лишь мелкие камушки между жерновами… а хлеб необходимо испечь, причем, как можно лучше, иначе мы все сдохнем с голоду. Церковь и Инквизиция слишком долго копили яд друг для друга, сейчас это

становится всё очевиднее. На кону стабильность Империи. Прошу это крепко запомнить. И выполнять приказы чётко, аккуратно, и без самодеятельности. Всё понятно?

— Так точно.

— Что же, с наступающим Нарождением.

— И вас, магистр… магистр?

Паприк обернулся — он уже стоял на пороге номера.

— Скажите, а… связаться с Центральной башней и правда так… так невозможно?

О, неужели я это сказала? Зачем? Лучше быть разорванной монторпом, чем ещё несколько мгновений изучающего взгляда.

— Напоминаю вам, что Халнер Хайдек, перед лицом Всеимперского суда Высоких, поклялся Великим Апри, что вы — единственный человек, который знает долину Хейдар так же хорошо, как он, кровный Хозяин. Не сестра его, не дочь, не староста поселения, и даже не смотритель замка, а вы. Мне кажется, комментарии излишни. Записки тем более.

Дверь мягко хлопнула. Я долго изучала темно-коричневые квадраты на полу, прежде, чем сумела контролировать дыхание. А теперь надо собирать вещи.

… и всё-таки, мог бы и написать…

* * *

Судебный пристав Кобур, заплывший жиром человечек с перекошенным на левую сторону лицом, плелся за мной к Большому замку, и всхрапывал при каждом шаге. Этот старый тюфяк умудрился продрыхнуть и поезд, и дорогу от Пещерного. Казалось — ещё одна ступенька, и он бухнется на камни и заснёт, уже навсегда. Интересно, туша будет скакать как мячик, если дать пинка? Лестница-то высокая… Хотя солдаты поймают — для того их и включили в «миссию», судебного индюка охранять.

Я остановилась и оглянулась на долину. Где-то там, в заснеженной мгле, сидит у камина Кора, подкармливает особняк Варди дровами. С момента прибытия прошлым утром, в доме завертелась людская карусель: Хелия и Маро, Эвелин и Кора, и Трен, иновый управляющий с бумагами, и крестьяне с гостинцами — все хотели знать, что происходит. Но какой смысл отвечать? Всё равно потом Изабель растреплет по-своему. И поскольку она останется, а я уеду, верить будут ей. Хотя какая разница! Главное — поскорее довести материал до суда.

Когда мы, наконец, достигли замкового моста, стало ощутимо холоднее. Я физически чувствовала, как за нами

наблюдают несколько десятков пар глаз. Халнер, помнится, говорил про гарнизон Инквизиции… Да уж. Пускай они мне теперь братья и сестры, всё равно не по себе. Чего они тут только не насмотрелись от молодежи!

Пока пристав тупил перед воротами, с неудовольствием разглядывая трещину в стене, из крепостного рва подошла волна подземного воздуха. Вслед за ней зарокотало небо.

— Охохох… зимняя гроза, — мрачно пропыхтел пристав, — о Великий Апри, ещё одно испытание на мою голову… и это в Нарождение! Ох… так, верноподданная Адони, прошу поскорее показать гробницу. Нам надо успеть вернуться до метели.

— Прошу сюда, ваше благородие.

Из всех частей замка Хейдар, храм — самая компактная и одновременно самая большая. Посеревший от времени, он воздымался из скалы и казался монолитной глыбой без единой трещины, окон и дверей. Иллюзия, конечно.

Я потянула за пространственную нить, подняла полог. Существа на стене недовольно зашипели. Искусно вырезанные гибриды смотрели злобно, разминая когтистые лапы. Еще бы! Гости незваные припёрлись. Давясь от смеха, я распахнула простенькую на вид, окованную металлом дверь. Пристав Кобур попытался возмутиться, но вместо этого просто икнул: одна из статуй обнажила зубы. Поняв, что полномочия ему могут и не помочь, пристав быстро прошел в храм.

Высокие своды дробили звук шагов, превращая его не то в цоканье, не то в лязг. Золотая сфера над алтарём тщательно закутана в чёрное покрывало, чистое, с аккуратными складками. Фанатики, чтоб их! Так ведь и выдать себя недолго! Инквизиция, называется. Хорошо хоть, праздничных украшений к Нарождению нет.

Ступая как можно тише, я прошла до самого амвона, отыскала вход в склеп. Грозный ящер с Вот Такими Когтищами, недовольно приоткрыл глаз. Я остановилась и развела руками. Древняя статуя, созданная ещё до Катастрофы, слушалась только кровных Хозяев.

Окинув взглядом «древнее непотребство», Кобур разразился тирадой про свои полномочия и власть, после чего важно вышел вперед и начал ритуал Умиротворения.

Он долго и много пыхтел, тряс чем-то, похожим на амулеты, выл молитвы. Удивительно, но это подействовало: каменный Страж «заснул» в сплетённой вокруг него пространственной клетке.

Мы гуськом спустились в подалтарную часовню, из которой во все стороны расходились погребальные пути. Вообще по

местным обычаям, усопших предавали огню, воздавая дань Великому Апри. Однако, самые старые семьи Высоких, предпочитали хоронить как в древности, в недрах собственных родовых гнёзд. Удачно: будь род Хайдек моложе, попытка установить родство Халнера и последнего чистокровного графа Хейдар, сравнилась бы с гаданием на болотной грязи.

Найти нужную гробницу — дело не хитрое, а вот открыть…

— Ккккжжжтрррр… Рррррхххх! — зарычала крышка каменного гроба..

Лепестки узора попытались укусить двигавших её мужчин.

— Да что ж это такое! — вскричал пристав, снова копаясь в сумке — вот ведь… Ересь древняя!

Нужный «амулет» все не находился, статуи по углам становились мрачнее, их когти начали царапать постамент. Что этот тарвол пыхтящий возится, нас же разорвут! Ладно, попробую сама.

— Позвольте мне, пожалуйста.

Я подошла и протянула руку. Зубастые цветы дернулись, а потом замерли.

От камня исходил слабый поток воздуха, будто к ладони принюхивалось животное, решая, можно его погладить, или нет. Я подносила руку всё ближе и ближе, пока не коснулась камня. Кончики пальцев закололо. Так. Пламя, Пламя, Белоснежное Пламя где-то там, глубоко внизу. Ну давай же, замок, ты ведь живой. Неужели не узнаешь?

Едва заметная дрожь — и крышка сама отъехала в сторону.

— Вы точно не венчаны подсудимому? — нахмурился пристав, — это может быть нарушением протокола…

— Никому я не венчана, а будем выяснять протокол — снегопад нарушит наши жизни, — отрезала я, отходя от саркофага, — давайте быстрее.

Костяшку вынули, упаковали в несколько шкатулок, и заперли каждую на хитрый замок. Мы вышли из склепа на морозный двор, а затем и к лестнице, вне каменного козырька над замком. Снег уже начал падать огромными белыми хлопьями. Воркование тучи по ту сторону горы стало грозным. Я глубоко вдохнула свежесть горящего за облаками воздуха, закрыла глаза. Несколько снежинок коснулось лица — лоб, глаза, щёки, губы. И горячо, и холодно, и нежно…

— Верноподданная Адони, что вы там застряли? — прокричал пристав с лестницы, — нас всех засыплет! А вы еще должны дать объяснения!

Плотнее натянув шапку, я быстрым шагом пошла к лестнице. Интересно, версия про бабку от Предрассветных плясок покатит?

Ладно, пока спустимся, придумаю что-нибудь. В конце концов, я проголодалась, а Кора наверняка сделала ужин.

* * *

Шквал застиг нас на подходах к Малому замку. Хорошо ещё, что пристав, «официальное лицо с официальным визитом», разместился именно здесь. Ну а где еще? В особняках подследственных, видите ли, некорректно, а других подходящих по статусу зданий нет. Впрочем, ситуация оказалась кстати: Малый замок — единственное жилое строение между Большим замком и основным посёлком.

Когда наша продрогшая группка вместе с комком метели ввалилась в холл, тот был протоплен и даже освещён. Свечи мигали внутри резных орехов *забди*. Ожерелья прозрачных камней на помытой люстре ловили неверный свет и отбрасывали цветные зайчики. Пара оболтусов, встав на стремянки, увешивала стены гирляндами *пайнера*, чьи соцветия напоминают солнечный диск. Короче, подготовка к скорому Нарождению шла вовсю. Хм. С чего вдруг такая религиозность от молодёжи, которая прибилась к театру за время кочёвки по Западному краю? Тем более, что многие из ребят, вроде как, сочувствуют религиозной и политической ереси Сопротивления?…

Потоптавшись на коврике и сбив с себя веником снег, Кобур начал расхаживать по холлу, щупая гирлянды. Потом он неопределенно хмыкнул, и, пожелав мне доброй дороги, поспешно ретировался в выделенные комнаты. Охрана-сопровождение, естественно, отправилось следом. Мне осталось лишь пожать плечами и без сожалений отправиться к себе, в Варди.

Ну как отправиться. Сначала пришлось подождать у ближайшего камина, пока пройдет основной заряд бури, а потом трясти народ на предмет лыж. После долгого выяснения, нашлись какие-то пёстрые детские — только они пришлись в самый раз. Что поделать, если размер ноги у взрослого мерранца чуть ли не в два раза больше моего!

К тому моменту, как я добралась до дома, природа Мерран узнала о себе много скабрезного и нового. Не избежал гневной тирады и особняк Варди: главное крыльцо основательно замело, сонный по зиме дом не спешил его отогреть, и идти пришлось через чёрный ход. Не обращая внимания на приветственные поскуливания особняка, я скинула лыжи посреди кухни, и, накидав себе полный поднос еды, потащилась в гостиную.

Опа! Все мысли о спокойном ужине улетучились: из-под двери виднелась полоска света. Судя по температуре, в комнате горел камин. Хорошо горел. Явно не один час.

Кто? Снег нетронут, значит, гость пришёл давно, ещё до метели. Дом спокоен, значит, кто-то из своих. Хм. Кора давно ушла — еда успела заметно остыть даже под специальными толстыми крышками. Хелия? Вроде, лежала с простудой. Маро? Слишком нетерпелив, чтобы сидеть и ждать. На всякий случай поверив в подпространстве Нарну и второй кинжал, я мягко приоткрыла дверь.

В щель виднелось кресло, самое большое, с высокой спинкой. На нём кто-то спал, свернувшись калачиком и зарывшись в складки пушистого пледа. Длинная и кучерявая шерсть в отсветах пламени напоминала растрёпанную причёску. Я ухмыльнулась: теперь понятно, почему Халнер называет меня кудрявым монторпчиком каждый раз, как укрываюсь этим пледом.

Двигаясь как можно тише, я подошла ближе. Дыхание спящего неровное, но глубокое. Приглядевшись, заметила край нижней юбки с пробивным кружевом. Подойдя ещё на шаг, почувствовала лёгкий запах цветочных духов. Ага. Ясно.

Я протянула руку и слегка потрясла Эвелин за плечо.

— Аааaa! — завопила лекарка, вскакивая с кресла, — ох ты! Кети! Ох… напугала… привет… монторп тебя… уф…

— Привет, — усмехнулась я, — что, нервишки пошаливают?

— В родном-то доме? С чего вдруг? — ощерилась лекарка, — просто сон снился гадкий. Что чёрный человек ко мне крадётся, убить хочет… уф. Ладно. Я к тебе поговорить пришла. Чтобы по душам и без свидетелей. Будь так любезна, расскажи, наконец, что происходит? Эти твои фразы про судебную тайну меня лично не впечатлили, а Изабель всё несёт какую-то чушь про кровь и интриги. Так в чём дело-то?

— Да ни в чём, — я подбросила дров в камин, уселась во второе кресло, — парад тарволов по весне. Что, не видела? А он есть. Целая картина так называется, в гостинице висела, в кафе…

Болтовня не прекращалась почти всю ночь. За окнами завывала вьюга, пламя трепетало, домашнее вино незаметно утекало прочь. Когда я, наконец, рассказала про суд и внезапно возникший спор из-за титула, Эвелин нахмурилась. Известие о Высокой крови, похоже, не очень-то обрадовало лекарку. Ещё бы! Своё жизненное кредо она, поди, по-другому видела. Моё, впрочем, тоже: узнав, что я открыла склеп, Эв скривилась.

— А, ну понятно, моя молодая мачеха решила, что Хозяйка Хейдар — это мелко, надо графиней стать, — фыркнула лекарка, — эх… формально обвенчались хоть уже?

— Эээ… а что, надо было? — опешила я.

Потом попыталась представить реакцию магистра Паприка, и нервно хохотнула.

— Ладно, Эв, кончай глупости нести. Лучше про долину рассказывай…

Началась болтовня: про Маро, которому чья-то ревностная маманя залепила солью в нежное место, про Курта, который пишет, что загремел на «переаттестацию», про Трена, Марша и Сопротивление, про кадаргов, крестьян, и многое другое.

Лишь когда гул часов намекнул на раннее утро, Эвелин ушла. Захлопнув за ней входную дверь, я вдруг поняла, что зря не уговорила лекарку остаться и поболтать ещё чуть-чуть. Теперь ведь идти наверх, в пустую спальню…

В итоге заснула в кресле, укутавшись в любимый плед Халнера.

* * *

Проснулась поздно, от головной боли и судорог в ногах. Варди недовольно бурчал и клацал косяками. Монторп тарвольский! Ну кто там ещё?

Ах, Кобур! Собственной персоной! Топчется в сугробе на крыльце. Пришлось пустить. Тут же получила выговор «за неудовлетворительный уход за домом» и «за неоправданные меры безопасности». Затем последовала ревизия продуктовой кладовки. Напоследок, перекладывая из подмышки в подмышку сверток свежеконфискованых вкусностей, Кобур провозгласил официальное решение «праздновать Нарождение в долине, и выезжать сразу же после праздника, буде установится нормальная погода», после чего удалился в мягкий снегопад, жалуясь на судьбу.

Убранство дома, значит. Праздничное. Что же, слово «вышестоящего» — закон. Вспомнив, что видела на чердаке довольно много символики Нарождения, я быстренько стащила вниз несколько коробок. Только что со всем этим делать? Как правильно развешивать, как расставлять? Хм… Похоже, пора созывать народ на помощь.

Сказано-сделано. Уже к вечеру дом начал приобретать праздничный вид.

— О, вот эту гирлянду я помню, — живо гнусавила Хелия, — её мама сама плела. Ещё переживала, что Солнце не круглое вышло, а немного овальное.

Ткачиха ещё не совсем выздоровела, но, когда я пришла за

Маро, сказала, что тоже будет помогать с украшением. Возражать бесполезно, да и глупо: всё-таки Хелия — сестра Ханера, и выросла в Варди.

— Круг, овал… По-моему нормально, — пожал плечами Маро, развешивая черные диски в золотых лепестках между коллекционными клинками, — слушай, Кет, а как ты смотришь на идею встретить Нарождение в старой купальне?

— Нарождение — семейный праздник, — отрезала Кора, ловко складывая фонарик из восьми разноцветных лент, — хватит ересь всякую проповедовать! Еретик клеймёный!

— Да ладно тебе, — вдруг вступила Эвелин, и доверенные ей колокольчики возмущено звякнули под самым потолком, — это неплохая идея. А потом можно в Малый замок, там места больше. Да и народу. Всё веселее, чем служба в церкви.

— Веселее?! — Хелия удивлённо посмотрела на племянницу, даже гирлянду перестала распутывать.

— Конечно, вес… кхм, — я внезапно вспомнила про своё «монастырское» происхождение и прикусила язык, — вообще надо в церкви, конечно, но она тут маленькая, могут не вместиться все…

— В Нарождение часто происходят чудеса, — пожала плечами Хелия.

— И надо быть в правильном месте, чтобы Великий Апри услышал молитвы! — проскрипела Кора.

— А вот Курт говорил, служба Нарождения едина для всех! — оправдался Маро, слезая с дивана за новой порцией украшений, — А раз едина, то всё равно, в храме ты или нет, потому что мы все видим одно и то же Солнце. Всегда. И на любом расстоянии.

На любом расстоянии. Действительно…

— Да, братишка, что-то в этом есть, — я потёрла запястья с скрытыми клеймами Инквизиции друг от друга, — действительно, почему бы не закатить отдельный праздник?…

* * *

Вечерок выдался ещё тот. Сначала — праздничная служба, на которой мы с Изабель восседали на первом ряду, на местах Хозяек. Фифа вела себя, будто на великосветском приёме, улыбаясь всем и каждому, я же никак не могла отделаться от желания провалиться сквозь каменный пол и утечь в какой-нибудь гейзер. В самом деле, если фифа и сама уроженка Хейдар, и с Дарном жила уже давно, то со мной местные «познакомились»

совсем недавно. Впрочем, «общение» оказалось весьма плотным, поскольку я активно помогала Халнеру вести все хозяйственные дела. Это, а также тот факт, что я — часть судебной делегации, оказался для крестьян важнее формальностей.

Затем мы переместились в Гарди, особняк Дарна и Изабель. Там прошёл «семейный» ужин. Кроме меня, на нём присутствовали Хелия, Маро, Эвелин, а также Трен, как единственный присутствующий заместитель Дарна. В результате, на праздник в Малыом замке я попала уже заполночь.

Молодежь шумела вовсю. Благочестивый повод давно забылся, люди просто радовались жизни всеми известными способами: плясали, пили, ели, горланили песни. Глядя на это безобразие, я вдруг поняла, что если увижу хоть кучку блевотины в уголке, то по-инквизиторски выпотрошу всем мозги. Да, это будет грубо и примитивно, ибо едва умею, но виновника найду. После чего заставлю его жрать всё обратно, и вытолкаю на улицу. Да, в снег. Да, под метель. Потому что нечего моё хозяйство пачкать, ****!

Однако все «хозяйские» мысли вылетели из головы, стоило увидеть Марша. Главный сопротивленец не только вышел из своего подполья, но и снял вечную шляпу. Теперь подпирал стенку в углу большого зала, где шли основные пляски. Чего он тут забыл, интересно?

Несколько напольных светильников с мотыльками и пара огромных свечных люстр давали довольно много света. Я с удивлением отметила, что у Марша, оказывается, есть большая лысина на макушке. Посреди лысины — черное родимое пятно, почти идеально круглое. А, теперь ясно, чего он всё время в шляпе.

— Добрый вечер, — решила для разнообразия полюбезничать я, — как просмотр праздника?

— И вам добрый вечер, свет Кетания, — с поклоном ответил Марш, — просмотр хорошо. Праздник ещё лучше… что поделать, людям свойственны слабости.

— Да? А где твой-то бокал, слабенький? — фыркнула я, — у тебя самого какие слабости, м? Ладно, можешь не отвечать.

— Отвечать мне нечего, свет Кетания. Недостатки и слабости можно увидеть только со стороны… одно скажу: наши с вами слабости точно разные. Кстати, поздравляю со свободой от Орр. Жаль, их сняли не мы…

— А мне вот не жаль. И знаешь, почему? Мне с Ключом, и снимали профи. И они сказали, что там было что-то сильно повреждено! Я могла бы вообще перестать ходить!

— О, вот как? Ах, как жаль, что вы не сможете сказать

технических подробностей! Впрочем, сейчас для вас важнее другое — что оба ваших хозяина живы… а скоро будут ещё и довольны. Хотя нет. Если дело дошло до суда, то доволен будет кто-то один. Кто, кстати? Никак не пойму…

— Что за намёки?

— Какие намёки, что вы! Ни в коем разе. Мне просто интересно, на кого вы работаете?

— Эээ… в смысле?

Марш усмехнулся, и, отлепившись от стены, сделал пару шагов прочь.

— Эй! Ты куда намылился? Разговор ещё…

Сопротивленец резко обернулся.

— Кому вы помогаете? — прошипел он, щуря безликие, бесцветные глаза, — тому, кто издевался над вами физически и держал в плену, не давая уйти от ненавистных занятий, или тому, кто аккуратно и методично переделывает вас под себя? А может, уже переделал?…

Я не нашлась с ответом. Марш гнусно ухмыльнулся, и быстро вышел из зала.

* * *

Погода всё не налаживалась. Снег, снег, снег, сплошной снег залепил поселение по самые крыши, завалил дороги. Я в буквальном смысле начала лезть на стенку: фанты в карточных играх с Маро и охранниками Кобура раз от раза становились всё бредовее.

Метель закончилась через пять дней. Трое суток ушло на то, чтобы мало-мальски наладить дорогу из долины. Едва шваркнула последняя лопата снега, пристав Кобур приказал «выдвигаться прочь из этой дыры, не медля ни минуты». После чего набил хорошую шишку, «случайно» поскользнувшись на лестнице Варди.

Возок использовали тот же, в котором мы с Халнером, Дарном, и Изабель ехали в Столицу — закрытый, душный, на четырёх человек. Однако сидело внутри трое — один из охранников дежурил на задней приступке.

Потом я уснула, убаюканная монотонным покачиванием и темнотой за окном.

Дзинь, дзинь… Шшш… Дзинь!

Ну какого происходит-то, а?

…Дзззинь!..

Да что ж за люди-то, поспать не дают…

Дзинь, шшш… бум, бум… Бамс!

Фррггрррххх… Мы уже в Пещерном?.. А, нет… Это завтра будет…

Кххх! Меня задушил кашель. Глаза продрала с трудом. Холодно. Почему так холодно? Белый квадрат… А, это дверь возка открыта.

Черно-белые полосы зимнего леса. Отражение небесных всполохов на снегу. Снова звон. Перезвон. Перезвон оружия…

Оружия?!

Вскочила, ударилась головой о крышу. Кто-то вскрикнул. Это ещё что?! Из полутьмы испуганно смотрела пара заплывших глаз.

— Пристав Кобур?

— Эээ… ммм… в-вы п-проснулись?

— Что происходит?

— Р-разбойникии! Нап-пали!

Сбросив остатки сна, я выглянула в дверной проём. Около повозки в красном снегу лежал один солдат-охранник, второй дрался с двумя нападавшими. Ещё дальше, двое с замотанными шарфами лицами поднимали заряженные арбалеты. Я едва успела пригнуться.

— Материал? — вцепилась я в пристава.

— В-вот, — Кобур показал шкатулку в трясущихся руках, — целый…

Я выхватила ящичек. Цапнула мохнатый шиворот. Свернула пространство.

Мелькнули очертания леса, под ногами взметнулся снег. Дальше, дальше, дальше, на сколько хватит сил…

…всё. Так, где мы? А, ворота в Пещерный.

— К-как?…В-выы… ввы… кккто…? — проговорил пристав, в ужасе глядя на меня.

— Тарвол в пальто, — я села в снег, — фух…

— Надо страже сказать! — засуетился Кобур, — страже, да… страже… И, прошу вас! Материал. Будьте добры, дайте… дайте сюда. Дайте обратно!

Ишь ты! Я подняла шкатулку, протянула приставу. Хм. А ведь это второй футляр из трёх, и ключ в замке… Стоп, а разве он не у одного из охранников должен быть? И где верхняя шкатулка? Какого черта здесь происходит?!

— Верноподданная Адани, поторопитесь встать! — рявкнул Кобур, — еще на гусеницу надо успеть!

Да чтоб тебя монторпы разорвали! Я поднялась, стряхивая снег, и тяжело посмотрела в спину приставу. Тот торопливо шагал к воротам, вжимая голову в плечи на каждом шаге, словно ждал нападения со спины.

Разбойники, говоришь. Ну-ну.

Интерлюдия VII
Архив Инквизиции. Центр

Адресату по табелю «413»

Срочно/вне очереди

Лично

Регистрированный канал связи «1016»

получено 3 дня Чёрного солнца 258 цикла от Воссияния

Настоящим докладываю, что второго дня Чёрного солнца, на истёке закатного часа, замечена активность на объекте наблюдения «старая церковь» в затопленном квартале. Несколькими транспортными жуками доставлен некий груз и выставлена вооруженная охрана из неопознанных лиц. Один из жуков нес смытые, но читающиеся знаки принадлежности к стойлам Предвратного монастыря.

Напоминаю, что указанный объект наблюдения ранее неоднократно использовался контрабандистами из банды Шуро, разгромленной в прошлом сезоне при содействии служащих указанного монастыря. Нынешние действия идут в разрез с практиками, используемыми контрабандистами. Настоятельно рекомендую поднять ранее собранный материал.

Жду дальнейших рекомендаций.

Да не омрачится лик Великого Апри.

Полевой сотрудник № 195

Срочно/вне очереди

Регистрированный канал связи «ОЦ»

получено 3 дня Чёрного солнца 258 цикла от Воссияния

Внимание всем полевым агентам, работающим в столичном секторе.

В связи с гибелью по неустановленной причине сотрудников № 195 и № 38, приказываю усилить бдительность.

Да не омрачится лик Великого Апри.

Адресат по табелю «413»

Аркан VII. Колесница
Глава 28. На круги своя

Вот и все дела. Официальная делегация суда встретила на вокзале степенно и торжественно. Лопаясь от серьезности, пристав Кобур сумбурно выложил краткий доклад. Потом — обмен дежурным кряхтением, благодарности за оперативную работу, обещание скорейшего разрешения дела… Индюки напыщенные. Хоть бы кто объяснил, что конкретно происходит, почему перебои движения змей, нервное шушуканье в вагонах, испуганные взгляды и ни одной газеты на стойках?

Я отвернулась от окна, откинулась на сиденье возка. Интересно. Очень интересно. Сколько едем, а всего десять человек на улицах насчитала. Десять. И это середина дня. Праздничные дни года. Всеобщий выходной. Я чего-то не понимаю, или в здешней Столице даже праздники не как у простых людей? В Хейдар народ веселился на улице дни напролёт, невзирая на мороз, а тут только какие-то странные личности по углам. Даже у кабаков народу не видно. Мы что-то прошлёпали под снегопадом?

Окна первого этажа Алебро светились в сугробах. На мембранах входной двери вились ледяные узоры неприличной формы. В холле, как обычно, за стойкой отирался дежурный. Я вписалась и моментально получила ключ — номер на моё имя заказали заранее.

Подхватив сумку, начала подъем. Лестница скрипела. С цветастых, но понурых картин жалобно смотрели непропорциональные люди и скособоченные дома. Что я здесь делаю, боги? Мне бы книги про снаряжение изучать, всякие навыки выживания в горах выведывать. А я всё работаю — не понятно на кого, не понятно, за что. Уж точно не за деньги. Вот и дверь номера…

— Поздравляю, Кетания. Миссия выполнена, материал сохранён, — в кресле у камина расположился магистр Паприк.

Кто бы сомневался!

— Одно «но» — пристав Кобур резво побежал искать вашу родословную. Не слишком ли вы неосторожны?

— На нас напали из-за материала? — спросила я, устраиваясь в соседнем кресле.

— Хотели подменить, — кивнул Паприк, и задумчиво повертел в руках кочергу.

— Кобур?

— Мелкая сошка. За ним более серьёзные люди, — магистр поворошил угли и с силой разбил несколько особо крупных.

— Хм… такая явная подстава с разбоем? Зачем так сложно? Мог и сразу подменить.

— Это не так просто, как кажется. Особенно на глазах у охраны. Для этого нужна ловкость, а не… гм… не Кобур.

— Да уж. Откуда он вообще несуразный такой… А теперь?

— Побоятся, — Паприк со вздохом откинулся на спинку кресла, — сейчас всё на виду и под нашим присмотром, причем с нескольких сторон. Нет. Всё закончится так, как идёт.

— Угу, — закивала я, изо всех сил сдерживая улыбку.

— Не расслабляйся, — строго сказал магистр, и впервые посмотрел в мою сторону.

Тяжёлый взгляд давно не смыкавшихся глаз вдавил в кресло.

— Как тебе город, сестра?

— Пустовато для праздников. Что происходит?

— На первый день Нарождения произошел взрыв на Центральной ярмарке, рядом с собором. Раскидало толпу паломников, многих убило на месте. Из-за отравленных осколков люди в больницах умирают до сих пор.

Я тряхнула головой. Боги. И здесь…

— Сопротивление?

— Пока не понятно. Слишком серьезно для них. Да и сопутствующее какое-то… странное. Мы подключаем дополнительные силы, но это требует времени. Официальной версии случившегося пока нет.

Магистр пошевелил угли, поднимая удушливую волну пепла. Затем усмехнулся и тяжело вздохнул.

— А если и будет — что толку? Чем дальше, тем меньше нужны наши заявления. В обществе уже масса слухов, от недееспособности власти до проклятия Апри за грехи. Вот, полюбуйся.

Паприк протянул цветастый листок. С доходчивым пафосом сельской проповеди, в нём говорилось, что Всесогревающий Господь проклял всех: Зрячих — за кровосмешение и гордыню, дворян вообще — за высокомерие и стяжательство, полноценных людей — за угнетение Перерожденцев, которые суть величайшее прегрешение против живой Планеты, а терпению её приходит конец.

— Что за бред? — фыркнула я.

— Ересь. И большие деньги, потому что разбрасывали листовки не руками по подъездам, а с неизвестного птицеящера по улицам. Видишь, как чужие рога и копыта покоя не дают… Эх. Было бы смешно, если бы не было так грустно. А, ладно, —

Паприк поднялся с кресла, разминая ноги, — отдыхай пока. Ты хорошо поработала. Заседание назначили на послезавтра. Курьер с повесткой трется внизу. Спокойной ночи.

* * *

На суде я присутствовала как понятой по изъятию материала крови и сидела в компании каких-то помятых типов на одной из скамеек у стены. В ожидании «представления» я оглядывала зал. Высокое светлое помещение, оштукатуренное желтым, сеяло навязчивые мысли о вине. Тотальной, всепоглощающей, всеобъемлющей и безусловной вине. Вине всех перед всеми. Вине просто за то, что живёшь.

«Загон» для официальных обвиняемых — деревянная коробка впереди и слева — сейчас пустовал. По центру зала, на обитых бархатом скамейках, уже сидели напомаженные и надушенные на весь зал семеро из Совета Высоких. Дальше за ними располагалось возвышение с тремя высокими креслами — видимо, для судей.

У правой стены, симметрично «загону» обвиняемых — клетушка для истца. Сейчас там сидел сам граф Варус. Его душеприказчик суетился, перебирая бумаги. Он что-то говорил своему господину, но тот не реагировал. Глубокие морщины горя прорезали довольно красивое, хоть уже немолодое лицо. На душе заскребло — что-то маленькое, белокожее, с посиневшим ротиком. Я до крови укусила себя за щёку. Уффф. Определённо, правду написали в той газете: корона Апри сегодня плохо влияет на мозги.

Пробило полдень. Никого. Прошло ещё сколько-то времени. Бухнул гонг. Дежурный секретарь будничным тоном забубнил правила поведения и про задержку «по организационным моментам». Знаем, видели ваши моменты. Оцепленный центр, патрули, кордоны. Еще бы санитарные отряды понаставили для всеобщей радости!

Потом судьи в темно-синих мантиях всё-таки появились — буквально бегом. После них в зал ввели ответчиков. Дарн выглядел подавленно, но был выбрит и аккуратно одет. Халнер же имел вид весьма потрепанный, на щеках — мелкие порезы, будто приводил себя в порядок в самый последний момент. Как и граф Варус, Хал смотрел в некую точку перед собой. Вот ведь тарвол! Я тут в горы таскаюсь, от разбойников отбиваюсь, пространство с этим приставом вонючим свертываю… А он мало того, что не пишет, так теперь сидит себе и на стенку пялится!

Хотя… я бы тоже не скакала на его месте.

Волнение в зале нарастало. Приставы начали бубнить что-то по протоколу, украдкой поглядывая на часы. Потом старший из судей прогундосил:

— Согласно анализу биологического материала, Халнер Хайдек признаётся прямым потомком Тойрена Хайдека, старшим по крови (три четверти), и старшим в роду. Согласно представленной Нарне, изъятие собственности родом Вазер на основании Сен-Кармор, признаётся частичным, по доброй воле победителя. В свете вышеприведенного, иск Барена Вазер, графа Варус, о легитимности владения семьёй Хайдек пепельным титулом графов Хейдар признается неудовлетворенным, как и его же предложение договора Понижения. Пепельный титул графа Хейдар, вместе со всем прилагающимся наследным правом имуществом, передается верноподданному Халнеру Хайдеку. Документальное подтверждение за подписью короля будет передано верноподданному по истечении срока, установленного для оформления документов, но не позднее Гарии с нынешнего дня. Вердикт суда окончательный и обжалованию не подлежит. Заседание окончено, дело закрыто. Да восславится Великий Апри!

Захлопнув ярко-красную папку, главный судья развернулся всем корпусом к своему коллеге, который перегораживал путь к выходу, сделал страшные глаза. Второй судья подскочил, и чуть ли не выбежал из зала. Главный и третий отстали не намного. Миг, и члены Высокого Совета начали гуськом ретироваться в том же направлении. И только граф Вайнер пребывал в своих мыслях — ему явно всё равно, что ждёт на улицах. Ему уже действительно всё равно, ведь у его семьи нет будущего.

Я сжала кулаки в карманах платья.

Солдаты, охранявшие братьев Хайдек, открыли калитку «загона». Дарн мрачно сплюнул на пол. Ни на кого не глядя, промаршировал к выходу. Халнер подошел ко мне, сохраняя непроницаемое выражение лица.

— Здравствуйте, свет Аделаида.

— Доброе утро, — неловко улыбнулась я.

Хал усмехнулся и потрепал меня по плечу.

Площадь встретила пугающей пустотой: ни людей, ни шума, ни карет. Только мусор, запах гари, да кучки странного народа по углам. Найти экипаж удалось с трудом. Всю дорогу до гостиницы, мы практически не разговаривали. Халнер смотрел в окно, я дремала на тёплом плече, забыв обо всех неприятностях и треволнениях.

В Алебро нас встретили широкая светлая лестница и витиеватая резьба перил. А картины-то даже ничего, если

присмотреться. Вон, краски какие яркие, а фигуры будто танцуют, особенно на этой, около номера.

— Жильё попроще, и это хорошо. Не думаю, что мы будем тут долго, — сказала я, заходя под скошенную крышу, — к тому же… здравствуйте, магистр.

— Приветствую, сестра, — улыбнулся Паприк, — Брат Халнер. Или, вернее сказать, граф Хейдар? Давненько не виделись.

— Семейные дела, знаете ли.

— Да-да… мы все одна большая семья…

Последовала краткая беседа об итогах суда и дальнейшем раскладе. Потом Паприк сделал мне знак удалиться. Я пошла в спальню, оставив мужчин обсуждать сверхсекретные дела. Ну и пожалуйста. Отосплюсь, пока есть возможность.

Однако, не смотря на приятное омовение в горячей воде, заснуть никак не удавалось. Хоть ящериц считай, хоть в потолок смотри. Потолок, на котором зловеще пляшут тени голых ветвей. Эх, надраться бы сейчас как следует! Только как? В номере алкоголя нет, вылакала вчера. Внизу, в гостинице, дорого. Идти сейчас в кабак — самоубийство, даже с оружием.

Я крепко зажмурилась. Кордоны. С них-то всё и начинается. О боги.

О Великий Апри…

* * *

Видимо, я всё-таки уснула. Проснулась резко, как от громкого звука. Но всё тихо и темно. Я покрепче завернулась в одеяло. Стала двигаться к теплу. Тепла не было. Не было. Не было…

Я рывком села на кровати. Вгляделась в темноту, ощупала её Зрячим чутьём. Ничего и никого. А вот из-под двери пробивается свет — мягкие и неверные отсветы, и течет слабый аромат алкоголя. Боги! Неужели магистр до сих пор не ушёл? Хотя, мне казалось, что Хал ложился… Я выбралась из постели и, накинув халат, пошла в гостиную.

Вот это да!

Перед камином сидели Халнер и Дарн. Оба раскраснелись и лыбились, глядя друг на друга поверх бокалов. На столике между креслами стояла крутобокая бутылка. Хал — в халате на голое тело, Дарн — в том же костюме, что и в суде, только уже мятом и с пятнами. На щеке кровоподтёк, костяшки сбиты. Интересно, как его в таком виде сюда пропустили-то?

— И я тут такой — фигак, — хохоча, сказал Дарн.

Хал как раз делал глоток, и поперхнулся от смеха.

— Не сомнева-ва-ваюсь, кхххх, кхххх… ох… слушай, подлей-ка, а? А то я расплескал с этой твоей… фрикцией…

Дарн хохотнул, и потянулся к бутылке.

— А я предупреждал, — сказал директор, и театрально выделываясь, добавил тонким голоском, — пупсик.

Мужчины заржали в голос. Потом Хал шикнул.

— Что, боишься, твой пупсик проснётся? — ехидно сказал Дарн.

— Смейся, смейся. Она сначала наваляет, потом разбираться будет. Я-то привычный, а вот ты…

— Доброе утро, — сказала я.

Хал едва заметно вздрогнул и кивнул, слегка обернувшись через плечо.

— Ого! Легка на помине! — засмеялся Дарн, и приподнял бокал, — твоё здоровье!

Отпив глоток, обратился к Халнеру:

— Слушай, ну всё-таки, дашь мне её ещё на сезон? Программа-то зашибенная… На твой же Хейдар выручка и пойдёт, в итоге.

— Дарн, я тебе уже всё сказал, — поморщился Хал, — теперь у Кети спрашивай.

Директор фыркнул и снова воззрился на меня, недовольно поджав губы. Где-то в глубине зелёных — таких же зелёных, как и у Халнера, глаз — трепетала одновременно просьба и угроза. Победило последнее.

— Хоть ты мне теперь и родственница, от сцены всё равно не отвертишься, ясно? — строго сказал директор, — послабление, так и быть, делаю. Выбирай номер.

«Дай на сезон». Пф. Нашлись тут работорговцы!

Состроив задумчивую мину, я вынула у Хала из руки бокал, отпила ароматную жидкость. Странный вкус. Не совсем вино, скорее, нечто среднее между хорошей наливкой и перебродившей микстурой. Ого! Похоже, тот самый атьян, про который я много слышала, но ни разу ещё не пробовала, из-за его редкости и цены.

— Закусывай обязательно, — Халнер кивнул на тарелку с сыром, после чего пошел за новым бокалом.

Ну естественно. Надо чистенькое. Это же Хал.

— Хорошо. Монторпа делать буду, — проговорила я, плюхаясь в освободившееся кресло, — а вот на сцену кого-нибудь другого ищи. Сама выступать — ни за что.

— И на том спасибо, — поморщился директор.

Вернулся Халнер с бокалом и стулом, на котором и устроился.

* * *

Выпивка закончилась. Дарн предложил по-быстрому сбегать вниз, потрясти дежурного. Но, стоило директору выйти из номера, как по лестнице покатился шум и грохот.

— Вставайте! Просыпайтесь! Бегите! — вопил кто-то.

В дверях опять появился Дарн, а с ним — растрёпанный коренастый мужчина, в котором я с трудом узнала управляющего.

— Погромы! Погромы! — взволнованно тараторил тот, — Совсем рядом! На площади целая банда! Говорят, охотились на Высоких! А теперь идут сюда! Идут! Слышите! Собирайтесь!

С этими словами он выкатился из номера навстречу поднимающемуся гвалту и суматохе.

Окна номера выходили на улицу. Хал раздёрнул шторы. Далеко — пока далеко — в начале улицы собиралась стайка факелов.

— Это что, опять проверка? — вздохнула я, — На следующий круг переводите, что ли? А что так рано?

— Что? О чём ты? — удивился Халнер.

— Ну, сад, окно, всё тако…

Меня прервало далёкое стрекотание скорострела.

— Одевайся, дура!

Хал ринулся в спальню, на ходу снимая халат.

— Дарн! Оружие у тебя есть? — прокричал оттуда.

— Да, — ответил директор, гремя тарелками — он ссыпал остатки закуски в бумажный куль, который свернул из салфеток.

Вещей собрали мало — всего по комплекту белья и одежды, которые уместились в два небольших заплечника. Туда же отправился кулёчек с едой, фляга с вином, и фляга с водой. Собрали всё быстро, но даже столь мизерная задержка стоила дорого.

То и дело натыкаясь на других людей, мы пробежали два лестничных пролёта. Остановились на последней площадке перед холлом, в котором галдели постояльцы. Сквозь мембранные стены прекрасно видно улицу. Справа бежали те, кто успел прорваться, слева — бурлила разгневанная толпа. Боги! Они почти у Алебро!

Во входную дверь, распихивая народ, ввалились растрёпанный мужчина и две девочки. Та, что постарше, схватила сестрёнку, и понеслась наверх, чуть не сбив нас. Мужчина стал лихорадочно баррикадировать дверь. Ему начали помогать. Хал тоже дернулся… и тут же замер, сжав перила так, что побелели костяшки пальцев: людская волна ударила в стену гостиницы. Мембрана лопнула под ударом ножа. В прорез кто-то метнул нож,

попал в пожилую даму. Слышались крики: «Вероотступники! Смерть Высоким!», еще что-то нечленораздельное. Как же их много…

— Наверх, быстро! Уйдём по крышам! — вскричал Халнер.

Отвернувшись от холла, он схватил меня за локоть и потянул за собой. Вовремя: мембрана стены лопнула окончательно. Толпа начала пролезать в гостиницу.

Я бежала, на ходу проверяя оружие. Ножи на месте, два скорострела тоже, болтов шесть обойм. Шанс есть. Не то, что у давешних девочек: они куда-то юркнули и затихли. Наивные! Забрать бы их… да их найдешь теперь?

Дверь на чердак оказалась очень хлипкой, даже возиться не пришлось. Странно, но в запылённом помещении хлама не наблюдалось, пришлось баррикадироваться стопками постельного белья и мешочками от моли.

Затем мы вылезли на крышу. Внизу на улице бесновалась толпа. Дверь чердака гремела под ударами. Над головой раздался крик птицеящера, в фоне облаков мелькнула черная тень.

— Помогай! — я схватила Халнера за руку.

— Ты чего? — изумился он.

Поняв, закричал:

— Нет! Нет! Даже не взду…

Пространство спружинило, зашелестело, и взорвалось.

* * *

Боги, где я? Какой-то балкон… голова трещит… Провела по волосам. Кровь. Под пальцами — шишка. Так. Одежда, поясная сумка… Оружия нет: подпространство вымело начисто, из всего снаряжения — пара ножей в сапоге. Ладно, главное, не покалечена. Остальные что?

Я поднялась на ноги, цепляясь за ящики с цветами. С балкона в дом вела крепкая мембранная дверь, плотно зашторенная со стороны комнаты. Прорваться можно, только стоит ли? Перегнулась через узорные металлические перила, увидела толпу. В свете факелов она походила на осиный рой. Недавно добропорядочные и послушные, граждане и перерожденцы что-то выкрикивали не совсем трезвыми голосами. У одного из подъездов кого-то яростно пинали, у другого — также яростно насиловали, облокотив на парапет.

Крыша Алебро темнела через улицу, почти вровень с «моим» балконом. На чешуйчатой плоскости шла потасовка: Халнер и Дарн отбивались от крупного кадарга. Не слишком успешно:

пускай и сами не маленькие, мужчины попросту терялись на фоне Перерожденца. Кроме того, Халнер постоянно оглядывался в мою сторону. Заметив, что я очнулась, заорал:

— Итить тебя *****! Пространство перекрыто! Забудь про свёртку! Беги на шпили! По крышам и на шпили, поняла? — он махнул рукой в сторону, где вставал из-за горизонта Великий Апри, — ищи площадь Вилеты! Вилеты, слышишь? Там дома с цветами на фро…

Он не договорил: кадарг ударил во всю мощь. Хал не удержался на ногах — хорошо ещё, успел закрыться. Второй удар бы его прикончил, но вмешался Дарн, отвёл атаку на себя. Хал поднялся, помог Дару добить кадарга. Потом, ещё раз махнув в сторону шпилей, побежал по крышам в их сторону.

Ну молодцы, конечно. Это им удобно, а с моей стороны улицы туда не перескочишь!

Я попробовала зайти в дом через балконную дверь. Бесполезно: судя по звуком, входную сейчас выломают, а значит, пока с мембраной буду возиться, поднимутся сюда.

Поднявшись на крышу по остаткам вьющихся растений, я снова взглянула вниз. А настоящих оборванцев-то в толпе нет. В Мерран вообще нет настоящих оборванцев. Как и голодных: какая-никакая, но работа есть всегда, а значит и крыша, и кусок хлеба. Ну а не хочешь работать — пойдёшь принудительно. За упорное тунеядство — Перерождение, там уж точно работать будешь. Интересно, кого перестал устраивать этот порядок?

Я рванула по крышам вдоль улицы, выискивая, где спуститься, чтобы перебраться на другую сторону. Поначалу всё шло удачно: дома стояли плотно, крыши практически слились в единый массив, поэтому бежала легко. Толпа на улице поредела, но потом сгустилась снова: из переулка на противоположной стороне повылазили новые мутные личности. Я побежала дальше, но наткнулась на широкий переулок. Добралась до края, осторожно попробовала свернуть пространство. Оно начало пружинить и закручиваться. Как он там сказал? Перекрыто? Технологии, монторп их дери.

Собрав силы и помолясь всем богам, я разбежалась и прыгнула. Успешно.

Следующий переулок преодолела точно так же. Но вот улица закончилась тупиком смотровой террасы. Далеко внизу горбились крыши, плотная стена пространства незримо разбивала яруса. Сейчас её усилили так, что препятствие стало физическим. То-есть, ни вылезти на другой уровень, ни перенестись. Всё. Точно надо спуститься. Хорошо хоть, толпа осталась далеко позади.

Вышибить хлипкую чердачную дверь удалось с одного удара.

Я помчалась по лестнице вниз, быстро проверяя другие двери. Все наглухо закрыты. На общей, что ведёт на улицу — мощный засов. Подняв его, я выскользнула из дома.

Хлам, какие-то сумрачные личности, через пару домов — пожар. Справа — обрыв, край квартала. Ладно. Продолжу движение.

Я приметила лаз между обрывом и последним домом на противоположной стороне. Вдруг из этого самого здания выбежали две женщины в разорванных одеждах. За ними, на хорошо рассчитанной скорости — несколько Перерожденцев. Да уж. Голова коровья, а повадки человеческие. Хищные, то-есть. Только бы проскочить…

— Ты куда это, милая? — на плечо опустилась тяжелая рука.

О боги, ****!

— Прогуливаюсь, милый, — я резко вывернулась и оказалась нос к носу с верзилой, от которого воняло немытостью, — хороший денёк, а?

— Ути-пути! А ты у нас, случаем, не Высокая? Уж больно рожа наглая, да шмотки хорошие! — ещё один гад появился из-за спины товарища, — что, попляшем, лапочка?

— Разумеется, красавчик. Ты что предпочитаешь? Пожестче? Погорячее? Вальсок?

С каждым словом я пятилась к лазу. Успеть, успеть, только бы успеть — там они попросту не пройдут. Ну вот, осталось чуть-чуть, и…

Спина наткнулась на теплое. Ноги соскользнули с чьих-то сапог. Верзилы передо мной оскалились, остановились. Попятились.

Я медленно повернулась. Бесцветные прозрачно-голубые радужки, жидкие русые волосы, скособоченная шея. Зима, монастырь, огнеметы. Лето, кабак, подворотня. Метательный нож и предсмертный хрип…

— Т-ты?! Ты же сдох!

— Сдох да не сдох, — оскалился командующий санитарного отряда, который сжег Тмирран, — увечье, несовместимое со службой, а так всё в порядке. Свожу концы с концами над могилой блестящей карьеры. И мечтаю тебя ****!

Он виртуозно выругался. Каждый слог отдавался в висках. О боги! Чтоб вас! Это не шутки уже, а прямое издевательство!

Резко крутануться, нырнуть между бугаями. Увернуться от одного, второму — ножом по пальцам. До лаза не добраться. Чуть правее — переулок. Значит, туда.

В спину ударил камень. Я споткнулась, выронила нож. Нет, не до этого. Главное — бежать. Один нож против них не поможет.

Перепрыгнуть изгородь, другую. Камни, кирпичи, переулок.
Поворот, ещё поворот. Камень. Камень. Стена. Стена. Стена…
…угол.
Всё.

Аркан VII. Колесница
Глава 29. Затмение

Четверо хмельных людей, двое Перерожденцев, и трое полуперерожденцев, надвигались плотной массой. Недобрый знакомый лыбился. Перед глазами промелькнули монастырь Тмирран и кабак в Дельте. О Небесный Воитель, почему ты не дал мне удачи убить хмыря сразу?!

— Слааадкая…

Один ублюдок попытался схватить за куртку, второй — за руку. Я вывернулась. Ударила по болевым точкам и в пах. Отскочила, насколько возможно. Маскировка! Накинуть маскировку!

Нет. Пространство незыблемо — так же, как и каменная стена за спиной.

По команде бывшего офицера на меня кинулась вся кодла.

Короткая схватка — и мое тело прижали к стенке. Схватили за волосы. Оттащили в толпу. Оттянули голову назад. Острый металл одним движением срезал пуговицы с камзола. Кто-то схватил под мышки. Кто-тоначал откидывать складки рубашек в стороны, кто-то — щипать за соски через ткань. Кто-то начал срезать ремень.

Свернуть пространство. Ну же, ну… Нет. Оно даже не спружинило.

В груди жгло. Нет, нет! Только не снова! Сердце рвалось на мостовую. О боги, о Великий Апри, тут даже людей почти нет! Надо вырваться и напороться на клинок. Всё уж лучше.

— А ну стоять! Ишь ты, сильная какая… Тар, где твой яд, чтоб не дергалась?

— Неее… Пусссть дергаетсссся… Так интересссснней…

— Ух-ху-ха! А ты прав! Тогда лови за ноги! Крепче!

— Опа-опа, а тут у нас что за штууучка? Ну-ка…

Что-то сильно дернуло за шею. Я скосила глаза вниз. Мозолистая рука пыталась сдернуть Сетерский медальон. Огонь в камнях бешено пульсировал в такт с сердцем.

Катализатор. Отлично.

Столб переплетённого пламени вырвался вперёд.

* * *

Я с трудом повернулась на бок. Больно грудь. Ожог, наверно.

Надо подняться. Надо… Надо…

Скользя по чёрно-алым ошметкам, кое-как встала на карачки. В ушах звенело. Я зажмурилась, потрясла головой. Накатила тошнота. Сглотнув комок, сжала зубы. Заставила себя ползти — туда, где совсем недавно стояла цельная стена дома, а теперь зияла дыра с выплавленными краями. Рука, нога. Рука, нога. Рука, нога. Теперь встать…

Ай! Раскалённый край мазанул по ладони. Пришлось приноровиться, из последних сил впрыгнуть в дыру. Кувырок через голову. Перекат на живот. Уффф…

— Неудачный день, да? — усмехнулся мужской голос, — пойдём-ка отсюда подобру-поздорову.

Я дёрнулась. Перекатилась на спину, приподнялась на локтях. Отбиваться? На второй такой Огонь меня не хватит. Но живой не дамся!

Мужчина не двигался, даже развёл руки в стороны, давая разглядеть себя получше. Свет шёл только из отверстия, откуда я ввалилась, так что рассмотреть удалось не много: светлые глаза чуть на выкате, темно-русые волосы… Просто день встреч какой-то!

— Барни? — оскалилась я, узнав человека, с которым мы беседовали у мастера Турли, когда я добывала для театра новые камни иллюзий, взамен испорченных, — п-привет… ты что тут?

— Дожидаюсь твоего явления из стены, свет Аделаида. А так…

Продолжение фразы потонуло в страшном шуме. Уши заломило. Нахлынула тьма.

Очнулась я комнате в мягком кресле. Все стены целы. В шкафах, затянутых прозрачной мембраной — белоснежная посуда, прозрачная посуда, и бутылки. С потолка свисает многоярусная люстра из блестящих камешков. Ай! Что за отвратный запах!

— Так, вот только бить не надо, — сказал Барни, убирая из-под моего носа склянку, — я в курсе, что ты не нежненка. Подумаешь, в обморок хлопнулась. С кем не бывает…

— Красивый ковёр, — пробормотала я первое, что пришло на ум.

На столике рядом стояла чашечка тонкого фарфора, в которой плескалось что-то с цветочным запахом. Глотнула — чай. Явно старый. И даже без настойки. Ур-род…

— Твоя берлога?

— Милый дом, правда? Хороший квартал, добрые соседи. Хорошая охранная система. Была. Пришлось друга расстроить и сломать его игрушку. Кстати, не хочешь вес сбросить? Вроде

миниатюрная, а таскать тяжеловато. Эй-эй, не смотри так! Не оставаться же в той дырявой комнатушке. Хотя дырка вышла чудная такая, плавленая — хоть ещё одно окно ставь. А лучше дверь. Выходить, правда, будет в какой-то занюханный переулок, так что хозяева всё-таки будут недовольны… Жаль, не удастся увидеть их лица.

— В смысле «их»? Тут ведь твой друг обитает?

— Ну… дальний знакомый, — криво усмехнулся Барни, — ушел сейчас по делам, так сказать. Буквально накануне. Знаю, у него бар должен быть хороший. О, глянь…

Он принялся вынимать выпивку из буфета, дав мне время осмотреть себя. Пара ожогов на руках, на груди, несколько ссадин на ногах. Одежда потрепана, но можно прибрать. Слава богам, не успели, твари! А так и в большем рванье ходить приходилось.

Я встала с кресла.

— Я спешу. Оружие здесь есть какое-нибудь?

— Да уж вижу, что спешишь, аж стенки сносишь. Посиди хоть немного! Оружие вон, на коврике за тобой висит. А пока выбираешь, вот, глотни пятилетнего Таки, — он налил в бокал серебристую жидкость, — когда ещё попробуешь такое!

— Надеюсь, здесь пойло лучше, чем этот тарвольский помёт! — мрачно сказала я, снимая со стены и разглядывая пару метательных ножей, — где только бер… агрр…

Виски сковало обручем боли. Я рухнула обратно в кресло. Странно, головой не билась. Хотя монторп этот Огонь знает. Технологии технологиями, а штука все равно загадочная.

Барни опять подсунул склянку с гадостью. Голова быстро прочистилась. Я залпом выпила остатки чая, потом осушила бокал Таки. Ух, ну и прошибает! О боги… ладно. Надо продолжать движение, пока не скуксилась окончательно.

— Мне нужна площадь Фиолеты. Знаешь, где это?

— Какой Фиолеты? Вилеты, может? Так полквартала на юг. Но там сейчас жарко. Или ты что, вошла во вкус веселья с бунтарями? Тогда давай тут развлечемся. Готов прикинуться повстанцем!

Что за чушь? Я опустила взгляд и поняла, что Барни смотрит на остатки моего гардероба. Вернее на то, что проглядывает под ними.

— Не поможет, — фыркнула я, запахиваясь покрепче, и сооружая пояс из остатков куртки.

— Да что ты дергаешься, как девочка! Не хочешь — не надо. Главное, не пожалей потом, — он ухмыльнулся, и почесал мизинцем ухо, — кстати, ты вредина. Почему не сказала о своей огненной побрякушке? Плавить стенки! Ха! Где камешки-то

брала?

— Шлам рудниковый, — соврала я, вставая с кресла, снова поворачиваясь к «оружейному» ковру, — в любой камень можно вмонтировать Пламя. Всё дело в условиях обработки: температура, давление, катализаторы… Микросвертка, наконец.

— Микросвертка? Хм… Ну, считай, я тебе поверил. Эй, да брось ты эту дрянь выпендрёжную. Нормальное здесь.

Он снова прошел к буфету с выпивкой, и толкнул его, поддев плечом декоративный выступ. Шкаф плавно отъехал в сторону, открыл тёмный проём. Там, за мембранами, на специальных подставках рядами лежали и висели ножи, кинжалы, мечи, и самострелы самых разных размеров и форм. Все — без декоративных элементов. И явно качественные. Интересный домик…

— Ладно, — я быстро выбрала несколько подходящих клинков, — спасибо, что откачал. За оружие тоже… А теперь мне пора. Удачи.

— Вот уж дудки! Одна ты точно никуда не пойдешь! Давай лучше… ай! Ты чего? Да кто тебя трогает?! Успокойся, наконец! Ну, куда тебе надо?

— Никуда! — взвизгнула я.

Заткнув ножи за пояс, закрыла лицо руками. Затрясла головой. Нельзя срываться, нельзя. Только не сейчас. Фууффффф…

— Ты хочешь помочь? — спросила я ровным голосом, опустив руки, — тогда мне нужна площадь Фиолеты, то-есть Вилеты. Я уже говорила, вроде.

— А я тоже уже говорил, что там сейчас лучше не появляться. Основная пьянь разбрелась по погромам, но настоящие отморозки там. Судилище устраивают. У нас на Севере я такое видел. И… не рекомендую даже приближаться. Особенно тебе.

— Спасибо за заботу. Так куда идти?

— Лучше сразу повесься.

Я развернулась, чтобы уйти. Он тут же подскочил, схватил меня за руку выше локтя, да с такой силой, что я чуть не вскрикнула. Заглянул в лицо.

— Ты что, ищешь кого?

— Нет! Пус-сти! — зашипела я, и потянулась к ножу.

— Аааа… ищешь, значит, — едко усмехнулся Барни.

Разжав хватку, взял один из скорострелов.

— Ну ладно, пошли. Проверим в действии изделие столичных конкурентов…

* * *

Барни вывел меня через чёрный ход и повел хитрыми задворками. Уличное освещение почти не работало, но затменный диск Апри уже приподнялся над горизонтом. Голубоватый свет короны начал понемногу рассеивать сумрак.

Пару раз Барни останавливался, чтобы подстрелить из-за угла то перерожденцев, то ещё какую шваль, и с удовольствием присвистывал на необычный скорострел. И правда, точное и лёгкое оружие, красивое, как сама смерть. Меня просто разрывало между желанием остановиться и рассмотреть поближе, и страхом опоздать. Вот докатилась! Раньше бы и в голову не пришло бегать по городу, искать кого-то. Выбралась бы сама, да и всё. А теперь?!

Очередная грязная щель привела на площадь. Снег мерцал, отражая то желтоватый свет немногих целых фонарей, то голубоватые переливы солнечной короны, то разноцветные всполохи атмосферы. Позёмка стыдливо пыталась скрыть растоптанную кровь. Из окон домов и на погасших фонарях висели трупы с плакатами на груди. На мостовой виднелись растоптанные горшечные осколки и комья земли с бело-розовыми цветочками. И дети. Вернее, то, что от них осталось.

На противоположной стороне площади, у ограды местного храма шло собрание. Багряно мигали факелы: четыре — примотаны к забору, ещё несколько — у людей в толпе. На высоком фундаменте забора, нечто человекоподбное жестикулировало и орало. Позади него, на белой стене церкви, трепыхалась кукла тени. Толпа гудела и одобрительно выла. Слишком далеко, чтобы разобрать слова, но общее настроение ясно.

— Аделаида, тарвол тебя! — я почувствовала, как трясут за плечи, — эй, ты меня слышишь вообще? Так, пошли отсюда, раз ты…

— Сам иди! — огрызнулась я, — всё нормально. Просто… голова чего-то…

Я оперлась на фонарный столб, внимательней вгляделась в толпу. Как он там сказал? Судилище?

— Вижу, что голова, — фыркнул Барни, — потерять захотела, как вот эти вот.

Он кивнул вверх. Я проследила за его взглядом. Черные потёки, белки закатанных глаз. О боги. Такое я видела только когда ходили с отцом на Домбру. Но там южные племена, дикие нравы… А тут!

В этот момент существо-оратор сползло со своей «трибуны». На его место залезло двое. Приставив лестницу, привязали верёвки с петлями на перекладину, соединявшую прутья изгороди. Потом начали затаскивать на фундамент изгороди

растрёпанных женщин и избитых мужчин, из которых двое…

Я зажала рот, чтобы не вскрикнуть.

— Да что ты делаешь, дура! — Барни схватил меня на самом краю толпы, — ты никому не поможешь уже! Пошли отсюда быстро, пока нас так же не…

— Пусти! Ты не понимаешь! Пусти!

Бороться нельзя — мы стояли в нескольких шагах от толпы, на нас начали оборачиваться. Я прекратила сопротивление.

— Барни. Барни, пожалуйста.

Он ослабил хватку. Потом оттолкнул.

— Дура!

Он ещё раз толкнул меня. Потом снова схватил за руку и что-то сунул в ладонь.

— Вот, на. Вернёшь с процентами.

Барни сплюнул на снег, и изо всех сил припустил к ближайшему переулку. Я посмотрела вниз: на ладони лежал отборнейший кристалл иллюзий, отражая зловещие всполохи факелов и зимнего неба.

В десятке шагов от меня, на высоком фундаменте прицерковного забора стояли Халнер и Дарн.

* * *

Основа правдоподобных номеров в театре — правильно расставленные по залу кристаллы. Итог — люди видят, слышат, чувствуют, осязают всё, что сумеешь для них вообразить. Но что делать с одним-единственным камнем, да ещё стоя на одном уровне со зрителями? Других кристаллов нет. Камни мостовой — обычные, не отзеркалят ничего. Пространство не свернуть — увеличивающие линзы отпадают…

Пока я соображала, на загородку снова залезло существо, которое «выступало», когда я только пришла на площадь. Этот человек, осмор, и кадарг в одном флаконе — принялся (принялась? принялось?) зачитывать «приговор угнетателям». Потом оно накинуло на всех петли. Отвесило пинок одной из тёток.

Пятки в разодранных чулках соскочили с фундамента, начали резво стучать по самому его краю. Толпа заулюлюкала. «Палач» поднял руки в победном жесте, снова что-то проорал. Толпа загоготала, а я застыла, словно статуя изо льда. Губы предательски задрожали: Халнер стоял следующим.

Решение пришло мгновенно. Я сжала кристалл иллюзий, подняла «замок» их пальцев над головой. Сваяла первое, что

пришло на ум.

Площадь огласил клёкот, толпу накрыла тень. Все задрали головы. Охнули, увидев отблески брони птищеящеров и фигуры погонщиков-инквизиторов, непроницемо-черные на фоне набежавших серых облаков. Кто-то заорал. Услышав и углядев опасность, «палач» мигом соскочил с забора. Его тут же окружило несколько кадаргов. Распихивая толпу щитами, сколоченными из досок, они ломанулись прочь.

В толпе началась толкотня. Некоторые «факельщики» бросили свою ношу. Кто-то наступил в огонь, с воплем заметался. Я позволила людскому потоку отнести меня от забора — важно не потерять связь. Иллюзорные болты защёлкали по брусчатке.

Я зарычала от напряжения. Из ближних переулков «вынырнули» вооруженные люди в чёрной форме: специальная армия Инквизиции. Есть такая, нет? Неважно: разгоряченной толпе хватило. Часть повстанцев ломанулась через площадь к «свободным» проходам, а часть побежала на иллюзорных блюстителей закона.

Плечевые суставы ломило, из носа текла кровь. Боги, Небесный Воитель, Великий Апри, только бы удалось, только бы! Я бросила камень на мостовую, и припустила к ограде, вынимая на ходу нож.

— Ну, привет, дорогунчик, — срезать петлю с Халнера получилось мгновенно, а вот с верёвками на запястьях пришлось повозиться, — какое милое место встречи ты выбрал!

— Сам в восторге, — зашипел Хал, сбрасывая остатки пут, — второй нож есть?

Я кивнула. Хал принялся освобождать Дарна, потом других «товарищей по забору». Я посмотрела на площадь. Многие повстанцы скрылись в «свободных» переулках. Кто не успел — остановились, и воззарились назад. На нас. О нет, нет! Они же сейчас…

Страх накатил горячей, липкой волной. Факелы, что остались на заборе и находились за моей спиной, ярко полыхнули. Я попыталась дотянуться до иллюзии и поддержать её. В глазах тут же потемнело, голова закружилась. Меня качнуло.

— Бросай, нах…! — Халнер поймал меня за воротник, слегка встряхнул, — так, всё! Лезь давай! И в церковь, быстро! Быстро! Не оглядывайся!

Он буквально закинул меня на приставную лесенку, которую оставили «палачи». Сделана она была кое-как, перекладины держались на паре гвоздей и верёвках. За оградой по церковному двору уже трусила дородная дама в разодранном платье, а за ней — нехилых габаритов мужчина. Немудрено, что после таких

«гостей» крепления лестницы жалобно трещали даже под моим весом.

Перевалиться через забор легко, а вот приземлиться — трудно. Помятые кусты стали ловушкой: нога соскользнула между веток. Из глаз брызнули искры. Только этого не хватало! Не день, а издевательство какое-то!

— Ну ты чего ещё? — пробухтел Дарн, приземляясь рядом, — а ну, поднимайся давай! Наступать можешь?

— Ща попро… Ай! Нет, не могу…

— Аааа!

Кто-то сверзился с забора головой вперёд. Темнота скрыла подробности, но не противное чавканье. Потом раздался треск и вопли: не выдержав веса нескольких людей, лестница развалилась.

— В церковь! Уводи её в церковь! — закричал Халнер.

Он стоял, прижавшись спиной к забору. По площади бежали разозлённые повстанцы. Полетели камни. Один из них ударился о прут изгороди, разлетелся вдрызг. Осколки царапнули щёку.

— Хал! Хални! — вырвалось у меня.

— Дарн! В храм, живо! Оба! — снова проорал через плечо Халнер, — Кети, в храм! Не оглядывайтесь!

Хал вскинул руки. Над головой заорал птицеящер, нас накрыла тень. Я подняла голову. Настоящий? Или?…

— Нет! Нет! — внутри всё жгло, — пусти меня! Пусти!

Я извивалась, как могла, но Дарн, естественно, в разы сильней. Взвалив меня на плечо, директор припустил к церкви. Позади завыло, заныло. Раздался многоголосый вопль боли. Очередной камень пролетел через прутья забора, смачно ударил меня по голове.

* * *

Холодная пластина на переносице закрывала глаза и часть носа. Я видела только кусок самодельного пояса, и собственные побелевшие пальцы, вцепившиеся в ткань.

— Ну, вот и всё, — сказал сухой голос.

Его обладатель наложил давящую повязку на вправленный вывих, и ушёл, оказывать помощь дальше. Я выдохнула сквозь зубы. Постаралась сосредоточиться на ноющем суставе. Боги. Лучше бы мне отпилили ногу ржавой пилой. Можно обе. Только бы Халнер не…

Я задохнулась, как от неожиданного удара под дых. В очередной раз вспомнила свои «глюки», которые мне «послали»

при приёме в Инквизицию. Там происходило нечто похожее. Но имитация реальности — всё равно имитация. А сейчас…

Сейчас я даже плакать не могу.

Хотя, надо ли? «В храм! И не оглядываться!». Уверено, чётко. Он знал, о чём говорил. Точно. Но отступать-то ему некуда. После нас с Дарном в храм забежали ещё несколько человек — говорят, вскарабкались по трупам повешенных. Вскарабкались, и перерезали верёвки, чтобы повстанцы не прошли тем же путём. Однако Хала среди спасшихся не наблюдалось. Значит…

Нет, нет. Не верю. Не буду. Не могу…

В поле зрения появилась деревянная миска с похлёбкой: корнеплоды и пара крохотных кусочков рыбы. Я разжала руку, которой всё ещё сжимала пояс. Потом опустила вторую, с примочкой. Взяла миску, поставила на колени.

— Хоть бы спасибо сказала, — прокомментировал Дарн.

Я кивнула, а потом отвернулась и посмотрела в основной зал храма. Как и «наш» предел, его освещал выдолбленный в стене желоб с огнём. Пламя закрывала прозрачная пластина, потому свет не слишком яркий, но ровный.

Кругом лежали, сидели, стояли, раненые — те состоятельные горожане, кто рванул под защиту толстых церковных стен. И не только рванул, но и добежал. Рядом с пострадавшими «угнетателями», в зале суетились несколько монахов и монахинь. Хм… Откуда они здесь? Это же одна из городских церквей, а не монастырь. И не больница, кстати, тоже. При этом медикаменты на все случаи жизни…

Тут по алтарным ступеням начал подниматься толстенький мужичок. В руках он тащил полированные палки, а под мышкой — большой фолиант. Остановившись на четвёртой ступени, которая походила на площадку, мужичок поставил палки. Это оказалась подставка. Укрепив на её углах небольшие лампадки в форме солнц, он положил фолиант на матерчатую «столешницу», и начал читать.

«Да ниспошлет Великий Апри благодать», расслышала я, «Да хранят лучи Его ищущих помощи Его…».

Как только началось чтение, из одного предела вышел ещё служка, на сей раз со свитком. Следом шли двое вооруженных братьев в чёрно-белых рясах. Храмовая стража? Очень интересно…

— Слышь, ты чего не ешь? — Дарн толкнул меня под рёбра.

— Не хочу, — со вздохом ответила я.

Не глядя, протянула миску ему:

— На тебе добавку.

Он усмехнулся, и твердо отвёл мою руку обратно.

— Если ты вдруг решила заделаться молодой богатой вдовушкой, то я тебя разочарую.

— Ну да, это ты ж по закону, небось, теперь новый старый граф, — фыркнула я.

— Тьфу, дура!

Дарн шумно выхлебал свою порцию, и вытер рот тыльной стороной ладони. Я всё сидела, глядя в миску. И без того малоаппетитная, рыбная похлёбка уже подернулась пленкой.

— Ты же ходила в наш Большой замок? Так вот, в детстве Хал очень любил бросаться в ров, когда гора дышит, и парить на потоке воздуха. Ничего так, да? Один раз он всё-таки упал… живой, как видишь. Под лавину попал однажды. Потом, когда на Север служить поехал, нам похоронное письмо прислали, и даже нательный диск Апри — именной, не спутаешь… А Хал оп! И приехал, как ни в чем не бывало. Ржал, помню, долго… Так что, Кет… ну-ка, глянь на меня!

Я повернула голову. Из-под двух гематом — следы приятного знакомства с толпой — на меня смотрели щёлки ярко-зелёных глаз. Таких же зелёных, как у Халнера.

Дарн усмехнулся, и впихнул мне в руки кусок хлеба.

— Он в восьми шкурах родился. И сносил ещё не все. Так что жри давай, и не выпендривайся!

Что ж. Хорошая попытка. Я сдавленно улыбнулась, и покорно укусила хлеб — противный, из рыбьей муки. Интересно, привыкну когда-нибудь?…

Впихнув в себя еду, я отдала плошку монашке, собиравшей посуду, и облокотилась на стену. Надо бы поспать. Только как? Хотела я того или нет, из глубин памяти всплывали картины войн и бунтов, которые мне пришлось повидать. Сначала наблюдателем, потом «карателем», потом жертвой, потом организатором, и теперь вот… кем?

Боги, боги, почему я здесь? Зачем? Чего вы хотите от меня? Я не просилась в этот мир. Только и делаю, что думаю о побеге. Но какова будет цена? Вот, магистр Паприк озвучивал — медальон и кинжал Нарна. Или брусок *меррила* и медальон. Или Нарна и *меррил*. Но я же отказалась? Отказалась. Ради чего? Или… кого?

Да. Именно. Кого. Себе-то врать не надо. Глупо! Как же глупо это всё…

В носу засвербело. Я потёрла друг о друга запястья, теми местами, где глубоко под кожей скрывались клейма Инквизиции. Обязательства и клятвы государству, в котором не родилась, божеству, в которое не верю.

Крепко укусив себя за щеку, повернулась почти всем корпусом к центральному залу храма.

Белёные стены сияли в полутьме, подчеркивая непроницаемую черноту шара Апри, кутанного в ткань — символ зимнего затмения. Выше шара, на переходе между стенами и куполом, искрились смазанные искрящимся составом барельефы в виде солнечных дисков и лучей.

Служка на алтаре всё читал и читал. Служка с пергаментом собрал нескольких людей в кучку, и куда-то вёл. Судя по остаткам одежды, это самые знатные из присутствующих. Вот интересно. А почему тогда к Дарну не подошли? Он же, кажется, представился на входе — там как раз кто-то опрашивал. Но титул не назвал. Или назвал? Вообще-то мог назвать. Ведь если Хал погиб…

В солнечном сплетении заныло.

Я прикусила язык — больно, до крови. Потом зажмурилась, помотала головой. Отвлечься, надо отвлечься. Что бы такое сообразить? Слегка прикрыв глаза, поглядела сквозь ресницы. Сосредоточилась, начала ощупывать пространство храма.

Звучит странно, но для Зрячего пространство имеет не только форму, но и цвет, а иногда даже запах, реже всего — звук. В моём родном мире, всё виделось «сеточкой», постоянно изменчивой игрой песчинок, чей цвет зависит больше от освещённости «реальным» солнцем, чем от чего-либо ещё. В Мерран же пространство более упорядочено, упруго, словно желе. Ещё на него влияет то, что Халнер называл информационным полем: от информации, «записанной» в память конкретного места, зависит и цвет самых плотных и самых разреженных мест, их форма, и даже, временами, запах.

Здесь, в храме, всё буквально светилось золотым. Пара замаскированных дверей в пределах отливала алым — должно быть, служки частенько сыпали проклятьями, вытаскивая и убирая церковный «реквизит». Шар Великого Апри отливал белым, его «подставка» сливалась с общим золотом, ничем сливалась настолько хорошо, что казалось, будто её…

— Ты чего?! — изумился Дарн, когда я буквально подпрыгнула, раскачивая нашу расшатанную лавку.

— Н-ничего, — ответила я, — так… просто…

Просто подставки под шаром, и правда, не было. Зато было несколько разрежений, или пространственных «нитей», которые сливались воедино. Ровно на алтаре. За всё время, проведённое в Мерран, я видела такое только один раз, а именно — в замке Хейдар. Но не в храме, а во дворе, ровно над той точкой подземелий, где горел священный Белоснежный огонь. «Слабая точка пространства», сказал тогда Халнер. И объяснил, что между такими местами можно перемещаться — нужна только Нарна.

Живая. Хм…

Стоп! Ну, общий «карман» вымело ещё в гостинице. А глубинный схрон? Делая вид, что разминаю шею и спину, я потянулась и покрутила головой. Быстро огляделась. Вроде всё спокойно: из зала храма монахи уже ушли, раненые спят, кавалькада знати тоже скрылась из виду. Служка, который читал книгу на ступенях алтаря, и тот сворачивает подставку. Кроме меня и Дарна, в пределе ещё трое. Один — на коленях перед диском Апри в углу, двое спят, полулежа на лавке у противоположной стены. Дарн дремлет, прислонившись к стене.

Сев так, чтобы спина упиралась в стену, я полезла в схрон. Но, стоило только нащупать небольшую шероховатость в «кармане» под левой рукой, как из-за угла предела появился толстый старичок в белой рясе священника, и трое вооруженных людей в белых балахонах и черных капюшонах, закрывавших лицо. Опять храмовая стража?! Я мгновенно вынула кисти из подпространства и сделала вид, что закатываю рваные рукава.

— Дариан Хайдек! — проблеял священник.

Пот тек с него градом. Одна капля скатилась с носа и разбилась о край листочка в трясущихся руках.

— Дариан Хайдек, граф Хейдар?

Дарн вздрогнул и открыл глаза.

— Да, я — Дариан Хайдек, — прохрипел он, — гм, гм… только я не граф.

— Я отец Нейбр. Прошу следовать за нами, — проигнорировав уточнение Дарна, ответил священник, — Высоким гостям предоставляется отдельное место для отдыха.

Дарн поднялся. Мгновение помедлил, потом кивнул на меня.

— Это жена моего брата. И, поскольку граф он, а не я…

— К-к… кх… ххх…

Священник закашлялся, лицо исказилось.

— К-к-к конечно…, - прохрипел, наконец, он.

Вдруг раздался глухой и мощный удар. Звук возник в районе главных дверей храма, перекатился несколько раз по залу. Я напрягла слух, и уловила что-то, похожее на гомон голосов. Неужели толпа преодолела защитную стену пространства и проникла в церковный двор?!

— Т-тороп-питесь, — выговорил Нейбр, и развернулся, чтобы уходить.

— Зачем? Разве мы не в доме Великого Апри, под недреманной защитой Его? — не сдержала сарказма я.

— Нет, — бросил отец Нейбр, и махнул стражникам.

Я хотела добавить ещё про священные покрывала, но Дарн ткнул локтем под рёбра. Тем временем нас уже взяли в типичную

такую «коробочку». Ну что же. Посмотрим, куда это нас хотят вести. Переваливаясь с носка больной ноги на стопу здоровой, я похромала вперёд.

Аркан VII. Колесница
Глава 30.Тень солнца

Идти оказалось недалеко — всего-то до соседнего луча-предела. В его дальнем углу обнаружилась потайная дверь: деревянная, снаружи — слой той же штукатурки, что и на стенах храма. Из-за ноги я сильно отстала: когда мы с одним из стражников вошли в предел, первый стражник, Дарн, и второй стражник, уже нырнули вслед за священником.

Удары в ворота храма не просто не прекращались, а становились всё громче. Огромные окна в пределах рядом с вратами тоже начали дребезжать. Раненые в зале просыпались, кто-то пытался встать на ноги. Раздался грохот. Далёкий многоголосый рёв. Звон стекла: посыпались витражи. Зал храма огласился воплями.

В тот же миг оставшийся стражник резко развернул меня. Подсел, подхватил, закинул к себе на плечо, нырнул в дверь.

— Эй, полегче! — возмутилась я.

Скорее, для порядка: с вывихнутой ногой быстро ходить действительно нереально.

За дверью оказалась довольно крутая лестница, а за ней — узкий коридор, больше смахивающий на нору. Священник и остальные дожидались нас у перекрёстка с другим таким же ходом. Отец Нейбр прислонился к левой стене и часто-часто моргал, словно в глаза попала пыль. Пот уже промочил весь ворот, и на груди начал набухать тёмный треугольник. У правой стены, рядом с тусклым светильником красно-рыжих мотылей, стояли Дарн и два стражника.

Одно движение — и меня буквально сбросили на Дарна. Потом стражник, что нес меня, шагнул к отцу Нейбру, и что-то сказал тому на ухо.

— Кошмар… — прохрипел священник, моргая всё чаще.

Потом мотнул головой:

— Вы, двое, — он указал узловатым пальцем на стражников рядом с Дарном, — запереть! Охранять! Не пускать!

Стражники переглянулись. Помедлив, они нырнули в коридор, ведущий к лестнице. Я почесала голову. Как там оно, в Книге Апри? «Человеку должно светить человеку, как Я свечу вам»? Избирательная какая-то освещенность…

Тем временем отец Нейбр прошептал что-то вроде «за мной», отлепился от стены и пошёл по коридору. Столица стояла на скалах, поэтому подземелье здесь когда-то прогрызли каменные

черви — я узнала «складки» на потолке и стенах. Да и изгибался «коридор» тоже характерно. Хорошо хоть, широкой — двое взрослых мужчин вполне могут разминуться плечом к плечу. Потолок, правда, низковат… хотя мне всё низковато, что не небо.

Через некоторое время по правую руку открылся небольшой зал без дверей. Помещение заливал тёплый свет. Необычно: в Мерран везде использовали светляков, а здесь в колбах плескалось Желтое пламя. На узких диванах сидели и полулежали Высокие, которых переписали и вывели незадолго до нас.

— Когда нам уже дадут переодеться?! — визгливо спросила дама без мочек ушей и нескольких пальцев.

— Подбираем, леди Касси, скоро, — ответил служка, разносивший кружки с горячим и вкусно пахнущим питьём.

Отец Нейбр замедлил шаг. Потом резко дернулся, и пошёл дальше. Я обернулась на Дарна — тот пожал плечами. Стражник, шедший за ним, указал вперёд.

Коридор раздвоился, мы свернули налево. Здесь ход был поуже и с дверями. Священник распахнул одну из них, снова пробормотал что-то типа «за мной», и нырнул в комнату. Стражник просочился за ним, следом — мы с Дарном.

В небольшой комнатке, заставленной коробками с кадилами, свернутыми церковными флагами, или как их там, и прочими религиозными атрибутами, пахло прессованной смолой. Освещение слабое — в центре потолка единственная колба с такими же светляками, что и в коридоре.

Пройдя несколько шагов за отцом Нейбром, стражник схватил его сзади за шею. Священник тут же начал оседать. Уложив бесчувственное тело на ящики, стражник повернулся к нам.

— Дарн, дверь закрой, — произнёс знакомый голос.

Чёрный капюшон, закрывавший лицо, упал на плечи.

Сзади раздался щелчок замка. Забыв о больной ноге, я шагнула вперёд. Сердце колотилось как бешеное, руки дрожали. Губы растянула ухмылка, которую я была не в силах контролировать.

Я засмеялась — истерично, визгливо, громко.

— Ш! — мой рот накрыла ладонь, пахнущая камнями, прахом, и кровью, — а ну тихо!

Я замотала головой, не в силах остановить смех. Слишком долгий день. Слишком много напряжения. Слишком сильные эмоции.

— Кети, хватит! Кети! Да успокойся ты уже!

Легко сказать… Трясясь от смеха, захлебываясь слезами, я

сдвинула ладонь, зажимавшую мне рот, и вцепилась зубами в её ребро. Сильнее, ещё сильнее. Так сильно, что появился привкус кислого железа. Это немного отрезвило. Всхлипнув последний раз, я разжала зубы.

— Ну? Всё? Отпустило? — Халнер отнял руку.

Не в силах говорить, я кивнула.

— Нарна при тебе? Держи наготове. И…, - он посмотрел на свою прокушенную ладонь, — все истерики потом. Ясно?

Я натужно улыбнулась, вытерла слёзы. Халнер тяжело вздохнул, хлопнул меня по плечу. Кивнул Дарну:

— Привет, братик.

— Вот ты! Монторп живучий, — улыбаясь во весь рот, ответил Дарн.

Они с Халнером обнялись, похлопали друг друга по спинам, и тут же поёжились: повстанцы знатно намяли им бока.

— Тебе чего, развлекухи на площади не хватило? — словно в подтверждение моих мыслей, поинтересовался Дарн, и кивнул на тело священника, — убийство лиц в сане, знаешь ли, серьёзное дело…

— Он в отключке, — поморщился Халнер, — но, если ему вовремя не помогут, то перекинется. Как, впрочем, и мы… Надо бежать, и сейчас. Дарн, ничего не спрашивай, просто поверь. Надо бежать. Слышал?

— Пффф… — Дарн возвел глаза к потолку, — слышал, слышал. И что ты предлагаешь? Продолжить маскарад?

— Нет. Быстро бегать. Кети, присядь, я тебе ногу поправлю.

Я села на край одного из ящиков. Хал вынул из личного подпространства крохотную баночку и иглу, и вколол мне что-то в лодыжку. Тупую боль от вывиха сняло, как не бывало.

— Тарвольский яд, — ответил Хал на мой немой вопрос, — доза слабая, поэтому хватит ненадолго. Но нам долго и не надо.

Он встал и помог подняться мне.

— Так. Вот, на всякий…

Церковную стражу вооружали неплохо, поэтому вместе с «костюмом» Халнер умыкнул два меча и скорострел. Отдал Дарну длинный клинок, мне — короткий, себе оставил скорострел.

— Сейчас выходим, и идем налево до двери в тупике. За ней — снова налево. Там — окованная дверь. За ней — склеп. Проходим до слабой точки, переносимся.

— Эээ… какой точки? Что делаем? — оторопел Дарн.

— Идём, как я сказал. Прости, долго объяснять, — поморщился Халнер, — ну, выходим.

Он открыл дверь, выглянул в коридор. Вышел. Махнул мне, сказал бежать первой. Затем кивнул Дарну. После побежал и сам.

Стоило пробежать всего несколько шагов, как мимо уха просвистел болт. Пригнулась, обернулась. У дальнего поворота целился с колена церковный стражник, позади него ещё трое вынимали самострелы. Халнер выругался коротко, но ёмко, Дарн — длинно и витиевато. Я молча припустила вперёд.

Казалось, до двери недалеко, но на самом деле — вечность. Особенно, когда свистят болты.

— Е**! — вскрикнул Дарн, цепляясь за косяк.

— Все живы? — Халнер бросил взгляд на Дарна.

— Под колено, — прорычал тот.

Хал кивнул и присел у дверного проёма. Начал отстреливаться. Я помогла Дарну оторвать рукав его куртки и перетянуть рану.

— Окованая! Дверь! Катакомбы! Идти! По линиям! Я! Догоню! — в перерывах между выстрелами проинструктировал Халнер, — быстро!

Я хотела возразить, но передумала. Если он выбрался из толпы повстанцев, то теперь-то точно не пропадёт. Поддерживая друг друга, мы с Дарном заковыляли прочь по узкому коридору.

Здесь было холодно и почти темно — светильники располагались далеко друг от друга. Опять не привычные уже колбы с мотылями, а огненные бабочки — огромные, размером с две ладони. Когда такое «чудо» пошевелилось, поднимая крылья, этот невинный и естественный жест моментально взбодрил, да так, что Дарн ещё долго подхихикивал в бороду.

Наконец, мы достигли двери, обитой полосами металла. Я посмотрела через плечо: Хал перезаряжал. Дарн навалился на дверь, та плавно открылась в непроницаемую темноту, пахнущую прахом и разложением.

— О, факелы!

Сняв со стены две железных «держалки», я чиркнула железом по стене. Поймала искру, раздула, перебросила на дерево.

— Итить ты как! — прокомментировал Дарн, который до этого ни разу не видел, как я проделываю подобный «фокус».

Затем пробормотал под нос:

— К огнеходцам переписать, может?…

Огнеходцам. Нашёл, о чем думать! Нам бы задницы свои спасти, а он про огнеходцев. Монтороп творческий, мля.

Единственный мерранский склеп, который я до этого видела — родовой склеп Хайдеков под замком Хейдар. В нём от центрального «зал» расходились во все стороны «погребальные пути». Здесь всё иначе: погребальные камеры располагались в беспорядке, часто встречались отнорки, отроги, и тупики.

Факелы трещали, воняли прелым деревом, почти не давали

света. Потом один погас совсем. Я отдала второй Дарну, а сама положилась на Зрячее чутьё.

Вскоре решили сделать привал — отдохнуть и подождать Халнера.

— Не факт, что он этой дорогой пойдет, — сказал Дарн.

Я молча пожала плечами. Объяснять про нити пространства, которые явственно сходились где-то вдали, не было ни сил, ни желания. Вряд ли он их увидит, даже если постарается. А разглагольствовать на тему неведомого…

— Слушай, что он там такое сказал про слабость точек и прыжки? Ты в курсе?

О боги…

— Дойдём — сам увидишь, — вздохнула я, — сложно объяснить.

— Сложно, говоришь? А ты всёж-таки попробуй!

Жажда познаний, она такая. Всегда своевременно приходит, да.

— Хм. Дарн, вот скажи, ты видишь нити пространства? Ну, сетку такую? Прищурь глаза, сосредоточься… Ты всё-таки полукровка, даже побольше. Может, просто почувствуешь… Рукой поводи, мы как раз на границе одной сидим.

Молчание. Через некоторое время:

— Ишь ты, умная какая. Чтоб ты на представлениях так работала, как здесь… Плотный воздух и иногда будто светится что-то, едва видно. Ты про это?

— Ну, типа того. И вот есть точка, где совсем плотно и горячо. Мы воткнём туда Нарну, потому что она что-то типа ключа, и прыгнем в Хейдар, потому что в Хейдар такая же слабая точка есть.

Боги, что я несу! И правда звучит бредовенько. Впрочем, мне ли, пришелице из другого мира, говорить? Я видела галерею переходов, а тут всего-то какие-то прыжки.

— Эээ… Нити… Н-ну допустим… А Нарна? Какая это? — недоверчиво спросил Дарн.

— Моя.

Я достала кинжал из схрона. Навершие слабо светилось. Вынула из ножен. Увидела, что лезвие тоже светится. Так что, «прыжки» это, действительно, правда? Значит, одно движение, и… Да о чем это я!

— Я так и знал, я так и знал, — с горечью сказал Дарн, — вот и не тронул театр, называется… цена обещаниям,… Когда он её тебе дал?

— А? Что? Кто? — вздрогнула я.

Нарну мне заново передали на посвящении в Инквизицию. Но

это, конечно, не та информация, которой стоило делиться.

— Что значит кто? Или ты у собственного Хозяина украла? По старой привычке? А, камойра?

— Это моя родовая Нарна. Моя по праву рождения, — процедила я.

Дарн фыркнул.

— По праву рождения, — передразнил он, — вот прям чистокровная, да?

— Вот прям да.

— Ути цаца! А чего ж тогда не обращалась ни к кому, в Оррах прозябала? Или преступление такое, что лучше так, чем попасться? М?

— Слушай, кончай уже, а! А то сам выбираться будешь! Если ты забыл, я уже давно свободна, и не обязана тебя на себе таскать!

— Таскать? И хрена? Вот и иди, куда шла. По линиям своим…

Дарн выругался — смачно и громко. Словно в ответ, по подземелью раскатился жуткий скрип, а потом — эхо шагов. Я подскочила, помогла подняться Дарну. Шаги стали громче, но с какого направления — не понятно.

— Вроде, их несколько… — прошептала я.

Дарн кивнул. Мы подождали ещё. Вскоре послышались голоса. Стало ясно: неизвестная кампания шла ровно с той стороны, в какую мы собирались двигаться. Интересно, кто?

Вдалеке из-за угла вынырнула блёклая точка факела. Я тут же погасила наш, и толкнула Дарна к ближнему повороту. Директор тихо прорычал пару ругательств, но захромал, опираясь на моё плечо.

— Посмотрим, кто? — прошептал Дарн.

— Нет. Это точно не Хал, так что… лучше попробуем пройти с другой стороны. Не трожь факел! Держись за меня. Я по пространству пойду.

И я пошла. Вернее, мы. Медленно, аккуратно, никуда не сворачивая: ход ответвлений не имел. Зато он становился всё уже и ниже, так что по-меррански высокий Дарн уже начал цеплять макушкой потолок, отчего наваливался на меня всё больше и больше. Не смотря на обезболивающее, нога начала подводить, тем более что двигаться приходилось, будто в горку. Но хуже всего то, что ход шел почти перпендикулярно нитям пространства, а значит, уводил нас всё дальше от точки сбора. Уводил, уводил, уводил… И закончился. Тупиком.

— Да *****! — от души выругалась я, ударив кулаком по гладкой поверхности.

— Не сквернословь, женщина! — сказал Дарн, — протри свои Высокородные очи! Это дверь!

Он оказался прав: когда я посмотрела «простым» зрением, на стене выделился тёмный прямоугольник со слегка размытыми контурами.

— Слава Великому Апри, сейчас выберемся из этого ужаса! — пыхтел Дарн, вовсю ощупывая стену.

Места в тупичке совсем не оставалось, поэтому я предпочла отступить на пару шагов. Потом присела, соскользнув спиной по стене. Отдышусь пока… Ещё же обратно эту тушу волочь…

— Опа! Всё! Слава Апри! — радостно вскричал Дарн, — нашел!

Что-то бумкнуло, засвербело. Раздался скрип петель.

— Эй, ты куда? — я схватила директора за шкирку, — а Хал?!

— В смысле? Мы далеко ушли, там уже наверняка никого нет. А мы сейчас выдеремся, и приведём помощь. Так надежнее.

— Да какого…

Дверь окончательно подалась. Не удержав равновесия на раненой ноге, Дарн буквально вывалился вперёд. Я вцепилась в косяк, балансируя на пороге.

Площадь с храмом находилась на скальном уступе, а дверь прорезали в склоне. Выходила она на небольшую улочку между двумя задниками домов.

— Эй, подняться-то помоги!

Дарн завертелся, словно перевернутая на спину черепаха. Но я не смотрела на него. Потому что неподалёку, вокруг костра из книг и поломанной мебели, сидели и стояли несколько перерожденцев и покоцанного вида… существа. О боги.

— Кети, твою мать! Дай руку!

Одно за одним, существа повернули головы в нашу сторону. Да это же те! С площади! А вот этот вообще, кажется, «судья»…

По виску потекла струйка пота. Дыхание перехватило.

— Да чтоб тебя монторпы драли!..

Дарн наконец, перевернулся и встал на четвереньки. Потом тоже замер, заметив перерожденцев.

— К… Кети… н-назад…

Полуосморы-полукадарги опомнились быстрее всех. Миг — и они процокали к нам. Руки-щупальца обвили Дарна, который всё ещё стоял на карачках, и пытался пятиться.

— Помоги! Аааааа! Кееет! Да помоги же, дрыыяянь! Сукаааааа!

Наверно, он начал отбиваться, но я уже не видела: нечто темное закрыло обзор.

Закрыло — и тут же рухнуло на мостовую. Держа Нарну в одной руке, а короткий клинок, что дал Халнер, в другой, я

отступила в катакомбы и захлопнула дверь. Но даже через металл толщиной с кулак, слышались вопли Дарна.

— Убьюю! Дряяянь! Аааааа! Нееееет!..

Дрожа, я отступила ещё на несколько шагов. За каким он туда полез?! Теперь никто и ничто не поможет. Я тем более. Но Халнер, конечно, расстроится…

Вывихнутая нога слегка подкосилась, и прыснула болью — пока лёгкой. Пока. Тут же что-то тяжело ухнуло по двери. Звук отдался в голове, словно крик в пустом колодце. Так, всё. Пора сваливать.

Коридор теперь шел под уклон, на меня никто не опирался, так что до развилки я дошла довольно быстро. Здесь, равно как и в соседних коридорах, царила темнота и тишина. Так что же получается, Дарн был прав, и стоило просто переждать? А, ладно. Всё равно ничего не исправить.

Нога начала потихоньку ныть. Значит, лучше лишний раз не нагружать. Как же тогда? Вдруг меня осенило. В городе-то сейчас блокировка, и свернуть пространство невозможно. Но здесь, где сгущаются нити, искусственные барьеры наверняка возможно обойти. Ну-ка…

Дохромав до ближайшей «нити», я пырнула Нарной воздух. Сработало: то, что на обычном уровне выглядело как бессмысленный пасс клинком, на «зрячем» оказалось чем-то вроде спускового механизма. В мгновение ока я оказалась в сером «нигде», расчерченном линиями-нитями. По ним я и заскользила вперёд, словно по лыжне.

Двигалась стремительно, но недолго: на самом краю «слабой» точки наткнулась на стену пространства. Оно дрогнуло, выбросило в «обычный» мир. Здесь тоже оказалась стена, только каменная. Высокая: верх не прощупывается. Гладкая: не залезть. Широкая…

Ведя пальцами по полированной поверхности, я двинулась направо, и вскоре поняла, что обхожу колонну. Интересно, зачем она тут? «Посмотрев» пространство, я увидела, что нахожусь в потоке голубовато-золотого света, который почти физически обволакивает, устремляется вверх и проходит вниз. Именно на этой штуке и висит шар Апри в зале храма. Хм…

Задумавшись, я потеряла сосредоточенность, и споткнулась. Колени больно ударились о камень. Что это? Похоже, лестница. Наверх. Ну, поползли…

Это и в самом деле оказалась лестница, она обвивала колонну, подобно лиане. Привела на площадку — ровную и пустую. Камень на ней оказался слегка шероховатый, но без каких-либо существенных выбоин и трещин. Я встала,

выпрямилась во весь рост. Быстро поняла, что потолок над колонной находится пальца на два выше моей головы. Как тут мерранцы проходят-то, а? Они ж высоченные все… Но кто-то тут прошел, и совсем недавно: чуть поодаль виднелся круг, из которого лился тусклый серый свет, наподобие того, в коридорах.

Я прошла под отверстие. Донеслись голоса — низкие, мужские. Агрессивные. Слов, однако, не расслышала. Я встала на мыски, потом слегка подтянулась, уцепившись за край.

Круглая комната, сравнительно небольшая. Двое в балахонах церковной стражи держали третьего, в такой же одежде, только испачканной и местами подранной. Пленник висел на заломленных руках и, судя по звуку, откашливался. Лица не разглядеть: между нами, спиной ко мне, стоял бритоголовый человек в расшитой золотом рясе. Священник, что ли? Судя по одежде — да, причем, не самого низкого ранга. Вон, отец Нейбр, который пришел за нами с Дарном, гораздо скромнее был одеееe…

Кто-то схватил меня за шиворот, вытянул наверх. Больно вывернул руки.

— Ваше солничество…

Человек в расшитой рясе обернулся. На груди — массивный диск Великого Апри, украшен камнями. Цепь — в полтора пальца толщиной. Голова и толстощекая рожа выбриты до зеркального блеска.

Священник окинул меня презрительным взглядом. Поднял брови.

— Это ещё кто?

— Шпионила из люка, ваше солничество, — ответил держащий меня человек.

— Мда. Пора травить тараканов в склепе…

— Разрешите обратиться? — сказал один из стражников, что держал другого пленника.

Получив кивок, продолжил:

— Мы конвоировали её и графа… Хендар, кажется…

— Хейдар, бестолочь! — поморщился священник.

— Виноват! Хейдар! Конвоировали из верхнего зала, по приказу отца Нейбра. Граф сказал, что она жена его брата. И утверждал, что граф — брат, а не он.

— Хм. Жена, говоришь?

Священник подошел ко мне. Резко схватил за волосы, дернул голову вниз и вперед. Провел рукой по шее у основания волос — там, откуда Халнер брал мою кровь, чтобы «представить» особняку Варди, в котором мы жили. Потом резко отпустил, толкнув назад.

— Не венчана, — брезгливо сказал он, — греховное сожительство в лучшем случае. И то меньше года.

Потом схватил меня за подбородок.

— А ну говори! Где граф Хейдар?

— Н-нет его, — выплюнула я, — погиб.

— Поги-ииии? Где бы это?

— В катакомбах. Повстанцы прорвались, и…

— Лжешь.

Он резко отвесил мне оплеуху, и отвернулся. Пошел обратно ко второму пленнику. И тут я, наконец, разглядела: двое стражников держали Халнера. Лицо — сплошной кровоподтек. Боги! Даже после площади он выглядел лучше…

— Дарн? — одними губами спросил Хал, поймав мой взгляд.

Я состроила скорбное лицо и покачала головой. В тот же миг священник обернулся. У него что, глаза на затылке?! Остановился, развернулся боком. Перевел пару раз взгляд с Халнера на меня и обратно. Потом обратился к Халу.

— Как-как ты сказал, тебя зовут?

— Гарнам Лирн.

— Отлично. А это кто? — кивок на меня.

— Понятия не имею.

— Ещё лучше. Значит, во имя Апри…

Священник снова шагнул ко мне, а потом ударил поддых так резко и сильно, что я не успела напрячь пресс. В глазах потемнело, стало нечем дышать.

— Выкинуть в зал. Там ей и место.

Стражник развернул меня к неприметной двери в стене.

— Нет! — выкрикнул Халнер, и добавил уже спокойнее, — не стоит этого делать.

— Дааа? А почему бы это? — с притворным удивлением протянул священник.

— Повстанцы увидят в алтарной надстройке дверь, начнут ломиться…

— Ах вот как. Действительно… Стоп! Давайте обратно. А ты, — звук удара, — кажется, мы общались по душам?…

Меня начали разворачивать обратно. В момент поворота, я уперлась каблуком сапога в пол. Присела, утянула стражника за собой в резкий вираж. В тот же миг с той стороны, где стоял Халнер, донеслись характерные утробные звуки.

— Да монторпы тебя ***! — закричал священник.

Мы со стражником начали падать. Я запустила пальцы в подпространство. Вынула Нарну лезвием вперёд. Вернее, назад. Стражник охнул. По рукам потекло что-то теплое. Хватка на моих локтях ослабла. Пол ударил в бок. Перекатилась. Вскочила.

Священник стоял ко мне боком. Ругаясь неподобающими сану словами, мужчина отряхивал рясу от блевотины. Её источник в лице Халнера кашлял и плевался, повиснув на руках стражников — лица брезгливо перекошены, хватка явно ослабела. Хал приподнял голову, подмигнул. Дернулся. Вырвался от одного. Со вторым завязалась борьба.

Священник оторвался от гигиенических процедур. «Убийство лиц в сане — тягчайшее преступление», всплыло в мозгу. Ну что ж. Я схватила святошу за шею сзади, слегка кольнула Нарной ребра.

— Отпускай его, — прошипела в ухо.

В ответ хрип. Взмах руки, и Халнера отпустили. Прихрамывая, он сделал три шага вперёд. Я тоже отпустила священника, сильно толкнув в спину. Схватила Хала за руку. Он кивнул, и накрыл второй ладонью ту мою руку, в которой я сжимала Нарну. Двигаясь, как единое целое, мы вспороли пространство.

Мир замелькал. Перерезанные нити разлетелись в стороны. Ну, а теперь? Что делать, куда править? Я крепче вцепилась в Хала.

— Я направляю. Отслеживай точки, не давай нам вылететь, — прошелестел он.

В этом пространстве, точнее, подпространстве, голос звучал приглушенно, словно издалека. Я кивнула. Сосредоточилась на том, чтобы двигаться четко по линиям «сети», непроваливаясь в её дыры. Повороты задавал Халнер. Мелькали туманные очертания предметов, построек, природы, существ…

Наконец, из серого «нигде» появились башни Большого замка. Нити накренились, расщепились, сплелись. Что-то холодное, похожее на незримые щупальца, заскользило по нам, сдавило грудь. Халнер крепче прижал меня к себе одной рукой, второй отпустил рукоять Нарны.

Мы вывалились на твердое. Темнота. Запах мокрых камней, затхлости, немного — крови. Кое-где белели горки снежной крупы. Морозец щипал кончик носа. Не смотря на то, что Халнер всё ещё обнимал меня, холод моментально просочился под разодранную одежду.

— Стоять! Руки!

Из темноты появились два нестерпимо ярких фонаря. Халнер поднял руки ладонями вверх, сжал кулаки. Я почувствовала, как запульсировали клейма Инквизиции на запястьях.

— Да не погаснет священное Пламя, — сказал Хал.

— Пока океан Мерран не поглотит звезд, — ответили из темноты.

Фонари, слепившие глаза, потускнели. Кто-то что-то сказал, кто-то что-то ответил. Я не слышала: в ушах звенело, с каждым вдохом все сильнее. Хал слегка подтолкнул меня вперед. Я сделала шаг…

В пояснице что-то взорвалось, нашпиговало тело раскаленными осколками. Словно личинки хищного цветка, они извивались и двигались, прокладывая норы сквозь плоть.

Безмолвно корчась, я рухнула лицом в снежную крупу.

Аркан VII. Колесница
Глава 31. Где брат твой?

На золотых песчаных волнах качается рыбокорабль. На деревянном настиле стоит отец — в парадных доспехах, статный. Завитки иссиня-черных волос рассыпаны по плечам. Громогласно смеётся. Заплетенная в косы длинная борода подрагивает. Висящее на поясе оружие весело звенит.

Рядом с отцом — высокий человек в расшитом камзоле. Он очень похож на Халнера, только гораздо старше. Человек опирается на трость, отводит с лица пепельные пряди, растрёпанные ветром. Завидев меня, кивает. Кривит губы в улыбке, но в холодных голубых глазах только цепкое любопытство.

-..ания Селия Кад… …вом рождения чистокров…

Голос звучит глухо, далеко, едва слышно.

Чуть позади отца стоит моя мать. Она в своей любимой тоге золотой парчи, но, вопреки традициям Сетера, волосы беспрепятственно падают на спину. Мне хочется подойти, но невозможно сделать и шаг: ноги будто вросли в деревянный настил.

Мать улыбается и подходит сама. Я обнимаю её, как в детстве. Слышу знакомый запах пороха и огня, который не выветривался даже из самых парадных её одеяний. Мать отстраняется, поправляет мои вечно непослушные кудряшки.

В следующий момент мои руки хватают воздух. Мать снова в стороне. Улыбаясь, смотрит куда-то вбок.

— *…щенным Пламенем, кровью Великого Ап…*

Я слежу за её взглядом, и вижу другую женщину. Та неловко сплела пальцы рук, и застенчиво улыбается, будто смущаясь своей молодости и ослепительной красоты. Потом, она оказывается рядом и тоже обнимает меня. Тёмные волосы щекочут нос, я с трудом сдерживаюсь, чтобы не чихнуть. Женщина улыбается шире, и её мягкие зелёные глаза смеются — совсем как у Хала, когда он в хорошем настроении. Потом она удаляется.

— *…зяйку Хейдар и наре…*

Мужчины завершают разговор и разворачиваются. Берут меня за руки. Корабль растворяется вместе с золотым светом. Мы оказывается в черном пространстве. Страшно. Я поворачиваюсь к отцу, будто маленькая. Он серьёзен и кивает куда-то вперёд. Там ничего нет, только черная пустота. Я смотрю на второго мужчину.

Тот криво усмехается, и тоже показывает в чёрноту впереди. Затем оба отпускают мои руки и слегка толкают в спину.

— …*право — сила и богат… ность — жизнь Императ… мени и продолж…*

Падение. Во тьме появляется белоснежная точка. Точка начинает стягивать к себе всё пространство. Над ней — два золотых глаза без зрачков. Глаза, которые суть мириады звезд, что смотрят, вечно смотрят со звёздного неба, из тьмы космоса…

— …*дет так, пока океан Мерран не поглотит звезд.*

Звезд…

Звезд…

ЗВЕЗД…

…Я открыла глаза. Камень. Низко. Кружится. Сейчас раздавит. Натурально же раздавит! А я ни рукой, ни ногой… Не согнуть. Не подвигать. Ничего. Боги…

Потолок кружился все медленнее. Паника потихоньку отступала. Начали появляться звуки: скрип пера и кресла, дыхание, движение огня. И запахи: пот. Кожа. Сладковатый дымок смолы *бунши*…

Кашель. Поверхностное дыхание. Усилие, нормальный вдох. И выдох. И вдох…

Проморгалась. Потолок-то, оказывается, не такой низкий. Хотя все равно каменный. Значит, подземелье. Или гробница?

С трудом повернув голову, увидела доску. Ошкуренную, но не слишком давно — дерево еще сохранило свежий запах. Перевела взгляд выше. Стол. На нем — бумаги. За столом — человек. Юноша, совсем молодой, почти мальчишка. Застиранная до серости рубаха навыпуск, черные форменные штаны. Одна рука — на перевязи, бинты в темных пятнах.

Я захрипела. Юноша вздрогнул, посмотрел на меня удивленно. Потом по сторонам, словно вспоминая, где он и что вообще здесь делает.

— Доброе утро, хозя… эээ… сестра Кетания, — неловко ухмыльнулся он, — хорошо, что вы уже. А я тут это… я брат Кевин.

Он протянул ладонь для приветствия. Я хотела ответить на жест, но не смогла пошевелиться, пальцы лишь дрогнули.

— О, ничего страшного, — Кевин погладил меня по руке, слегка надавил на кожу, — вам надо восстановиться, командир сказал, это займет какое-то время… вы чувствуете прикосновение? Следите мысленно…

Он начал разминать мои ладони и пальцы. Постепенно я смогла шевелить руками, потом — корпусом. Неловко подтянулась, села. Зажмурилась, попав на прямой свет от круглой

лампы, что висела на противоположной стене — до этого я лежала в тени стола. С наслаждением почесала шею — что-то страшно зудело у основания волос. Я с удивлением нащупала прикрепленный бинт.

— Ой, нет-нет-нет, не расчесывайте! Моя матушка в свое время расчесала, до сих пор мучается, хоть маскируй, говорит, да нельзя же, позор от семьи отка…

Он резко осекся и вскочил, вытягиваясь по струнке: в комнату вошел Халнер. Синяки и ссадины на его лице уже подзажили, зато под глазами пролегли круги от недосыпа. Сколько же я валялась в отключке?

— Брат Кевин! — строго сказал Халнер, взглянув на стол, — опять казенное имущество разбазариваем? Снова матушке строчите?

— Никак нет! — юноша опустил глаза, — невесте…

Халнер сдвинул брови и требовательно протянул руку. Кевин совсем понурился и отдал исписанный листок. Хал пробежал глазами. Кивнул, отдал обратно.

— Хорошо. Будет возможность — разрешаю отправить. А сейчас марш в лазарет!

Дождавшись, когда захлопнется дверь, Халнер присел рядом со мной.

— Как себя чувствуешь?

— Плохо, — мрачно ответила я, — ног не чувствую. Что происходит? Как будто Орры снова… Но их же сняли!

— Сняли. Только осколки остались, из-за того, что сопротивленцы нелегально выскребали. Свертка при прыжке их активировала как-то… не знаю как, честно. Считается, что Орры — централизованная система, и если главный узел снят, тем более с Ключом, то мелкие осколки не подействуют. А они, оказывается, автономны…

— Замечательно, ***! — скривилась я, и почесала шею, — это пройдёт?

— Да. И не чеши печать, — он отвел мою руку от шеи, — сама заживет скоро.

— Печать? — не поняла я.

— Хейдар. Понимаешь, Орры начали собираться по кусочкам, ну ты почувствовала. Самовосстановление у них такое, только криво и через мышцы и того… пришлось выжигать их. Белым, — затараторил Халнер, — превышение, конечно, но другого пути не было. Ну а потом огонь разошелся, и реакция стала необратимой, ну и пришлось припечатать. Своя теперь…

Он запнулся, не то улыбаясь, не то скалясь.

— Та-аак… Ты во что меня вляпал? — мрачно спросила я,

чувствуя неладное.

— Ну почему сразу вляпал? Просто опечатал. Метку рода поставил.

— Какого рода? — начала звереть я, — яснее говорить можешь?

— Как какого? Моего. Хайдек. Ты полноценная Хозяйка теперь. Венчаны мы, если совсем коротко. Только праздник, формальный ритуал, платье — всё потом, ладно?

Мои глаза начали вылезать из орбит.

— Какой, нах, праздник?! Какое, к монторпам, платье?!

Чего он отмечать собрался?! Как воспользовался чужой беспомощностью? Может, я вообще свалю завтра…

— Ну, мало ли… — пожал плечами Халнер, — женщины вроде лю…

Я *проникновенно* посмотрела ему в глаза. Не договорив, он засмеялся.

— Ты ж моя Белочка! — быстро чмокнул меня в губы.

Потом посерьезнел:

— Ладно, время поджимает. Значит так. Ты теперь часть долины и всего, что с ней связано. Так или иначе, ты будешь чувствовать всё, что бы ни происходило. Поначалу это странно, но привыкнешь быстро. Сейчас мы в Большом замке, поэтому слышать будешь в первую очередь его. Начнётся какафония в голове — это он жалуется на судьбу. Разговорчивый старикан. Ни слова, правда, не понятно. Зато какие…

Он не договорил: вверху что-то ухнуло, с потолка посыпалась крошка. Мы синхронно пригнулись и схватились за ребра: больно. Потом тряска закончилась.

— Что за?…

— Прости, мне пора, — мрачно сказал Халнер, и встал, — ноги скоро отойдут. Вон там, в шкафу, форма. Приходи в себя, переодевайся, и дуй в штаб, это вторая дверь налево по коридору. Не разлеживайся, у нас каждый человек на счету.

— Э… а что происходит-то?

— Церковники, — Хал поморщился, — да, вот так. Докатились. Делёжка света Апри среди бела дня, да ещё, считай, со своими же. Кто бы рассказал — я не поверил бы, а на деле…

Замок снова тряхнуло. Хал отрывисто кивнул мне, и быстро вышел из комнаты.

* * *

Яйцо птицеящера — сиреневый шар размером с мой кулак, а

то и два. Скорлупа прочная, но тонкая. Белка много, желтка и того больше. Короче, есть, чем насытиться. И всё же, даже с довеском в виде куска хлеба одно такое яйцо на сутки — очень мало. И это мне, хотя я не так уж и много ем. Что уж говорить о здоровенных братьях-инквизиторах! Да и сестрам тоже несладко — вне зависимости от пола, мерранцы гораздо крупнее моих соплеменников, а значит, для поддержания нормального состояния нужно гораздо больше пищи. Но и на том спасибо: если бы не колония одичавших птицеящеров в одной из башен — пришлось бы совсем грустно.

Когда я сумела встать на ноги и отыскать импровизированный штаб, там как раз обсуждали юного брата Кевина, который в день начала осады умудрился пригнать раненого грузового птицеящера с половиной провианта. Вторую половину груза и более опытного напарника сбили на подлете. В итоге, еду начали отчаянно экономить: неизвестно, насколько затянется «боботня».

Сидеть в осаде — дело постылое, тем более, мерранской зимой, когда солнечный диск постоянно перекрыт соседней планетой. Связи тоже никакой: замок в горах, «Перо» категорически не работало. Всю почтовую живность, которую пытались направить, снимали церковники, и перекидывали потом окровавленные тушки обратно. Вместе с трупиками неизменно летели листочки плотной бумаги, которой не страшна влага, бумаги, так хорошо знакомой мне по работе с Сопротивлением. Конечно, текст этих листовок сильно отличался, хоть пафоса в нем оказалось ничуть не меньше. «Братья и сестры! Великий Апри един для всех, и благословение Его едино. Церковь несет волю Его, Инквизиция — исполняет. Подобно неразумному дитя, что пытается поднять руку на родителя, вы стали заложниками и жертвами гордыни тех, кто забыл об истинном положении в мире сём! Не исполняйте преступных приказов! Не поднимайте руку на братьев и сестёр своих! Вам гарантирована безопасность и отпущение всех грехов! Открывайте ворота!».

Листовки летали и просто так, вне графика, обеспечивая нас халявной растопкой. Ранее ещё и вещать пытались, пока очередной проповедник, что пытался достучаться до наших «заблудших умов», не получил стрелу из скорпиона сестры Энистер. Нет, я понимаю, бубнить из-за скалы неудобно, вот и высунулся на свою голову.

Потом ворота открыли. Один раз, для вылазки. Надёжная защита замка сыграла злую шутку: в долину вела единственная дорога в виде крутой лестницы, и дальше площадки между ней и воротами продвинуться не удалось.

Катапульту на площадке сбросили в ущелье вместе с обслуживающей командой. Из пятерых братьев-инквизиторов, совершавших вылазку, вернулись только двое, и те полуживые. Они рассказали о подвесном лагере церковников, что притулился на «козырьке» лавы, который прикрывал большую часть внешнего двора и прилегающие склоны горы. Рассказали — и скончались. Такая вот очередная жертва в нелепой разборке между Церковью и Инквизицией.

Это произошло несколько дней назад. Теперь на площадке опять катапульта — новёхонькая, аж на стене свежеструганным деревом пахнет. Стреляет зарядами с камнеточцами: едва склизский шар шлёпается о стену, как червяки в буквальном смысле вгрызаются в микротрещины, сколы, вкрапления слабой породы и так далее. Паразитов можно вытравить кислотой, но для этого пришлось бы вывешиваться из амбразур, а значит — попадать под обстрел.

Но одними червями с «зуделками» дело не ограничивалось. Подкатить штурмовые орудия вроде тарана, бура, или башен, церковники не могли — замок защищала глубочайшая расщелина, такую не засыплешь. Подкоп тоже не вариант. А вот обстрелы очень даже: внешний двор простреливался почти весь, сюда стрелки противника доставали, свесившись вниз головой с края лавового «козырька» Им, конечно, отвечали, но перестрелка велась в темноте, и эффект для обеих сторон оказывался низким. Но на нервы действовало сильно.

Доставили проблем и штурмы. Штурмовали замок дважды: в день нашего с Халнером «прибытия», и вскоре после того, как я встала на ноги. Само собой, что во второй раз я дралась вместе со всеми. Ну, не совсем дралась, скорее, охраняла — обеспечивала иллюзию невидимости стрелкам во внешнем дворе. Хал редко матерится, особенно при мне, но как увидел новый тип перерожденцев, полулюдей — полупауков, сдержаться не смог.

Мне было легче: я уже видела подобных тварей, когда минувшим летом заблудилась в подземелье заброшенного храма в Пенном заливе. Отвратное зрелище — человеческие головы на паучьих телах. Тогда существа не тронули меня во многом потому, что появилась их Праматерь, с которой мы мило побеседовали о семье и потомстве.

И всё же тот вид — естественный, здесь же — порождение чьей-то больной фантазии. Эти существа казались совершеннее, чем «летние»: на паучьих телах и ногах возвышались не просто головы, но верхняя часть человеческого торса, причем явно приращенная. Твари шустро и бесшумно бегали по отвесным склонам, и стреляли из скорострелов. Не очень метко, но очень

часто, временами от звона болтов о камень закладывало уши. Некоторые пытались испустить паутину, тоже совсем иную, чем я видела летом в храме. Тогда меня опутали сильно, но последствий для здоровья никаких (не съели, и ладно). Сейчас же липкая сеть могла накрыть человека целиком, не давая шевелиться. Яд из нитей начинал быстро проедать одежду, а при соприкосновении с кожей оставлял болезненные ожоги, которые превращались в гнойные нарывы. Человек впадал в ступор, а потом умирал.

Ребята сбивали псевдо-пауров, лезущих в грот. Приходилось часто менять положение стрелковой точки, чтобы твари не могли предугадать, откуда последует выстрел. Я следовала за группой, и, кроме невидимости, держала и пространственный щит, причем односторонний: он пропускал болты наружу, а летевшие извне стопорились о «вязкое» пространство, и уже не могли причинить вред. Такие же щиты, но уже стационарные, стояли вокруг четырёх орудий на внешней стене. Чинить и подправлять это дело приходилось регулярно. Во многом помогали кристаллы Мирт и Кади, которые удалось наковырять из родовых вещей Халнера, но всё равно, сил требовалось много. Гораздо больше, чем давала пища. Яйцо и кусок хлеба на сутки, да…

Уговаривая себя, что совершенно не голодна, я откинулась на спинку стула и посмотрела в потолок, на фигурную каменную кладку. Красиво. Но я бы в спальне подобное не делала, отвлекает от главного. Хотя это, конечно, не спальня, а небольшая комнатка на первом уровне подземелья. Тут довольно много таких закутков — кажется, в них жили младшие слуги. А теперь вот разместился инквизиторский гарнизон. Почему бы и нет? Безопасно, тепло, тихо. Ну, относительно тихо…

Замок тряхнуло. Стая пылинок нырнула в глаз. Выругавшись, на чём свет стоит, я пошла к умывальнику. Ледяная вода немного взбодрила, но глубоко в мозгу все равно зудел бур, который церковники вчера умудрились подвесить к «козырьку» на упругих канатах, напоминающих всю ту же паутину. Да уж. Судя по всему, новый штурм скоро.

Проникнуть в замок пытались на разных уровнях, в том числе и пространственном. Тщетно: древняя защита, сделанная по давно утраченным мерранцами технологиям, в буквальном смысле слова перемалывала любого чужака. Соваться через неё напрямки, при помощи, например, Нарны, столь же опасно, как «прыгать» в слабую точку. Провести чужака сквозь барьер могли только Хозяева, поэтому церковники сосредотачивались, главным образом, на физических стенах. Теперь вот катапульта стреляла огромными камнями, которые расшатывали изъеденную червями

стену, а по соседству вгрызался бур.

Приведя себя в порядок, я пошла в штаб, и столкнулась в его дверях с братом Рикки.

— Быстро на южную стену, — бросил он.

Сунул листок, помчался дальше. Я развернула бумажку, прочла торопливый почерк. Сердце ухнуло вникуда. Хотя чему удивляться? Это неизбежность…

* * *

Ноздреватый снег. Ворчание ступеней, которые только недавно сумели заснуть. А ведь это самый благополучный участок: ущелье практически бездонно, горячий воздух насыщен парами какой-то гадости, которая разъест любой перекидной мост, пространственный щит надёжен… Правда, защитный выступ скалы сюда не достаёт, что значит полную уязвимость для обстрела с воздуха. Именно на этот пост сыпались дротики и камни — в общем, всё, что можно метать с птицеящеров и что могло миновать охранную систему тонкой свёртки.

Обычно, в пределах видимости кружило три «птички», каждая под своим пространственным щитом. Однако на сей раз, силуэтов в небе оказалось всего два.

— Привет, Дор. А где третий клиент?

— В ущелье прихорашивается, — усмехнулся брат Доррик, старожил Инквизиторского гарнизона замка Хейдар, — Молли его всё-таки доконала своей пудреницей.

— Жаль, что не тебя, тарвол ты недоделанный! — беззлобно огрызнулась рябая женщина у огромного арбалета, — ну что, какие новости?

Я молча протянула ей листок, отвернулась и, вглядываясь в копошение на западной стене, поморщилась. Непрошеное тавро рода Хайдек не только основательно покоцало кожу и лишило возможности впредь коротко стричься, так ещё каждое движение, каждое событие в замке, отдавалось в голове и костях. И сейчас зрелище отдавало еще и внутренним зудом. Стена стояла, но трещина на ней, как и где-то в моих рёбрах, образовалась большая. Слишком большая. Огромная.

— Да, дела там явно хуже, чем у нас, — Доррик быстро оглядел внутренний периметр замка, — так какой приказ, Молли?

— Сворачивай лавочку, — процедила та, комкая злосчастный листок, — Кет, передай, что мы поняли и скоро будем. Пусть без нас не начинают.

— Хорошо. Кстати, в галерее гобелен зашуршал. Не злите его, может укусить.

Молли и Доррик поспешно начали разбирать арбалет. Я помчалась вниз по лестнице, и побежала через двор. Ребята как раз ставили растяжки Пламени. Во многом моя заслуга: мерранцы настолько привыкли полагаться на всякие «животные» штучки, что мысль создать Цветной огонь в кустарных условиях даже не приходила им в голову. Идею встретили на ура, только вот о том, чтобы использовать Белоснежное пламя из подземелий, не могло быть и речи — святотатство, все дела. Так что пришлось срочно придумывать, как переродить «зеленку» из обычных фонарных огоньков при помощи пространства, имеющихся камней, металла, и какой-то матери. В итоге, о чистоте пламени речи вообще не шло, поэтому, при установке требовалась аккуратность. В моём мире такая самодеятельность кончилась бы плачевно, но к счастью, стабильное пространство Мерран прощало многое. Хотя тоже не всё.

— Ну что, получается? — я склонилась над телом, извергающим матюки.

Тело повернуло ко мне черное от копоти лицо, и доходчиво разъяснило, что дела хорошо, но не слишком, а также просветило, каким образом неестественное деторождение способно погасить абсолютно любое пламя и усмирить полет фантазии особо одаренных. Ухмыльнувшись, я продолжила путь в башню.

* * *

Подточенный кусок внешней стены рухнул. Всё слилось в свистящий черно-белый комок. Первый штурмующий отряд во вспышках растяжек. Псевдо-пауры на потолке грота. Наши атаки. Наши потери. Удары. Грохот. Свист. Взрывы. Крики. Факелы. Отблески. Тени. Боль. Бесконечная боль внутри и снаружи. Пространство. Свертка, развертка. Щит, пресс. Кровь. Свои. Чужие. Неопознанные…

Всё закончилось также резко, как и началось. Стоя среди тел, я пыталась понять, как меня угораздило не только выжить, но и не получить сколь-нибудь значимое ранение. Обведя взглядом исковерканный двор, я побрела в сторону раненых. Но стоило нагнуться к ближайшему, как над ухом раздалось:

— А ну брысь отлеживаться! О них и без тебя позаботятся!

Посмотрев наверх, я уткнулась в холодный и усталый взгляд Халнера. А, ну да, командир на посту. Пререкаться бесполезно. Ничего не оставалось, как пожать плечами и поковылять в

выделенную для меня комнату. Точнее, для нас. Но новоявленный супруг, похоже, нескоро доберется до «гнездышка».

В изнеможении рухнув на кровать, я прикрыла глаза. Опять грохот, свист, взрывы, крики, факелы… Я вскрикнула. Села, тяжело дыша.

— Э-эй! Тихо! Тихо… тшш.

Кто-то потрепал меня по плечу. Я повернула голову, подняла взгляд. Халнер. Следом, что ли, пришел? Или я всё-таки ненадолго вырубилась? Я подвинулась, давая Халу возможность сесть.

— Ну что, Хозяин? Как стенку латать будем? Или балкончик сделаем? Чего такой красивой дырке зря пропадать…

— Это в борделе дырки, а у нас семейная трагедия!

Хал замолчал. Сидя на краю койки, чуть ссутулился и оперся локтями на колени. Уставился в никуда. Ни вздоха, ни движения. Статуя, да и только.

Я обняла его за плечи. Не оборачиваясь и не меняя позы, он накрыл одну мою ладонь своей и вдруг сжал так, что потемнело в глазах. Я ответила на «рукопожатие» и уткнулась в пахнущую потом и пеплом шею.

Прошла пара минут. Халнер отпустил мои пальцы, слегка похлопал по руке. Распрямился. Потянулся к стулу, что стоял в ногах кровати. Взял стопку одежды, положил её мне на колени. Встал.

— Переодевайся.

Голос звучал бесцветно, по-командирски отстраненно. Поджав губы, я молча натянула на себя сравнительно чистый походный костюм. Впрочем, переодевание весьма кстати: форма за сегодня превратилась в лохмотья. С другой стороны, всё явно из каких-то дальних запасников, по размеру не подобрано. Пришлось утягивать, подворачивать и подкручивать по ходу дела.

Увидев, что я закончила, Халнер кивнул, оглядел меня со всех сторон. Подтянул пару ремней. Взял с кровати Нарну, которую я бросила туда, пока переодевалась: из-за постоянной работы с пространством, таскала её просто на поясе, словно обычный кинжал.

— Возьми. Держи за перекрестье, вот так, — он показал, — а теперь крои в личном подпространстве карман. На третьем уровне. Лучше на четвертом.

— Четвертом?!

— Да. Нужна сфера, примерно такая, — он растопырил пальцы, словно держал невидимый шар.

Сморщившись, я начала кроить подпространство под руками, словно вшивала карманы в длинные рукава. Халнер помогал —

искусно, но грубовато.

— Слушай, ты куда торопишься-то? Неприятно, между прочим!

— Извини, — безразлично ответил он, и провернул Нарну, — ладно, вроде всё. Пошли.

Он отдал мне кинжал и шагнул к двери.

— Эй! Объяснить ничего не хочешь?

— Потом, — он взялся за ручку.

— Нет! Сейчас! — я схватила его за плечо, пытаясь развернуть обратно, — я никуда не пойду, пока ты не скажешь, что проис…

Он резко развернулся. Перехватил мою руку и исступленно зашипел:

— Почувствуй! Закрой глаза и почувствуй!

— Да что ты…

Слова возмущения застряли в горле: я *почувствовала*. Вернее, осознала. По сравнению с первыми днями, замок чувствовался совсем иначе: тупая, зудящая боль в ребрах исчезла, на ее место пришла пустота. Пустота и уязвимость. Ощущение — разворотили грудную клетку, но вытравили все нервы. Лишь тронь — осколок ребра пропорет легкое. А уж потрогать найдётся, кому. За этим они и припёрлись. Чужие. Свои. Неопознанные…

В носу защипало. Сглотнув комок, я опустила голову. Услышала, как в бреду:

— Я. Приказываю. Ты. Выполняешь.

Хал взял меня за плечи, слегка встряхнул. Я подняла взгляд.

— Без вопросов. Без пререканий. Ни сейчас. Ни потом. Ясно?

Я сглотнула новый комок. Кивнула. Мы вышли из комнаты.

Когда подошли к часовне, возле неё топтались двое: рыжеволосый мальчишка Кевин, тот самый, что дежурил при мне, когда я валялась в отключке после перемещения из Столицы, и плечистый Доррик с бывшего поста на южной стене. Оба вооружены по полной, и тоже в походных костюмах.

— Всё готово? — спросил Халнер.

— Так точно.

Доррик помог мне надеть скатку с набором «железок» и рюкзак. Поле этого Халнер приподнял маскировочный полог пространства. Мы вошли в храм.

Темнота и тишина. Запах ароматических масел едва маскировал запах крови и смерти. Братья Кевин и Доррик вынули *лачпи* — мерранский вариант светящихся палочек из кактуса. В тусклом зеленоватом свете мы пересекли пустой зал, подошли к алтарному возвышению в центре храма.

Древние статуи, охраняющие вход в родовой склеп Хайдеков,

выглядели мрачнее обычного. Ещё один полог, затем пространственная дверь, и мы внизу. Круглое помещение чуть меньше алтарной надстройки, восемь коридоров расходятся, как лучи. Обычно здесь пахло застарелым прахом и сыростью, сегодня же — запекшейся кровью и свежими трупами. Источник очевиден: на дальнем конце круглой комнаты, в неверном свете восьми лампадок, лежали едва прикрытые мешковиной тела — братья и сестры, погибшие при обороне замка. Боги, как много! По традиции культа Апри, их надо сжечь, но сейчас, конечно, не до этого. Видимо, решили сохранить до момента, когда ритуал можно будет провести, как положено.

Рука сама потянулась ко лбу. Вместе с Халом, Дорриком и Кевином я осенила себя кругом Апри. Привычка новая, но слишком уж значимая.

Потом Халнер встал на иллюзорную поверхность маскировочного «бассейна» и прогнал морок. Ступени на нижний ярус, короткий коридор. На первый взгляд — пустой и тихий, лишь стены светятся. Но то-то и оно: «кровная» сигналка, установленная ещё во времена Катастрофы, пропускала только Хозяев, и тех, кого они ведут лично.

Коридор утыкался в иллюзорную стену, за которой находилось крохотное святилище, как обычно, в форме полусферы. Белоснежное, оно же Универсальное, оно же Императорское, Пламя, все так же невозмутимо горело на алтаре. Для меня — природное чудо, существующее только в стабильном пространстве. Для мерранцев — величайшая святыня, волею судеб оказавшаяся в частных руках… что и привело, в итоге, к конфликту между Церковью и Инквизицией.

Халнер и братья опустились на колени. Быстрая молитва — и вот уже я стою рядом с алтарём и помогаю Халу пересаживать Пламя в сферу из меррила. Лепесток. Лепесток. И ещё один. И следующий. Потом сфера нашла приют в том самом подпространственном кармане, который мы вырезали в четыре руки.

Снова коридор, снова сухое, щёлкающее эхо. Опять потайная комната в тупике, на сей раз восьмигранник, и с кучей механических ловушек. Только я собралась прокомментировать про застенки Инквизиции, как на отдалении раздался гул. На миг показалось, что с тела содрали кожу, и теперь гладят шершавой наждачкой мясо. Я вцепилась Халнеру в предплечье, стараясь удержаться на ногах. Приступ прошел, но я никак не могла заставить себя разжать пальцы. Потому что вдруг поняла.

Доррик. Старожил гарнизона не только в переносном смысле. Кевин. По сути, новобранец, хоть и после подготовки на

Огненном острове. Я. Женщина и…

Я почувствовала, как Халнер аккуратно, но твердо отцепил мою руку, и отшагнул прочь. Начал говорить. Сначала что-то пафосное, потом взял клятвы хранить и защищать вверенную святыню…

Боги, ну конечно! Чего это я навыдумывала! Всё проще. Доррик самый опытный. Кевин — самый ловкий и удачливый. Я — полнокровная Зрячая, и могу спрятать Пламя так, что никто не найдёт, а ещё Хозяйка, то-есть, меня послушает гора. И её внутренности.

Тут Халнер извлек из кармана ветхий лист.

— Это карта каменоломен. По крайней мере, их известной части. Составлен давно, что-то могло измениться. В любом случае, опасайтесь тварей, особенно у солёной воды. Ниже уровня замка, где-то на полпути к дому управляющего, есть большой грот с источником пресной воды. Отсидитесь там, пока всё не закончится. Вопросы?

Повисла тишина. В солнечном сплетении заныло. Сильнее, ещё сильнее, ещё…

Визг. Грохот. С потолка посыпалась пыль. Я сжала зубы, кулаки, даже пальцы на ногах, но устояла. Халнер поймал мой взгляд и едва заметно кивнул. Затем проговорил хрипло:

— Исполнять.

— Так точно, — хором ответили мы.

Хал порезал ладонь, прислонил к стене в нескольких местах. Один из угловых камней отъехал назад, открывая проход в беспросветную сырую темноту.

Аркан VII. Колесница
Глава 32. По дороге в рай

Дверь в подземелье замка захлопнулась. Время перестало существовать — растворилось в темноте. Вязкой, тягучей темноте промозглого хода. Потом ушли и отголоски штурма. Остались звук шагов, тиканье часов, и похрустывание каменной толщи.

Мы шли. Шли, шли, и шли. Берегли светляков в фонарях. Молчали. Я не видела, насколько низок потолок и насколько узки ходы, но чувствовала, причем, в несколько раз острее, чем со светом. Приходилось постоянно бороться с собой, чтобы не сорваться.

Двигались, по сути, наугад, лишь иногда на перекрестках возникали перепалки. Схема ходов, которую дал Халнер, устарела. Неудивительно: Императорский хребет жил. В долине Хейдар каждый год появлялись новые и исчезали старые гейзеры, а по рассказам жителей, иногда мелко-мелко дрожала земля. Здесь, в подземелье, тем более ничто не стояло на месте. По сравнению с картой, образовалось много завалов и провалов. Некоторые ручьи поменяли русло, из-за упавших камней растеклись новые озерца. Единственные нетронутые ориентиры — цитаты из Книги великого Апри, выбитые у каждого перекрестка. Все — разные, и все — помечены на карте и продублированы в специальном списке на обратной стороне.

Это помогало. Первое время даже пыталась всерьёз читать пометки, но быстро наскучило. Книгу Великого Апри я знала почти наизусть после «сна» о стране Вечной Осени, когда принимали в Инквизицию. Особого восторга этот текст не вызывал ни тогда, ни сейчас. Биографии старцев, списки запретов, восхваление Апри, вкрапления житейских мудрот… Всё это навевало тоскливые мысли.

Что *я* вообще здесь делаю?! Идиотизм. Сезон закрыт, директор театра погиб, а спектакль продолжается. Дурацкая пьеса на одного актера. Верноподданная Аделаида Адони должна подчиняться начальству. Сестра Кетания должна быть на стороне Инквизиции. Хозяйка Хейдар обязана слушать Хозяина Хейдар. Кетания Селия Кадмор должна вернуться в свой мир, и исполнить то, на что положила годы жизни. А чего же хочет, точнее, хочу, собственно я? Именно *я*, а не все эти роли и маски? Странно, но банального: удобную кровать, а не одеяло на камне. Вкусную еду, а не червивые сухари. Теплое тело, а не тайник в подпространстве, в котором… реликвия? Артефакт? Святыня?

Нет, нет, и нет. Ставка. Главная ставка в большой игре. Настолько большой, что и не представить подробностей…

Хотя лучше ничего не представлять, а просто идти дальше. Всегда идти дальше.

* * *

— Эй, Кет! Есть будешь?

Я отвела взгляд от подземного солёного озерца, рядом с которым остановились на привал. Мы вышли сюда уже в третий раз. По старой карте, оно находилось недалеко от грота с пресным источником, на деле же, все галереи оказались перекрыты. Попытки использовать моё чутьё Хозяйки успешно провалились. Да, я могла *почувствовать* гору, но совершенно не так, как замок. Разница примерно та же, что между кошкой и львом: домашний питомец себе-на-уме не сравнится с диким зверем. В итоге я отказалась от идеи искать нужный грот таким способом, и использовала «слух» только, чтобы выявить сиюминутную опасность.

— Ну давай.

Я протянула плошку, брат Кевин плеснул густую ароматную похлёбку.

— Хорошо проварил?

— Обижаешь! Но новых бы поймать не помешало…

Да-да. Эту «ночь» мы снова проведем на берегу. Казало бы, уже знакомом. Но Мерран есть Мерран — неизвестно, откуда и когда очередная дрянь вылезет. Если бы брат Доррик храпел в прошлый раз чуть тише, вряд ли бы я вовремя заметила выползших из воды существ. Шипастые черви с палец толщиной, лезли на нас, прокусывали одежду, и пытались присосаться к живой плоти. От неожиданности я визжала так, что братья не на шутку испугались обвала. Но окончилось всё хорошо: напавшие на нас существа оказались вполне съедобными и даже вкусными. Неплохое дополнение к тем скудным припасам, что удалось захватить из замка.

— Нарна не вернулась? — вдруг спросил брат Доррик, оторвавшись от своей порции.

Если верить наручным часам, мы бродили по пещерам уже третьи сутки. Примерно двое суток назад меня вдруг начало корёжить. Неведомая сила вытянула Нарну из подпространства. Оказавшись снаружи, кинжал растворился в воздухе. Больше всего это походило на «Зов», про который мне рассказывал ещё старик Феррик. Мол, чистокровные Зрячие могут призывать свои

родовые кинжалы силой воли. У меня никогда не получалось. Так что вариант один — Халнер.

Я ощупала клеймо Хайдеков на шее. Ну да, хорошо устроился.

— Нет, не вернулась. Глухо, — отрезала я и углубилась в еду.

Думать о том, зачем Халу могла понадобиться Нарна, да так сильно, что удалось «вытащить» чужой родовой клинок на таком расстоянии, не хотелось совсем.

На утро — новые поиски. На всякий случай, облазили берег озерца ещё раз. Казалось бы, безрезультатно. Но некое беспокойство оставалось, и тогда мне пришла в голову мысль зажечь все фонари. Поначалу братья изъявили, мягко говоря, некое неудовольствие, однако я настояла. В итоге между «кустами» ста… сто… ну, вертикальных камней, накапавших с потолка, нашлась горизонтальная щель. Огромный блок с неровным краем съехал сверху, выступал вперёд и отбрасывал тень, поэтому мы не заметили проход раньше.

Когда брат Кевин исчез в узкой расщелине, у меня закружилась голова — была уверена, что сейчас раздастся мокрый шлепок, и… и всё. Однако потом Кевин выполз обратно и сказал, что по другую сторону завала — пещера, и по свежему запаху похоже, что к ней примыкает тот самый грот с источником.

Грот — не грот, но лезть резко перехотелось. Чтобы я да вот туда?! Низачто. Вообще. Никак. В итоге братьям пришлось меня скрутить, заткнуть рот, обвязать, словно мумию, и тащить волоком. Брат Доррик тянул за верёвку, пропущенную под мышками, брат Кевин поправлял и толкал ноги. Так и пролезли, благо размер расщелины позволял.

Когда я очухалась от «экзекуции» и выплюнула кляп, инквизиторы долго выслушивали непечатные рассуждения о непотребствах, пока брат Кевин не догадался протянуть мне маленькую фляжку. Сделав пару глотков, я закашлялась. Продолжать бухтёж уже не могла — пойло конкретно обожгло рот и горло.

— Ну что, потрошитель закромов родины, теперь ножками давай.

Скорчив рожу, я поднялась и взяла фонарь.

В отличие от всех других виденных нами пещер, в этой надписи и узоры покрывали стены от пола до потолка, да и сам потолок тоже. Кроме поврежденного участка, из-под которого мы выползли, стены выглядели идеально ровными — ни натёка, ни трещинки. Более того, кроме надписей, сделанных, кстати сказать, на дикой смеси Простого и Высокого, наблюдались

рисунки и орнаменты, причём цветные, словно фрески. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это и в самом деле фрески, только под ними не штукатурка, а либо пористый цемент, либо камень, но очень гладкий.

— Вот придумали! Монторпы дери этих Духопоклонников! — брат Кевин в сердцах ударил кулаком и пнул одну из стен, — интересно, командир знает? Эту ересь давно бы уже выкорчевать!

— Знает — не знает, но просто так эту дрянь не содрать, — мрачно сказал брат Доррик, ковырнув мечом одну из фресок.

Затем попробовал отбить надписи рукоятью скорострела.

— Не, никак…

Участия в «борьбе с ересью» я не принимала, просто разглядывала картинки. Бесконечно повторяющийся узор из трёх спирей, вписанных в круг, люди не то с посохами, не то с копьями, из-под которых растут новые спирали, крылатый ящер, охраняющий младенца, у которого золотые глаза без зрачков…

Стоп. А портретик-то знакомый.

Я подошла ближе и поднесла фонарь. Да, так и есть: та же «фреска», что и в главном храме священной Цитатели. Как там говорила та древняя бабка? Дитя… Дитя…

Духов! Точно! Золотые глаза без зрачков смотрели, не мигая. В свете фонаря и тишине подземелья казались не рисунком, а выпуклыми сферами. Похожую вещь я видела и в подземном храме Духов, когда в общине беглых перерожденцев познакомилась с существом по имени Лирки. Дитя Духов, обращались к нему. «Личинка Императора», сказал тогда Трен, и расплылся в своей фирменной клоунской улыбке. Вот только глаза оставались серьёзными.

Повинуясь внезапному порыву, я протянула руку, и пощупала фреску. Тёплая, гладкая. Напоминает скорее панцирь грузового мерранского краба, чем каменную стенку. А глаза всё-таки выпуклые. И у ящера тоже. Да и некоторые элементы рисунка выстроены в ряд, словно ещё несколько сфе… сфе… сфе…

С каждым движением пальцев, рисунок становился всё объемней. Объемней, и расплывчатый. Пока не прыгнул.

Ааа, *****!

Фонарь разбился. Тварь, которая маскировалась под фреску, оказалась не слишком большой — в половину меня — но тяжеленной. Сбила с ног, нацелилась на горло. Восемь тонких ног уперлись в живот и грудь, два щупальца зафиксировали руки. Жвала щелкнули рядом с лицом. Обдало болотом.

Миг — и тварь отлетела прочь. Её отрубленные конечности остались колошматиться на мне.

Брат Доррик схватил за грудки, поставил на ноги. Резко

развернулся, по звуку — прирезал ещё одну тварь. В двух шагах слева валялись два уцелевших фонаря. Брат Кевин одной рукой пришпиливал новую ожившую фреску к стене, а второй копался в поясной сумке.

— Кевин! Резче, чтоб тебя! — рявкнул Доррик.

Я уже вытащила оружие и прикрывала ему спину. Только опасность пришла, откуда не ждали: сверху. Нечто ледяное обвило шею, приподняло над полом, начало душить. Я вскинула руки, крутанула мечом. Клинок воткнулся в мягкое, и завяз. Намертво.

Раздался визг. Скосив глаза, увидела брата Доррика с обрубком щупальца на шее.

— Сильнее! Сильнее руби! — заорал инквизитор.

Умный какой. Я попыталась двинуть меч. Не тут-то было. Щупальце сжалось, в глазах потемнело. Над ухом раздалось клацанье жвал.

— Глаза! — хором заорали братья.

Грохнуло. Ослепило. Обдало жаром. Полёт. Удар об пол. Визг, клацание, разноцветные искры в обожженных глазах.

— Хозяйка Кетания! Хозяйка! Где вы?! — раздался голос брата Кевина.

— Отставить панику! Вот она! — это уже Доррик, — сматываемся!

Кто-то схватил за шкирку, перевернул с живота на спину. Не дожидаясь, пока меня в очередной раз поставят на ноги, резко поднялась сама. Потом потёрла глаза. Болезненная сухость, разноцветные огоньки. Шарахнули световой, ясно.

На ощупь отыскала и извлекла из кармана палочку-фонарь. Сломала, потрясла. В тусклом свете с трудом различила инквизиторов с такими же «светильниками». Тварей видно не было. Несколько отрубленных ног зацепились за одежду и до сих пор висели на моей груди. Фу, дрянь!

Шипя, переругиваясь, и постоянно протирая глаза, мы сбились в кучку и побрели к тому ходу, откуда тянуло водой.

Идти оказалось недалеко: буквально через десяток шагов пещера резко раскрылась вширь. Снова пахнуло большим пространством и сыростью.

— Ну, привал, — прохрипел брат Доррик, сползая по стенке и плюхаясь на каменный пол, — надеюсь, тут комнатка без еретического творчества.

— Вроде да, — ответил ему брат Кевин, — сам-то как?

Доррик сморщился и невнятно выругался. Потом, добавил:

— Хозяйка Кетания, сбейте вы потом эту ересь, а? Родовое добро это, конечно, ценно, но всё-таки хранить такое как-то…

— Не по-хозяйски? — спросил негромкий, слегка шепелявый голос почти без интонаций.

Я резко повернулась на звук. Влепилась во что-то массивное.

Удар по голове. Тьма.

* * *

Отфыркиваясь от ледяной воды, открыла глаза. Светлые пятна. Тёмные пятна. Жар за спиной. Едва заметный запах хлева. Боги, где я…

— Доброе утро, свет Кетания. Или, вернее сказать, ваша милость Хозяйка Хейдар?

С трудом подняла голову. Плечами не подвигать — руки заломлены. Кто-то сзади держит. Ещё кто-то стоит в нескольких шагах. Проморгалась, сфокусировала взгляд.

— Перво-наперво, поздравляю со свадьбой. Жаль, что скромно и тихо, лишили своих подданных в долине такого праздника, — проговорил молодой человек.

Три фонаря стояло на полу, и ещё два висели на треноге, поэтому света оказалось достаточно, чтобы разглядеть собеседника. Рожа знакомая. В чем-то симпатичная, но все портит змеиная улыбка — тонкие губы сливаются с кожей, глаза безразличны. Отглаженный сюртук, штаны, рубашка, и шляпа, напоминающая скособоченную горку блинов.

— О, простите, мы вас напугали? Как неловко получилось! — змеиная улыбка растянулась, но губы так и остались сомкнуты, — надеюсь, вы в порядке? А то такой бой со *скальвами*, на всю гору слышно.

— Кети! Кети, ты как? — из темноты вынырнула девушка.

Хрупкая фигурка, темные волосы, неровно обрезанные по плечи. Милое лицо. Знакомое… до боли знакомое…

— Эв-велин? — неуверенно спросила я.

— Ох, Кети! — девушка переложила из руки в руку небольшое ведерко с водой, — как ты?

— Не извольте беспокоиться за свою мачеху, милая Эвелин. Лучше дайте ей попить. У нас с ней долгий разговор…

Боги, какой мерзкий голос!

— Марш, нельзя так! Ей надо отдохнуть! А пленники… — начала Эвелин, но её прервал вопль.

Мы все резко повернулись в направлении звука. В свете ещё двух фонарей удалось разглядеть двух человек и кадарга, которые шустро пятились в разные стороны. Еще один кадарг отбивался от третьего человека: тот схватил перерожденца за ногу и вцепился

зубами чуть выше копыта. Кадарг трубно мычал и дергался, но высвободиться не мог. Неподалёку, на полу, еще одна фигура лежала скрючившись, возможно, без сознания. По рыжим облескам в волосах я узнала брата Кевина.

— Скаль! Скаль! — выл отступающий кадарг, — бешенство скаль!

Парни тоже поскуливали. Оголённые мечи в руках, направленные в сторону укушенного кадарга и его «обидчика», заметно дрожали. У одного из ребят на штанах расплывалось темное пятно.

Марш — теперь я его вспомнила — тяжело вздохнул. Снял с пояса компактный скорострел, взвёл. Размерено подошел к парням.

— Позвольте, пожалуйста.

Те отступили еще на пару шагов. Марш встал поудобнее, прицелился, и всадил дротик в лоб кадаргу, а затем и человеку — очевидно, брату Доррику. Перерожденец медленно рухнул на инквизитора.

— О, Апри, — едва слышно прошептала Эвелин.

Хорошо, что она осталась стоять рядом со мной, и Марш не слышал. Потому что парень в отсыревших штанах тоже воззвал к великому светилу — видимо, по привычке. И тут же словил дротик.

— Марш… Марш… — Эвелин пошатнулась, и схватилась за моё плечо.

Ай! Весьма чувствительно — мои руки всё ещё держали вывернутыми.

— Видите ли, моя милая Эвелин, трусам и солнцепоклонникам не место в наших рядах, — назидательно сказал Марш, вернвшись к нам, — вы же сами это говорили. Так что стыдно так себя вести.

Потом кивнул кадаргу, что меня держал:

— Оставь. Иди, развлекайся со вторым капюшонником. Только чтоб говорить смог, у меня еще вопросы к нему есть.

Меня отпустили.

— Марш, ты что?! Он же пленник… — начала Эвелин.

Марш сморщился и прервал её.

— Это инквизиторы. Этих тварей нельзя жалеть, моя милая. Вы же сами понимаете, что людей делает людьми душа. У Перерожденцев исковерканное тело, но души людей. А у этих — наоборот.

Марш подошел к Эви вплотную, взял её за подбородок.

— Милая, помните, о чем мы с вами говорили? Власть отказывает увечным в излечении, если у них нет денег, а

преступникам не даёт шанса исправиться. Кто будет работать на такой порядок, кто станет его защищать? Только те, у кого нет души. Пораженные солнцем не знают милосердия. Забудем его и мы, если хотим победить. Мы ведь хотим?

Эвелин судорожно кивнула. Из дальнего угла пещеры раздались звуки ударов и вскрики. Брат Кевин. Боги, что они с ним…

— А теперь, будьте добры, займитесь ужином, — сказал Марш, отпуская Эвелин и разворачиваясь ко мне, — а у нас с её милостью Кетанией Хайдек разговор. По душам. Вы ведь не откажетесь провести время в кампании старого знакомого?

Я неопределенно пожала плечами. Марш взял фонарь и указал в темноту.

Мы прошли с десяток шагов и оказались на другой стороне пещеры. Эвелин прошла с нами, но потом свернула в сторону — к полукруглой каменной чаше, в которой бил родник и рядом стояла ещё одна тренога с фонарями.

Марш подвел меня к раскладному столику и стульям, жестом предложил сесть. Как устроились, вынул молчальник. Затем снял шляпу, положил её на край. Под шляпой оказалась лысина. Не новость: я видела её на празднике Нарождения в Малом замке. Но только сейчас поняла, что это не естественная лысина, а специально выбритая. В её центре по-прежнему чернело родимое пятно. Боги, оно что, в форме кольца?!

Пока я разглядывала подробности, Марш вынул небольшой блокнот и карандаш.

— Что же, свет Кетания. Думаю, нам с вами давно пора поговорить начистоту.

Марш раскрыл блокнот и нарисовал четырёхконечную звезду с длинными лучами. Обвел прямоугольником со скругленными углами. Затем в каждом из квадратов нарисовал значок: треугольник, ромб, спираль и лестницу.

— Узнаёте?

Я вгляделась в рисунок. Что-то смутно шевельнулось в памяти, но очень отдалённо.

— Это герб Тимирии, государства между мирами, — лекторским тоном сказал Марш, — в него входило пять освоенных миров — центральный, Тми, и четыре периферийных. Вот этот, где мы сейчас. Ещё про один, про него, к сожалению, ничего не знаю. Ваш. И мой, из которого я пришёл десять здешних лет назад.

По спине пробежали мурашки. Солнечное сплетение заныло.

— Я… я не…

Подняла взгляд. Марш улыбался, на сей раз — широко. Зубы,

кривые и мелкие, напоминали пасть ядовитой песчаной ящерицы.

— Имеющий глаза да увидит. Империя Мерран велика, поэтому странного человека всегда можно принять за уроженца её далёкой части. Подумать, что гость с Северного континента, например. Но тот, кто много где бывал, поймет быстро: вы на мерранку мало тянете. Вариант? Для меня всё очевидно. В том числе и ваши мотивы и действия. Да и сам я побывал в рабстве Орр. И я тоже шел к свободе… разными методами. Можно и таким, — он похлопал себя по загривку, — поэтому я вас понимаю и не осуждаю.

Повисла тишина. Я оглянулась по сторонам. Эвелин у фонаря колупалась в горшках, старательно держась спиной к основной части пещеры. Плечи Эви подрагивали. В отдалении три фигуры подвесили четвертую вниз головой между стоек с фонарями. Но молчальник работал хорошо. Не доносилось ни звука.

Я снова поглядела на Марша.

— К чему этот разговор?

— Ну… Я давно понял, что вы невероятно эгоистичны и циничны, и рассказывать вам про страдания людей от власти бесполезно. Не знаю уж, что там творилось в вашем мире, но такими вещами вас явно не удивить и не испугать… Зато вы деловой человек. И вы наверняка хотите вернуться в родной мир. Вас ведь там ждут, верно?

Ждут ли меня… Годы на жидкой похлёбке. Грязная работа вплоть до наёмничества. Погребальные костры над теми, к кому обращалась за помощью и поддержкой. Армия на берегах подземного озера посреди пустыни. Письмо-предупреждение на пергаменте из человеческой кожи. Предсмертные крики детей, чьи родители склонили чашу интриг в мою сторону. Ждут ли меня… Я пожала плечами.

— Вижу, что ждут, — усмехнулся Марш, — Не бросайте своих друзей и единомышленников. Не бросайте дело. Я вот своё бросил. Воспользовался советом, решил отсидеться там, где никто не найдёт… В моём мире ведь тоже жесткая власть… мы сопротивлялись. Яростно сопротивлялись. Но я исчез. И застрял здесь. А когда вернулся, оказалось слишком поздно… мои дорогие соратники сделали всё что могли, но всё провалилось. И тогда я забрал тех немногих, кто выжил, и мы ушли сюда. Уже навсегда…

Марш вздохнул, и погладил поля своей шляпы, что так и лежала на краю стола.

— У меня нет выбора. Борьба — моя жизнь…. - глухо сказал он, не поднимая взгляд от стола, — у меня дома творилось похожее на Мерран. Люди, которых поначалу никто не принимал

всерьёз, пришли ко власти, и… И всё. Не стало моей страны. Мой мир утонул в крови…

Он вскинул голову, да так резко, что я вздрогнула.

— Кетания! Сколько вы здесь? Год, два? Значит, вы видели достаточно. Поймите, если не снять верхушку, не поменять устройство, Империя погибнет. Весь мир Мерран погибнет! Он чужой, непривычный, иногда сумашедший, но такой красивый! И он принял нас, чужаков. И в ваших силах помочь спасти его! Нам очень нужен сильный союзник. Полнокровный Зрячий, с живой Нарной, умеющий создавать цепи Пламени — в моём мире их тоже основательно позабывали, целиком они сохранились только в вашем.

— Каким это «нам»? Сопротивлению?

Марш наклонился вперёд так, что стало видно всё его лицо целиком, а не только часть. Лицо и глаза. Лихорадочно блестящие и влажные. По позвоночнику опять пробежал холодок. Боги. Как же… Ведь если… А вдруг… Но что же…

— Помогите нам, а мы поможем вам, — прошептал Марш, — мы нашли средство против монторпов. Не скрою, не абсолютное. Но с его помощью вы сможете пройти всю Галерею миров в Тми, найти нужную дверь в свой.

Он вынул из пространственного кармана небольшую трубку с дырками, похожую на пастушью дудку. Ого! Он тоже владеет пространством?! Хотя да, не будь он Зрячим, не прошел бы через Зеркало.

— Монторпы чувствительны к звукам. Их можно усыпить, можно приманить или прогнать, можно натравить на кого-то… держите, — он протянул мне инструмент, — как только вы поможете нам в замке Хейдар, я расскажу схему, по которой на ней надо свистеть для того или иного эфф…

Он резко прервался. Повернулся направо. Там, в полдесятке шагов от нас, зареванная Эвелин судорожно вскидывала на плечо свою всегдашнюю сумку с медикаментами, а один из людей Марша разворачивался прочь. На другом конце пещеры двое сопротивленцев суетливо снимали тело брата Кевина, растянутое до этого между треногами с фонарями.

Марш переменился в лице. Вскочил, схватил молчальник. Нахлобучил на голову шляпу. Понёсся за Эвелин, которая уже добежала до места допроса. Боги! Что делать-то? А, ладно. Побежала следом.

— Перестарались?! Какого ****?! Я же сказал, он ещё нужен, ****! — исступлённо орал Марш, — а ну пошла отсюда! Не мешайся!

Он грубо оттолкнул Эвелин с бинтами, схватил брата Кевина

за грудки.

— Где Императорское Пламя? Где?!

Молодой инквизитор дергался в конвульсиях. Из расколотого черепа сочилась кровь. Черное пятно на полу напоминало большую кляксу. Такие же Кевин оставлял на письмах матери и невесте. Все сетовал, что не отправил весточку в срок…

— Где ход в замок? Где Пламя? Отвечай, мразь! Отвечай! — орал Марш.

Потом сделал странное: снял шляпу, нахлобучил её на голову брату Кевину. Но тот уже начал обмякать, а его разодранные и окровавленные штаны — мокнуть.

— Дааа штоб вас всех ***! Кто это сделал? Кто?!

Марш вскочил на ноги. С разворота ударил одного из своих ребят поддых. Юноша пошатнулся и потерял сознание. К пострадавшему тут же подскочила Эвелин. Я осталась стоять, глядя на тело брата Кевина. Потом взгляд непроизвольно соскользнул правее, туда, где под телом кадарга так и лежал брат Доррик.

Ради чего, боги?

— Что-что ты там бормочешь? — прищурился Марш.

Я вдруг поняла, что шепчу молитву усопшим воинам Апри, которую читали над погибшими при осаде замка. Когда только успела выучить…

— …и да воссияют дети твои и братья мои во служении, пока океан Мерран не поглотит звёзд, — закончила я.

Потом посмотрела на фонари.

Ни ветерка, ни сквозняка. За толстыми мембранами ровно горело пламя — обычное, не превращенное, каким горит любое вещество, если его сильно нагреть. «Дикари», подумала я, когда только пришла в Мерран, «дурной мир». И была права. Сумасшедший, ужасный, холодный мир. В котором я не собиралась задерживаться… и который плевал на мои планы. Совсем как тот, чья метка теперь на моей шее.

— Солнце зовешь, тварь? — зашипел Марш.

…а между тем мир чужой. Чужим и останется. И борьба эта — тоже чужая. Что мне до неё? А в том-то и дело, что ничего…

Перевела взгляд на Марша. Растрепан. Шляпа так и осталась на мертвом брате Кевине, поэтому выбритая лысина лоснится от пота. Родинка пульсирует. Глаз дергается…

Как там он там сказал? Свободный человек? Да. Именно. Совершенно свободный. К кому хочу, к тому и нанимаюсь. Захочу — к одним. Захочу — к другим.

Захочу — глупость сделаю.

— Да пошёл ты.

Удар поддых — короткий, сильный. О боги, ***! Кастет у него, что-ли…

Упала на колени, ловя ртом воздух.

— Подстилка долбанная! А ну отвечай! — удар ногой по ребрам, — как проникнуть в замок? — по печени, — где Пламя? — по почкам, — откуда в долине Инквизиция? — по голове, — сколько их? Где Пла-ик!

Марш резко замолчал. Удары прекратились. Сквозь звон в ушах услышала, как грохнулась одна из стоек с фонарями.

Кто-то осторожно обнял меня за плечи, попытался перевернуть на спину и приподнять.

— Кети! Слышишь меня? Кети!

Эвелин? Я закашлялась. О боги… мои ребра… С трудом села. И правда, Эвелин. Эвелин и скорострел.

— Кети, вставай. Вставай, слышишь? Давай. Опирайся на меня.

Я снова закашлялась. Потом огляделась. Тот парень, которого ударил Марш, лежал с дротиком во лбу. У кадарга и ещё одного парня дротики торчали из грудной клетки. Марш упал вместе со светильником, и ещё дергался. Дротик торчал из спины.

— Хорошо стреляешь, — проговорила я.

— Отец научил. Когда-то, — всхлипнула Эвелин.

Резко, отрывисто, с истерической дрожью в голосе. Низко наклоняла голову, словно пыталась спрятать лицо меж обрезанных прядей волос. Боги, а где её роскошные косы? Это Марш, или сама? Ладно, вопросы потом. Нельзя, чтобы её накрыло истерикой прямо здесь.

К счастью, Эвелин держалась. И — о чудо! — точно знала, куда идти.

И всё же, шли мы целую вечность, постоянно замедляя шаг. Наконец, вывалились на поверхность где-то в нижней части горы. Остатки снегопада опускались на землю — такие пушистые, такие холодные, такие безразличные ко всему. Морозный воздух обжигал лёгкие, в небе танцевали и искрились цветные всполохи. Великий Апри спал, укрывшись тенью солнечного затмения.

Я глубоко вздохнула и закрыла глаза. Ничего нет. Как в детстве — закроешь глаза и всё плохое исчезнет. Нет осады. Нет Пламени. Нет подземных коридоров. Ничего нет.

— Ты одна приехала? В Варди вроде пусто, — проговорила Эвелин.

Всю дорогу из грота она молчала, лишь пару раз справилась о моём самочувствии.

— Мы перенеслись в замок, по Нарне, — я зевнула, насколько позволяли разбитые губы и ноющие скулы, — в Столице

беспорядки. Дарн убит.

— О Апри! А твои Орры как?

— Сняли, — я зачерпнула пригоршню снега и протёрла лицо, — я свободный человек. Совсем свободный… Ладно, пошли.

— Да, — лекарка взвела скорострел, — надеюсь, не наткнемся на монторпов. В долине появились вот. Уже нескольких человек задрали, представляешь…

Я хмыкнула и пощупала дудочку в кармане. Ну вот и испытаем, если что.

Аркан VII. Колесница
Глава 33. Колыбельная Солнца

Эвелин шла впереди, прокладывая новую лыжню: старую засыпало, да и вела бы она к дому управляющего, где в подвалах гнездилась ячейка Сопротивления. Я ковыляла за лекаркой, сыпля проклятиями. Особенно доставалось лыжам, которые были мне беспощадно велики. Как на них передвигаться, да ещё без палок?! Пришлось отрезать пару веток от ближайшего кустарника. Это помогло не падать, но многочисленных остановок не отменило.

В очередной раз окликнув Эвелин, я присела на корточки перетянуть ремни. Лекарке только и осталось, что хмыкнуть и пойти помогать. Однако стоило ей нагнуться, как мы оказались носом в снегу.

— Не двигаться! Руки вытянуть!

Нас быстро обыскали. Поставили на ноги. Три фигуры: одежда, маски, лыжи, скорострелы — всё стандартное армейское, только белого цвета. Даже мечи у пояса в белых ножнах. Опять церковники?

— Имена, кровь, куда направляетесь? — скомандовал грубый голос.

Стараясь не паниковать, я подняла руки к затылку. Сжала кулак, напрягая мышцы на предплечье. Ближний ко мне человек замер. Скрытое Инквизиторское клеймо чувствительно кольнуло. Человек показал глазами на Эвелин. Я качнула головой.

Нас быстро отконвоировали в ближайший лесок разлапистых тиррелей. Их серая по зиме хвоя походила на воздушные тени и замечательно маскировала людей. На небольшой прогалине пара бойцов — или братьев? — в той же белой форме колупалась у костерка с бездымным бледно-фиолетовым огнём, ещё четверо беседовали, окружив раскладной стол. Эвелин сразу же усадили на чурбачок перед костром и сунули в руки горячий чай. Меня провели к столику.

— Доклад, — хмуро сказал магистр Паприк, показывая на план замка.

Магистр тоже был в белой форме стандартного покроя и без лычек. Из всех знаков различия — невнятный узор на воротнике, вышитый светло-желтыми нитками.

— По состоянию на третье число, частые штурмовые атаки с пространственной поддержкой. Защита стояла долго, но у них бур. Полог мы сами сняли, после физического прорыва во

внешней стене, — начала я, показывая на схеме места самых частых атак, — там огромная трещина, противник её расшатал и по ней обрушил. Отступили сначала на второй ярус, затем к донжону. На момент ухода — пятеро погибших. Раненых семеро, но легко, все в строю.

Я замолкла, подыскивая формулировки. Голова гудела, соображалось тяжело. Что про уход сказать? Про Пламя вряд ли стоит знать кому-то, кроме магистра. Но ещё важнее не подставить Эвелин, ляпнув про Сопротивление. Хорошо, что успела на всякий случай придумать ей легенду, и, главное, обговорить.

— Состав группы? Отчет!

— Эм… Кроме меня — братья Доррик и Кевин. Они погибли. В подземелье наткнулись на… на тварей. Пещерных. На выходе встретила лекарку из деревни, она мхи на настои собирала. Помогла выбраться.

— Хорошо, — кивнул Паприк, и бросил остальным, — оставьте нас.

Все трое мигом испарились к костру, где как раз вскипел чайник.

Паприк щёлкнул ногтем по шарику Молчальника на краю стола и поймал взгляд. Я почти физически почувствовала давление в черепной коробке. Ни спрятаться, ни соврать.

— Объект?

— В безопасности… — и, помедлив, выговорила, буквально одними губами, — у меня.

Магистр нахмурился.

— Защита? Глубина?

— Сфера из меррила. Опечатанная. Третий подуровень. Халнер делал.

— Ясно, — процедил Паприк.

Меня слегка приподняло за шею, будто на виселице. Горячая волна окатила с головы до ног, с ног до головы. Личное подпространство задрожало.

Прошло так же неожиданно, как и началось. Я упала на колени, упираясь руками в землю и тяжело дыша. Сейчас меня вывернет, боги…

По волосам и шее прошлась ледяная ладонь.

— Ясно.

Я посмотрела наверх. С трудом выдохнула.

— Ладно, — Паприк вернулся к столу.

Отключил молчальник, махнул офицерам у костра. Бросил:

— Приводи себя в порядок и жди приказа.

Стряхивая снег с рук и колен, я отправилась к костру, села

рядом с Эвелин. Та вяло смотрела на огонь, держа в руках кружку с остывшим чаем. Из ступора лекарку вывело только появление бойца-брата, который наскоро стал обрабатывать мои синяки. Эви, конечно, сунулась помогать.

Вскоре совещание у стола завершилось. Один из старших братьев — у него на воротнике тоже проглядывал узор — с сопровождением бодро двинул в сторону замка, остальные же, залив костер, направились в противоположную сторону, захватив с собой и нас.

Показался палаточный лагерь. Он до боли напоминал театральные «стоянки», только ткань шатров отражала больше света, и оттого почти сливалась с пейзажем. Нас провели к центру. Эвелин забрали в один из «рядовых» шатров под предлогом опроса, а меня втолкнули в центральный, самый большой.

Это оказалась походная церковь. Круглое, пропахшее благовониями помещение пять на пять шагов, без труда вместило конструкцию по типу мерранского алтаря: четыре невысоких ступени и круглая тумба. Впрочем, изготовлено и то, и другое, было не из камня, а из досок.

Вокруг «алтаря» стояли несколько рядовых инквизиторов, старшие братья, и магистр Паприк с постной миной.

— Сестра Кетания, твоя ноша тяжела для одной. Смиренно прошу тебя передать её нам. Надеюсь, процедуру объяснять не надо?

Голос елейный, вкрадчивый. Интересно, если откажусь, что со мной сделают?

Проследовала к алтарю. Небольшое копошение в подпространстве — и сфера вынута, висит над ладонью. Что дальше делать-то? Протянула «непосильную ношу» магистру. Паприк чуть прищурился, вглядываясь в гладкий металл. Затем тяжело вздохнул и полез себе за пазуху.

— Брат Халнер меня просто поражает… Кстати, сестра Кетания, я не успел вас поздравить с изменением статуса. Хотя это мы еще обсудим… в узком кругу. Но накладывать Старшую печать и при этом делать привязку сферы к вам — явный перебор…

Паприк достал тонкий серебристый стержень на цепочке, протянул мне.

— Извольте вскрыть самостоятельно и переселить Свет Его на наш алтарь. Оболочку… Считайте моим подарком. И, если так случится, что вы увидите брата Халнера до того, как я ему сделаю нехорошо, запихните ему эту оболочку по самые гланды.

Я кивнула и слегка ухмыльнулась — скорее от нервов, чем от

смеха. Магистр сказал что-то ещё, но уже тихо и неразборчиво, и моментально замолк, стоило мне прикоснуться к сфере этой самой тонкой палочкой на цепочке.

Сфера раскрылась, подобно цветку. Пламя взметнулось вверх, озарив помещение белоснежным светом, выпустило разноцветные искры, словно радуясь свободе. Правда, наблюдала красоту только я: остальные присутствующие рухнули на одно колено и усиленно разглядывали пол, словно что-то потеряли. Я пожала плечами. Поднялась на «алтарь», в один шаг преодолев четыре ступеньки. Встала над тумбой, предусмотрительно обитой металлом, и начала перекладывать Пламя, аккуратно поддевая лепестки горстью, как это делал Халнер в замке.

Времени понадобилось немного. Несколько движений, и один из главных культовых объектов Империи Мерран оказался в полной власти Инквизиции. Сфера «от Халнера» опять лежала в подпространстве, только уже в верхнем слое.

Почтенная публика ожила. Паприк тут же выставил меня из «храма».

— Сестра, отдыхайте. Вы это заслужили, — сказал на прощание магистр, и махнул рукой сопровождавшим, что терлись снаружи.

Короткая прогулка, и я составила компанию Эвелин в одном из шатров. Внутри — пара коек, складная жаровня, дымящиеся котелки на невысоком столике. Снаружи — сопение караула.

— Что было? Что спрашивали? — тут же зашептала Эвелин.

Ага, что-то от самообладания у неё осталось. Кровь, что ли, сказывается?

— Про тебя прокатило, вроде. Думай, как с отцом объясняться.

— А он не… того?… — внезапно всхлипнула лекарка.

— Он — нет! — отрезала я как можно твёрже, — и у него теперь должок передо мной. Как родной говорю. А тебя о чем спрашивали?…

* * *

Стылая темнота давно нетопленного дома пахла сыростью и подкисшим тестом. Варди дремал, укрывшись снегом. Но, стоило заняться первым дровам, как дом начал оживать и пробуждаться. Лампы вели себя менее благовоспитанно: перед тем, как уехать Столицу вместе с приставом и косточкой из родового саркофага Хайдеков, я вынула из светильников большую часть мотыльков, чтобы не перемерзли. Теперь искать светильники пришлось при

помощи Зрячего чутья и такой-то матери. Однако, когда отыскала и начала будить, увидела внутри большинства волокна и коконы. Что за мир, а! Нормально помереть не могут…

Пока я разжигала камин в гостиной и моталась на кухню делать чай, Эвелин дрожала в углу дивана, сжавшись в комок. Нас выпихнули из лагеря рано утром, даже не дав толком умыться. И завтраком не накормили — лагерь, мол, сворачивается. Пришедший за нами брат лишь отмахнулся и указал в долину, как на уже зачищенную, а значит, безопасную зону. Слава богам, нам было, куда идти.

— На, сразу согреешься, — сказала я, ставя поднос на низкий столик, — вон плед, укройся.

Эвелин молча помотала головой. Потом вдруг вытянулась вперёд, схватила со столика бутылку настойки, которую я хотела добавить в чай. Чпокнула пробка, булькнул глоток. Другой, третий…

Закашлявшись, Эви опустила бутылку и закрыла рот второй рукой. Продышалась. Подняла бутылку снова. Так, похоже, начинается… Немудрено: Эви за сегодня не проронила ни слова. Да и вчера разговор быстро сошел на нет.

— Вкусный пирожок. Сама пекла? — внезапно спросила Эвелин.

— Эээ… н-нет, Хелия… давно ещё. Я это… я разогрела только, — промямлила я, глядя на ополовиненную бутылку очень крепкой настойки, — взяла из морозилки. Ну что, согрелась?

— Потихоньку, — пожала плечами Эвелин и прибавила, — а Хелия молодец, хорошо готовит. Почти как мама….

Эви вздохнула и начала вертеть головой по сторонам.

— Сто лет тут уже не живу… знаешь, всё-таки дом детства и всё такое… оружие, я смотрю, почищено — это уж точно ты, да? А на каминной полке когда-то такой декоративный чайничек стоял хороший… разбился потом. А вон того кресла я боялась, не знаю уж, почему. Всё думала — вот сяду туда, засну, и не услышу, как черный человек за мной придёт… Страшилка такая. Сама выдумала, да… а вон под тем светильником как-то завелись жучки, целое гнездо! Кусали стены, дом очень злился. Да и людям неприятно. Приходилось снимать тапки и… убивать… знаешь, у них такие панцири хрупкие… хрустят громко… и ярко-желтый сок вместо крови… а по ночам они поют. Трели такие, высокие-высокие, красивые… а на самом деле жуки и вредители… кусаются. Больно кусаются. Поэтому тапком. Хрусть-хрусть…

Она замолчала и сделала ещё глоток.

Потом поставила бутылку на стол, натянула на голову плед,

и разревелась.

Я посмотрела на трясущиеся серо-зелёные квадраты. Да нет, понятно. Лечила-лечила, спасала-спасала, а потом четыре метких выстрела… и всё. Финиш. Встала на одну доску с теми, кого до этого презирала. Потому что те, в кого верила, ничем не лучше: цели-то декларируют высокие, да только средства ровно те же. Теперь непонятно, как дальше. И стыдно, обидно, страшно…

Вот такая она, жизнь. Ничего не поделаешь.

Немного подумав, я тоже глотнула настойки, и тоже села на диван. Со всякими утешительными словами это не ко мне. Да и что тут сказать? Сама тихо схожу с ума. Всё так перемешалось за последнее время. Что сейчас с замком? С Халнером? Даже минимум информации не дали, монторпы болотные, когда из лагеря выставили. Типа всё нормально, да?

Эвелин начала успокаиваться, только когда промочила слезами весь плед. Всхлипы стали тише, потом прекратились совсем. Села прямо. Вперилась в камин.

— Надо бы дров подбросить. Холодно, — прогнусавила она.

— Пожалуй, — согласилась я, вставая, — да ты пересядь поближе, теплее будет. Вон, руки побледнели совсем.

— Вообще-то, у меня всегда так, — пожала плечами Эвелин, дотрагиваясь до своей шеи, — кровообращение такое… Кстати, я ж тебя так и не поздравила. Поздравляю.

— Эээ… с чем это?

— Ну как… ты же теперь официально моя мачеха!

— Официальной записи нигде нет. И в ближайшее время не будет, — отрезала я, и подошла к камину, подкинуть дров.

Затем обернулась:

— Ещё пирожков погреть? Чай?

— Давай. А почему не будет? Клеймо Хозяйки уже стоит. Моей маме, кстати, он не ставил, они только венчались…

— Ну а тут наоборот. Ладно, тебе пирожки с мясом или ягодами?

— Как угодно.

Эвелин переставила кресло поближе к камину, и уютно устроилась под кучерявым пледом, — хотя, можно и без них. Давай просто посидим, на огонь посмотрим.

— Огонь это хорошо, только чая всё равно уже нет. Ничего, я мигом.

— Ну давай…

В тусклом рыжем свете, надписи и рисунки на горшках и банках сливались, так что вместо успокоительной травы я поначалу заварила средство для промывания желудка. Запах соответствовал. Ругаясь, вылила пойло, и принялась заваривать

нормальный чай.

Когда пирожки согрелись, а крутопузый чайник и две чашки заняли своё место на подносе, по дому прошла дрожь. В голове раздался леденящий душу нечеловеческий крик. Такое я слышала лишь однажды — когда этой зимой по чудовищной случайности придушила наследника графа Вайнер.

Нормального оружия на кухне нет. Нарны тоже нет — Халнер постарался. Схватив пару кухонных ножей, метнулась к гостиной. Через толстую мембрану двери отсвечивает камин, пляшут тени. Приоткрыла щель. Света мало, ничего не разобрать. Ладно. По ножу в руке. Толчком ноги распахиваю дверь и….

Эвелин!

Я в два прыжка подскочила к камину. Между ним и креслом скукожилась на боку Эви. Плед под ней быстро намокал темным. В нос ударил характерный острый запах.

Присесть на корточки, осмотреть. Один коротенький дротик торчит в плече, два — в боку, один — на внешней стороне бедра. Быстро прощупала пульс. Зашкаливает. Стреляли в спящую?! Да кто же…

— Ну привет, мразь.

Я резко подняла голову. В углу комнаты, в паре шагов от двери кабинета, стоял Дарн.

Отсветы пламени превратили бледное лицо и растрёпанные черные волосы в маску разъярённого монторпа. Изодранная одежда, скорее, даже обноски. На ногах, судя по всему — опорки из тряпок, чем-то подвязанные. В руках — скорострел. Судя по общим очертаниям — любимый скорострел Халнера, «живший» в специальном ящике в глубине кабинета — абы кто никогда бы не нашел. Но брат знал…

— Встать! Руки, чтоб видел!

Медленно поднялась.

— Сука! Сууууука! — завыл Дарн, — ты хоть понимаешь, что ты сделала?! Бросила! Сбежала! Убила! Ты знаешь, что… что там… что они… Ты даже не представишь! Никогда!

Перед глазами промелькнул подвал под храмом, потайная дверь, кучка сопротивленцев на улице неподалёку от выхода. Летящее в меня оружие, падение Дарна. Его вопли о помощи, протянутая рука. Могла ли я его вытянуть? Если бы подставилась — может быть. А жить я очень хотела. И сейчас хочу.

— Дарн… Дарн, не стоит… ты же выжил? Ты теперь дома… всё хор…

— Хорошо?! Вот это — хорошо?!

Он перехватил скорострел одной рукой, а второй задрал остатки рубашки. В отсветах камина я разглядела тёмные буквы и

символы. Саму надпись не разобрать, слишком много кровавых подтеков. Но вырезали ее явно не за один раз. Или выжигали…

— Ну как? Нравится? — рубашка рухнула вниз, — А у вас, значит, всё хорошо? Рада меня видеть, а? Ну давай, что же ты! Радуйся!

В этот момент Эвелин застонала, начала дрожать. Я посмотрела вниз, сделала судорожное движение.

— Куда! А ну стой! Подругу поставила, а теперь жалеешь?! — мимо виска просвистел дротик, высек искры из каминной полки, — быстро восторгайся, сказал, ******!

Он сделал пару выстрелов в пол у моих ног.

— Ну же! — Дарн передернул затвор, — ща плясать у меня будешь, *****!

— Хватит, Дарн! — в гостиную медленно зашел Халнер.

Осунувшийся, рука на перевязи, но живой.

— Дарн. Опусти скорострел. Опусти, слышишь? И иди сюда. Медленно.

— Нет! Даже не пытайся! Ты с ней заодно! Сдохни, монторп!

Дарн рывком обернулся и бешено, визгливо засмеялся. Скорострел застрекотал. Халнер, стоявший на полпути между дверью и камином, дернулся. Начал оседать в сторону.

— А теперь ты, тваааарь! — Дарн повернул скорострел в мою сторону, но я уже присела за кресло.

Очередь болтов прошлась по спинке кресла, потом наискось по стене над головой, и ушла в потолок. Дом обиженно затрясся в такт «укусам». Щелчок перезарядки. Выгадав момент, быстро выскочила из-за укрытия и метнула нож. Также быстро села обратно. Звук падающего тела. Тишина.

Я выглянула из укрытия. Дарн лежал, неловко завалившись на бок. Из глаза — рукоять кухонного ножа. Скорострел валяется рядом. Поднялась повыше, увидела Халнера. Тот стоял на четвереньках, уткнувшись лбом в ковёр, будто молился. Я подскочила к нему. Потрясла за плечи.

— Хал! Хал!

Он завалился на бок. Дыхание слабое и частое. Рана на груди, в ней свистит и хлюпает. Ещё одна — на животе, где расплывается тёмное, почти чёрное пятно. Кое-как приподняла, облокотила на кушетку.

Пульс затихал.

Мысли исчезли, мир встал. В моих пальцах появилась сфера-хранилище. Быстрее! Вскрывайся, зараза!..

Вот и он, белоснежный лепесток. Частица сокровища сокровищ, осколок святыни, уворованный, когда я перекладывала его собратьев в новую темницу. Думала: уйду домой, пригодится.

Вот и пригодился. Правда, дом оказался несколько ближе…

— Эээвфф… ннннкхх… эээппвфф….- захрипел Халнер, пытаясь оттолкнуть мои руки.

А я работала. Белый свет — основа основ. Универсальный, корневой цвет. Его только правильно применить. Вот и сосуды подлатались. Слиплись ткани, начала стягиваться кожа. Расправилось лёгкое, потеплела печень, усилился пульс. Халнер закрыл глаза, глубоко вдохнул и… резко оттолкнул меня. Попытался встать, чуть не упал. Пополз впёрёд на четвереньках.

— Эвелин!

Миновав тело Дарна, как бревно, Хал откинул плед, вернее, пропитанную кровью тряпицу, в которую тот превратился.

— Кет! Пламя! Пламя, пламя, быстро!

— Но… но это всё… больше… больше нет…

Он обернулся — я уже приползла следом — и схватил меня. Вырвал сферу меррила, которую я всё еще держала в руках. Затряс, выскреб несколько искр, бросил их в раны дочери. Повреждения начали затягиваться.

Эвелин застонала и приоткрыла глаза.

— Папа… — произнесла она чистым голосом, без малейшего хрипа, — папочка…

Схватила Халнера за рукав. Вздрогнула пару раз. Уставилась в потолок.

Неподвижно.

— Нет!

Халнер начал трясти Эвелин за плечи, хлопать по щекам. Достал флягу, вытряхнул на безжизненное тело остатки воды. Снова затряс.

Я не помогала: бесполезно. Тени уже начали пляску на белоснежном точеном лице.

— Эвелин… Нет…

Я положила руку Халнеру на плечо. Он вздрогнул. Развернулся, схватил меня за грудки.

— Зачем? Зачем меня, а не её?! Зачем?!

В зеленых радужках пылала ярость. Ярость смертельно раненого животного, что готово разорвать весь мир. Похожее я видела во взгляде Дейлы, жены управляющего, чьего сына Отто сожгли этим летом на костре. По моей вине, как она думала.

Халнер отбросил меня прочь. Повернулся к дочери, застыл над телом.

— Хални, я…

— Уйди! — рявкнул он, не оборачиваясь.

Я попятилась ползком, потом встала и побрела прочь. Оглянулась в дверях.

На фоне камина хорошо был виден силуэт сидящего на полу человека. На его коленях лежала девушка. Человек обнимал её и слегка раскачивался. И пел. Тихие, мелодичные звуки. Та самая колыбельная, какую пела молодая графиня, чей наследник случайно погиб от моей руки. Случайно. Всё всегда случайно. На всё воля богов. И Великого Апри…

Дверь в гостиную скрипнула и щелкнула. Опять петли барахлят, смазать бы…

Я прислонилась лбом к прохладной матовой мембране, стараясь дышать ровнее. Голова кружилась. В ушах шумело, сердце навязчиво стучало: неровно, настойчиво, то тише, то громче. Стучало. Стучало. Стучало во входную дверь.

Какого монторпа?!

— О, привет, Кет! Я увидела свет, и поняла, что вы вернулись! — затараторила Изабель, стряхивая снег с роскошного мехового плаща, — а Дарна всё нет и нет… Вот хотела спр… о Апри, синяки! Откуда?! Что случилось?

— Ничего.

Что это тварь тут забыла?! А хотя…

— Дарн в гостиной, отдыхает в семейном кругу, — с трудом сдерживая клокочущий смех, ответила я.

Развернулась, пошла на кухню. Бросила через плечо:

— Приятного вечера.

Вместо эпилога

Снег и лед под копытами ездовых волов скрипели и крошились с легким шелестом. Наша вереница из восьмерых всадников карабкалась вверх, к перевалу — единственному официальному выезду из долины Хейдар. Великий Апри дремал под горизонтом, в тишине зимней ночи. Только разноцветные всполохи, яркие, как никогда, выплясывали безмолвный танец.

Последние полтора десятка дней получились насыщенными. Магистр переформировал гарнизон замка и отправил небольшой отряд в горы, на поиски остатков «святош». Следов они оставили предостаточно, но фора оказалась слишком большой. Инквизиторам пришлось повернуть обратно. Второй отряд ловил монторпов, каким-то проклятьем выпущенных церковниками. Он же попытался сунуться и в пещеры, причем со мной в качестве проводника. Но без Эви я так и не смогла найти путь в тот злосчастный грот. К лучшему, иначе пришлось бы объяснять произошедшее там. В итоге заупокойный молебен по братьям Доррику и Кевину отслужили у входа. На том и успокоились.

В долине наступило затишье. После исчезновения идейного главаря, театральное Сопротивление сникло. Молодёжь отбросила политическую дурь, и либо развлекалась, либо помогала родителям на гейзерных полях. Лишённые источника промыва мозгов, кадарги с прежним рвением и почтением занимались хозяйственными делами. Клоун Трен, основатель «ячейки», куда-то исчез: то ли успели подрать монторпы, то ли рванул в горы.

Горы! Изрезанные борта долины четко вырисовались на фоне ярко-зелёных всполохов. Я осмотрелась по сторонам и бросила взгляд назад. Внизу, на другой стороне реки, подмигивали огоньки селения. Свет особняка Варди различим и отсюда. Тёплые квадраты под окнами кабинета пытаются согреть снег снаружи… и ледяное молчание внутри.

После всего произошедшего, Халнер не общался со мной. Вообще — даже не упрекнул ни разу. Просто молчал. Молчал и смотрел мимо.

Видят боги, это оказалось хуже любых скандалов. Ночевал он в бывшей спальне Эвелин, где та жила в детстве. А я металась одна по огромной кровати, раз за разом вспоминая злополучный вечер. Была ли возможность поступить иначе? Переделать? Как-то всё переиграть?…

Похороны Эви прошли в тягостной тишине. Тем же вечером Халнер в первый и последний раз за все время добровольно

появился в моем поле зрения. Молча положил на кухонный стол мою Нарну — я как раз нарезала себе очередную порцию закуски — и пошёл прочь.

— Хал, я… Я не могла иначе! — крикнула я, не узнавая собственный голос.

Не останавливаясь, Халнер сделал странное движение головой — возможно, так со спины выглядел кивок. И, не оборачиваясь, вышел.

Масла в огонь подлил Курт, вернувшийся в долину на следующий день после трагедии. Пространно рассказывая про какое-то благое паломничество, он ринулся врачевать души всем. Цитатами из Книги Апри, естественно. «Когда не можешь поступить по совести, поступай по любви. Совесть придёт с искуплением, а искупление и есть любовь».

Священник стал, моим, по сути, единственным собеседником: произошедшее надломило жителей долины, замкнув в себе. Даже Хелия тонко намекнула, что и сама не понимает, о чём теперь со мной разговаривать, кроме как на чисто хозяйственные темы. Маро забегал, но ненадолго, всё ссылался на какие-то дела. Переехала бы в Малый Замок, но общаться с молодежью не хотелось, да и уходить в такую компанию «при живом муже» по местным понятиям неприлично, о чем и напомнил мне магистр. Сдержанно-усталым тоном, ставшим в эти дни типовым.

Вот уж кто мало интересовался мирским, так это Паприк. Даже трагедия с Эвелин интересовала магистра исключительно с точки зрения Пламени. То, что мне удалось столь легко утянуть лепесток, а потом использовать его, превратив в материю, повергло магистра не в ярость, как я ожидала, а в капитальную задумчивость. Побродив пару дней, Паприк приказал ехать с ним. Поскольку находиться в долине становилось все тягостней, отказываться не стала.

Вол споткнулся. Я обругала скотину. Выровняла ход, потянулась. Почесала затёкшую шею. Там, у корней волос, приютилось клеймо рода Хайдек. Да, теперь оно скрыто искусным «пластырем» свертки, но останется навсегда. И на коже. И в душе. Да и в сердце, чего уж.

Зажмуриться. Глубоко выдохнуть и вдохнуть. Боги! Как же хочется развернуться и бежать обратно! Забиться на кухню сонного Варди, и что бы было всё по-прежнему. По-прежнему. И, как верят в Мерран, навсегда.

Может быть, со временем…

Хотя кому я вру, Великий Апри? Ни упрёка, ни скандала. Да пусть бы по морде двинул, в конце концов! Потому что жар эмоций — как пустыня. К ней можно приспособиться, её можно —

хотя бы локально — оживить. А вымораживающий холод — нет. В снегах и скалах не бывает жизни.

Не бывает. И всё же, любое решение, уйти или остаться, будет ошибкой, о которой придётся жалеть всю жизнь.

Я выбрала ошибку дороги.